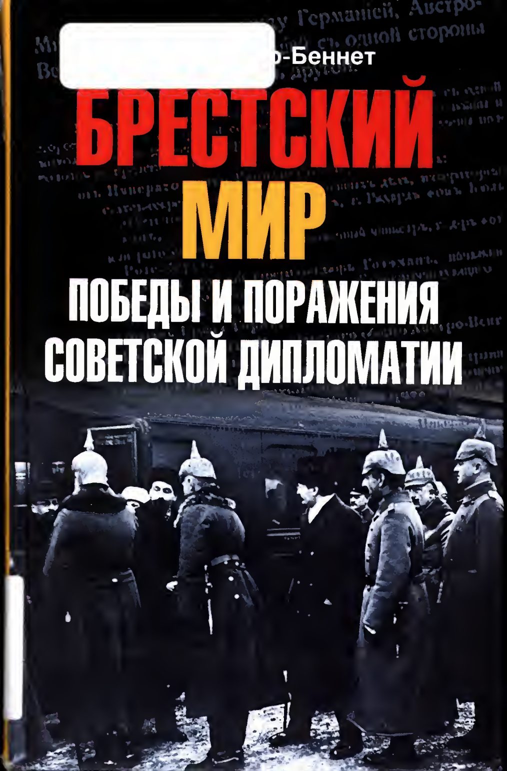


о-Беннет
БРЕСТСКИЙ
МИР
ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ
СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Джон Уилер-Беннет

БРЕСТСКИЙ МИР

John Wheeler-Bennett

BREST-LITOVSK

THE FORGOTTEN PEACE
MARCH 1918

Джон Уилер-Беннет

Title : Brestskiĭ mir
Author: Wheeler-Bennett, John Wheeler,

БРЕСТСКИЙ МИР

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ



Москва
ЦЕНТРПОЛИГРАФ

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)6
У36

Оформление художника
И.А. Озерова

Уилер-Беннет Дж.

У36 Брестский мир. Победы и поражения советской дипломатии / Пер. с англ. С.К. Меркулова. — М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. — 415 с.

ISBN 978-5-9524-4288-7

Книга британского историка Джона Уилер-Беннета посвящена одной из самых драматических коллизий Первой мировой войны — заключению мирного договора между Советской Россией и Германией.

Автор воспроизводит напряженнейшую атмосферу и драматический накал борьбы, которая велась вокруг заключения мирного договора, на международном форуме в Брест-Литовске. Уилер-Беннет представляет реалистичный анализ ситуации, а также отдает должное политической дальновидности В.И. Ленина, «оставившего не у дел» те политические круги Германии и страны Антанты, которые хотели «растащить по кускам» ослабленную войной Россию и фактически лишить ее независимости и самостоятельности.

УДК 94(4)
ББК 63.3(0)6

ISBN 978-5-9524-4288-7

ПРЕДИСЛОВИЕ[1]

Поскольку эта книга переиздавалась посредством фотолитографии, у меня не было возможности внести изменения и дополнения в первоначальный текст.

Поэтому я рад воспользоваться представившейся возможностью и подчеркнуть то значение, которое сыграл подписанный в Брест-Литовске мирный договор в свое время, и то политическое влияние, которое он имел как в годы Второй мировой войны, так и позднее.

За последние 200 лет отношения между Россией и Германией знали периоды как самого тесного сближения, так и самой непримиримой враждебности. Это было характерно еще для правления Фридриха Великого, но наиболее ярко проявилось в 60-х годах XIX века, когда Пруссия превратилась во влиятельную и постоянно набирающую силу политическую величину в Европе. Тогда сформировались два непримиримых друг другу подхода к отношениям с Россией. Сторонники одного из них считали Россию естественным союзником Пруссии в предстоящей борьбе с Францией и Австрией, а их оппоненты стремились к созданию Великой Германии, в состав которой должна была войти и Австрия; традиционная враждебность последней в отношении России и закладывалась в основу реализации такого подхода. В высших политических и военных кругах были сторонники как того, так и другого подхода; в какой-то момент преобладали одни, в какой-то — другие. В годы Первой мировой войны возобладали сторонники

[1] Книга впервые была издана в 1938 г., а затем переиздавалась в 1939, 1956, 1963 и 1966 гг. (*Здесь и далее, за исключением особо оговоренных случаев, примеч. пер.*)

Великой Германии, и отражением их политики стало подписание грабительского, хищнического Брест-Литовского мирного договора, цель которого заключалась в том, чтобы ликвидировать Россию как самостоятельную политическую силу и убрать ее с политической сцены Европы.

Гитлер унаследовал оба этих подхода и применял их в зависимости от политической ситуации. Германо-советский пакт 1939 г. был отражением первого подхода, а последующая политика, предшествующая вторжению в Россию в июне 1941 г., — отражением второго[1].

Цели, которые ставил в 1918 г. немецкий Генеральный штаб, и те, которые четверть века спустя преследовал Гитлер, были в конечном итоге идентичными. Как и Гинденбургу, Гитлеру нужны были провинции на Балтийском побережье, включая Прибалтику, для обеспечения операций на левом фланге в ходе предстоящей войны. Как и Гофман, Гитлер зарился на богатую черноземными плодородными почвами Украину. Как и Людендорф, Гитлер стремился к расчленению России, хотел превратить ее в раздробленную беспомощную страну, отбросить за Урал и таким образом стереть с политической карты Европы. Последнее сходство подтверждено документально. 9 июня 1918 г. в меморандуме на имя имперского канцлера Людендорф изложил свои взгляды по этому вопросу; с ними полностью совпадали намерения Гитлера, зафиксированные в стенограмме заседания, проведенного в рейхсканцелярии 17 марта 1941 г. — незадолго до начала вторжения в СССР[2].

Возможно, политической мудрости и дальновидности с тех пор прибавилось, но ни в 1918, ни в 1941 г. они не были в чести.

Конечно, проводить параллель между Советской Россией времен Брестского мира и Советским Союзом времен Второй мировой войны вряд ли возможно. В 1918 г. Россия потерпела самое жестокое военное поражение в своей истории, а Советская власть, возникшая в результате Октябрьской революции, боролась тогда за выживание. Ей пришлось подписать мир в Брест-Литовске на условиях, навязанных победителем,

---

[1] С этим утверждением автора нельзя согласиться. Гитлер однозначно делал ставку на уничтожение СССР и порабощение советского народа, а договор 1939 г. был для него средством лучше подготовиться к нападению.

[2] Эти документы были использованы в качестве вещественных доказательств на заседаниях Нюрнбергского международного военного трибунала. (*Примеч. авт.*)

но она сумела устоять, выжить, спасти завоевания революции и внести свой вклад в свержение имперского режима в Германии. В результате Второй мировой войны Советский Союз, несмотря на казавшиеся катастрофическими неудачи первых месяцев войны, вернулся в Европу в качестве самой мощной и могущественной военной державы, можно сказать, единственной военной державы в Европе, и быстро стал превращаться во все возрастающую угрозу всеобщему миру[1].

Политические уроки Брестского мира актуальны и поныне. Параллель между политикой Германии во время Первой и Второй мировых войн очевидна. Захватнические устремления ее правящих кругов потерпели крах. И наоборот, полностью сбылось предвидение Ленина, настойчиво убеждавшего своих соратников: уступая сейчас, идя на этот вынужденный «Тильзитский мир», подписывая мирный договор в Брест-Литовске, советское правительство в конечном итоге не только вернет все потерянное, но и получит гораздо больше. Что на самом деле и произошло.

Джон Уилер-Беннет

---

[1] Автор, к сожалению, повторяет затасканный штамп о «советской угрозе», хотя СССР «вернулся в Европу» (включая освобождение европейской части своей собственной территории), чтобы сокрушить фашизм. В 1966 г., когда автор писал предисловие к переизданию, мир уже 21 год жил без войны (как раз почти именно столько времени прошло между двумя мировыми войнами), и это произошло именно потому, что в значительной степени благодаря усилиям СССР была создана система международного права, позволившая упрочить международную безопасность.

ВВЕДЕНИЕ

Двадцать лет назад, 3 марта 1918 г., в Брест-Литовске был подписан мирный договор между странами Четверного союза[1] и Россией. Это был первый мирный договор, заключенный воюющими сторонами в ходе Первой мировой войны. Когда этот договор был подписан, лишь немногие поняли его действительный масштаб и значение; а затем события стали развиваться стремительно, наслаиваясь друг на друга, подобно снежному кому, и о Брестском мире просто забыли.

Однако значение подписанного в Брест-Литовске мирного договора трудно преуменьшить. Брестский мир явился переломным, поворотным пунктом исторического развития; именно от него тянулась причинно-следственная цепь событий, напрямую связанных с вопросами войны и мира и от которых зависело, в каком направлении мир будет развиваться далее. Подписание Брестского мира знаменовало собой не только полную победу немецкого оружия на Востоке и крупнейшее и самое унизительное военное и политическое поражение России в ее истории, но по своему значению и последствиям превосходило любые мирные договора, за исключением Версальского договора, заключенные после Венского конгресса[2].

---

[1] В него входили Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция; он также назывался Союзом центральных держав, а два его основных участника — Германия и Австро-Венгрия — «серединными империями».

[2] Оценка Брестского мира как «полного торжества немецкого оружия на Востоке» и «самого тяжелого и унизительного поражения России за всю ее историю» противоречит исторической правде. Немногим более чем через полгода данный договор был признан ничтожным Советской Россией, а также и самой Германией, а 28 июня 1919 г. он был окончательно «похоронен» Версальским мирным договором, который, как и капитуляция,

Именно ход переговоров в Брест-Литовске подтолкнул президента США В. Вильсона выступить со своей знаменитой программой («14 пунктов») с целью не допустить заключения Россией сепаратного мира с Германией. Откровенно грабительский, хищнический характер навязанного России договора ясно показал, что германское Верховное командование полностью контролирует процесс принятия политических решений в Германии и что прийти к какому-то разумному компромиссу с Германией, пока ею управляют такого рода деятели, совершенно невозможно. Осознание этого факта привело к небывалому прежде сближению позиций США и других западных стран, воевавших против Германии, и именно благодаря этому сближению родилась та общая «воля к победе», которая и предопределила окончательное поражение Германии.

Подписание мирного договора в Брест-Литовске позволило большевикам устоять. Заключение мира дало Ленину ту самую «передышку», крайнюю важность которой он многократно подчеркивал, и эта передышка спасла русскую революцию, позволила ей удержать завоевания и подавить контрреволюционные попытки внутренних противников. В то же время подписание мирного договора ознаменовало начало активного проникновения коммунистических идей в Германию, что внесло свой, вполне «материальный», вклад в крах Германской империи девять месяцев спустя. Начало мирных переговоров в Брест-Литовске ознаменовало появление на международной арене нового важнейшего фактора — большевистской пропаганды. Это была пропаганда той партии, которая сформировала советское правительство, и в то же время это правительство, фактически эту пропаганду поддерживая, формально имело возможность заявлять, что за деятельность партии оно ответственности не несет. «Партия, — говорил Ленин, — мирный договор не подписывала, а советское правительство ответственности за деятельность партии не несет». Именно в Бресте была впервые испробована эта «параллельная дипломатия»; она же лежала в основе создания в 1919 г. Третьего интернационала и его последующей деятельности.

Таковы были непосредственные результаты Брестского мирного договора. Однако этот договор имел и более отдаленные последствия; он продолжал оказывать влияние как на по-

---

подписанная Германией в полутеплушке (хотя это и был вагон маршала Фоша) в годовщину Октябрьской революции, и явился именно для Германии «величайшим унижением в ее истории».

литическую обстановку в Германии и России, так и на общественное мировоззрение в этих странах. В Германии это влияние выразилось в формировании и окончательном закреплении и утверждении в виде государственной политики планов нацистов на установление своего господства в Восточной и Юго-Восточной Европе. В СССР, о чем, правда, можно говорить лишь предположительно, оно проявилось в известной степени в позиции некоторых старых членов большевистской партии, которая в конечном итоге привела их к гибели.

Хотя об окутанных завесой таинственности и недоговоренности московских процессах по обвинению в государственной измене, состоявшихся в 1936 и 1937 гг., трудно сказать что-то определенное, как и получить какой-то ясный ответ из изучения материалов, которые были доступны и опубликованы, можно предположить, что в образе мыслей и действиях обвиняемых, особенно Радека, Сокольникова и Пятакова, явно прослеживалась тенденция, которую можно охарактеризовать как тактику «упрощенного ленинизма» и психологию времен Брест-Литовска. Старые большевики, считая, что Сталин предал заветы Ленина и изменил идеалам Октябрьской революции, а также что СССР не в состоянии воевать на два фронта одновременно против Германии и Японии, вероятно, решили прибегнуть к применявшейся перед революцией стратегии подрывных действий и саботажа, для того чтобы свергнуть сталинский режим, а также к ленинской политике пораженчества и готовности пойти на национальное унижение ради умиротворения, хотя бы временного, этих двух империалистических держав. То, в чем их обвиняли на этих процессах и в чем они признали себя виновными, представляло собой те же позиции разрушения и расчленения страны, на которых стоял Ленин, ведя борьбу против либерального правительства князя Львова и социалистического режима Керенского, а политика пораженчества применялась им в ходе переговоров в Брест-Литовске.

Этой политике Ленин следовал вновь и вновь. «Невозможно добиться цели — осуществления победоносной революции, — писал он в статье «Против течения», — не желая поражения своего правительства и не делая все для этого поражения»; он также призывает американских рабочих никогда не забывать о том, что «тот не социалист, кто не готов пожертвовать своим отечеством ради победы социалистической революции». Причем этих взглядов он придерживался не только в теории, но и активно осуществлял их на практике.

Именно такую политику он проводил во время переговоров в Брест-Литовске, несмотря на яростное сопротивление внутри своей партии со стороны «левых коммунистов», особенно Радека и Бухарина.

Разве для старых большевиков не было естественным придерживаться этих традиционных, изначально основополагающих принципов? И Радек, и Бухарин признали, что ленинская точка зрения по Брестскому миру была правильной, а их — ошибочной. Разве нельзя предположить, что, став на позиции ленинского подхода, они вступили в переговоры с Германией и Японией, предполагая, что если отдать первой Украину, а второй — Приморье, то это позволит получить «передышку», предотвратит внешнюю агрессию и даст возможность сконцентрировать усилия на свержении сталинского режима, предавшего, по их мнению, идеалы Октябрьской революции? Более того, разве сам Ленин не использовал возможности, предоставленные кайзеровской Германией, чтобы вернуться в Россию? Разве сам он не стремился использовать противника во имя победы революции?

Трудно сказать, как старые большевики собирались на практике реализовать эти довольно странные новые «союзы» и затем избавиться от них; вероятно, рассчитывали на успехи мировой революции или победу в какого-то рода революционной войне. Разумность такого подхода, конечно, вызывает большие сомнения. Однако если исходить из того, что осужденные действительно были виновны в том, в чем их обвинили, то высказанная выше точка зрения представляется единственным объяснением их действий. Однако вопрос этот настолько сложен, что высказывалось и предположение, что Сталин специально поднял вопрос о пораженческой политике времен Брест-Литовска, чтобы возложить ответственность за нее на своих политических противников и приписать им авторство той политической линии, которой он сам же и придерживался.

Все эти соображения носят, скорее всего, лишь теоретический характер, особенно по сравнению с тем непосредственным практическим значением и воздействием, которое Брест-Литовский договор оказывал на ситуацию в Германии, особенно после прихода к власти национал-социалистов. Веймарская республика при поддержке большей части руководства Генерального штаба, чьи взгляды весьма рельефно выражал генерал фон Сект, стремилась к сближению с Советским Союзом и весьма в этом преуспела, что выразилось в подписании Ра-

пальского договора и Военного соглашения от 3 апреля 1922 г., а также советско-германского Договора о дружбе и нейтралитете от 24 апреля 1926 г. Однако в руководстве Генштаба находились люди, хотя в то время и составлявшие меньшинство, которые разделяли взгляды Гофмана о том, что большевики — это корень всех зол, и мечтали осуществить те захватнические планы в Восточной Европе, которые, к их досаде, не удалось реализовать после подписания Брестского мира.

К этому следует добавить, что лично Гитлер относился к этому договору с совершенно откровенной симпатией, а национал-социалисты предприняли все возможные усилия, чтобы представить этот документ как идеальный мирный договор и привнести в умы немцев убеждение, что именно к заключению таких договоров Германия и должна стремиться. Ведь никакой другой идеологии, кроме той, на которой основывалось заключение Брестского мира со стороны Германии, немцам предложено не было, а их большинство как раз разделяло в то время именно эту идеологию. Поколение немцев, жившее в нацистской Германии, в большинстве своем считало образ мыслей, лежавший в основе подписания Брест-Литовского мирного договора, совершенно верным, а те принципы и соображения, на которых было основано его подписание, — вполне приемлемой основой и для текущей политики. Красноречивее всех эту точку зрения выразил сам фюрер, сравнивая Брестский мирный договор с Версальским. «Я положил два этих договора рядом, сравнил их по пунктам и убедился, насколько бесконечно гуманным был первый и сколь жестоким и бесчеловечным второй, — писал он в «Майн Кампф». — В те дни мне приходилось часто выступать по этому вопросу перед двухтысячной аудиторией, и в начале выступления я чувствовал на себе враждебный взгляд 3600 глаз. А 3 часа спустя все присутствующие буквально вздымались в единодушном порыве справедливого гнева и безграничной ярости». Неудивительно, что ниже Гитлер пишет: «Мы (национал-социалисты) должны отказаться от постоянных попыток проникновения на юг и запад Европы и сконцентрировать все внимание на восточных землях... когда мы говорим о землях на востоке, мы должны в первую очередь иметь в виду Россию и пограничные с ней страны». И далее: «Мы не должны забывать, что международное еврейство, которое попрежнему контролирует Россию, не считает Германию союзником; оно уготовило ей ту же участь, что и России. Над Германией нависла постоянная угроза того, что с ней произойдет

то же, что и с Россией; следующей главной мишенью большевизма является Германия».

В данном подходе, как мы видим, объединились доктрина создания Великой Германии, которая возобладала перед Первой мировой войной, всепоглощающая ненависть к евреям и идеологическое противостояние большевизму. Одним из способов его практического воплощения представлялось возрождение и поддержание того образа мыслей, которого придерживались в Германии во времена Брест-Литовска. Характерно, что в 1917 г. политологи призывали к «всенемецкому единству» так же, как и авторы, писавшие на эту тему в нацистской Германии, правда делая это более откровенно, совершенно открыто говоря, что за этим стоит. Так, профессор Хеттнер в одной из своих книг, посвященных этой теме, писал: «Дело не в том, что между нами и Англией существуют какие-то отдельные проблемы. Главное в том, что Англия хочет играть господствующую роль в мире, а мы стремимся к тому же на основе совместных усилий немцев всего мира. В этом и заключается главная причина нынешней войны». Годы спустя Гитлер сформулировал это одной фразой: «Германия будет либо мировой державой, либо вообще никакой». При этом он признавал, что Англия никогда добровольно не согласится, чтобы Германия заняла ведущее место на мировой арене, однако подчеркивал, что это сейчас не главное. Главное же заключается в том, чтобы объединить усилия всех немцев, как в Германии, так и за ее пределами, и завоевывать территориальное пространство в Европе.

Основываясь на сформулированном Людендорфом тезисе о том, что «престиж Германии требует, чтобы мы твердой рукой обеспечили надежную защиту не только немцам, являющимся гражданами Германии, но по *всему* миру, где бы они ни находились», Гитлер считал, что на первом этапе следует создать «Страну немцев», простирающуюся с севера на юг, от Ютланда до Бреннера, и с запада на восток, от Страсбура до Риги.

Впоследствии Германия была должна охватить территорию, достаточную для того, чтобы вместить 200 млн немцев. Как отмечается в «Майн Кампф», считающейся священной книгой в Третьем рейхе, для достижения этого необходимо захватить те территории на юге и юго-востоке Европы, в направлении которых осуществлялась германская колонизация еще в Средние века, — «мы должны начать там, где мы остановились 600 лет назад», а затем и Украину, а также земли юга России.

Если смотреть именно под этим углом зрения, то отношение нацистской Германии к Австрии и Чехословакии, странам Прибалтики и Польше, Венгрии и Румынии приобретает особое звучание. Осуществление немецкой экспансии вело к перекраиванию всей политической карты Центральной и Восточной Европы в соответствии с планами создания «Великой Германии», которые пытались осуществить в годы Первой мировой войны подобным образом настроенная часть немецких политических кругов, а также Верховное военное командование; контуры этой «конструкции» были окончательно оформлены и обозначены в договорах, подписанных в Брест-Литовске и Бухаресте, — фактически речь шла об установлении политической гегемонии Германии над странами, которые когда-либо имели к ней хоть какое-то отношение, а также присвоении, как бы «между делом», российской территории. Способы реализации этих планов разнились в зависимости от конкретной страны. Австрии сначала угрожали, ее буквально терроризировали, а затем оккупировали и присоединили к германскому рейху. В отношении Чехословакии использовали угрозы и пропагандистское воздействие с тем, чтобы вызвать внутри страны «стихийные выступления» в пользу воссоединения с Германией. В отношении Польши и Прибалтийских государств, как и во времена Брестского мира, подчеркивалась готовность идти на компромиссы и дать гарантии обеспечения безопасности этих стран. При этом можно напомнить, что «Майн Кампф» поляков относит к «низшим народам», а польских детей — к тому же «низшему уровню», что и детей евреев, негров и выходцев из азиатских стран. В отношении Венгрии, Югославии и Румынии используется тактика лести и умасливания с целью попытаться вывести первую из-под влияния Италии, а две последние — из-под влияния Франции.

В то время как «бросок на юго-восток» («дранг нах зюйдостен») уже находился в стадии осуществления, в политическую мысль Германии всячески стараются внедрить убеждение в тех преимуществах и выгодах, которые несет захват и оккупация России. План «колонизации» России был предложен доктором Шахтом на конференции в Риме в 1932 г., еще до прихода Гитлера к власти; этот же вопрос был вновь поднят в знаменитом меморандуме Гинденбурга, представленном на Всемирной экономической конференции, состоявшейся в июне 1933 г. Гитлер также коснулся этого вопроса в своих «выступлениях против коммунизма» на съезде национал-социалистов в Нюрнберге в 1936 г. А выступая перед представителями Трудового фронта

12 сентября того же года, он заявил: «Если бы неисчерпаемые запасы полезных ископаемых Урала, обширные леса Сибири и бескрайние кукурузные поля Украины располагались на территории Германии, то страна, под руководством национал-социалистической партии, утопала бы в изобилии. Мы обеспечили бы производство всего необходимого, чтобы каждый немец имел все, что ему нужно»[1].

Трудно привести более яркий пример «психологии Брест-Литовска», чем этот откровенный призыв к грабежу и захвату добычи. Это выступление вполне могло бы быть опубликовано и распространено в качестве пропагандистского материала отделом печати и пропаганды немецкого Генерального штаба в первые недели 1918 г.

С завершением перевооружения Германии закончился первый этап на ее пути к «мировому господству». Второй этап, наслаивающийся на первый, начался в Германии с приходом к власти нацистов. С каждым шагом психология Брест-Литовска все прочнее укоренялась во взглядах и образе мыслей немцев, делая все более неизбежной попытку совершить наконец то, что, по мнению их вождей, является их историческим предназначением. Европе уже один раз пришлось столкнуться с последствиями подобного психоза, и можно было бы предвидеть, что если Германии вновь удастся создать ситуацию, которая существовала в течение непродолжительного периода после заключения Брестского мира, то результаты могут быть еще более угрожающими. Промышленный потенциал России, управляемый немецким организационным гением, — такая перспектива никак не могла бы оставить Западную Европу равнодушной. Но в 1918 г., погнавшись за миражом, созданным собственным тщеславием, Германия оказалась в такой трясине, что выбраться оттуда казалось невозможным. Европа хорошо помнит, о чем Гитлер, вероятно, забыл, какая катастрофа для Германии последовала за тем краткосрочным и мимолетным успехом, который был достигнут в Брест-Литовске.

В данной работе я хотел, во-первых, изложить историю мирных переговоров в Брест-Литовске, а также развития от-

---

[1] В английских газетах от 14—15 сентября первое предложение этой части речи Гитлера в переводе с немецкого звучало по-другому: «Если бы мы могли взять под контроль» («Таймс»); «Если бы мы имели в своем распоряжении» («Дейли телеграф»); «Если бы мы обладали» («Манчестер гардиан»). В официальном изложении этой речи, опубликованном в немецких газетах 14 сентября, данное предложение было видоизменено и изложено в той редакции, в какой оно приводится в этой книге. (*Примеч. авт.*)

ношений между Советской Россией и Германией до их разрыва в ноябре 1918 г.; во-вторых, попытаться показать, каковы были мотивы сторон, лежавшие в основе тех дипломатических шагов, которые предпринимались в то время; и, в-третьих, попытаться продемонстрировать, какую важную роль в мировой истории сыграл этот забытый мирный договор.

В работе мной были использованы официальные документы стран — участниц этих переговоров; я также использовал газетные публикации того времени из прессы Германии, Австро-Венгрии, России и некоторых стран Антанты, а также дневники, мемуары и биографические материалы главных участников тех волнующих событий. Помимо использования письменных материалов, я постарался почерпнуть максимум информации из личных встреч с еще здравствовавшими участниками переговоров в Брест-Литовске. За исключением Иоффе со стороны Советской России и доктора Розенберга со стороны Четверного союза (ввиду их кончины мне не удалось с ними встретиться), я беседовал практически со всеми основными участниками этих переговоров; я также общался с членами российского Временного правительства; членами украинской Рады и представителями режима Скоропадского; с представителями Верховного командования Германии и Австрии тех времен, а также с теми, кто хотя и играл в то время второстепенную роль, но позднее достиг ответственных и влиятельных постов в своих странах.

Мне часто приходилось бывать в Германии, Австрии, Советском Союзе, а также других странах, и ряд встреч оставили сильные впечатления и запомнились надолго. Это и беседы с бароном фон Кюльманом, и памятная беседа с Карлом Радеком во время прогулки по подмосковному лесу; и оставившее незабываемое впечатление общение с Троцким, с которым мы встретились в один из дней в полуденную пору в Мехико; я бесконечно благодарен всем, кто согласился и нашел время встретиться со мной и поделиться своими воспоминаниями и соображениями. Я искренне благодарен за содействие ряду людей в СССР и Германии; я не называю их имена, поскольку, несмотря на провозглашаемую в этих странах свободу мысли и убеждений, эти люди могли бы столкнуться с проблемами. Однако я всех их помню и ничуть не менее искренне благодарен им за содействие, как и тем, чьи имена я назвал.

Глава 1

НА ДАЛЬНИХ ПОДСТУПАХ

1

В Ставке Верховного командования в Могилеве русский офицер писал письмо жене. Комната была практически ничем не обставлена; единственным украшением были икона в бриллиантовом окладе и несколько фотографий детей. Пишущий это письмо только что вернулся из короткой поездки в Петроград, и в нежных выражениях он сообщает домашним, что благополучно добрался до места и приступил к выполнению своих обязанностей. Письмо содержит и глубоко личные детали. Он пишет, что немного простыл, но сейчас чувствует себя хорошо. Страшно расстроен тем, что у двоих из детей корь; от нее страдают и здесь, в Могилеве, — особенно сильно она распространилась среди юнкеров из 1-го и 2-го кадетских корпусов. Он особенно беспокоится за своего маленького сына, не отличающегося крепким здоровьем, и очень сожалеет, что его жене приходится сталкиваться со столькими хлопотами и неудобствами. «Я представляю, бедняжка, как тебе тяжело», — пишет он и добавляет, что было бы лучше, если бы все дети болели одновременно. «Очень скучаю без вас; так не хватает нашего ежевечернего часового пасьянса, который мы раскладывали все вместе. Если выпадет свободная минутка, снова сыграю партию в домино». В заключение он пишет: «Спокойной ночи. Пусть Господь хранит твой сон и пошлет тебе добрых сновидений».

Подписав письмо «Твой муженек», он берет дневник и делает очередные записи, которые ежедневно в него заносит; он подробно описывает детали своей поездки в Петроград и сво-

ей повседневной работы в Ставке. Он также делает запись: «Все свободное время посвящаю чтению французской книги о завоевании Юлием Цезарем Галлии».

Тихий и спокойный человек, подумает читатель, покой которого нарушают лишь повседневные тяготы службы и война, мрачной тенью нависшая над всей Россией; ничем не примечательный офицер, только очень совестливый, — и будет прав, но этот человек — Николай II, император Всероссийский. Письмо датировано 8 марта (26 февраля) 1917 г.; в то время как его империя рушилась, он спокойно писал о пасьянсе и домино.

Самым большим несчастьем для империи, которой он правил, для династии, которую он представлял, а также для него самого было то, что он находился на троне в кризисное время. Трудно представить себе человека, более неподходящего для управления страной в годы войны, когда от правителя требуется твердость, решительность, умение отстаивать свое мнение и способность взять на себя и вынести бремя ответственности за страну, чем Николай II. Трудно представить кого-то менее способного нести ответственность за судьбу 150 миллионов соотечественников, постепенно, но неуклонно высвобождавшихся от последствий крепостного рабства. Как бы сказали историки, склонные к морального рода оценкам, он не был «плохим человеком». Что гораздо хуже, он был слабым человеком, и отсюда тянулась вся цепь тяжелых и неприятных последствий, вызванных в том числе и тем упрямством, которое почти неизбежно свойственно слабым людям. Власть в его руках была «не властью, а ее бледной тенью», он легко становился жертвой влияния и давления со стороны окружающих, оставаясь при этом невосприимчивым к советам и рекомендациям, которые давались спокойно и доброжелательно. Он был глубоко религиозным и верующим человеком; однако его безграничная вера была близка к фанатичной; она не приносила ему душевный покой, а выражалась в какой-то отстраненности от окружающего мира и упрямой пассивности, что делало его фаталистом, заглушало собственное мнение и суждения, как и ослабляло способность их вырабатывать, развивало замкнутость и создавало непреодолимое препятствие в полноценном общении с окружающим миром. Ситуация усугублялась тем, что он был женат на женщине, которая хотя и обожала его, но стремилась играть в их отношениях господствующую роль. Она была еще более, чем он, склонна к мистицизму и считала своим долгом и предназначением «все-

лить» в Николая II мужественность и боевой настрой — те самые качества, которые были совершенно не присущи его странной и необычной натуре. В своих письмах к нему царица неоднократно называет себя «мущиной в штанах»[1] и умоляет супруга не слушать советы тех, кто предлагает умеренные шаги и полумеры. «Только дураки и трусы могли предложить тебе такое, — пишет она в одном из писем мужу в Ставку и добавляет: — Я думаю, мне пора появиться там в моих черных штанах»[2].

У Николая II было одно странное и необычное свойство: он одновременно и притягивал к себе и отталкивал. Некоторые из террористов, совершивших убийства губернаторов и других высокопоставленных официальных лиц, восходя на эшафот, взывали «к доброму сердцу и благородным помыслам государя», причем делали это не для того, чтобы заслужить помилование, а чтобы привлечь его внимание к плачевному состоянию дел в государстве. Человек, выдававший себя за убийцу Людовика XV, заявлял, что он заколол его, чтобы удостовериться, «есть ли у него сердце», а убийцы сановников Николая II, умирая, называли себя его верными подданными. «Что он за человек? — писал его дядя великий князь Николай Михайлович. — Он вызывает у меня отталкивающее впечатление, и в то же время я люблю его, поскольку он, безусловно, неплохой человек, сын своих родителей. Я его люблю по-родственному, но какая же мелкая и мерзкая у него душонка!»[3]

В первые недели войны в России, как и в других странах, наблюдался взрыв патриотического энтузиазма. Российские

[1] Супруга Николая II Александра Федоровна всерьез воспринимала лесть придворных, которые сравнивали ее с Екатериной II, и называла себя единственным «мущиной в штанах» при дворе.

[2] Черные штаны входили в солдатскую форму русской армии того времени наряду с черным мундиром с красными кантами и черной фуражкой, высокая тулья которой также была оторочена красным кантом; данной фразой царица подчеркивает, что в Ставке не хватает боевого духа.

[3] Как и многие зарубежные исследователи, автор делает акцент на личных качествах Николая II, его супруги и вообще влиянии его личной жизни на управление государством. При естественной важности этих аспектов, особенно в условиях самодержавной монархии, следует учесть, что к «кризисному времени» страна подошла не «вдруг»; и на этом довольно длительном пути необходимые для общества преобразования не предпринимались и тогда, когда на троне находились предшественники Николая II, которые не имели тех недостатков, которые имел он, и правили в более благоприятных внутренних и внешних условиях.

подданные, казалось, объединились вокруг «царя-батюшки»; мистическая и таинственная сила славянской души нашла свое выражение в чувствах преданности и почитания государя императора, который превратился в центральную политическую фигуру, окруженную восхищением и поклонением; монархические чувства, казалось, вспыхнули с новой силой. Однако и вспышка любви к монарху, и патриотический подъем вскоре сошли на нет. Сокрушительные поражения русской армии в Восточной Пруссии, растущие перебои с продовольствием в городах, все возраставшая повсеместная неспособность власти на всех уровнях справляться с жизнеобеспечением людей — все это привело к тому, что в России раньше, чем в какой-либо другой воюющей стране, стали проявляться признаки усталости и недовольства войной. К этому добавлялась и подпольная революционная пропаганда, которая активно велась по всей стране со времен потерпевшей поражение русской революции 1905 г. Нараставшие трудности вкупе с революционными призывами усиливали брожение в массах. Армия проявляла в боях примерное мужество и доблесть, но и в ней существовало серьезное недовольство тем, что из-за невежества и откровенного воровства она не была обеспечена необходимым снаряжением и боеприпасами. Боевой настрой и моральный дух солдат стремительно падали после осенней кампании 1914 г.; в декабре того же года генерал Куропаткин записал в своем дневнике: «Все жаждут мира... целые батальоны, вместо того чтобы подниматься в контратаку, шли к немецким окопам сдаваться с поднятым вверх оружием. Чувствовалась общая усталость от тягот войны».

Стремление к миру можно было наблюдать и в высших правительственных и придворных кругах. В сентябре 1914 г. граф С.Ю. Витте, вернувшись из Парижа, говорил французскому послу в России Марису Палеологу, что самая разумная для России политика заключается в том, «чтобы покончить как можно скорее с этой глупой авантюрой», поскольку победа Антанты приведет к триумфу демократии и провозглашению республик по всей Центральной Европе. «Это будет означать конец монархии в России. Я предпочту умолчать о том, какие это может иметь последствия». Аналогичной позиции придерживался Союз русского народа — черносотенная организация, стоявшая на крайне реакционных позициях, а также прогермански настроенные круги при царском дворе.

К началу 1915 г. царь столкнулся со стремлением к миру практически со всех сторон: левые требовали мира, отра-

жая настроения людей, уставших от войны и требовавших конституционных реформ; правые же стремились к миру, чтобы пресечь в зародыше попытки подобных преобразований, пока это еще было возможно. От царя требовали заключения мира между российской и германской правящими монаршими династиями ради сохранения самодержавия в России. Вопрос о мире превратился в главный политический вопрос в стране.

Николай II выступал за выполнение союзнических обязательств перед другими странами Антанты, и он мог возродить тот массовый патриотический энтузиазм, который наблюдался в начале войны. Если бы в 1915 и 1916 гг. он прислушался к умеренным советам левоцентристски настроенных деятелей, то смог бы восстановить доверие между народом и троном. Однако его основной грех, от которого он не мог избавиться, — слабость вкупе с неверием в свое собственное мнение, поскольку все предопределено свыше, толкали его к тому, чтобы прислушиваться к советам крайних реакционеров, стремящихся все оставить неизменным, а не к тем, кто предлагал идти по пути умеренных преобразований.

Все это привело к разрозненным и несогласованным попыткам заключения сепаратного мира с Германией, переговоры о котором пытались вести через торговые и финансовые структуры и компании, а также через короля Швеции и великого герцога Гессенского, который являлся братом царицы Александры Федоровны[1].

Эти попытки всячески поощрялись и поддерживались проникшими в Россию германскими шпионами, которые умело играли на чувствах консервативно настроенных кругов, пугая их возможной революцией и предательством союзников. Ими распространялись слухи, что Англия планирует лишить Россию того, что ей было обещано в качестве «военного трофея»: оставить за собой Константинополь, а Дарданеллы, которые в случае успеха союзников должны были отойти к России, превратить в новый Гибралтар. Франция и Япония якобы были готовы поддержать в этом англичан, за что японцам была обещана «свобода рук» в осуществлении фактического захвата

---

[1] Александра Федоровна до замужества была принцессой Алисой Дармштадтской (некоторые исследователи, в частности С.С. Ольденбург, называют ее Алисой Гессенской); Дармштадт — город и административная единица в Южной Германии; Гессен — административная единица в Центральной Германии.

Маньчжурии. Эти слухи имели столь сильное воздействие на российские правящие круги, что на конференции союзников в Шантильи в ноябре 1915 г. российский представитель всерьез предложил отказаться от военных операций в районе полуострова Галлиполи[1].

Более того, осенью 1915 г. был сделан важный шаг, способствовавший российско-германскому сближению. Николай II вопреки своему мнению и под давлением императрицы и ее окружения сместил с должности Верховного главнокомандующего великого князя Николая Николаевича, которого германский кронпринц называл «главной преградой на пути сепаратного мира», и взял командование армией на себя.

Несмотря на то что царь вопреки советам умеренно настроенных приближенных сместил своего дядю с поста Верховного главнокомандующего, летом 1916 г. русским войскам улыбнулась удача. Генерал Брусилов совершил замечательный прорыв в направлении Карпат, одержав победу, которая могла сравниться лишь с успехами, достигнутыми во время летней кампании 1914 г.

Австрийские войска растаяли «подобно тонким облакам над Бискайским заливом под напором бури, пришедшей с Атлантики»; однако потери русских войск были огромны, а когда подоспели срочно переброшенные на помощь австрийцам немецкие дивизии и закрыли прорванный фронт, наступление русских войск было остановлено; продолжение его было бессмысленно и чревато очень большими потерями. Брусилов пытался компенсировать потерями в живой силе отсутствие столь необходимых ему артиллерии и снарядов. В некоторых дивизиях винтовки были лишь у трех солдат из десяти, шедших в атаку. Ввиду нехватки снарядов, которые могли бы быть использованы для уничтожения заграждений из колючей проволоки, последние преодолевались по горам трупов убитых, сраженных огнем немецких пулеметов. Русские войска сражались с величайшим мужеством, однако эта операция, завершенная в сентябре 1916 г., была последним значительным успехом царской армии. Этот успех обошелся более чем в миллион солдатских жизней, а на смену подъему боевого духа

---

[1] Между полуостровом Галлиполи, являющимся территорией Турции, и основной материковой частью Турции расположен пролив Дарданеллы, через который осуществляется проход из Средиземного моря через Эгейское море — в Мраморное море, а далее, через пролив Босфор, уже в Черное море.

пришло отчаянное до боли стремление к немедленному миру. «Мира и хлеба!», «Мира и хлеба!» — этот лозунг стал практически повсеместным[1].

Между тем стремящиеся к сепаратному миру с Германией правые не сидели сложа руки, и благодаря их усилиям произошло сбившее всех с толку событие, весьма характерное для крайне противоречивой политики, проводившейся в то время. В середине июля 1916 г., когда русские войска под общим руководством Николая II, занимавшего пост Верховного главнокомандующего, одерживали на фронте победы, был отправлен в отставку твердо стоявший на стороне Антанты и выступавший за выполнение союзнических обязательств министр иностранных дел Сазонов, а его полномочия стал выполнять концентрировавший в своих руках всю большую власть председатель Совета министров Штюрмер[2] — человек из близкого окружения императрицы и ставленник «Божьего человека» Распутина.

Назначение в такой переломный момент на пост министра иностранных дел откровенного реакционера, явно симпатизировавшего Германии и всегда выступавшего против союза с демократическими западноевропейскими государствами из-за опасения, что такое сотрудничество создаст каналы, по которым в Россию будут проникать либеральные идеи и взгляды, оказало очень сильное воздействие как внутри России, так и за ее пределами. Для гражданского населения и для армии замена Сазонова на Штюрмера была знаком того, что удаление из окружения царя последнего влиятельного человека, придерживавшегося умеренных взглядов, означает решение Николая II пытаться сохранить в неизменном виде существовавшую административную систему, насквозь пропитанную некомпетентностью и коррупцией, которая не могла обеспечить ни военных, ни мирное население элементарно необходимым для нормальной жизнедеятельности.

[1] Знаменитый «брусиловский прорыв», осуществленный войсками русского Юго-Западного фронта под командованием генерала Алексея Алексеевича Брусилова, стал классикой военной науки. Для остановки русского наступления были ослаблены все без исключения фронты, где воевали Германия и ее союзники. Как писал, подводя итоги операции, А.А. Брусилов, «помимо 450 000 человек, бывших вначале передо мной, против меня было перекинуто с других фронтов свыше 2 500 000 бойцов».

[2] Штюрмер Б.В. (1848—1918) — чиновник министерства юстиции и двора. В январе 1916 г. при поддержке Г. Распутина и императрицы Александры Федоровны назначен председателем Совета министров. Одна из наиболее одиозных фигур последнего царствования.

Представители Антанты в Петрограде восприняли новое назначение как серьезный удар по интересам союзников. «Я не могу иметь доверительные отношения с человеком, на слово которого нельзя положиться и который лишь руководствуется интересами личной выгоды и тщеславия, — писал о Штюрмере тогдашний английский посол в России Д. Бьюкенен. — Хотя его личный интерес и требует придерживаться внешнеполитического курса его предшественника, в душе он является убежденным сторонником Германии, настоящим германофилом». Французский посол Марис Палеолог еще более откровенно предупреждал свое правительство о возможности изменения внешнеполитического курса России. Он писал: «Мы должны быть готовы к тому, что детали наших секретных переговоров станут известны определенному кругу лиц, которые, в силу своей прогерманской ориентации, благодаря установленным через посредников связям с германской аристократией и финансовыми кругами, а также ненависти к либеральным взглядам и демократии уже приняли решение пойти на восстановление отношений и заключение мира с Германией».

Страны Тройственного союза также отмечали назначение Штюрмера как важное событие, но уже со своей точки зрения. «Он безусловно расположен к нам, — писал немецкий кронпринц. — Я рассматриваю это назначение как явный знак стремления начать мирные переговоры».

Будучи слишком хитрым и осторожным, чтобы пойти на открытый пересмотр прежней политики в отношении Германии, Штюрмер в то же время делал все от него зависящее, чтобы обеспечить российско-германское сближение. Он отложил опубликование соглашения между Россией и Англией, рассеивающего все опасения относительно английских планов в отношении Константинополя и проливов, а также манифеста по Польше, одобрение которого Сазонов буквально вырвал у Николая II за день до своей отставки. В немецких политических кругах возникло сильное убеждение, что вопрос о сепаратном мире явно стоит в политической повестке дня и помешать ему может лишь какая-то грубейшая, граничащая с несуразностью политическая или дипломатическая ошибка.

Однако именно такая ошибка, а точнее сказать, ошибочная линия вскоре и последовала. Немецкое Верховное командование было явно увлечено миражом того, как польское население пополнит армии «серединных империй», столь остро нуждавшихся в личном составе, и что польские солдаты пойдут в бой под командованием немецких офицеров. Поэтому

оно выдвинуло идею провозглашения независимого Царства Польского под протекторатом Германии и Австро-Венгрии, как гарантов его независимости. Этот план был встречен резко отрицательно в немецких политических и дипломатических кругах; против него выступал и ряд сотрудников Генерального штаба. Однако немецкое Верховное командование, зачарованное радужными перспективами, порожденными его собственными заблуждениями, упорно продолжало проводить линию, которая перечеркивала все надежды на достижение мира. Штюрмер старался избежать публичных заявлений на эту тему (в том числе и потому, что план Сазонова предусматривал определенные территориальные уступки со стороны Германии и Австро-Венгрии), а Гинденбург и Людендорф, наоборот, громогласно объявляли, что в состав независимого Царства Польского войдут все территории, которые до этого входили в состав Российской империи. Маттиас Эрцбергер, активно выступавший за заключение сепаратного мира с немецкой стороны, считал, что подобное заявление по польскому вопросу было «настоящей политической катастрофой, похоронившей единственную возможность заключить мир».

Провал планов Штюрмера совпал с тем, что о них частично стало известно умеренным лидерам левоцентристского направления. Глава Объединения земств князь Львов[1] объявил о «мучительных, ужасных подозрениях в государственной измене»; о том, что «скрытые силы тайно работают на Германию, подготавливая позорный мир... и эта работа ведется самым активным образом». Лидер кадетов П. Милюков пошел еще дальше: в своей знаменитой речи в Думе он прямо обвинил Штюрмера в государственной измене в высших эшелонах власти.

Под давлением естественного хода событий Николай II, во время одной из редких вспышек прозрения, сместил Штюрмера с поста премьера; он, возможно, отправил бы в отставку и крайне непопулярного коллегу Штюрмера по правительству — Протопопова, но его «отстояла» императрица, специ-

---

[1] Союз земств возник как в основном благотворительная организация еще до Русско-японской войны 1904—1905 гг.; во главе его стал князь Г.Е. Львов. Союз, в частности, участвовал в борьбе с голодом, эпидемиями, оказывал помощь переселенцам на Дальний Восток. В августе 1914 г. был учрежден Всероссийский земский союз помощи больным и раненым воинам. В 1915 г. он слился с городским союзом, где ведущие позиции занимало московское купечество, в результате чего образовался Союз земств и городов — Земгор.

ально приехавшая в Ставку «в черных штанах» и самом боевом настроении, чтобы не допустить отставки человека, которому, по словам Распутина, «судьбой было вверено спасение империи». Поэтому, хотя официальным главой правительства был назначен Трепов, выступавший за выполнение союзнических обязательств, фактическая власть по-прежнему осталась в руках все той же правящей клики[1].

К концу 1916 г. внутреннее положение России, еще более осложнившееся после убийства Распутина, последовавшего в декабре этого же года, стало таковым, что столкновение между правым и левым лагерем стало практически неизбежным. Революция планировалась как сверху, так и снизу; ключевым условием ее в обоих случаях было заключение мира: правым мир нужен был для того, чтобы спасти монархию, левым — чтобы ускорить установление «диктатуры пролетариата».

Сторонники монархии с предельной откровенностью подчеркивали необходимость закончить борьбу на военном фронте и перенести ее в тыл. В середине января 1917 г. Союз русского народа советовал царю «восстановить порядок в государстве любой ценой и таким образом обеспечить победу над внутренним врагом, который уже давно является более опасным и безжалостным, чем враг внешний». Экономическая ситуация стремительно ухудшалась; нарастали перебои с поставками продовольствия; в Петрограде открыто говорили, что правительство сознательно их вызывает, чтобы сделать невозможным продолжение войны, спровоцировать выступления протеста, забастовки и беспорядки и на этом основании принять решительные и жесткие меры по отношению к социалистическим партиям и организациям. Справиться с резко ухудшающейся ситуацией можно было, лишь заключив мир.

Мир также был необходим и крайне левым, которые чувствовали, что приближается момент решающей схватки с дворянско-монархическим режимом, и хотели развязать себе руки для этой схватки и направить на нее высвободившиеся народные силы. В стране стремительно нарастала революци-

---

[1] Автор напрасно ставит во главу угла переговоры о сепаратном мире. Нет никаких явных свидетельств того, что Николай II и придворное окружение пытались заключить сепаратный мир с Германией. Подавленность Николая II, на которую обращали внимание многие очевидцы, была вызвана как раз тем, что практических возможностей укрепить свою власть, как и людей, на которых можно было в этом опереться, уже практически не осталось.

онная пропаганда; рабочих призывали бастовать и требовать мира; солдат — отказываться воевать дальше. В прежний революционный лозунг «Мира и хлеба!» было внесено дополнение; теперь он гласил: «Мира, земли и хлеба!», но мир попрежнему оставался на первом месте. Генералы действующей армии на всех фронтах получали по военно-полевой почте анонимные письма, в которых говорилось, что солдаты измучены войной и что немедленное заключение мира является единственным выходом из положения.

Между этими крайними силами находилась группа умеренных левого направления, представленная такими деятелями, как Г. Львов[1] и П. Милюков[2] и председатель Думы М. Родзянко[3], которые оставались приверженцами выполнения союзнических обязательств и хотели, чтобы Николай II спас себя и страну, осуществив, пока не поздно, конституционную реформу. Но они тщетно пытались вырвать Николая II из-под влияния *камарильи* и убедить его прислушиваться к более разумным советам умеренных деятелей. Их уговоры и, подчас, мольбы разбивались о непроницаемую стену, которой царь отделил себя от окружающих, и в предвидении неминуемой катастрофы они вернулись в политические салоны Петрограда, в которых государственные деятели, военные, представители дворянства и просто образованные люди бесконечно обсуждали, кого следует «сместить»: императора, императрицу, Протопопова или всех троих сразу.

Предупреждал об опасности и великий князь Александр Михайлович, который писал: «Недовольство нарастает очень

---

[1] Львов Г.Е. (1861—1925) — князь, крупный помещик, земский деятель — председатель Тульской губернской земской управы, в годы Первой мировой войны — председатель Всероссийского земского союза, с 1912 г. — член Московского комитета партии «прогрессистов». После Февральской революции — председатель Совета министров и министр внутренних дел первого Временного правительства, возглавлял также первое коалиционное правительство.

[2] Милюков П.Н. (1859—1943) — видный историк, профессор, крупный политический деятель, главный организатор партии кадетов. Выступал как апологет империалистических устремлений российской буржуазии. В первом составе Временного правительства занял пост министра иностранных дел. Его нота о продолжении войны и верности союзническим обязательствам вызвала возмущение народа, и 15 мая 1917 г. Милюков ушел в отставку.

[3] Родзянко М.В. (1859—1924) — крупный землевладелец, лидер октябристов, председатель IV Государственной думы, был тесно связан с царским окружением. После Октябрьской революции отбыл в белую Добровольческую армию, а в 1920 г. эмигрировал.

быстро. Как ни странно, именно правительство является тем органом, который подготавливает революцию»[1]. В конце концов, английский посол Дж. Бьюкенен, пренебрегая всеми правилами дипломатического этикета, во время аудиенции у Николая II прямо заявил: «Ваше величество, вы находитесь на развилке двух путей: один из них ведет к победе и славному миру, другой — к революции и катастрофе».

Однако российский император, плотно закутавшись в мантию апатии и безразличия, пресекал все попытки спасти его от себя самого. Окружавшие его люди на заключительном этапе этого кризиса были поражены «холодной, каменной выдержкой» Николая II, которая выделялась особенно контрастно на фоне общей растерянности и подавленности. «Что это? — задавался вопросом генерал Данилов в те роковые дни. — Исключительная, почти невероятная выдержка, достигнутая в результате долгих тренировок, или вера в божественную предопределенность событий, или же просто отсутствие ума?»[2]

Именно каким-то невероятным душевным спокойствием и отреченностью от происходившего вокруг можно объяснить, что царь по возвращении из Петрограда в Могилев в феврале 1917 г. мог писать в письме близким о домино и пасьянсе. Когда позднее разразилась буря и 2 марта Николай II был вынужден написать манифест об отречении от престола, он сделал это столь спокойно, не проявив при этом никаких эмоций, что это привело в замешательство и недоумение как друзей, так и его врагов, которые были очевидцами этого события.

Николай II ушел в небытие: сначала в ссылку, а потом приняв мученическую смерть; с ним ушла и 300 лет неограниченно правившая Россией династия Романовых. Старый режим рухнул под грузом собственных проблем, из-за внутренней слабости и разложения, которые окончательно его подорвали. На смену ему пришло мощное народное движение, которое не было четко оформлено политически и не имело ясной программы, но которое выдвигало три выстраданных основных требования: «Мира, земли и хлеба!» Занавес был поднят, и начала разыгрываться величайшая драма современной истории.

[1] Позднее, в разговоре с генералом Брусиловым, великий князь признался: «Я не имею никакого влияния на ситуацию и не могу ничего сделать, как и нести ответственность за последствия. Мой двоюродный брат... является рабом влияния и давления, и никто не в силах это изменить или что-то с этим поделать». (*Примеч. авт.*)

[2] Генерал Ю.Н. Данилов был начальником штаба Северного фронта и непосредственно присутствовал при отречении Николая II.

2

Однако главный действующий персонаж этой исторической драмы пока находился в стороне от эпицентра событий и не вышел еще на основную сцену. Владимир Ильич Ульянов, известный среди товарищей по революционной борьбе, а позднее ставший известным всему миру как Ленин, в это время жил в Цюрихе в мрачного вида доме, построенном в XVI веке, расположенном на улице Шпигельштрассе. В этом доме он и его жена, Надежда Константиновна Крупская, снимали скромную комнату у семьи рабочих, которые, в свою очередь, снимали ее у домовладельца.

Начало Первой мировой войны застало Ленина и Крупскую в австрийской Польше, где они находились в эмиграции.

После непродолжительного ареста по обвинению в шпионаже Ленину было разрешено отбыть в Швейцарию, где он с женой на первое время остановился в Берне. Жили очень бедно («Главная беда в том, что катастрофически не хватает денег, — писал Ленин, — из-за дьявольской дороговизны жить чертовски трудно»). На личные нужды им пришлось растягивать на три года 160 фунтов, оставленных им матерью Крупской. В конце концов им удалось перебраться в Цюрих.

Комната была маленькой и неудобной. Окна выходили во двор: летом чувствовалась духота и неприятный запах; зимой — тот же неприятный спертый воздух и слякотная сырость. Сама Шпигельштрассе представляла собой узкую улочку. К счастью для него и близких, Ленин был неприхотлив к внешней обстановке и вообще мог стойко сносить неблагоприятные обстоятельства. Ему не доставляло особых неудобств то, что кофе приходилось пить из чашки со сломанной ручкой, что ели они с женой на общей кухне и что еда была крайне скромна, если не скудна, что единственной мебелью в комнате были стол, две кровати, два стула и швейная машинка. Эти неудобства прежде всего ощущала Крупская как домохозяйка, а его мысли были всецело заняты борьбой за торжество и победу социализма на мировой арене.

Ленин работал с тем неутомимым упорством и энтузиазмом, которые позднее позволяли в Советской России творить настоящие чудеса, создавая и строя при жесточайшей нехватке необходимого исходного материала. Вся его энергия была направлена на то, чтобы подбодрить своих соратников как в России, так и за ее пределами. Как публицист и теоретик, он стремился к тому, чтобы вместо Второго интернационала был

создан Третий интернационал, который был бы действительно пролетарским и стал бы центром по координации и руководству борьбой пролетариата во всем мире.

Работать дома было невозможно. Окна их комнаты выходили во двор, рядом с которым располагалось предприятие по производству колбас; из-за зловонного запаха приходилось постоянно держать окна закрытыми. Ленин использовал испытанное поле боя — читальный зал публичной библиотеки (разве большая часть планов по организации большевистской партии не была разработана в мирной тиши читального зала Британского музея?). В Цюрихе служащие библиотеки предъявляли довольно жесткие требования к внешнему виду посетителей. Некоторых соратников Ленина по большевистской партии не допустили к работе из-за их довольно потрепанной и забрызганной грязью одежды и обуви. Однако у Ленина было одно довольно приличное пальто, а также пара хорошей обуви, и он мог спокойно работать в библиотеке. Немногочисленные завсегдатаи библиотеки не обращали особого внимания на невысокого коренастого русского, с лысиной, слегка вздернутым носом, большим ртом и квадратным подбородком, покрытым небольшой бородкой и рыжими усами, который ежедневно приходил сюда и работал с девяти утра до шести вечера с тем неистощимым и неослабевающим упорством, которое свойственно настоящему революционеру. При помощи перьевой ручки он вел яростную и непримиримую борьбу с теми социал-демократическими партиями в воюющих странах, которые пошли на сотрудничество с правительствами и поддержали ведение войны, предав тем самым пролетариат и его дело и став на сторону империализма.

На конференциях в Циммервальде (в 1915 г.) и Кинтале (в 1916 г.) Ленин и его сторонники сформировали цельное, убежденное и действенное меньшинство из представителей левого крыла социал-демократических партий, которое, будучи объединено четко поставленной целью, обрушилось с беспощадной критикой на своих коллег по партиям, находящимся на правом крыле и в центре, и открыто провозгласило лозунг: «Не гражданский мир, а гражданская война». Принятый в Циммервальде манифест призывал «использовать любое народное движение, вызванное войной, для организации уличных демонстраций против правительств и проводимой ими политики; вести пропаганду международной солидарности и братания в окопах; осуществлять поддержку забастовок с экономическими требованиями и предпринимать усилия по

превращению их, при благоприятных условиях, в политические забастовки».

Ленин считал, что возможен лишь один подход к европейской войне: использовать ее для ликвидации капиталистической системы и замены ее «диктатурой пролетариата». Война должна была стать похоронной процессией империализма.

Хотя сторонники Ленина были немногочисленны, но влияние, которое оказывали их взгляды, было весьма заметным. Притом что ленинский подход был отвергнут рядом международных конференций социал-демократических партий, он нашел благодатную почву среди крайне левого крыла немецкой социал-демократии. Видный его лидер, Карл Либкнехт, выступая в Нюкёльне в январе 1915 г., поддержал тезис, сформулированный Лениным в Цюрихе: «Ответим на войну классовой войной».

Год спустя совместно с Розой Люксембург он приступил к подпольному распространению знаменитых писем «спартаковцев», в которых содержался страстный призыв к революционной борьбе[1].

Их усилия принесли свои плоды — идеи Циммервальда получили широкое распространение. Только в мае 1916 г. 3 немецких офицера и 32 рядовых были расстреляны за распространение в окопах копий циммервальдского манифеста.

В той жесткой борьбе, в которую оказались вовлечены сторонники Ленина, не все из них придерживались таких же твердых и непоколебимых взглядов, как он. В течение 1916 г. сформировалась группа социал-демократов, которым пришлось сыграть исключительно важную роль в будущих политических схватках. Между Лениным и Троцким уже существовали разногласия. Формула Троцкого — «действительная национальная самооборона состоит в борьбе за мир» — казалась Ленину оторванной от жизни пацифистской проповедью, против которой он яростно сражался. Он писал: «Предполагать, что империалистическая война может окончиться демократическим миром... означает попытку ввести в заблуждение народные массы и скрыть от них ту многократно подтвержденную правду жизни, что демократический мир невозможен без победы революций в ряде стран. Долой сен-

---

[1] Немецкие социал-демократы левого крыла (К. Либкнехт, Р. Люксембург, Ф. Меринг, К. Цеткин, Ю. Мархлевский, Л. Иогихес (Тышка), В. Пик) образовали группу «Спартак», названную в честь легендарного вождя восстания рабов и гладиаторов в Древнем Риме.

тиментальные проповеди и абсурдные мечты о «мире во что бы то ни стало»!»

Ленин считал, что главной задачей революции и основой успешного осуществления ее целей является установление диктатуры пролетариата, то есть такой власти, которая обеспечит ведущую роль рабочих и крестьян в переустройстве всего общества. В этом своем убеждении он не имел твердой поддержки всех своих сторонников; среди них были сомневающиеся и колеблющиеся. Письма Ленина к своим друзьям — А. Шляпникову[1] и Александре Коллонтай[2] — полны критики и недовольства теми, кто подвержен колебаниям и нерешительности. «Кто колеблется? — писал он в феврале 1916 г. — Не только Троцкий и К°, но также Пятаков... Радек — лучший среди них... но и Радек тоже колеблется... Пятаков и Бухарин не хотели, да и не могли все понять».

Упомянутые в ленинских письмах люди тогда были практически неизвестны, однако в будущем им предстояло сыграть исключительно важную роль и вновь не согласиться с Лениным и даже выступить против него.

В те же годы в социалистической прессе произошла знаменитая «битва псевдонимов». Бухарин, писавший под псевдонимом Нота Бене (Nota Bene), и Радек, писавший под псевдонимом Парабеллум (Parabellum), навлекли на себя яростный гнев и жесткую критику со стороны Ленина своим непониманием роли демократии в борьбе за социализм. Ленин не оставил камня на камне от аргументов своих соратников, показывая, что экономические факторы — это только основа и предпосылка

---

[1] Шляпников А.Г. (1885—1937) — член РСДРП с 1901 г. Участник революции 1905—1907 гг. С 1915 г. — член ЦК РСДРП(б). Во время Февральской революции — один из организаторов Петроградского Совета, член его Исполкома. Участник Октябрьского вооруженного восстания, член Петроградского ВРК. Народный комиссар труда в первом составе Совета народных комиссаров. В 1933 г. исключен из партии как участник троцкистской оппозиции. Необоснованно репрессирован, реабилитирован посмертно.

[2] Коллонтай Александра Михайловна (1872—1952) — деятель российского и международного революционно-освободительного движения, дипломат. Участница революции 1905—1907 гг., член РСДРП с 1906 г., до 1914 г. примыкала к меньшевикам. После вступления России в Первую мировую войну — большевичка. На VI съезде РСДРП(б) избрана членом ЦК. Участвовала в подготовке и проведении Октябрьского вооруженного восстания в Петрограде; после победы Октябрьской революции — народный комиссар государственного призрения. С 1923 г. — на дипломатической работе, первая в мире женщина-посол. Представляла СССР в Норвегии, Мексике, Швеции.

социализма, а главная трудность заключается в коренном переустройстве всего общества на основе революционной демократии.

Однако в то время как эти революционные теоретики вели свои яростные схватки в области идей, никто из них — и даже Ленин — не знал, когда им придется представить свои теоретические взгляды на жесткий и суровый суд практики. Связь с товарищами в России осуществлялась очень трудно и подчас с большими перебоями. Большевики — члены Думы в ноябре 1914 г. были арестованы; серьезно пострадала и вся партийная организация. Не имея свежей оперативной информации из первых рук, будучи погружен лишь в теоретическую работу, Ленин признавался в одном из писем из Цюриха, что там он чувствует себя «как в могиле». Он продолжал непримиримую борьбу против Второго интернационала; однако было очень изматывающим и утомительным делом ждать, когда произойдет мировая революция, о которой столько мечтали и которую так долго ждали. Хотя он, как никто другой, понимал, какие огромные силы, способные перевернуть все общество, высвободятся в результате неудачной войны, он не мог предположить или рассчитать, в какой степени этот общественный переворот уже назрел. До самого начала Февральской революции он не был уверен, что будет свидетелем осуществления той долгожданной цели, казавшейся кому-то абсурдом, которой он посвятил всю свою жизнь.

В январе 1917 г. в Петрограде широко обсуждалась возможность дворцового переворота; она стала привычной темой разговоров и во время обедов, которые давал английский посол в Петрограде. Единственно, в чем не были уверены, — будет ли убит император вместе с императрицей, или же убьют только последнюю. Выступая перед молодежью в Народном доме Цюриха, Ленин с сожалением говорил: «Мы, представители старшего поколения, возможно, не доживем и не увидим решающих сражений предстоящей революции». Ленин предпринимал усилия, чтобы устранить колебания и разногласия в теоретических вопросах среди своих соратников, однако какой-либо подготовки к этому великому дню он не вел. Вопрос о возвращении в Россию в случае начала революции не обсуждался; об этом даже и не думали. Февральская революция оказалась для Ленина в Цюрихе такой же неожиданностью, как и для лорда Мильнера в Петрограде после четырех недель пребывания в российской столице. В то же время, как последний докладывал своему правительству в январе 1917 г.:

«Мне кажется, что разговоры о предстоящей революции являются большим преувеличением», Ленин писал в письме сестре: «Жизнь у нас идет спокойно, все очень тихо... по-прежнему очень холодно... Вести от вас идут очень долго».

Дни уныло и монотонно текли своим чередом. Ленин завершил работу над книгой, посвященной швейцарскому образованию, заказанную одним швейцарским издателем. Ему необходимы были деньги...

Но унылая монотонность и размеренность эмигрантской жизни вдруг резко оборвалась. В полдень 2 марта 1917 г. Крупская мыла посуду после скромного обеда, а Ленин складывал в портфель бумаги, готовясь вернуться в библиотеку. Вдруг на лестнице послышались торопливые шаги, дверь распахнулась, и в комнату ворвался запыхавшийся их друг Бронский[1].

Размахивая тонкими листками специального газетного выпуска, он, не успев отдышаться, воскликнул: «Разве вы не слышали? В России произошла революция!»

«Не помню, как мы дождались, пока закончится этот день», — запишет позже Крупская.

Глава 2

ЛЕНИН, КЕРЕНСКИЙ И ВОПРОС О МИРЕ

1

По иронии судьбы, в результате Февральской революции у власти оказались те, кто хотел продолжать войну, хотя вся страна в этот момент была буквально охвачена страстным стремлением к миру. Если бы царский режим сумел подавить революцию, сепаратный мир с Германией был бы заключен практически немедленно и на любых условиях. Аналогичным образом, сумей большевики прийти к власти в то время, политика, которая в конечном итоге привела к заключению Брестского мира, начала бы осуществляться на девять месяцев раньше.

Однако случилось так, что властный скипетр, выпавший из монарших рук 2 марта 1917 г., был подхвачен либералами-

---

[1] Бронский М.Г. (1882—1941) — польский социал-демократ, затем большевик. Партийную работу вел в Польше и Швейцарии. С июня 1917 г. работал в Петрограде агитатором и пропагандистом ЦК РСДРП(б).

конституционалистами, которые выступали за продолжение войны под лозунгом защиты свободы и демократии, несмотря на страстное стремление к миру подавляющего большинства жителей России и под лозунгом заключения которого революция фактически и произошла.

В обстановке той сумятицы, которая происходила между Февральской и Октябрьской революциями, Временное правительство выступало за продолжение войны, пытаясь соединить несоединимое: верность союзникам и союзническим обязательствам и молчаливое признание того, что подавляющее большинство общества жаждет немедленного мира. То, что это невозможно, было осознано слишком поздно; эта иллюзия дорого обошлась Временному правительству: большевики использовали общее стремление к миру в качестве орудия, при помощи которого режим, пришедший к власти в результате Февральской революции, был сметен.

Трудно найти в истории пример более откровенного политического бессилия и неумения осуществлять управление государством, чем деятельность Временного правительства, которое пришло к власти после отречения царя от престола.

Это правительство, состоявшее из десяти либералов и одного социалиста («десять капиталистов и один заложник демократии», как писал Ленин)[1], пыталось, все менее и менее успешно, «идти по канату», балансируя между верностью союзникам и общей страшной усталостью от войны внутри России, сопровождая это балансирование высокопарными и напыщенными фразами и заявлениями. В результате не получилось ни того ни другого; оно также не смогло найти себе опору среди сторонников монархических традиций, как и создать какую-либо другую основу, на которую оно могло бы опереться. Своего собственного авторитета у него практически не было. Это правительство было не столько революционным, сколько идеалистическим, совершенно неспособным контролировать те мощные народные силы, которые привели его к власти. Такое правительство, как по своему составу, так и по реальным способностям и возможностям, могло бы работать в стране с устоявшимися демократическими порядками, причем на таком этапе разви-

---

[1] В листовке «Товарищам, томящимся в плену», обращенной к русским военнопленным, В.И. Ленин писал: «Демократ» Керенский приглашен в новое правительство только для того, чтобы создать видимость народного правительства, чтобы иметь «демократического» краснобая, который говорил бы народу громкие, но пустые *слова*, в то время как Гучковы и Львовы будут делать антинародное *дело*».

тия, когда была бы не нужна сильная государственная власть; однако оно совершенно не подходило для революционного времени. К тому же большинство его членов были в душе монархистами, а не революционерами.

Безусловным лидером конституционно-демократического режима был премьер-министр Временного правительства князь Г. Львов. Он заслужил авторитет и уважение за свою деятельность в качестве председателя Союза земств; еще при царе он выступал за введение конституционной монархии. Министром иностранных дел стал П. Милюков, который много лет изучал вопросы международных отношений и мировой политики и, как казалось, лучше, чем кто-либо из его коллег, подходил для этой должности. Однако, несмотря на свой блестящий ум и замечательные способности, он был больше педагогом-преподавателем, нежели государственным деятелем; его выступления тех времен напоминали лекции, которые профессор университета читает своим студентам, причем довольно бестолковым. Пост военного министра получил А. Гучков, являвшийся представителем успешного московского торгово-промышленного класса. Будучи идеалистом, он принял участие в Англо-бурской войне начала XX в. на стороне буров, а также стал видным лидером консервативного крыла партии октябристов в Думе. Пост министра финансов достался молодому и очень энергичному М. Терещенко[1] — «сахарному королю» и одному из самых богатых людей в России, широко известному своей благотворительной деятельностью. В 1916 г. вместе с А. Гучковым он участвовал в подготовке неудавшегося дворцового переворота. Назначен он был на весьма «неблагодарный» пост, поскольку ему предстояло руководить финансами страны, ставшей практически банкротом. И наконец, Керенский[2].

---

[1] Терещенко М.И. (1880—1955) — крупный землевладелец, сахарозаводчик, банкир, беспартийный, примыкал к партии «прогрессистов» (так называли себя «прогрессивно настроенные либералы», ставившие целью «утверждение конституционно-монархического строя с политической ответственностью министров перед народным представительством»).

[2] Керенский А.Ф. (1881—1970) — политический и государственный деятель, депутат Государственной думы, возглавлял в ней фракцию трудовиков. После Февральской революции — заместитель председателя Петроградского Совета, в марте 1917 г. вступил в партию эсеров. В первом составе Временного правительства — министр юстиции, сторонник коалиции с буржуазией. В коалиционном правительстве получил портфель военного и морского министра, с июля 1917 г. — еще и министр-председатель (премьер-министр), с сентября 1917 г. — Верховный главнокомандующий. Был связан с Корниловым, однако, испугавшись, что может

Из всех политических фигур, вынесенных «наверх» войной, самой странной и необычной был, безусловно, А. Керенский. Он был сыном директора гимназии, в которой учился Ленин. Благодаря отчасти своим способностям, а отчасти возможностям критиковать в Думе правительство, которыми он активно пользовался, Керенский добился видного положения среди левого крыла думцев. Его выступления были образными и высокопарными и вполне сочетались с его порывистым и запальчивым характером. Он также обладал весьма своеобразной духовной силой и внутренней энергией. «Он наполнял свои паруса ветрами безудержных и неисчерпаемых фантазий, нимало не заботясь при этом, куда они его вынесут, — писал один из его бывших коллег, — и порой он впадал в почти что самую настоящую истерию».

Таким был человек, который спустя несколько недель превратился из «заложника демократии» в правительстве князя Львова в верховного правителя России и которого Ллойд Джордж называл «этот блестящий молодой государственный деятель». Однако после непродолжительного пребывания на посту верховного правителя, опиравшегося на ненадежную и колеблющуюся опору из штыков тех солдатских частей, которые еще были ему верны, он канул в еще более глубокое забвение, чем то, из которого он вознесся на политический олимп.

Однако было что-то действительно замечательное и необычное в этом молодом человеке с квадратной головой и мертвенно-бледным лицом, постоянно произносившем высокопарные страстные речи и не без мужества ведшем «арьергардные бои» со своей собственной судьбой. И, уже будучи человеком средних лет, Керенский сохранял тот еще до конца не растраченный, несколько театральный запал, который заставлял замирать слушавшую его аудиторию, но который не был достаточен для того, чтобы повести ее за собой. Жирондисты необходимы и неизбежны при любой революции.

Охваченные страстным порывом, вызванным стремлением к высоким идеалам, и от всей души желая возрождения и взлета своей страны, они вызывают лавину, которую уже не могут контролировать, когда она начинает свое стремительное движение.

И они по-настоящему счастливы, став жертвой тех разрушительных сил, которые они вызвали, поскольку мучениче-

---

потерять власть, отказался от поддержки заговора. После победы Октябрьского вооруженного восстания скрывался в Гатчине, пытался организовать наступление на Петроград. Потерпев неудачу, бежал на Дон и в 1918 г. эмигрировал во Францию. С 1940 г. жил в США.

ство, включая и мученическую смерть, намного предпочтительней для них, нежели положение тех, которые «могли, но даже не попытались».

То, что Временное правительство не осознавало серьезности ситуации и, соответственно, не реагировало на нее должным образом, стало очевидно уже с его первых шагов в области внешней политики. Одной из основных причин падения царского режима была имевшая глубокие корни всеобщая ненависть к войне, которая непосильным бременем навалилась на страну; подавляющее большинство людей надеялись на ее скорейшее прекращение. Первые дни Февральской революции характеризовались всеобщим страстным протестом против войны, надеждой на то, что с падением старого режима придет столь желанное облегчение в виде окончания продолжавшегося уже два с половиной года кошмара войны и, наконец, наступит мир. Толпы людей шли по улицам Петрограда с флагами и плакатами, на которых были написаны лозунги: «Мира! Земли! Хлеба!» С теми же лозунгами возвращались с фронта солдаты — теперь уже не солдаты, а гражданские лица с оружием в руках и с революционным боевым настроем. Из всех трех лозунгов требование мира было самым сильным.

Все надеялись, что министр иностранных дел официально озвучит царящие в обществе настроения в соответствующем обращении к союзникам, доведя до их сведения стремление России к скорейшему заключению мира и призвав поддержать ее в этом и последовать, насколько возможно, ее примеру.

Однако именно этого Милюков и не сделал.

В своем первом внешнеполитическом обращении, направленном к представителям российского дипломатического корпуса за рубежом, в котором он официально уведомил их о сформировании нового правительства в Петрограде, Милюков ясно показал, что, по крайней мере, лично он не разделяет общего настроя в обществе на немедленное прекращение войны и остается в этом вопросе на тех же позициях, что и прежний режим. «Правительство будет с уважением и ответственностью относиться к международным обязательствам, взятым на себя прежним павшим режимом, и будет верным данному Россией слову... и заключенному соглашению[1], которое неразрывно свя-

---

[1] Имеется в виду секретное соглашение, подписанное 23 августа 1914 г. в Лондоне Англией, Францией и Россией, в котором они взяли на себя обязательство не вступать в сепаратные переговоры о мире с державами Центрального блока. (*Примеч. авт.*)

зало Россию с ее славными союзниками. Как и они, Россия полна решимости обеспечить всему миру, чего бы это ни стоило, наступление эры мира между народами на основе стабильного внутреннего обустройства стран на началах уважения человеческих прав и справедливости. Она будет сражаться вместе с ними плечом к плечу против общего врага до победного конца без каких-либо колебаний и сомнений».

Хотя это заявление было с радостью и удовлетворением встречено союзниками, которые с нетерпением ждали новостей из России о внешнеполитическом курсе нового правительства и в то же время делали предположения относительно того, рухнет ли Восточный фронт полностью или нет, оно ни в коей мере не отражало действительных настроений по поводу войны ни в армии, ни в России в целом[1].

В то же время в Петрограде проходило заседание другого органа власти, который уже тогда имел удивительно большое влияние и значение которого постоянно возрастало. Это был Петроградский Совет рабочих и солдатских депутатов, который был избран 27 февраля 1917 г. — еще до краха царского режима.

С самого начала Совет был единственным органом, который пользовался уважением и влиянием среди тех, кто непосредственно «делал» революцию, — солдат петроградского гарнизона и питерских рабочих. В тот момент этот орган контролировался меньшевиками во главе с князем Церетели.

Большевики в Петроградском Совете были представлены очень маленькой фракцией, которая не оказывала серьезного влияния на его работу и которой не хватало умелого и умного руководства. Фракцию возглавляли в то время Сталин и Каменев[2], недавно вернувшиеся из сибирской ссылки, причем

---

[1] Текст ноты министра иностранных дел П.Н. Милюкова от 18 апреля 1917 г. правительствам союзных государств с заверением, что Временное правительство будет соблюдать все договоры царского правительства и доведет войну до победного конца, стал известен в Петрограде 20 апреля. Возмущенные солдаты и рабочие вышли на улицы Петрограда с лозунгами «Долой войну!», «Долой Милюкова!», «Долой Гучкова!», «Вся власть Советам!».

[2] Каменев (Розенфельд) Л.Б. (1883—1936) — политический и государственный деятель, участник революции 1905—1907 гг., в 1908—1914 гг. находился в эмиграции. В 1914 г. вернулся в Россию для руководства «Правдой» и социал-демократической фракцией Государственной думы. Противник «Апрельских тезисов» В.И. Ленина. На VI съезде партии избран членом ЦК. Вместе с Г.Е. Зиновьевым выступал против вооруженного восстания в октябре 1917 г. В партии занимал умеренные позиции.

в те дни будущий российский диктатор не проявил на посту одного из руководителей фракции качеств лидера и руководителя.

Не подлежит сомнению, что Петроградский Совет пользовался бóльшим доверием со стороны рядовых граждан, чем Временное правительство, особенно со стороны рабочих и крестьян. Однако Совет не шел на сотрудничество с Временным правительством в каких-либо вопросах управления, а лишь выдвигал определенные политические требования и выступал в роли критика правительства. Более того, в революционном запале он нанес последний удар, окончательно похоронивший воинскую дисциплину, приняв печально знаменитый Приказ №1, согласно которому, помимо прочего, солдаты освобождались от обязанности отдавать честь вышестоящим чинам.

О том, насколько правительство ощущало свое бессилие и насколько оно зависело от этого органа, не входившего в официальную систему управления, можно судить из письма военного министра Временного правительства генералу Алексееву от 9 марта 1917 г. А.И. Гучков писал: «Прошу верить, что действительное положение вещей таково: Временное правительство не располагает какой-либо реальной властью, и его распоряжения осуществляются лишь в тех размерах, кои допускает Совет рабочих и солдатских депутатов, который располагает важнейшими элементами реальной власти, так как войска, железные дороги, почта и телеграф в его руках. Можно прямо сказать, что Временное правительство существует, лишь пока это допускается Советом рабочих и солдатских депутатов. В частности, по военному ведомству ныне представляется возможным давать лишь те распоряжения, которые не идут коренным образом вразрез с постановлениями вышеназванного Совета».

Являясь фактически независимым органом власти, Совет проводил свою собственную внешнюю политику и пытался донести до всего мира стремление трудящихся России к заключению немедленного мира. Совет действовал по двум направлениям: с одной стороны, он оказывал давление на Временное правительство, чтобы оно выступило наконец с призывом к заключению всеобщего демократического мира всеми воюющими странами, а с другой стороны, обращался напрямую к правительствам и народам других стран, вобход Временного правительства.

13 марта 1917 г. Петроградский Совет принял Воззвание к народам мира, призывая трудящихся всех стран предпри-

нять все необходимые усилия для того, чтобы положить конец кровавой бойне. «Настало время решительной борьбы с захватническими планами правительств всех стран, от которых они исходят; настало время, когда народы должны взять решение вопросов войны и мира в свои руки... Российская демократия призывает народы всей Европы предпринять согласованные и решительные шаги, которые бы привели к заключению мира». В воззвании содержалось специальное обращение к «братьям-трудящимся стран австро-германской коалиции и, в первую очередь, к пролетариату Германии»; в то же время в воззвании подчеркивалось, что революционная Россия будет защищать свою свободу от любой угрозы, откуда бы она ни исходила; завершалось воззвание знаменитым призывом, впервые прозвучавшим в 1847 г.: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!»

Это было первое свидетельство, полученное миром, о появлении новой влиятельной силы в России, как и о том, что в стране существует серьезный внутренний конфликт, вызванный фактическим двоевластием.

Положение Временного правительства еще более осложнилось после того, как Милюков в интервью, данном специально для средств массовой информации, выступил за установление Россией контроля над Дарданеллами, что обеспечило бы ей выход в Средиземное море и положительно сказалось бы на экономическом развитии страны.

Это заявление продемонстрировало, какая пропасть лежит между официальной внешней политикой и общественным мнением, и вызвало бурю критики со стороны Петроградского Совета. И большевики, и меньшевики дружно обрушились на этот, по их мнению, возмутительный образчик империалистической политики. Премьер-министр князь Г. Львов поспешил отмежеваться от заявления министра иностранных дел, подчеркнув, что, говоря о полезности владения Константинополем, тот высказал свою личную точку зрения и что она не была согласована с другими членами правительства. Он пообещал, что в ближайшие дни будет сделано официальное правительственное заявление по вопросам внешней политики.

Однако до того, как это обещание было выполнено, произошло событие, которому хотя и не придали большого значения, как в России, так и за рубежом, но которому было суждено затмить по важности все другие события — в Россию вернулся Ленин.

2

Союзники России встретили Февральскую революцию с удовлетворением и облегчением. Хотя они высоко оценивали личную приверженность Николая II союзническим обязательствам, в то же время они не могли не приветствовать отстранение от власти прогермански настроенных и коррумпированных лиц из царского окружения, которые ослабили как военную машину России, так и всю страну в целом. Было давно ясно, что во власти нет никого, кто бы мог справиться с ситуацией в это критическое время, а те, кто, казалось, мог это сделать, не допускались к власти из-за предрассудков царя. В подобной ситуации, как писал Ллойд Джордж, революция «была не только неизбежна, но и настоятельно необходима». В тот момент еще не все поняли — и это касалось даже такого проницательного человека, как английский посол в России Дж. Бьюкенен[1], — что в стране произошла замена одного режима на другой и что поэтому в силу естественного хода вещей этот новый режим долго не продержится. Все надежды союзников в тот момент были сконцентрированы на побуждении России к более активному участию в операциях на восточном театре военных действий.

Была и другая причина положительного отношения союзников к Временному правительству: Россию стало возможным относить к демократическим странам, хотя она только что вступила на этот путь и была «новичком». Таким образом снималось последнее препятствие на пути вступления США в войну на стороне стран Антанты, а также появлялась возможность для правительств самих этих стран заручиться большей внутренней поддержкой со стороны профсоюзов и социалистических партий, которые до этого не испытывали большого энтузиазма от союзнических отношений с царской деспотией. О том, что Февральская революция оказала серьезное влияние на подход президента В. Вильсона к вступлению Соединенных Штатов в войну, видно из послания президента конгрессу, в котором предлагалось объявить войну Германии. В нем, в частности, говорилось: «То, что в России появилось новое правительство, являющееся либе-

[1] Джордж Уильям Б ь ю к е н е н (1854–1924) — английский дипломат, в 1910–1918 гг. был послом в России. Активно вмешивался во внутренние дела страны, чтобы любой ценой обеспечить участие России в войне, оказывал поддержку самым реакционным силам в борьбе с нараставшей революцией. В августе 1917 г. поддерживал корниловский мятеж. После Октябрьской революции участвовал в контрреволюционных заговорах, затем — в интервенции Антанты против Советской России.

ральным, и имеется вероятность того, что оно будет развиваться и укрепляться, содействует отказу от наших сомнений относительно возможности установления союзнических отношений с российским правительством, которое мы до этого справедливо считали тираническим и коррумпированным».

В приветственной телеграмме князю Львову от 8 марта 1917 г. Ллойд Джордж писал:

«Так же как мы приветствовали твердую приверженность союзническим обязательствам и сотрудничеству со стороны бывшего российского монарха и русской армии в течение двух с половиной лет войны, мы сейчас столь же сильно и глубоко убеждены, что революция, посредством и благодаря которой русский народ поставил свою историческую судьбу на прочную основу свободы, будет важнейшим вкладом в общее дело, за которое народы стран-союзниц борются с августа 1914 года».

Правительства других союзнических держав слали в Петроград поздравительные телеграммы, выдержанные в том же духе, и заявляли о признании *де-юре*[1] Временного правительства. Они призвали своих коллег и партнеров из социалистических партий скорее отправиться в Петроград, чтобы следить за развитием революции на месте и получать информацию из первых рук, а также добиться того, чтобы новое правительство обеспечивало интересы союзников. Артур Хендерсон из Англии, Альбер Тома из Франции, Эмиль Вандервельде из Бельгии и Чарльз Эдвард Рассел из США спешно прибыли в Россию с поздравлениями новому правительству и стали дружно «наседать» на Временное правительство, требуя от него невозможных «подвигов и свершений», а именно более активного ведения военных действий. Социалисты из стран Антанты вернулись из Петрограда с убеждением, что у новой российской власти есть основания оптимистично смотреть в свое будущее, однако следует отметить, что Э. Вандервельде завершил отчет о своей поездке следующей цитатой из Ницше: «Должен быть хаос, чтобы из него возникли новые звезды; должен быть хаос, чтобы смогли родиться новые миры».

Насколько Февральская революция стала источником облегчения для союзников, настолько же она стала предметом озабоченности и беспокойства со стороны Центральных держав. Хотя надежды на заключение сепаратного мира с Россией рухнули с провозглашением в ноябре 1916 г. независимого Царства (Королевства) Польского, прогерманские настроения

[1] То есть о полном официальном признании.

при дворе, а также коррумпированность и неэффективность правящего режима безусловно были на руку Германии, являясь ее, так сказать, косвенным, но эффективным союзником. Военные действия на Восточном фронте практически замерли, и германское Верховное командование, учитывая это, готовилось к весеннему наступлению союзников на Западном фронте, поэтому его планы не ориентировались на активизацию военных действий со стороны России.

Будучи гораздо лучше осведомлено о реальном положении дел в России, чем союзники по Антанте, германское командование сразу уловило, что наиболее слабым местом России является общая усталость от войны как гражданского населения, так и солдат. «Органам пропаганды была дана команда предпринять немедленные усилия по стимулированию движения за мир в рядах русской армии», — пишет в своих воспоминаниях Людендорф. Русских также призывали не стоять на точке зрения своих союзников, а стремиться к заключению мира, независимо от того, что думают по этому поводу другие члены Антанты. «К чему стремится русский народ? — говорилось в одной из немецких листовок, разбрасываемых в русских окопах. — К тому, чтобы выполнять цели, поставленные союзниками, от чего Россия пока еще не отказалась, или к заключению мира, о чем все громче и громче ведутся разговоры среди солдат русской армии?.. Если новое правительство России вместе со своими союзниками желает убедиться, что германские дивизии и тяжелая артиллерия остаются нетронутыми на Западном фронте и не перебрасываются на Восточный, — они могут это сделать. Когда же вы, наконец, поймете, что именно Англия копает вам могилу?»

Однако подобный метод прямого пропагандистского воздействия не мог дать быстрых и эффективных результатов. Наступления союзников на линию Людендорфа на Западном фронте можно было ожидать, что называется, со дня на день. Необходимы были более действенные методы подрыва нового режима в России, возникшего в результате Февральской революции, который столь активно старались поддержать и упрочить союзники. Верховное командование обдумывало, какое более искусное и действенное орудие можно было бы применить для достижения упомянутой цели, и вдруг совершенно неожиданно такое орудие, как казалось, само буквально попало в руки. И лишь год спустя военным кругам Германии стало понятно: то, что они считали действенным орудием, на самом деле оказалось смертельной силы бумерангом для них же самих.

3

В Цюрихе Ленин не находил себе места и буквально изводился от волнения и нетерпения. Революция, ради которой он положил столько сил и которую так ждал, произошла, но произошла совершенно неожиданно для него. Он был заперт в этом затхлом и опостылевшем мирке, в то время как на улицах Петрограда творилась революционная история. Первые три дня после получения известий о революции в Петрограде он находился в какой-то неистовой лихорадке. Все дневные часы он проводил в разработке самых отчаянных и невероятных вариантов возвращения в Россию, ночные — в исступленном бреду. Он буквально проглатывал любую новость о событиях в России из всех английских, французских и немецких газет, которые попадались ему под руку. Каждая телеграмма, каждая весть из Петрограда наполняла его душу тоской и ностальгическими воспоминаниями; он страстно желал вырваться из мира теоретической работы, в которую был погружен все эти годы, и с головой окунуться в живую практическую деятельность. Он должен во что бы то ни стало выбраться из Швейцарии — это было его главной мыслью и заботой в то время. При этом он прекрасно понимал, что как Временное правительство, так и спецслужбы стран Антанты сделают все возможное и невозможное, чтобы не допустить этого. Он перебирал самые фантастические варианты: например, улететь из Швейцарии на аэроплане или покинуть ее по поддельному паспорту в парике под видом немого шведа.

«Ты можешь начать разговаривать во сне, — говорила его практичная жена. — Если тебе приснятся меньшевики, — смеялась Крупская, — ты сразу начнешь кричать: «Негодяи! Предатели!» — «Ну что же, — отвечал Ленин, — в таком случае придется выучить шведский».

Однако спустя три дня хладнокровие вернулось к нему. В письмах в Швецию к преданной ему А. Коллонтай видна четкая и острая работа мысли; из предельно ясного и точного анализа ситуации в России понятно, что у Ленина не было ни малейших иллюзий насчет того, что Временное правительство сможет долго удержаться у власти. В письмах, предназначенных для распространения в России, он подчеркивает важнейший, по его мнению, тезис, связанный с произошедшей революцией: он призывает товарищей по партии не дать ввести себя в заблуждение Временному правительству и четко понимать, что оно является империалистическим по своим це-

лям и сути, так же служит капиталистам и является таким же врагом трудящихся, как и старый режим, который оно сменило. Оно не сможет дать массам то, что они ожидали от революции, — мира, хлеба и свободы, подчеркивал Ленин. «Наша тактика: полное презрение и никакой поддержки Временному правительству», — телеграфировал он членам большевистской фракции в Петроградском Совете. «Керенский вызывает наибольшие подозрения. Вооружение пролетариата — единственная гарантия».

В течение нескольких дней (с 6 по 24 марта 1917 г.) Ленин изложил задачи большевистской фракции в Совете в пяти направленных им письмах, названных «Письмами из далека». В них рассмотрены все основные вопросы революции и сформулированы задачи и пути их реализации по переходу к ее второму этапу — установлению диктатуры пролетариата. Эти работы являются ярчайшим свидетельством революционного гения Ленина. Точность и глубина оценок, проницательность и дальновидность в определении сильных и слабых сторон, безграничная и неослабевающая вера в возможности трудящихся масс — все это вызывает восхищение, если учесть скудность информации, которой располагал Ленин, и ненадежность каналов связи с Россией, действовавших с большими перебоями.

С удивительной точностью и ясностью показал он неспособность Временного правительства удовлетворить главное требование трудящихся России — дать им мир, и провозгласил, что главным и первоочередным пунктом «пролетарской» программы мира является отказ от всех секретных договоров, заключенных Россией со странами Антанты, и их немедленное опубликование, а также немедленный призыв ко всем воюющим странам заключить перемирие на всех фронтах. Это объявлялось самой первой задачей «правительства рабочих и крестьян» после того, как оно возьмет власть в свои руки.

Тезисы и тактические задачи, поставленные Лениным, не были до конца ясны и понятны многим его соратникам в Петрограде, которые считали разговоры о новой революции и захвате власти пролетариатом утопической мечтой. В то время как Ленин страстно, настойчиво слал через всю Европу в Петроград свои призывы не доверять новой власти, Каменев, при поддержке Сталина, все больше склонялся к социал-патриотизму и фактическому сотрудничеству с Временным правительством.

Почувствовав усиление подобной тенденции в большевистской фракции Петроградского Совета — частью инстинктивно, частью из статей Каменева в «Правде», — Ленин удвоил усилия, чтобы как можно быстрее вырваться из Швейцарии. На встрече представителей политических партий России в Женеве, состоявшейся 5 марта 1917 г., лидер меньшевиков Мартов предложил, учитывая нежелание правительств стран Антанты пропустить политэмигрантов через свою территорию для возвращения в Россию, обратиться за разрешением проехать через Германию в обмен на позволение интернированным в России гражданским лицам из Германии вернуться на родину. Другие члены меньшевистской партии критически отнеслись к столь откровенному и дерзкому плану, опасаясь того, что это неизбежно приведет к соответствующим его оценкам в России. Ленин, однако, тут же ухватился за эту возможность. Он не колебался ни минуты. Если надо выбирать между тем, чтобы ехать в Россию через Германию, и тем, чтобы оставаться в Швейцарии, то выбор для него был предельно ясен. Он немедленно готов ехать хоть через преисподню, под гарантии князя тьмы, если таким образом он сможет попасть в Петроград. С едким презрением он разбил все аргументы колеблющихся меньшевиков и добился принятия предложенного плана.

Первые попытки осуществления его оказались неудачными. В ответ на просьбу секретаря социал-демократической партии Швейцарии Роберта Гримма к швейцарскому правительству быть посредником в переговорах с Берлином по этому вопросу президент Союзного совета Швейцарии Гофман, отвечавший за работу политического департамента, отказался предпринять подобные шаги на основании того, что они могут быть расценены странами Антанты как нарушение Швейцарией нейтралитета. Он подчеркнул, что политэмигранты должны подать официальную просьбу на разрешение вернуться в Россию на имя министра юстиции Временного правительства (в тот момент этот пост занимал Керенский). Раздраженный случившейся задержкой, Ленин согласился на это, за неимением ничего лучшего, и соответствующая просьба была отправлена.

Прошла неделя, потом другая, а из Петрограда не было никаких вестей. Ленин был буквально вне себя от нетерпения. Вопреки предостережениям меньшевиков и других социал-демократов, он поручил секретарю социал-демократической

партии Швейцарии Фрицу Платтену[1] вступить в прямые переговоры с германским правительством. Платтен вступил в контакт с доктором Гельфандом, известным среди революционеров как Парвус[2].

Он был русским политэмигрантом и еще в 90-х гг. XIX в. стал членом социал-демократической партии Германии. Не проконсультировавшись с руководством партии, Парвус начал зондировать почву в Берлине. Он связался с министерством иностранных дел и обсудил это предложение. Специалисты по Восточной Европе Мирбах и Малзан весьма им заинтересовались; положительное заключение было получено от Брокдорфа-Ронзау, который в то время занимал пост советника в германском посольстве в Дании. Гельфанд обсудил этот вопрос в аппарате имперского канцлера и, что более важно, обсудил его также с Эрцбергером и через него вышел на германское Верховное командование. Теперь принятие или непринятие этого плана зависело от того, какое решение примут Гинденбург и Людендорф.

Гельфанд объяснил им, что если они действительно хотят, чтобы Россия вышла из войны, то должны понять, что никто, кроме Ленина, не сможет этого добиться, поскольку это как раз то, к чему он стремится. Вернувшись в Россию, он вышвырнет вон из власти сладкоречивых идеалистов, таких как Керенский и Чхеидзе, и будет готов к заключению немедленного перемирия, а дальше уже только от самой Германии будет зависеть заключение мира с Россией на разумных условиях.

Германское Верховное командование сочло, что в данном случае игра стоит свеч. Оно охотно дало согласие на эту операцию, мало задумываясь о том, что своими собственными руками готовит себе в недалеком будущем «удар ножом в спину». В краткосрочной перспективе такое решение казалось немецкому командованию полезным и разумным. Развал армии противника посредством пропаганды рассматривался как

---

[1] Платтен Фридрих (Фриц) (1883—1942) — швейцарский левый социал-демократ, затем коммунист, в апреле 1917 г. был организатором переезда В.И. Ленина из Швейцарии в Россию. 1 января 1918 г. спас В.И. Ленина во время вооруженного покушения на него, когда автомобиль, в котором ехал Владимир Ильич, был обстрелян террористами.

[2] Парвус (Гельфанд А.Л.) (1869—1924) — в конце 1890-х — начале 1900-х годов участвовал в социал-демократическом движении России и Германии, примыкал к левому крылу социал-демократической партии Германии. После II съезда РСДРП — меньшевик. Парвус выдвинул «теорию перманентной революции», впоследствии используемую Л. Троцким.

своеобразная форма наступления. Что вызывает удивление, так это искреннее убеждение немецких военных и политических кругов, что немецкая армия и немецкий народ окажутся невосприимчивыми к той инфекции, вирусом которой планировалось поразить армию и народ России. «В то время никто не мог предвидеть гибельные последствия для России и всей Европы от появления этих людей в России», — писал генерал Гофман в своих воспоминаниях. Он также говорил: «Мы не знали и не могли предвидеть и предположить, какую угрозу и опасность для человечества представляли последствия возвращения большевиков в Россию. В тот момент мы столь же мало уделяли внимания этому вопросу и придавали ему столь же малое значение, как это делают сейчас страны Антанты».

Впоследствии Людендорф предпочел переложить ответственность за этот шаг с себя и Гинденбурга на тогдашнего германского рейхсканцлера Бетман-Гольвега. «Дав возможность Ленину вернуться в Россию, — писал Людендорф в своих мемуарах, — мы взяли на себя большую ответственность. С военной точки зрения это было оправданно, поскольку нужно было попытаться опрокинуть Россию. Но наше правительство должно было позаботиться о том, чтобы мы не опрокинулись вместе с Россией». В статье, написанной для одного из военных журналов, он высказался еще более откровенно: «Принимая решение дать разрешение Ленину ехать в Россию, канцлер обещал нам, что вследствие этого русская революция будет развиваться более стремительно, а вместе с ней и стремление к миру в русской армии и флоте, которое уже проявлялось весьма отчетливо. В Генштабе сочли, что это привело бы к ослаблению армии противника. Никто в Генштабе не знал, кто подтолкнул канцлера к мысли разрешить Ленину проехать в Россию. Да и сам канцлер вряд ли знал имя этого человека; тем не менее развитие событий показало, что, приняв предложение канцлера, мы поступили правильно и обоснованно».

Для тех, кто знаком с внутриполитической обстановкой в Германии того времени и процессом принятия решений, звучит весьма забавно, что Верховное командование кротко согласилось с предложением канцлера по столь важному вопросу. Гинденбург и Людендорф в высшей степени презрительно и пренебрежительно относились к Бетман-Гольвегу, что было отражением подобного отношения касты прусских военных к гражданским политикам в целом. Всего за несколько недель до этого они вынудили кайзера дать согласие на неограничен-

ное использование в боевых действиях подводных лодок вопреки возражениям федерального канцлера. А спустя три месяца ими же была организована отставка Бетман-Гольвега, на место которого был назначен ставленник военных Михаэлис. Именно в их руках находилась в те дни судьба Германии, и именно они, а не император и не канцлер, несут главную ответственность за принятие этого шага, имевшего, как оказалось, историческое значение.

Итак, жребий был брошен. Германской дипломатической миссии в Берне были даны инструкции положительно ответить на предложение Платтена. В результате 22 марта 1917 г. было заключено уникальное соглашение между империей Гогенцоллернов и редакцией швейцарской революционной газеты. Ленин в предварительной беседе с Платтеном с чрезвычайной тщательностью разработал все детали соглашения. Он потребовал, чтобы вагон, в котором будут ехать политэмигранты, обладал полным статусом экстерриториальности на всем пути следования; всем членам партии давались полные гарантии освобождения от личного досмотра, а также проверки документов и багажа. Платтен должен будет сопровождать политэмигрантов на всем пути следования, и только он один уполномочен вести переговоры и вступать в контакт с германскими официальными лицами; в дополнение к этому, никто не мог покидать вагон в ходе следования или входить в него без разрешения Платтена (именно благодаря этому пункту соглашения и появилась легенда о «пломбированном вагоне»). Единственное обязательство, которое взяли на себя политэмигранты, заключалось в следующем: по возвращении в Россию они будут призывать к тому, чтобы соответствующему количеству интернированных гражданских лиц из Германии и Австро-Венгрии, равному по численности вернувшимся российским политэмигрантам, было разрешено покинуть Россию[1].

24 марта это соглашение было одобрено и «ратифицировано» в Берлине, а двумя днями спустя поезд, «груженный» политическим динамитом — группой из 32 политэмигрантов, в состав которых входили В.И. Ленин, Н.К. Крупская, Г.Е. Зи-

---

[1] Серьезным неудобством для возвращавшихся в Россию большевиков было запрещение курить в вагонах поезда, которое строго контролировалось германскими проводниками. Политэмигрантам приходилось пользоваться расположенным в конце вагона туалетом, когда желание курить становилось нестерпимым, к неудовольствию других их спутников, которые в это же время хотели воспользоваться туалетом по его прямому назначению. (*Примеч. авт.*)

новьев[1], Г.Я. Сокольников[2] и К. Радек[3], отправился в путь от Центрального вокзала в Берне[4].

Меньшевики остались в Швейцарии и до последнего момента осуждали решение большевиков вести прямые переговоры с Германией, не дожидаясь ответа из Петрограда. Ю.О. Мартов и П.Б. Аксельрод опасались обвинений со стороны своих товарищей в России, что, получая согласие со стороны германских властей на проезд по территории Германии, они окажутся в положении своего рода «должников» германского Генштаба, к тому же им придется взять на себя определенные обязательства и из-за того, что они имели соответствующие контакты с германским командованием, и к ним будут относиться как к «германским агентам»[5].

С аналогичным обвинением пришлось столкнуться Ленину и его спутникам по возвращении в Россию, причем не только со стороны стран Антанты и Временного правительства (что было вполне ожидаемым и естественным) и не только со стороны меньшевиков и эсеров, но даже и со стороны своих же товарищей по партии — большевиков, входивших в состав

---

[1] Зиновьев (Радомысльский) Г.Е. (1883–1936) — политический деятель. В революционном движении с конца 90-х гг., член большевистской партии в 1910–1934 гг. Дважды исключался — в 1927 и 1934 гг. После Февральской революции вошел в состав Исполкома Петроградского Совета, член ВЦИК, председатель Петроградской большевистской организации. Осенью 1917 г. высказывается против курса на вооруженное восстание. После победы Октябрьской революции поддерживал создание однородно-социалистического правительства из представителей всех социалистических партий.

[2] Сокольников (Бриллиант) Г.Я. (1888–1939) — в большевистской партии состоял с 1905 г. После Февральской революции — член Московского комитета и Московского областного бюро РСДРП(б), член редакции «Правды». После Октябрьской революции находился на партийной и советской работе.

[3] Радек К.Б. (1885–1939) — с начала 1900-х годов принимал участие в социал-демократическом движении Галиции, Польши и Германии. В большевистской партии состоял с 1917 г. После Октябрьской революции работал в Наркомате иностранных дел, был секретарем Исполкома Коминтерна. В 1918 г. — «левый коммунист»; с 1923 г. — активный деятель троцкистской оппозиции.

[4] В.И. Ленин начал предпринимать попытки выехать из Швейцарии в Россию, как только подтвердилась достоверность Февральской революции. «Я вне себя, что не могу поехать в Скандинавию!! Не прощу себе, что не рискнул ехать в 1915 г.!» — писал он И.Ф. Арманд 2 марта 1917 г.

[5] Несколько месяцев спустя Мартов и Аксельрод, а также около 200 меньшевиков также вернутся в Петроград через территорию Германии. (*Примеч. авт.*)

Петроградского Совета. И первым делом для Ленина и тех, кто возвращался в Россию вместе с ним, было показать всю беспочвенность и лживость подобных обвинений.

Предположение о том, что Ленин, пересекая территорию Германии, действовал в качестве германского шпиона в любом понимании этого слова, является совершенно бессмысленным и смехотворным. Трудно представить себе стороны, которые относились бы как к самому соглашению, так и к друг другу с более грубым прагматизмом и цинизмом, чем Ленин и Людендорф. Отношение немецкой стороны было очень точно и откровенно охарактеризовано начальником Генштаба Восточного фронта генерал-майором М. Гофманом, который, по случайному стечению обстоятельств, не принимал участия в обсуждении и заключении этого соглашения и узнал о нем лишь тогда, когда Ленин прибыл в Петроград. «Так же как я накрываю окопы противника артиллерийским огнем, поражая его снарядами, а также отравляющим газом, я могу использовать для этих же целей пропаганду против него... Лично я ничего не знал о поездке Ленина через территорию Германии. Однако, если бы спросили мое мнение, я навряд ли бы ответил отрицательно». Ленин также предельно реалистично подходил к этому вопросу. Перед отъездом из Швейцарии он писал: «Если бы Карл Либкнехт сейчас был в России, Временное правительство, безусловно, разрешило бы ему выехать в Германию. Интернационалисты всех стран должны использовать в интересах пролетариата интриги и аферы империалистических правительств, не делая при этом никаких изменений в своем курсе и не идя ни на малейшие уступки этим правительствам».

Если и можно говорить о каком-то соглашении или «сделке» между Людендорфом и Лениным, то эта «сделка» основывалась на полнейшем недоверии друг другу и готовности в любое время ее нарушить; она представляла собой скорее поединок, каждая из сторон в котором стремилась переиграть другую. Однако немцы явно недооценили масштаб и, говоря военным языком, калибр противника, с которым им пришлось столкнуться. Людендорф рассуждал примерно так: «Сначала Ленин отстранит от власти русских патриотов, а затем я повешу Ленина и его друзей». Ленин же мыслил следующим образом: «Я проеду через Германию в машине Людендорфа, а потом рассчитаюсь с ним за услуги по-своему». В письме, адресованном швейцарским рабочим, написанном Лениным перед отъездом в Россию, его намерения в отношении Германии изложены

предельно ясно: «Нам придется вести революционную борьбу против немецкой и не только одной немецкой буржуазии. И мы будем ее вести. Мы не пацифисты... Будущее Германии принадлежит тому направлению, которое дало нам Карла Либкнехта и создало группу «Спартак»... *Немецкий пролетариат есть вернейший, надежнейший союзник русской и всемирной пролетарской революции*».

Так получилось, что то оружие, при помощи которого вел борьбу Ленин, и сама эта борьба были расценены в Германии как совпадавшие с германскими интересами; при этом интересы Германии также совпали со всепоглощающим желанием Ленина вернуться в Россию. Каждая сторона была готова нарушить договоренности и обмануть другую. В этой схватке умов в духе Макиавелли Ленин оказался более искусным и дальновидным.

Неудивительно и даже, можно сказать, естественно, что страны Антанты и Временное правительство стали распространять легенду о том, что Ленин является немецким шпионом и что он вез с собой не только разрешение германского Верховного командования на проезд по территории Германии, но и мешки с немецким золотом, для того чтобы использовать его (как и специально открытый счет Deutsche Discontogesellschaft) в соответствии с указаниями немецких «хозяев». Это был естественный пропагандистский ответный удар Антанты на проведенную Германией операцию с «пломбированным вагоном», и эта пропагандистская атака дала блестящие результаты. Те, кто поверил во всю эту историю, упускали из виду, что обещания Ленина дать людям мир и хлеб привлекают к нему солдат и рабочих сильнее, чем все немецкое золото, вместе взятое. Страны Антанты до самого конца так и не поняли, насколько сильно Россия устала от войны и как страстно хотело мира подавляющее большинство русского общества.

Запущенная Антантой «шпионская история» распространялась быстро и достигла Петрограда раньше, чем туда прибыл Ленин. Однако она и облегчила ему возвращение в Петроград. По воспоминаниям В. Набокова, бывшего в то время управляющим делами Временного правительства, когда на одном из заседаний рассматривался вопрос об аресте Ленина по прибытии его в Петроград, большинство министров посчитали это совершенно излишним, поскольку, по их мнению, сам факт обращения к германским властям за разрешением на проезд по германской территории должен был настолько

подорвать авторитет Ленина в России, что его теперь можно не опасаться.

Позднее правительство США опубликовало знаменитые «документы Сиссона», которые в немалой степени содействовали распространению «шпионской истории»[1]; благодаря аналогичным «косвенным уликам», многие стали воспринимать эту историю как правду, в том числе Керенский и американский посол в Петрограде Д. Френсис.

Однако Ленин, спешивший в Россию через континентальную Европу и шведский Мальмё, не опасался подобных обвинений. Он взвесил и рассчитал все последствия еще до начала переговоров с Германией. Он знал, что его политические противники будут пытаться облить его грязью, но он твердо верил, что народные массы все равно пойдут за ним.

Заключенное в Берне соглашение соблюдалось самым тщательным образом. Ленин с презрением отверг все попытки германских социал-демократов вступить с ним в контакт, когда поезд, в котором он ехал, стоял на запасном пути в Берлине. Для него Каутский, Шейдеман и Эберт, голосовавшие в рейхстаге за выделение военных кредитов, были такими же врагами, как Людендорф и кайзер. Он не хотел иметь ничего общего с теми, кто предал дело мирового социализма.

На границе с Россией полиция не разрешила въезд в страну Ф. Платтену и К. Радеку — последнему на том основании, что он являлся гражданином Австро-Венгрии и членом Социал-демократической партии Германии[2], но остальным въезд в Россию был разрешен. Когда прибывшие политэмигранты по пересечении российской границы пересаживались в Фин-

---

[1] «Документы Сиссона» представляли собой материалы, полученные Эдгаром Сиссоном, который работал в то время в России в качестве сотрудника американской Комиссии по информированию общественности. Цель собранных материалов состояла в том, чтобы убедить тех, кто с ними знакомился, в связях руководителей большевиков с немецким Верховным командованием; подлинность документов была подтверждена рядом видных ученых славянского происхождения, живших в США. За несколько месяцев до того, как сборник этих материалов был приобретен Сиссоном, его предлагали английскому министерству иностранных дел, которое отклонило это предложение, сомневаясь в их подлинности, что было совершенно справедливо и обоснованно. Свой собственный взгляд на эту историю Сиссон изложил в книге «Сто красных дней», вышедшей в Нью-Хейвене в 1931 г. (*Примеч. авт.*)

[2] Радек поселился в Германии после неудачи революции 1905 г., в которой он принимал участие, находясь на территории Польши. (*Примеч. авт.*)

ляндии с поезда на поезд, их встречала группа большевиков, специально для этого приехавшая из Петрограда. «Что это вы пишете в «Правде»? — были первые слова, с которыми Ленин обратился к Каменеву, которого не видел несколько лет. — Мы прочитали несколько номеров, и пришлось задать вам жару».

По мере того как поезд вечером 2 апреля приближался к Петрограду, у Ленина все больше росло убеждение в том, что по приезде он будет арестован. Он не боялся ареста, однако перспектива оказаться в Петропавловской крепости была для него крайне неприятна — ведь и так потеряно много времени, а впереди столько работы! Однако его опасения оказались напрасными. Как только поезд въехал на станцию, на платформу хлынула толпа людей, заполнившая ее всю. Когда Ленин сошел с поезда, толпа буквально поглотила его. Кто-то втиснул ему в руки букет роз, и вместе с приехавшими с ним его спутниками он был буквально внесен в привокзальные апартаменты, служившие залом ожидания для царя. Ленин в царском зале ожидания! Да, такова была ирония исторической судьбы, и немало подобных «улыбок истории» еще ждало впереди. Комиссию по встрече возглавлял председатель Петроградского Совета Н. Чхеидзе!

А ведь самыми мягкими словами, которые использовал Ленин для его политической характеристики, были «негодяй и предатель»! Увидев его, Ленин резко остановился; Чхеидзе выглядел весьма смущенным. Он быстро произнес приветственную речь, в которой говорилось и о том, какой позиции он ожидает от Ленина:

«Товарищ Ленин, от имени Петроградского Совета и всей революции мы приветствуем вас в России... однако мы считаем, что главной задачей революционной демократии в настоящее время является защита нашей революции от любых нападок, как изнутри, так и извне... Мы надеемся, что вы присоединитесь к нам в борьбе за достижение этой цели».

Наверное, сложившаяся обстановка была приятна Ленину — она вполне согласовывалась с той живой ироничностью, которая всегда была ему присуща. Букет роз, затем царские апартаменты, и вот теперь речь Чхеидзе. От его ответа на эту речь зависело очень многое. Ленин предпочел сразу поставить все точки над «i». Он несколько минут молчал, был спокоен и собран, немного даже позабавлен всем происшедшим и явно не знал, куда деть преподнесенный ему букет. Затем он сделал жест, как бы отстраняясь от Чхеидзе, и обратился прямо к

толпе людей, заполонивших вокзал: это было символом всей его политики — обращаться напрямую к народу.

«Дорогие товарищи, солдаты, матросы и рабочие! Я счастлив приветствовать в вашем лице победоносную русскую революцию, приветствовать вас как авангард армии мирового пролетариата... Недалек тот час, когда по призыву Карла Либкнехта немецкий народ повернет оружие против капиталистических эксплуататоров... Революция в России, сотворенная вашими руками, открыла новую эпоху. Да здравствует мировая социалистическая революция!»

Всего в нескольких словах своего небольшого выступления Ленин объявил войну Милюкову и Керенскому, с одной стороны, а также Людендорфу и Каутскому — с другой. Из этого выступления можно было понять, какой политической линии он будет придерживаться в будущем.

Его психологическая оценка настроения собравшихся людей оказалась совершенно верной. Брошенный им в массы призыв возымел немедленный отклик. Толпа подхватила Ленина на руки. Этот такой необычный, невысокий, лысоватый человек 47 лет от роду, которого многие из собравшихся никогда до этого не видели, но одно имя которого так много значило для них, сразу стал как бы их неразрывной частью. Буквально сметя в сторону комиссию по встрече, люди, с ощущением победы и радости, триумфально понесли Ленина на руках в ранних сумерках дождливого вечера, поставили его на броневик и все двинулись к роскошному особняку популярной балерины Кшесинской, в котором размещался штаб большевиков (Ленин с его чувством юмора наверняка оценил это забавное несоответствие!). Так Россия приветствовала своего будущего правителя.

За несколько дней до этого, на одном из заседаний правительства, Керенский, недовольный своими коллегами, раздраженно сказал: «Подождите, вот через несколько дней приедет Ленин, и тогда придется работать по-настоящему».

4

Петроград, в который вернулся Ленин, представлял собой в то время необычное, если не сказать странное зрелище. Присутствовало ощущение какой-то загадочности и нереальности происходящего; город жил сегодняшним днем, и никто не был уверен в том, что произойдет завтра. Многие сомневались в

устойчивости Временного правительства, но никто не мог предположить, что именно произойдет. Улицы были наполнены демонстрантами с прямо противоположными взглядами; нередко происходили стычки и столкновения, влекшие за собой человеческие жертвы. Ночная же жизнь города практически не претерпела изменений. Были открыты театры и кабаре; в «Европе» знаменитый нью-йоркский бармен из «Уолдерф-Астории» Джимми продолжал удивлять посетителей чудесами своей кулинарной фантазии. Балетный сезон был в полном разгаре; многие специально приходили, чтобы насладиться выступлениями Карсавиной, а в опере Шаляпин, казалось, пел как никогда. Было ощущение, что в городе нет проблем с продовольствием, хотя из провинции приходили сообщения, что в ряде мест случаются перебои и нехватка продуктов питания. Вся атмосфера была буквально пропитана странным ощущением какой-то нереальности происходящего.

Что касается политики, то все ждали внешнеполитического заявления премьер-министра, в котором он должен был отмежеваться от империалистических взглядов Милюкова, призывавшего к захвату Константинополя, и дезавуировать их. Люди надеялись, что в этом заявлении раз и навсегда будет сформулирован отказ от территориальных захватов, что откроет путь к переговорам о мире, которого все так страстно ждали. Жителей России мало интересовало в то время, что стремление к миру практически невозможно совместить с верностью союзническим обязательствам. Больше всего на свете они хотели мира и считали, что главная задача и обязанность Временного правительства состоит в том, чтобы этот мир людям дать.

Обещанное заявление было сделано 13 апреля 1917 г.; из него видно, сколь отчаянно Временное правительство пыталось сделать невозможное и соединить несоединимое. В этом заявлении отмечалось, что жизненные интересы страны требуют «защиты всеми силами и способами нашего наследия, а также свободы и независимости нашей страны... Оставляя окончательное решение всех вопросов, связанных с войной и ее прекращением, за народным волеизъявлением в тесном единстве с нашими союзниками, Временное правительство считает своим долгом и обязанностью заявить, что цель России состоит не в установлении господства над другими народами, не в присваивании их национального достояния, не в насильственном присоединении чужих территорий, а в установлении прочного и долгосрочного мира на основе уважения

самоопределения народов. Народ России не стремится к усилению своих позиций за рубежом за счет других народов... Именно эти принципы и составят основу внешней политики Временного правительства, которое будет неуклонно руководствоваться в своей деятельности волей народа и защищать права и интересы нашего отечества, твердо выполняя при этом все обязательства, взятые перед нашими союзниками».

Это заявление, тон которого резко отличался от ноты Милюкова от 4 марта, было явной победой Петроградского Совета, поскольку оно находилось в полном соответствии с провозглашенными им принципами внешней политики. Все восприняли это заявление как знак того, что Временное правительство вскоре обратится к правительствам стран-союзниц с просьбой пересмотреть свои цели в текущей войне, что стало бы прелюдией к скорейшему началу переговоров о всеобщем мире.

Передавая 17 апреля заявление Временного правительства в российские дипломатические представительства в странах-союзницах, Милюков совершил непоправимую ошибку. В сопроводительном письме, направленном каждому дипломату, Милюков подчеркивал, что заявление Временного правительства предназначено исключительно для внутреннего пользования и сделано для того, чтобы успокоить Совет; цель Милюкова состояла в том, чтобы развеять опасения союзников, которые резко усилились после известного заявления Совета от 14 марта 1917 г. «Заявление Временного правительства, — писал он, — пропитанное свободным духом свободной демократии, не дает ни малейшего основания полагать, что низвержение старого режима привело к какому-либо ослаблению усилий со стороны России в той общей борьбе, которую ведут все союзные государства. Наоборот, в нем ясно и рельефно выражена общенациональная решимость довести войну до победного конца, вытекающая из осознания высочайшей ответственности как всеми нами вместе, так и каждым в отдельности».

Подобное «разъяснение» вызвало взрыв негодования и яростной критики в отношении как министра иностранных дел, так и военного министра А. Гучкова, которого подозревали в «империалистических поползновениях». Улицы захлестнули мощные демонстрации, имели место столкновения с войсками и полицией. Вся накопившаяся к началу революции классовая ненависть вырвалась наружу, и Ленин с неослабевающим упорством использовал эти настроения, направляя их в нужное русло. Ежедневно, практически ежечасно он обра-

щался с речью к толпам народа, собиравшегося около особняка Кшесинской, расположенного напротив Троицкого моста через Неву, рядом с которым находилось английское посольство. Говорил он спокойно и уверенно, не размахивая руками и не впадая в истерику, как Керенский; руки он держал в карманах темно-синего двубортного пиджака. Он четко знал, чего хочет, и люди, слушая его, ясно понимали, что надо делать. Ленин задавал собравшимся лишь один вопрос: «Что дает вам война?» — и сам же давал на него ответ, который всем был хорошо известен: «Раны, страдания, голод и смерть». «И что же, — спрашивал он с некоторым вызовом, — вы, кто остался жив, вернетесь теперь на фабрики и землю и будете снова работать на капиталистов?» — «Нет! — раздавался в ответ многотысячный рев. — Мы вернемся и возьмем земли и фабрики в свои руки. Долой буржуев!»

Внутри Совета Ленин добился того, чтобы большевистская фракция стала на его точку зрения; он использовал представившийся случай, чтобы на примере «двурушничества» Милюкова продемонстрировать невозможность сотрудничества с буржуазией и Временным правительством, представлявшим ее интересы. В этом его поддержали и меньшевики, однако Совет в целом был еще не готов пойти на окончательный разрыв. Большинство Совета пугала беспощадная жесткость и бескомпромиссность ленинской позиции.

Временное правительство отступило перед надвигающейся бурей. Вечером 20 апреля оно направило в Совет «разъяснение» ноты Милюкова, пытаясь представить ее как соответствующую Манифесту, с которым Совет выступил 13 марта. В разъяснении подчеркивалось, что «цель России не в том, чтобы установить контроль над другими странами или силой захватить территории, принадлежащие другим странам; стоящая перед страной задача заключается в том, чтобы установить длительный и устойчивый мир на основе признания права народов самим решать собственную судьбу». Совет принял это объяснение и поздним вечером того же дня после бурного и острого обсуждения выразил доверие Временному правительству большинством всего в 35 голосов при 2500 голосовавших.

С учетом этого 30 апреля подал в отставку Милюков, а 3 мая — Гучков. В этот же день, 3 мая, в Петроград из Америки возвратился Л. Троцкий.

Та роль, которую сыграл Петроградский Совет в истории с нотой Милюкова, ясно показала, насколько удивительно быстро и сильно выросло его влияние в ущерб позиции Времен-

ного правительства. Перед князем Львовым, который должен был произвести перестановки в составе и структуре правительства, стоял выбор: либо прислушаться к рекомендациям военных кругов и разогнать Совет, применив силу, либо идти на сотрудничество с ним. Львов выбрал сотрудничество и вступил в переговоры о создании коалиционного правительства. Ленин и большевики резко выступили против участия во Временном правительстве; Троцкий, хотя он в тот момент не вступил еще в партию, поддержал большевиков в этом вопросе, как и в ряде других, и использовал представившуюся ему возможность для своего первого публичного выступления с момента возвращения в Петроград. Он высказался за то, чтобы вся власть была передана в руки революционного народа, и впервые озвучил лозунг, с которым позднее большевики пришли к власти: «Вся власть Советам!»

Однако 4 мая 1917 г. Совет дал согласие на участие представителей социалистических партий в правительстве, и под председательством князя Львова было сформировано новое правительство, в которое вошли видные социалисты — среди них члены Совета В. Чернов, И. Церетели и М. Скобелев, — а также девять либералов и радикалов. Керенский получил пост военного министра, а Терещенко сменил Милюкова на посту министра иностранных дел.

В принятой правительством в этот же день министерской (учредительной) декларации было объявлено, что «в духе полного единства и гармонии с волей всего народа» правительство отвергает идею заключения сепаратного мира и ставит своей целью «скорейшее достижение всеобщего мира» на основе отказа от аннексий и захватнической политики, а также уважения права на самоопределение.

Сделав, таким образом, попытку учесть интересы всех заинтересованных сторон в вопросе о мире, составители декларации также подчеркнули, что решение вопроса о передаче земли крестьянам — а этот вопрос был одним из основных в публичных выступлениях Ленина — должно быть принято Учредительным собранием, для «скорейшего» созыва которого правительство приложит все усилия. Затяжка и откладывание реализации последнего пункта со стороны правительства дало Ленину возможность использовать это в качестве важного оружия в своем арсенале, и он, без тени сомнения, активно ее использовал.

За три дня до этого, 1 мая, Петроградский Совет принял воззвание «К социалистам всех стран», которое являлось про-

должением первоначального воззвания Совета от 13 марта. В воззвании было высказано отрицательное отношение к заключению сепаратного мира, поскольку такой мир «развязал бы руки австро-германскому союзу», и содержался призыв к социалистам всего мира заставить свои правительства принять «платформу мирных переговоров и заключения мира без аннексий и контрибуций на основе права народов на самоопределение». Этот призыв был обращен и к социалистам из стран, входивших в блок Центральных держав, и для координации их усилий с борьбой социалистов в странах Антанты Совет предложил организовать в ближайшее время международную конференцию социалистических партий.

Это воззвание привело к тому, что министерское (учредительное) заявление нового правительства было встречено в странах — союзницах России крайне отрицательно, и можно сказать, что содержавшиеся в нем попытки не испортить отношения с союзниками закончились провалом. Представители правительств Англии и Франции не стали делать различия между правительством и Советом и, став жертвой собственной пропаганды, объявили о недоверии и тем и другим. Игнорируя информацию собственных посольств в России и будучи во власти почти навязчивой идеи, что влияние Германии в России растет чуть ли не с каждым часом, Англия и Франция предпочли увидеть в упомянутом заявлении злой умысел против себя в пользу Германии. Выступая 16 мая в английской палате общин, Бонар Лоу заявил: «Формулировки этих документов представляют собой двусмысленности и коварно и изощренно расставленные ловушки, разработанные не в Петрограде, а за рубежом, причем очень хорошо известно, где именно».

Правительства союзников упорно отказывались признавать, что Россия фактически вышла из войны, и просто игнорировали всё растущие сообщения, подтверждающие этот факт. К миру активно призывала как большевистская, так и меньшевистская пресса.

«Страстное желание мира, мира постоянного и долгосрочного, заключенного на любых условиях, пусть даже ценой уступок части территории, постоянно растет — всё свидетельствует об этом, — писал военный корреспондент «Рабочей газеты» — ежедневного ведущего органа меньшевиков. — Солдаты отчаянно и страстно мечтают об этом и желают этого, хотя пока об этом не говорится открыто на митингах и в принимаемых резолюциях, хотя вся наиболее просвещенная часть

армии борется с этими настроениями, пытаясь не дать им распространиться, а тем более оформиться в организованное движение».

Единственное, что могло бы остановить процесс деморализации армии, — это информирование солдат о реальных шагах Временного правительства, направленных на прекращение военных действий и скорейшее заключение мира. Однако Временное правительство подобных шагов не предпринимало, да и не могло предпринимать, пока было связано обязательствами трехстороннего соглашения, подписанного Англией, Францией и Россией 23 августа 1914 г., согласно которому никто из них не мог вступать в сепаратные мирные переговоры со странами Центрального блока. У Временного правительства не хватило мужества посмотреть правде в глаза и обратиться с просьбой к союзникам освободить Россию от обязательств продолжать войну любой ценой и не пытаться из нее выйти, которые страна все равно была не в состоянии выполнить. Вместо этого Временное правительство неуклюже маневрировало, шарахаясь из стороны в сторону, от одного провала к другому, в отчаянных и тщетных попытках спасти лицо. Так, 2 июня 1917 г. министр иностранных дел М. Терещенко предложил провести конференцию стран-союзниц «для пересмотра соглашений о конечных целях войны», однако при этом он специально подчеркнул, что «соглашение от 23 августа 1914 г. не подлежит обсуждению на этой конференции»; на следующий день Дума приняла резолюцию, поддерживающую проведение наступления на фронте в точном и строгом соответствии с решениями, принятыми по этому вопросу на межсоюзнической встрече по военным вопросам, прошедшей в январе 1917 г. Предложение Терещенко было встречено в Лондоне и Париже без всякого энтузиазма; было лишь отмечено, что от России ждут запланированного наступления и что оно должно быть осуществлено как можно скорее. Временное правительство, таким образом, получило очередной удар по своему престижу, правда, этот удар был им самим и вызван.

Вероятно, наиболее мудрая и разумная линия как со стороны Временного правительства, так и со стороны союзников должна была состоять в том, чтобы освободить Россию от взятых ею на себя ранее обязательств; именно такой подход был предложен сэром Дж. Бьюкененом, английским послом в России, сразу после Октябрьской революции 1917 г. Ведь фактически Россия и так в войне уже не участвовала, а июньское

наступление не только не помогло союзникам и не упрочило их позиции в военном отношении, но, наоборот, дало возможность Германии организовать мощное контрнаступление. Заключение в то время мира с Германией и скорейший созыв Учредительного собрания лишили бы Ленина важнейших козырей и помогли бы восстановить доверие жителей страны к Временному правительству. Однако на глазах всего мира Временное правительство продолжало проводить самоубийственную политику.

Большевики резко выступали против планируемого нового наступления, и Керенскому, пытавшемуся осуществить реорганизацию армии, пришлось столкнуться с хорошо организованной пропагандой в воинских частях практически по всему фронту. Он использовал все свое пылкое и высокопарное красноречие, чтобы противостоять ей. Со слезами на глазах он отчаянно взывал к солдатам, умоляя их доверять ему и воевать ради защиты демократии. Именно в ходе кампании по реорганизации армии Ленин и Керенский первый и единственный раз за свою политическую карьеру встретились очно. На I Всероссийском съезде Советов они выступали перед аудиторией с одной и той же трибуны, и Керенский обвинил Ленина в стремлении заключить сепаратный мир с Германией. Ленин с негодованием отверг это обвинение. «Это ложь! — крикнул он в ответ. — Долой сепаратный мир! Мы, русские революционеры, никогда за него не выступали. Для нас переговоры о сепаратном мире означают вступление в сговор с германскими разбойниками и грабителями, которые являются такими же хищниками, как и капиталисты других стран. А вот Временное правительство, вступив в сделку с русскими капиталистами, как раз и заключило с ними сепаратный мир»[1].

По мнению Ленина, единственная возможность прекратить войну и обеспечить надежный и долгосрочный мир со-

---

[1] Согласно немецким военным источникам, Временное правительство, для того чтобы скрыть военную слабость России и отвлечь внимание от своей подготовки к наступлению на фронте, предприняло в конце весны — начале лета «мирное наступление». В Стокгольме состоялись контакты между российскими представителями и М. Эрцбергером, который отнесся к ним очень серьезно и 29 мая сообщил Людендорфу, что, по его мнению, настал удачный момент для заключения перемирия. И министерству иностранных дел, и Генеральному штабу были даны указания быть готовыми к началу официальных переговоров, однако после того, как подготовка к июньскому наступлению была завершена, эти «пробные шары» были спешно «возвращены назад» и контакты прекратились. (*Примеч. авт.*)

стояла в том, чтобы пролетариат взял в свои руки власть во всех воюющих странах.

В соответствии с планом наступление началось 18 июня 1917 г.

Русские войска сражались с традиционным мужеством, несмотря на огромную усталость от войны и нехватку снаряжения и боеприпасов. Трудно найти другое более трагическое событие во времена Первой мировой войны, чем это наступление русской армии, осуществляемое солдатами, единственным желанием которых было заключение мира и возвращение домой и которые шли в бой, порой имея одну винтовку на шесть—восемь человек. Однако, благодаря лишь наступательному порыву и доблести, им удалось в течение первых суток довольно существенно продвинуться вперед и захватить в плен 36 000 солдат противника.

Однако ряд частей отказался идти в наступление; солдаты бросали оружие на землю и стояли, мрачно потупив взгляд, со скрещенными на груди руками, игнорируя приказы офицеров идти в бой. Не помогали ни угрозы, ни уговоры; наконец, офицеры, махнув рукой и плюнув на неповинующихся солдат, шли в бой одни. Разложение армии началось.

Наступление русских нисколько не смутило германское Верховное командование и не стало для него неожиданностью. Когда же 5 июля началось контрнаступление немецких войск, сразу обнаружилось, как низок боевой дух русской армии. Большевистские агитаторы действовали практически в каждой части, и их работа давала ощутимый результат; многие полки восставали, убивали офицеров, а потом в растерянности останавливались, не зная, что делать дальше. Фронт был парализован. Германское контрнаступление довершило работу по разложению армии, начатую большевистской агитацией. Последствия были ужасны. И так уже разлагавшуюся армию охватила паника. Ни о каком сопротивлении не могло быть и речи. Отступление парализовало даже те немногие части, которые готовы были защищать свои позиции. Армия буквально таяла на глазах командиров. Как сказал впоследствии Ленин, «армия проголосовала за мир ногами».

В середине июля был взят Тарнополь, а 19 августа немецкие войска форсировали Двину и на следующий день взяли Ригу. Только из-за нарушенной транспортной системы немецкое контрнаступление не смогло развиваться более стремительно, и к началу октября 1917 г., после того как германской армией были захвачены расположенные в Рижском заливе

острова Моон, Даго и Эзел, ситуация на Восточном фронте стабилизировалась.

В Петрограде на Временное правительство обрушивались одна катастрофическая неудача за другой. 3 июля 1917 г., когда наступление захлебнулось и не выполнило поставленных перед ним целей, а члены партии кадетов, включая премьер-министра Г. Львова, подали в отставку в связи с вопросом о признании украинской автономии, большевики предприняли первую попытку государственного переворота, которая оказалась неудачной, поскольку не была должным образом организована и подготовлена. Она стихийно выросла из массовой манифестации недовольных солдат пулеметного полка в Петрограде. Ленина не было в городе, он восстанавливался за городом после небольшого заболевания, и его наиболее нетерпеливые соратники сочли, что в условиях правительственного кризиса, открывавшегося I Всероссийского съезда Советов и революционных выступлений в войсках имеется благоприятное стечение факторов для захвата власти.

После ожесточенных перестрелок на улицах, продолжавшихся в течение двух дней, силы Временного правительства взяли верх, причем не столько благодаря эффективности своих действий, сколько из-за неподготовленности большевиков к вооруженному выступлению. Те репрессивные меры, которые за этим последовали, показали неуверенность и нерешительность Временного правительства, которое, с одной стороны, хотело подавить и уничтожить своих врагов, а с другой — не было уверено в своих возможностях это сделать. Эти действия явно и весьма контрастно отличались от тех безжалостных, но эффективных шагов, которые предпринял Носке[1] против спартаковцев в Берлине в 1918 и 1919 гг. Большевистские газеты были закрыты; Л. Троцкий, Н. Крупская, А. Коллонтай и другие были арестованы и приговорены к смертной казни; позднее приговоры были смягчены и их, в конце концов, освободили. Ленину пришлось скрываться; в течение трех месяцев вместе с Зиновьевым он находился в Финляндии под видом машиниста. С товарищами по партии он поддерживал связь при помощи тайной переписки.

---

[1] Г. Носке (1868—1946) — один из оппортунистических лидеров германской социал-демократической партии. В 1918 г., во время Ноябрьской революции в Германии, был одним из руководителей подавления революционного движения матросов в Киле. В 1919—1920 гг. был военным министром; организатор расправы с рабочими Берлина и убийства К. Либкнехта и Р. Люксембург, за что получил прозвище «кровавой собаки».

Керенский после того, как ему удалось на время избавиться от угрозы со стороны большевиков, сконцентрировал усилия на реорганизации правительства. 8 июля ему удалось сформировать кабинет с участием представителей всех партий, за исключением крайне правых и крайне левых: монархистов и большевиков. Генерал Л. Корнилов[1] сменил А. Брусилова на посту Верховного главнокомандующего, и ему было поручено остановить наступление немцев. Сам Керенский 18 июля в обращении к союзникам высокопарно обещал, что Россия приложит все силы для того, чтобы успешно продолжить войну. Однако в этом заявлении просматривались первые нотки того безнадежного фатализма, который становился все более характерен для части социалистических партий, в частности эсеров. Керенский, занявший к этому времени пост премьер-министра, очень хорошо понимал, что единственный его шанс на успех заключался в том, чтобы союзники сами предприняли шаги к немедленному заключению мира и чтобы было безотлагательно созвано Учредительное собрание; при этом он также понимал невозможность и того и другого.

Отношение союзников к Временному правительству очень сильно изменилось в сравнении с той полной радужных надежд благожелательностью, которая была характерна сразу после Февральской революции. Их посольства в Петрограде слали сообщения, полные уныния и подавленности, в которых в мрачных тонах обрисовывалась обстановка неуверенности и замешательства вокруг Временного правительства. В результате отношение союзников все более и более менялось в сторону разочарования, которое перемешивалось с раздражением и досадой, граничащей с откровенным возмущением по поводу происходящего. Свою лепту в подобное отношение внесло, в частности, и то, что в министерство иностранных дел Англии

---

[1] Корнилов Л.Г. (1878—1918) — генерал, участник Русско-японской и Первой мировой войн, один из руководителей контрреволюции. С 19 июля по 27 августа — Верховный главнокомандующий русской армии. 25 августа предъявил ультиматум Временному правительству и двинул войска на Петроград с целью установления военной диктатуры. После ликвидации 31 августа этого мятежа был арестован Временным правительством и вместе с другими военными руководителями мятежа заключен в тюрьму в городе Быхове. 19 ноября 1917 г. по распоряжению генерала Н.Н. Духонина освобожден и бежал на Дон. С 25 января 1917 г. — командующий Добровольческой армией. 31 марта 1918 г. во время «Ледяного похода» (другое название — 1-й Кубанский поход) был убит взрывом артиллерийского снаряда в ходе боя с частями Красной армии под Екатеринодаром (ныне Краснодар).

были представлены одна за другой три кандидатуры на пост посла России в Англии; все три были одобрены, но ни один из них в Лондоне так и не появился. Это ничего, кроме раздражения, в Лондоне не вызвало, и единственный ответ, которым было удостоено вышеупомянутое заявление Керенского со всеми его заверениями, которое официально пришло в Лондон как раз в момент проходившей там межсоюзнической конференции, представлял собой ноту, в которой выражался «решительный протест в связи с продолжавшимися в России процессами распада и анархии и непринятием мер по их прекращению». Как ни странно, уже после того, как этот протест был передан, российского временного поверенного в делах попросили высказать свои соображения по этому вопросу.

Между тем правительство Керенского продолжало удручающе следовать курсу, который неизбежно должен был привести к катастрофе. В конце лета и осенью 1917 г. кризисы следовали один за другим. После того как 19 августа немцы взяли Ригу, Петроград оказался в радиусе досягаемости военных воздушных шаров — цеппелинов. Фронт практически рухнул. В отчаянии от неспособности Временного правительства справиться с ситуацией как внутри страны, так и на фронте Верховный главнокомандующий генерал Л. Корнилов, «человек на коне», предпринял в последней неделе августа попытку государственного переворота, которая выглядела столь же невероятной и фантастичной, сколь и плохо подготовленной. В своей основе она имела зачатки мощного патриотического движения — Ленин охарактеризовал ее как «серьезный и чрезвычайно опасный удар», — однако ввиду нечеткости, если не явной незрелости по замыслу и неумелости и неэффективности по исполнению, попытка переворота превратилась в опереточное представление, что весьма ярко проявилось, когда казачьи части Корнилова без боя сдались вооруженным рабочим отрядам из Петрограда. Как и во время июньских событий, Керенский и в данной ситуации продемонстрировал неспособность реально оценить обстановку и извлечь политическую выгоду из происходящего. Тогда у него была возможность покончить с большевиками раз и навсегда, но он ею не воспользовался; сейчас, вместо того чтобы попытаться договориться о каком-то союзе или сотрудничестве с человеком, за которым готова была идти значительная часть армии, Керенский открыто выступил против Корнилова, обвинив в мятеже, для подавления которого ему пришлось согласиться на вооружение гражданского населения, чего как раз и требовали большевики. Однако рабочие, раз взяв в руки ору-

жие, не собирались его складывать. С этого момента судьба Временного правительства была решена и его крах стал вопросом ближайших недель.

Несмотря на провал корниловского мятежа, правительство пало и Керенский стал главой директории из пяти человек[1].

13 сентября в Москве на широкой представительной основе было созвано Демократическое совещание[2].

Однако правительственная реорганизация не дала никаких результатов. События уже приняли такой ход, что Временное правительство неминуемо катилось к своему краху. Соответственно 19 и 24 сентября Московский и Петроградский Советы перешли под контроль большевиков, причем председателем Петроградского Совета стал Троцкий. Между тем Керенский, отчаянно пытаясь найти временную замену так пока и не созванному Учредительному собранию, провозгласил создание Совета Российской республики (известной также как предпарламент), в котором были представлены все классы населения. Этот орган являлся совещательным и не имел законотворческих полномочий. Во время его первого заседания 6 октября 1917 г. большевики покинули его, объявив, что не желают участвовать в «правительстве, предающем интересы народа», и заявив о намерении созвать в последнюю неделю октября Всероссийский съезд Советов, «который возьмет в свои руки всю полноту власти в России».

Именно в такой ситуации было, наконец, объявлено о проведении 26 октября межсоюзнической конференции по вопросам целей войны, которую Керенский и Терещенко так давно ждали и на которую так надеялись. Для совершенно деморализованного Временного правительства это был своего рода полученный в последнюю минуту шанс на какую-то передышку в череде сплошных неудач. Было намерение, чтобы Россию на этой конференции представляли Терещенко и старый генерал Алексеев. Однако Петроградский Совет, стремясь

[1] Временная директория была образована впредь до окончательного разрешения вопроса о составе правительства. Помимо А.Ф. Керенского, в нее вошли министр внутренних дел А.М. Никитин, министр иностранных дел М.И. Терещенко, командующий войсками Московского военного округа (занимал этот пост до сентября 1917 г.; позднее — военный министр) А.И. Верховский и военный министр Д.Н. Вердеревский.

[2] Речь идет о Всероссийском совещании, созванном меньшевистско-эсеровским ЦИК Советов для решения вопроса о власти. Действительной же целью совещания было отвлечь внимание народных масс от нараставшей революции.

продемонстрировать свою постоянно растущую власть и относясь с недоверием к правительству ввиду его «империалистических целей и поползновений», настоял, чтобы его представитель Скобелев был включен в состав делегации; причем ему был дан ставший знаменитым *наказ* добиваться мира на принципах «без аннексий, без контрибуций и на основе уважения права народов на самоопределение».

Временное правительство было против того, чтобы Скобелев стал членом делегации, а союзнические правительства после появления упомянутого наказа заявили резкий протест против включения Скобелева в состав делегации представителей от России. Венцом же разочарований для России стало заявление, которое сделал Бонар Лоу, отвечая на один из вопросов в английской палате общин. «Насколько мне известно, — заявил он, — на конференции в Париже вообще не будут обсуждаться цели войны; будут обсуждены лишь методы ее ведения».

В это же время военный министр генерал Верховский заявил, что ввиду творящегося в российской армии хаоса единственный выход состоит в том, чтобы оказать давление на союзников, чтобы они выступили с немедленным предложением мира. Это заявление было охарактеризовано большевистской прессой как предложение заключить сепаратный мир за спиной союзников, и министр подвергся острым нападкам. Военный министр был отправлен в отпуск на неопределенное время, и Керенский в последний короткий период своего пребывания у власти стал верховным военным диктатором России.

13 октября Ленин, скрывавшийся после июльских волнений в Финляндии, тайно вернулся в Лесное, под Петроградом. В течение всего времени этой вынужденной ссылки он посылал письма товарищам по партии, поддерживая их, давая указания и советы, непрерывно снабжая их хорошо продуманными аргументами для использования их в борьбе против Временного правительства. В этих письмах гений Ленина-пропагандиста раскрылся как никогда; эти работы являются классическими образцами революционной литературы.

Штаб (Центральный комитет) большевистской партии переехал из дворца примы-балерины в другое место, также, казалось бы, весьма неподходящее — в расположенное на севере Петрограда здание, где ранее располагался Смольный институт благородных девиц. В тех же самых помещениях, где в более счастливые и спокойные времена молодых девушек из знатных семей обучали хорошим манерам и тому, как вести

домашний быт, партийные тактики отшлифовывали планы вооруженного восстания, которое, по их мнению, было единственной возможностью спасти революцию от буржуазного влияния Керенского и окружавших его доктринеров и попыток буржуазии использовать революционный настрой масс в своих целях.

Первые встречи с товарищами по партии, состоявшиеся 9 и 15 октября, Ленин провел в Лесном, поскольку возвращаться в столицу было еще опасно. Во время этих встреч, на которых присутствовали Троцкий, Зиновьев, Сталин, Свердлов, Каменев, Дзержинский, Коллонтай, Сокольников и еще три человека, Ленин подчеркивал, что пора пожинать плоды пропаганды и агитации, которые тщательно высевались большевистскими агитаторами со времени июльских волнений. Сейчас наступил подходящий момент для того, чтобы большевики взяли власть. Никакого промедления и оттяжки не должно быть. Сейчас или никогда.

Все присутствующие с этим согласились, за исключением Каменева и Зиновьева. Последние считали вооруженное выступление крайне рискованным и авантюрным; не было, по их мнению, никаких оснований быть уверенными в его успехе. Они предпочитали подождать, пока программа, предложенная большевиками, как и аргументы, разоблачающие меньшевиков и эсеров, станут известными широким слоям населения. Каменев и Зиновьев опасались повторения июльской ситуации и успеха контрреволюционных сил, в частности своего рода нового корниловского мятежа, на этот раз успешного.

Не сумев убедить членов ЦК, Каменев и Зиновьев заявили 15 октября о выходе из Центрального комитета и предприняли крайне резкий шаг, подвергнув критике политку Ленина и его призыв к вооруженному восстанию в непартийной газете «Новая жизнь» (в номере от 17 октября). За разглашение партийной тайны Ленин заклеймил эту «парочку» как «предателей», подверг их взгляды уничтожающей критике и потребовал исключения их из партии. Поскольку эта угроза осталась невыполненной, Каменев и Зиновьев продолжали выступать против вооруженного восстания вплоть до самой Октябрьской революции, правда, больше они не выносили свои взгляды за пределы партии.

Между тем Временное правительство продолжало заниматься подготовкой к предстоящей межсоюзнической конференции, хотя и заявляло о том, что ему известны планы боль-

шевиков. В Совете республики Терещенко потребовал, чтобы данный Скобелеву *наказ* был отозван. Он заявил:

«Мы объединены с союзниками в такую комбинацию сил, которая отвечает интересам России... Поэтому крайне важно, чтобы наши взгляды по вопросам войны и мира находились в ясном и, максимально возможно, точном соответствии со взглядами наших союзников... Во избежание каких-либо недоразумений и недопонимания я хочу ясно и откровенно заявить, что на парижской конференции у России должна быть *единая точка зрения*».

Однако в то время как Совет республики скрупулезно занимался формулировками в документах, основы властной структуры Временного правительства уже начали рушиться. Об этом говорило образование 15 октября Петроградским Советом Военно-революционного комитета. На следующий день пала одна из основ, на которой держалась шаткая конструкция управления, головная часть которой находилась в Мариинском дворце. Части петроградского гарнизона единогласно приняли следующую резолюцию: «Петроградский гарнизон больше не признает Временное правительство. Нашим правительством является Петроградский Совет. Мы будем выполнять приказы только Петроградского Совета, передаваемые через Военно-революционный комитет».

Третья встреча членов ЦК состоялась в Лесном 19 октября. Ленин, который выступал за то, чтобы действовать без промедления, по-прежнему сталкивался с возражениями со стороны тех, кто хотя в принципе и выступал за вооруженное восстание, но при этом сомневался, наступил ли для этого подходящий момент. Планы восстания обсуждались на встрече 19 октября, однако и на этой встрече Ленину не удалось добиться принятия решения о точной дате выступления. Второй съезд Советов должен был открыться 25 октября, и Ленин был убежден, что вооруженное выступление необходимо осуществить до его открытия и принятия каких-то решений, в том числе и организационного характера; власть следовало брать силой, чтобы не зависеть от результатов голосования. Вечером 24 октября он написал последнее письмо в ЦК по этому вопросу, призывая к немедленному выступлению. «Яснее ясного, что теперь, — писал он, — уже поистине, промедление в восстании смерти подобно... История не простит промедления революционерам, которые могли победить сегодня (и наверняка победят сегодня), рискуя потерять много завтра... Было бы гибелью или формальностью ждать колеблюще-

гося голосования 25 октября, народ вправе и обязан решать подобные вопросы не голосованием, а силой... Промедление в выступлении смерти подобно!»

Позднее, вечером того же дня переодетый Ленин пришел в Смольный, чтобы лично возглавить подготовку к восстанию. Его присутствие, хоть и скрытое, ликвидировало последние остатки сомнений и колебаний, и 25 октября уже шатающемуся Временному правительству был нанесен смертельный удар.

Режим Керенского пал так же бесславно и невразумительно-безропотно, как и существовал. Красногвардейцы рассчитывали встретить серьезное сопротивление, но Временное правительство просто растаяло, как снег, и само прекратило существование. Керенский утром 25 октября покинул Петроград, намереваясь вернуться с верными Временному правительству воинскими частями. Он их не нашел и в Петроград больше никогда не вернулся. Несколькими часами позже оставшиеся члены Временного правительства, преданные своей охраной, были арестованы во время своего последнего заседания в Мариинском дворце. Их последними защитниками были подавленные и растерянные старые слуги, обслуживающие дворец, горстка юнкеров да несколько женщин из женского батальона, не способных оказать какого-либо сопротивления.

Глава 3

ДЕКРЕТ О МИРЕ

1

Именно вопрос о мире стал главным испытанием для большевиков. Этот вопрос был главным в их борьбе против Временного правительства, и таковым он и остался в практической повестке дня победившей Советской власти. Народные массы в подавляющем большинстве страстно жаждали мира. Вопрос о мире рассматривался с точки зрения интересов революции как в России, так и за рубежом, и переговоры о его достижении должны были осуществляться в контексте новой революционной политики. Прежде всего, было необходимо отказаться от политики Временного правительства, пытавшегося оказать воздействие на союзников по дипломатическим каналам. Эта политика провалилась, причем совершенно бесславно и позорно. Обстановка требовала немедленных и энер-

гичных действий по заключению всеобщего мира между всеми воюющими странами.

Заключение сепаратного мира с Германией никогда не входило в программу большевиков. Сепаратный мир, наоборот, совершенно противоречил этой программе, которая предусматривала заключение общеевропейского мира на основе победы социалистической революции и установления диктатуры пролетариата во всех воюющих европейских странах. Партия в то же время выступала за немедленное предложение мира на основе воззвания Петроградского Совета от 14 марта 1917 г.

Именно вопрос о мире больше всего занимал Ленина в период между неудавшимся июльским выступлением и успешно осуществленным в октябре 1917 г. государственным переворотом, когда ему приходилось работать скрываясь и находясь на нелегальном положении.

В письмах, содержащих советы и указания товарищам по партии, написанных и отправленных из мест, где ему приходилось скрываться, Ленин подчеркивал важность вопроса о мире и необходимость добиваться его заключения. «В войне против немцев, — писал он в августе 1917 г., — именно теперь нужно *дело*: *тотчас* и *безусловно* предложить *мир* на *точных* условиях. Если сделать это, то *можно* добиться либо быстрого мира, либо превращения войны в революционную...»

Вновь возвращаясь к этому вопросу, Ленин писал, что, «если большевики возьмут власть, они могут выступить перед народом с предложением о немедленном заключении мира». Наконец, в опубликованной в середине сентября 1917 г. статье «Задачи революции» он указывал:

«Советское правительство должно немедленно предложить *всем* воюющим народам (т. е. одновременно и правительствам, и рабочим и крестьянским массам) заключить сейчас же общий мир на демократических условиях, а равно заключить немедленно перемирие (хотя бы на три месяца)... Такие условия мира не будут встречены доброжелательно капиталистами, но у всех народов они встретят такое громадное сочувствие и вызовут такой великий, всемирно-исторический взрыв энтузиазма и всеобщего возмущения затягиванием грабительской войны, что, всего вероятнее, мы получим сразу перемирие и согласие на открытие мирных переговоров. Ибо рабочая революция против войны растет всюду...»

Именно на этой основе — представлявшей собой ошибочное понимание психологии западноевропейцев — и были

предприняты первые внешнеполитические шаги советского правительства. При этом исходили из того, что достаточно выдвинуть предложение, основанное на принципах заключения всеобщего мира, как народы воюющих стран заставят свои правительства вступить в мирные переговоры. Этот подход, которого, как было совершенно очевидно, придерживались с самого начала, становился все более откровенным и выразительным по мере приближения мирных переговоров в Брест-Литовске.

Вдохновляемый воспоминаниями о прозошедшем в июле 1917 г. мятеже военных моряков в Киле, Ленин позволил себе сделать заключение, что пролетарская революция в Германии уже буквально «за углом», — эта ошибочная оценка впоследствии обошлась России весьма дорого. «Как только большевики придут к власти, — заявлял он, — германский пролетариат заставит кайзера начать переговоры о мире».

Теоретические взгляды Ленина были очень быстро реализованы на практике. 26 октября в 6 часов 15 минут в Смольном была получена телеграмма с Северного фронта, в которой выражалась поддержка новому режиму и которая могла рассматриваться как одобрение и признание произошедшего переворота[1].

Началось настоящее «столпотворение вавилонское»: люди плакали и обнимались. Об усталости и напряжении предыдущих 12 часов в эти минуты радости и восторга совершенно забыли. Однако эта «радостная передышка» была недолгой. Смольный был буквально окутан атмосферой растущей напряженности. Да, большевики взяли власть; да, Петроградский Совет сверг Временное правительство и гарнизон праздновал победу новой революции, однако Съезд Советов к тому времени еще не открылся, Ленин еще не выступил перед ним и установление пролетарской диктатуры не было еще съездом узаконено. А как отнесутся к этому по всей России? А во всем мире?

В течение всего 26 октября Ленин вел яростную борьбу по преодолению колебаний своих товарищей по партии, кото-

---

[1] Делегатам II съезда Советов было сообщено о взятии Зимнего и аресте Временного правительства 26 октября в 3 часа 10 минут, когда возобновилось первое заседание съезда; это сообщение было встречено бурей аплодисментов. Выступивший Н.В. Крыленко доложил об образовании на Северном фронте Военно-революционного комитета, который примет меры к тому, чтобы воспрепятствовать движению воинских эшелонов на подавление революции в Петрограде.

рые, как, например, Каменев, напуганные самим масштабом свершившегося успеха, выступали за то, чтобы разделить власть с меньшевиками и эсерами и таким образом расширить базу поддержки революции. Обращаясь к колеблющимся, Ленин сказал, что он готов сотрудничать с любым, кто поддержит программу большевиков. «Мы не отступим ни на йоту», — заявил он.

Его непреклонность принесла свои плоды. К вечеру пришло сообщение, что эсеры не покинут Петроградский Совет и будут продолжать сотрудничать с Военно-революционным комитетом.

«Видите, — сказал Ленин, — они идут за нами».

Теперь все внимание было приковано с Съезду Советов, который с часа дня ждал выступления Ленина с докладом о произошедшем перевороте. Появились сообщения, что он сформулирует предложения о мире прямо перед делегатами съезда. Напряжение достигло высочайшего уровня; вся атмосфера в зале была пронизана надеждами и предположениями.

Было уже почти девять вечера, когда в зале, где проходил съезд, появились лидеры большевиков — шатающиеся от усталости, не спавшие и не евшие, с серыми и вытянутыми от напряжения и усталости лицами, но ликующие и торжествующие. То, что происходило, казалось какой-то фантазией: успех произошедшего переворота был еще не подтвержден и не гарантирован, а собравшиеся начали обсуждать вопрос о заключении всеобщего мира.

Вот как описывает эти события Джон Рид, бывший их очевидцем, в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир»:

«Было ровно 8 часов 40 минут, когда громовая волна приветственных криков и рукоплесканий возвестила появление членов президиума и Ленина — великого Ленина среди них. Невысокая, коренастая фигура с большой лысой, крепко посаженной головой и выпуклым лбом. Маленькие глаза, широкий нос, крупный благородный рот, массивный подбородок, чисто выбритый, но уже с проступающей бородкой, столь известной в прошлом и будущем. Потертый костюм, немного не по росту длинные брюки. Ничего, что напоминало бы кумира толпы, простой, любимый и уважаемый так, как, быть может, любили и уважали лишь немногих вождей в истории. Необыкновенный народный вождь, вождь исключительно благодаря своему интеллекту, чуждый какой бы то ни было рисовки, не поддающийся настроениям, твердый, непреклонный, без эффектных пристрастий, но обладающий могучим умением раскрыть

сложнейшие идеи в самых простых словах и дать глубокий анализ конкретной обстановки при сочетании проницательной гибкости и дерзновенной смелости ума.

...Но вот на трибуне Ленин. Он стоял, держась за край трибуны, обводя прищуренными глазами массу делегатов, и ждал, по-видимому не замечая нарастающую овацию, длившуюся несколько минут. Когда она стихла, он коротко и просто сказал: «Теперь пора приступать к строительству социалистического порядка!» Новый потрясающий грохот человеческой бури.

«Первым нашим делом должны быть практические шаги к осуществлению мира... Мы должны предложить народам всех воюющих стран мир на основе советских условий; без аннексий, без контрибуций, на основе свободного самоопределения народностей. Одновременно с этим мы, согласно нашему обещанию, обязаны опубликовать тайные договоры и отказаться от их соблюдения... Вопрос о войне и мире настолько ясен, что, кажется, я могу без всяких предисловий огласить проект воззвания к народам всех воюющих стран...»

Ленин говорил, широко открывая рот и словно улыбаясь; голос его был с хрипотцой — не неприятной, а словно бы приобретенной многолетней привычкой к выступлениям — и звучал так ровно, что казалось, он мог бы звучать без конца... Желая подчеркнуть свою мысль, Ленин слегка наклонялся вперед. Никакой жестикуляции. Тысячи простых лиц напряженно смотрели на него, исполненные обожания».

Декрет о мире, представлявший собой довольно длинный документ, предлагал немедленно начать переговоры о заключении «справедливого и демократического мира» без аннексий и без контрибуций. В нем провозглашался отказ от тайной дипломатии и намерение опубликовать все секретные договоры, заключенные царским режимом. Декрет предлагал немедленно заключить перемирие на всех фронтах сроком на три месяца для облегчения начала мирных переговоров.

Когда буря оваций стихла, Ленин заговорил снова. Он предложил съезду немедленно утвердить Декрет о мире, оставляя уже Учредительному собранию возможность окончательно утвердить мирный договор, который мог бы быть заключен на основе этого декрета. Однако он не хотел, чтобы у собравшихся оставались какие-то иллюзии о легкости заключения мира:

«Некоторые империалистические правительства будут сопротивляться нашим мирным предложениям, мы вовсе не обманываем себя на этот счет. Но мы надеемся, что скоро во

всех воюющих странах разразится революция, и именно поэтому с особой настойчивостью обращаемся к французским, английским и немецким рабочим... По всей вероятности, империалистические правительства не ответят на наш призыв, но мы не должны ставить им ультиматум, на который слишком легко ответить отказом. Если германский пролетариат увидит, что мы готовы рассмотреть любое мирное предложение, то это, быть может, явится той последней каплей, которая переполнит чашу, и в Германии разразится революция. Мы готовы рассмотреть любые условия мира, но это вовсе не значит, что мы согласны принять их».

В течение часа выступавшие представители от разных фракций, в большей или меньшей степени, в целом одобрили Декрет о мире. Наконец, Каменев поставил вопрос на общее голосование. Кто за? Лес рук взметнулся вверх в едином порыве. Против? Один из делегатов попробовал было поднять руку против, но вокруг него разразился такой взрыв негодования, что он поспешно опустил руку... Принято единогласно.

Неожиданный и стихийный порыв поднял всех на ноги, и общее единодушие вылилось в стройном, волнующем звучании «Интернационала». Какой-то старый, седеющий солдат плакал, как ребенок; один молодой рабочий с покрытым потом, сияющим от счастья лицом, радостно улыбаясь, говорил: «Конец войне! Конец войне!»

Так в Россию пришел мир[1].

Однако ситуация недолго оставалась идиллической. Хотя революция и свершилась, она еще не утвердилась, и большевикам было необходимо преодолеть как вооруженное, так и пассивное сопротивление, прежде чем действительно овладеть ситуацией в стране.

Когда утром 28 октября нарком по иностранным делам Троцкий пришел принимать дела в министерство иностранных дел и дал указание перевести Декрет о мире на иностранные языки, 600 служащих министерства написали прошения об отставке и покинули здание МИД. Его коллега Урицкий, потребовавший в архивном управлении министерства тексты

---

[1] Упоминаемый автором Второй Всероссийский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов проходил 25—27 октября 1917 г. в Петрограде. По данным анкетной комиссии, к моменту открытия съезда на нем присутствовали 649 делегатов, из них большевиков — 390, эсеров — 160, меньшевиков — 72, меньшевиков-интернационалистов — 14.

В.И. Ленин на первом заседании не присутствовал, так как был занят руководством восстания: в это время велся штурм Зимнего дворца.

тайных договоров для их опубликования, был буквально выдворен из управления; из административно-технического персонала лишь один сотрудник экономического управления остался на месте работы[1].

Служащие Госбанка отказались выдавать деньги новому правительству. Одновременно 29—31 октября произошли мятеж юнкеров и военная авантюра Керенского в Гатчине[2].

Однако в течение нескольких дней все эти попытки были пресечены и большевики полностью взяли под контроль ситуацию как в Москве, так и в Петрограде. Постепенно государственный механизм, деятельность которого была нарушена в результате переворота, приходил в нормальное русло, и 8 ноября Троцкий разослал ноты послам союзных держав, официально уведомляя их о появлении нового правительства и привлекая их внимание к Декрету о мире. Было подчеркнуто, что нота является «официальным предложением немедленного перемирия на всех фронтах и немедленного открытия мирных переговоров». На следующий день аналогичная нота была направлена дипломатическим представителям нейтральных стран, причем высказывалась просьба «официально донести до сведения враждебных государств» выдвинутые предложения о мире.

Послы и другие представители высшего звена дипкорпуса союзных государств на совещании, состоявшемся 9 ноября 1917 г., решили проигнорировать ноту Троцкого и рекомендовать своим правительствам не отвечать на предложения советского правительства, «поскольку правительство, претендующее считаться законным правительством России, было установлено

---

[1] Когда Троцкий явился в министерство иностранных дел, чиновники отказались признать его и заперлись в своих помещениях, а когда двери были взломаны, они все подали в отставку. Троцкий потребовал ключи от архивов, ключи были выданы ему только после того, как вызванные им рабочие явились взламывать замки. Тогда оказалось, что бывший товарищ (заместитель) министра иностранных дел Нератов скрылся и унес с собой документы; по некоторым сведениям, они оказались в английском посольстве.

[2] Вспыхнувший в Петрограде мятеж юнкеров уже днем 29 октября был ликвидирован. Что касается Керенского, то он, бежав в машине американского посольства из революционного Петрограда в полдень 25 октября, чудом избежав ареста в Гатчине (под Петроградом), поздно вечером добрался до Пскова, где на следующий день договорился с генералом Красновым двинуть казачьи части на Петроград. Утром 27 октября была захвачена Гатчина, 28 октября части Краснова заняли Царское Село. Но к 31 октября наступавшие части Краснова были разбиты революционными силами, а Керенский, переодевшись матросом, 1 ноября бежал из Гатчины — на этот раз навсегда.

при помощи силы и не получило признания русского народа». В целом эти рекомендации были выполнены правительствами стран Антанты, которые отказались признать новый режим и те предложения о мире, которые были им выдвинуты. Более того, союзники пошли еще дальше — не признавая Совет народных комиссаров законным правительством России, они фактически стали считать таковым Ставку русских войск в Могилеве.

В это же время был предпринят явный и определенный шаг в направлении мира — 8 ноября комиссар по военным делам Крыленко[1] дал указание о поддержке братания на всех фронтах и поручил генералу Духонину[2], который был назначен Верховным главнокомандующим после ареста и исчезновения из поля зрения генерала Корнилова, «обратиться к военному командованию вражеских армий с предложением о немедленном прекращении военных действий для открытия переговоров о мире».

Генерал Духонин не дал никакого подтверждения ни о том, что он получил соответствующие указания Совета народных комиссаров, ни о том, что он собирается их выполнять. Когда вечером 9 ноября ему был задан прямой вопрос, будет ли он выполнять то, что ему предписано, он ответил, что может выполнять приказы только «правительства, поддерживаемого армией и страной». После этого ему было немедленно сообщено по телеграфу, что он отстраняется от занимаемой должности; главнокомандующим вместо него назначается Крыленко, а комиссаром по военным делам — Дыбенко[3].

[1] Крыленко Н.В. (1885—1938) — член большевистской партии с 1904 г., видный советский государственный деятель, активный участник Октябрьской революции. На II Всероссийском съезде Советов вошел в состав Совета народных комиссаров в качестве члена Комитета по военным и морским делам, позднее — Верховный главнокомандующий. С 1918 г. работал в органах советской юстиции.

[2] Духонин Н.Н. (1876—1917) — генерал царской армии, монархист. В сентябре был назначен Временным правительством начальником штаба Верховного главнокомандующего. После Октябрьской революции объявил себя Верховным главнокомандующим и пытался организовать мятеж против Советской власти. Убит восставшими солдатами.

[3] Дыбенко П.Е. (1889—1938) — советский военный и государственный деятель. Член партии большевиков с 1912 г. После Февральской революции 1917 г. был председателем Центрального комитета Балтийского флота (Центробалта), принимал активное участие в подготовке Балтийского флота к вооруженному восстанию в октябре 1917 г. После окончания Гражданской войны — на командных должностях в Красной армии. Незаконно репрессирован. Реабилитирован посмертно.

Ленин направил радиотелеграмму, адресованную всем солдатам и матросам армии и флота, в которой сообщил о причинах и обстоятельствах этой замены и призвал активно участвовать в достижении мира:

«Дело мира в ваших руках. Вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда».

Всем полкам предписывалось выбирать полномочных представителей для вступления в переговоры о перемирии с неприятелем, судьба которых теперь передавалась в их руки[1].

Однако Духонин не покинул Ставку в Могилеве; он также не был немедленно арестован собственными войсками. Вместе со своим штабом и частью офицерского корпуса он не сложил оружия и предпочел ответить ударом на удар. В Ставке были напечатаны листовки и воззвания, которые распространялись не только среди войск, но также были напечатаны в некоторых оппозиционных газетах в Петрограде. Чувствуя уверенность благодаря открытой поддержке союзных военных миссий, а также молчаливой поддержке со стороны дипломатического корпуса тех же стран, Духонин активно обращался за поддержкой к рабочим и крестьянам, призывая их к созданию нового народного правительства, «которое не будет держаться на насилии, крови и штыках. Не теряйте время. Армия ждет, когда вы скажете свое слово».

Правительства союзников оказали Ставке своего рода «отрицательную поддержку», направляя ей протесты против действий новой власти. Они проигнорировали происшедшую революцию, не признали новое правительство, презрительно насмехались над Троцким и посылаемыми им нотами и всячески поносили его, в то же время не отвечая на эти ноты, но они не могли не реагировать на ясный и четкий приказ Совета народных комиссаров прекратить военные действия. Через голову фактического правительства в Петрограде они обратились напрямую к Духонину. В период с 10 по 17 октября

---

[1] Отвечая на критику по поводу текста этой радиограммы на заседании ВЦИК 10 ноября, которая, как отмечалось, могла быть истолкована как попытка сепаратного перемирия с немцами, Ленин, отвергая подобные обвинения, заявил: «Наша партия не заявляла никогда, что она может дать немедленный мир. Она говорила, что даст немедленное предложение мира и опубликует тайные договора. И это сделано — борьба за мир только начинается. Эта борьба будет трудной и упорной». (*Примеч. авт.*)

в Ставку был передан ряд письменных протестов от военных атташе союзников против нарушения условий соглашения от 23 августа 1914 г.; также было получено сообщение от главы французской военной миссии генерала Бертло, в котором говорилось, что «Франция не признает Совет народных комиссаров законным правительством России», и выражалась уверенность в том, что русское Верховное командование «удержит русскую армию на позициях против общего врага»; наконец, пришла телеграмма от американского военного атташе, в которой выражался «категорический и решительный протест против любой попытки заключения сепаратного перемирия со стороны России».

Во всех сообщениях явно намекалось, что любые подобные действия со стороны России будут иметь для нее самые серьезные последствия, и этот намек был понят таким образом, что союзники готовы обратиться к Японии с просьбой ударить России в тыл. Политика такого рода протестов и завуалированных угроз была неэффективной и неразумной, и можно лишь сожалеть, что союзники придерживались именно этой линии, пагубность которой в то время осознавали лишь немногие из тех дипломатов союзных стран, которые тогда работали в России. Эта политика была ярким свидетельством того, насколько страны Антанты не понимали сути происходящего в России.

Духонин распространил тексты этих письменных протестов среди воинских частей, что вызвало резкую реакцию со стороны Троцкого, который назвал действия союзных военных миссий попыткой «путем угроз заставить русскую армию и русский народ продолжать дальше войну во исполнение договоров, заключенных царем». Одновременно он предупредил глав союзных военных миссий при Ставке, что «правительство считает недопустимым вмешательство дипломатических или военных представителей союзных государств во внутренние дела России и провоцирование Гражданской войны».

Вся мощь пропагандистской машины Смольного была брошена на то, чтобы нейтрализовать действия Ставки. К войскам обратились с призывом: «Не подчиняйтесь Духонину! Не обращайте внимания на его провокации и не выполняйте его провокационных распоряжений! Внимательно следите за ним и его контрреволюционным окружением и тщательно их контролируйте!» В пропагандистских материалах также говорилось, что вокруг Ставки в Могилеве собираются группы сторонников Керенского, «выполняющие приказы французских,

английских и американских финансистов». В довершение всего подчеркивалось, что Генштаб «несет ответственность за проведение июньского наступления и продолжение войны и затягивание мира».

Именно последний аргумент оказал решающее воздействие на измученную, деморализованную, дезорганизованную и терпящую поражение армию. Реакция была быстрой и страшной. 20 ноября могилевский гарнизон взбунтовался, арестовал Духонина со всем его штабом и держал их под арестом в вагоне специального поезда, где до этого Духонин и располагался.

На следующий день прибыл Крыленко с подкреплением, состоявшим из революционных матросов. Взбунтовавшиеся солдаты, разгоряченные и опьяненные революционной пропагандой, сначала потребовали, чтобы Духонин был разжалован и им были представлены его погоны, а когда это было сделано при содействии Крыленко, толпа на некоторое время разошлась. Однако через полчаса она собралась вновь, явно собираясь совершить самосуд. Крыленко сделал слабую попытку не пустить солдат внутрь вагона, но был отброшен в сторону. Генерала вытащили из вагона, бросили в толпу и начали избивать. Он упал лицом вниз на платформу, но избиение продолжалось. Наконец, один из матросов дважды выстрелил в него. В толпе раздались крики одобрения[1].

Между тем Троцкий официально обратился 13 ноября к германскому Верховному командованию с предложением немедленно заключить перемирие с целью достижения в дальнейшем демократического мира без аннексий и контрибуций; дипломатам союзных государств было заявлено, что советское правительство никогда не стремилось к заключению сепаратного мира и по-прежнему надеется, что в мирных переговорах примут участие все воюющие страны. Стремление советского правительства к миру нерушимо; однако если оно будет вынуждено заключить сепаратный мирный договор, то вся от-

---

[1] Отчет Крыленко об этих событиях был опубликован в номере газеты «Новая жизнь» от 30 ноября 1917 г.; рассказы очевидцев были опубликованы в газете «Русское слово» за 23 ноября 1917 г. Хотя Джон Рид в своей книге «Десять дней, которые потрясли мир» называет Духонина «старым генералом», к моменту убийства ему было всего 41 год. По воспоминаниям доктора Масарика, который находился недалеко от Ставки, занимаясь организацией частей чехословацкого корпуса, Духонин был «молодым и очень энергичным военным». Он также добавил, что тело убитого генерала «подвергалось варварским надругательствам и осквернениям в Могилеве в течение нескольких дней». (*Примеч. авт.*)

ветственность за это ляжет на союзные государства. Спустя два дня (15 ноября) Крыленко выполнил то, что изначально предписывалось его предшественнику, и отдал приказ о «немедленном прекращении огня и начале братания на всех фронтах».

Провал попыток союзных военных миссий удержать русскую армию от провозглашения немедленного перемирия убедил английского посла в России сэра Джорджа Бьюкенена, что единственная возможность, остающаяся у стран Антанты, состоит в том, чтобы, как говорят французы, *сделать хорошую мину при плохой игре*. Ситуация настолько сложная, если не сказать отчаянная, что союзникам необходимо пересмотреть свою политику в отношении России. Хотя правительства союзников не готовы принять советские предложения в качестве основы для мирных переговоров, им следует признать, по мнению Бьюкенена, что сепаратный мирный договор между Россией и Германией неизбежно будет рано или поздно заключен. Подобный договор сулил несомненные выгоды Германии, которая рассчитывала активно использовать российскую территорию в своих интересах, установив над ней своего рода экономический протекторат, и следовало сделать все возможное, чтобы не допустить последнее ни в коем случае и осложнить германо-российские отношения, даже если между странами и будет заключен официальный мирный договор, ибо союз между Россией и Германией после окончания войны представлял бы собой постоянную серьезную угрозу Европе в целом и в особенности Англии.

В этой связи Бьюкенен предлагал официально освободить Россию от обязательств по соглашению от 23 сентября 1914 года, признавая, с одной стороны, то, что уже являлось свершившимся фактом, а с другой — одновременно пытаясь установить долгосрочные хорошие отношения с Советской Россией. Если вслед за этим последуют сепаратные переговоры о мире между Россией и Германией, то это приведет в любом случае к росту в России антигерманских настроений — Германия станет объектом возмущения и негодования как в случае затягивания мирных переговоров, так и в том случае, если мир будет заключен на обременительных и тягостных для России условиях.

Этот отмеченный выдающимся здравым смыслом совет был направлен в Лондон как раз накануне открытия оказавшейся роковой межсоюзной конференции, которую столь отчаянно ждал Керенский и которая начала работу 16 ноября

1917 г. в Париже. На Ллойд Джорджа[1] предложения Бьюкенена произвели сильное впечатление, во всяком случае достаточное для того, чтобы он официально предложил рассмотреть их на конференции. Он и министр иностранных дел Англии А. Бальфур вполне ясно осознавали опасность российско-германского сближения. В меморандуме английского МИД, направленного на рассмотрение кабинета министров, в частности, говорилось: «Трудно представить более опасную и бедственную политику, чем та, которая толкает русских к тому, чтобы сблизиться с немцами и рассматривать германских официальных лиц и солдат, с которыми они бы в результате этого сближения оказались в общей среде, как своих друзей и освободителей». Американский полковник Хауз[2] также поддержал точку зрения Бьюкенена, хотя США и не являлись участниками соглашения от 23 августа 1914 г.

Однако представители континентальных держав Антанты выступили против этого предложения. Барон Соннино[3] подверг яростной критике предложение Бьюкенена, а Клемансо[4] заявил, что, «даже если бы назначенный Керенским посол в Париже г-н Маклаков[5] при ходатайстве всех небесных сил попросил меня освободить Россию от взятых на себя обязательств, я бы ответил отказом». Однако, когда приглашенный

---

[1] Ллойд Джордж Дэвид (1863–1945) – английский государственный деятель и дипломат, лидер партии либералов. Играл видную роль в определении политической линии Англии, направленной на подготовку мировой империалистической войны. После Октябрьской революции – один из основателей и организаторов военной интервенции и блокады против Советского государства.

[2] Полковник разведки американской армии, работавший вместе с президентом В. Вильсоном, считал необходимым проводить взвешенную политику по отношению к Советской России.

[3] Соннино Джордж Сидней (1847–1924) – итальянский государственный деятель, дипломат, в 1914–1919 годах – министр иностранных дел. В 1917 г. заключил с Англией и Францией договор, предусматривавший захват Италией значительных территорий и установление ее сфер влияния в Малой Азии.

[4] Клемансо Жорж Бенжамен (1841–1929) – политический и государственный деятель Франции, в течение многих лет лидер партии радикалов. Являлся одним из организаторов и вдохновителей вооруженной интервенции против Советской России, стремился осуществить «экономическое окружение» и удушение Советской республики.

[5] Маклаков В.А. (1870–1957) – помещик, по профессии адвокат, депутат II, III и IV Государственных дум от Москвы, член ЦК партии кадетов. После Февральской революции с июля 1917 г. – посол Временного правительства в Париже, затем – белоэмигрант. В годы Гражданской войны представлял в Париже «правительства» Деникина, Колчака и Юденича.

на конференцию Маклаков на нее прибыл и принял участие в обсуждении[1], он явно больше склонялся к поддержке точки зрения Клемансо и Соннино, нежели Ллойд Джорджа и Бальфура. Он выступил против точки зрения Бьюкенена и предложил вместо этого принять заявление, в котором говорилось бы, что союзники «будут двигаться в направлении пересмотра целей войны совместно с Россией, как только там появится правительство, осознающее свою ответственность перед страной и защищающее интересы своей страны, а не врага».

В подобной редакции совершенно отсутствовал какой-либо жест доброй воли со стороны союзников в отношении Советской России, на необходимости которого настаивал Бьюкенен. Предложение Маклакова, слегка отредактированное полковником Хаузом, было принято конференцией, и таким образом была упущена последняя возможность создать хоть какую-то основу для сотрудничества с большевиками. Если бы линия Бьюкенена возобладала, то вся последующая история заключения Брест-Литовского мирного договора могла бы быть совершенно иной.

2

Генерал-майор Макс Гофман сидел и ждал внутри мрачных, холодных и неуютных крепостных сооружений Брест-Литовска. Перед ним лежали черные руины города, выступавшие из-под снежного покрова, а простиравшийся за ними бесконечный белый ландшафт, казалось, сливался с хмурым, серым ноябрьским небом. Город был сожжен при эвакуации из него русских войск в июле 1916 г.; когда же триумвират, представлявший собой самую замечательную из всех возможных комбинацию военных в составе Гинденбурга, Людендорфа и Гофмана, который сокращенно называли ГЛГ, впервые разместил здесь свою штаб-квартиру, ему пришлось обосноваться в специальном поезде и столкнуться со многими неудобствами[2].

---

[1] На следующий же день после прибытия на конференцию Маклаков был официально смещен Троцким со своего поста за то, что принял участие в ее работе. (*Примеч. авт.*)

[2] Речь идет о Пауле Гинденбурге, Эрихе Людендорфе и Максе Гофмане, которые в то время занимали посты соответственно главнокомандующего германской армией, начальника Генерального штаба и начальника штаба Восточного фронта.

Солнце безжалостно било в стальную крышу поезда, что делало пребывание в стиснутом пространстве внутри его просто невыносимым. Работать можно было лишь в небольших помещениях, которые были сплошь увешаны штабными картами. Крепость была единственной частью города, уцелевшей от огня; ее быстро оборудовали и привели в место пригодное для проживания и работы, и именно отсюда вышеназванное «трио» вело заключительные «бои» по смещению Фалькенхайна с поста главнокомандующего германской армией и назначению на него Гинденбурга.

Эта цель была достигнута в конце августа 1916 г. и с тех пор, в течение года и трех месяцев, Гофману пришлось работать отдельно от своих партнеров по «великому трио», поскольку именно он фактически возглавлял Восточный фронт, так как номинальный главнокомандующий войсками Восточного фронта фельдмаршал принц Леопольд Баварский был не кем иным, как «свадебным генералом», или попросту подставной фигурой.

Для человека менее выдержанного и обладавшего более слабыми нервами вынужденное напряженное ожидание на Восточном фронте могло оказаться непосильной нагрузкой. Однако у Гофмана, который был «сделан» из стали и китового уса в равной пропорции, не было проблем с нервами (разве он не доказал это под Танненбергом, когда Людендорф просто «сломался» от сильнейшего нервного напряжения?)[1].

У него был мощный череп, короткая стрижка, и наверное, самые блестящие и выдающиеся мозги во всем германском Генштабе, а выдержка, спокойствие и умение держать себя в руках всегда были одними из самых сильных сторон Гофмана. Как только в России произошла Февральская революция, Гофман сделал вывод, что теперь его главная задача состоит в том, чтобы Восточный фронт оставался замороженным, что позволило бы перебросить на Западный фронт столько солдат, сколько было необходимо. Это с успехом удалось сделать, в чем, безусловно, помогло нежелание солдат русской армии идти в бой; благодаря этому Гинденбург и Людендорф сумели, ценой больших потерь, сдержать наступление армий Антан-

[1] Речь идет о сражении под Танненбергом (это немецкое название носил в то время Грюнвальд) в августе 1914 г. во время Восточно-Прусской операции. Исход сражения висел на волоске, и конечная победа далась немцам с огромным трудом; Гинденбург докладывал, что «противник сражается с невероятным упорством», а Людендорф признавал, что опасения за «дурной исход» операции не покидали его до самого конца.

ты под командованием Хейга и Найвеля на Зигфридстеллунг. Как признался позднее Людендорф, «если бы русские войска предприняли наступление в апреле—мае и добились бы даже минимального успеха, я не знаю, как Генштабу удалось бы спасти ситуацию».

Когда Керенский предпринял наступление в июне 1917 г., Гофман встретил его со спокойной решимостью и добился успеха. Выдержав удар русских армий в начале наступления, во время которого они растратили все силы, немцам не составило уже труда нанести мощный контрудар, в результате которого русская армия рассыпалась, словно карточный домик. К началу октября на Восточном фронте опять наступило затишье, и Гофман смог позволить себе спокойно наблюдать за тем, какое воздействие на внутреннее положение в России и всю внутриполитическую ситуацию будет оказывать вирус, привнесенный возвращением Ленина в Россию.

В эти ноябрьские дни у Гофмана было мало информации о том, что происходит за линией фронта в глубине России. Падение Керенского и приход к власти большевиков пока не укладывались в какую-то более или менее ясную общую картину. Гофман не знал о том хаосе, который бушевал там, в глубине, за линией русских окопов, в том числе и в столице. Он знал только то, что можно было спокойно перебрасывать войска на Западный фронт, где они были бы должным образом подготовлены и оснащены для выполнения новых задач. Что можно «выжать» из сложившейся ситуации, помимо этого довольно простого и очевидного шага, в располагавшемся в Брест-Литовске штабе главнокомандующего Восточным фронтом не знали.

Ситуация стала для них еще более запутанной и неясной, когда в ставку в Брест-Литовске стали приходить радиограммы, направленные по беспроволочному телеграфу за подписью какой-то неизвестной личности по фамилии Троцкий, в которых выражалось желание нового советского правительства заключить мир. «В настоящее время у нас нет ясного понимания, что происходит», — записал Гофман в своем дневнике утром 8 ноября; тем не менее он настоятельно рекомендовал федеральному канцлеру объявить о желании Германии вступить в переговоры о мире.

Эта неопределенность сохранялась до 13 ноября. Утром этого дня Гофман сделал в своем дневнике следующую запись: «Я не могу пока с уверенностью сказать, объявят ли они перемирие. У нас нет ясной картины того, что происходит во вну-

тренней жизни России сейчас и что произойдет в ближайшем будущем».

Но к полудню того же дня пришли официальные предложения от Троцкого заключить перемирие, а также радиограмма от Крыленко о прекращении боевых действий по всему фронту. Наконец, появилась какая-то ясность и произошло что-то определенное; Гофман доложил об этом по телефону в Крейцнах Людендорфу.

«Можно вести переговоры с этими людьми?» — спросил Людендорф.

«Да, можно, — ответил Гофман. — Вашему превосходительству нужны войска, а это самый простой способ их получить».

То, что Четверной союз должен получить выгоду от сепаратного мира с Россией и попытается это сделать, было очевидным. Положение во всех четырех странах с военной, экономической и политической точки зрения никак нельзя было назвать удовлетворительным. Боевой дух немцев упал до опасно низкого уровня; появились очевидные признаки деморализации, которые с убийственной очевидностью в полном объеме проявились летом 1918 и 1919 гг. Восстание моряков в Киле вызвало очень большую тревогу у правящих кругов и оказало серьезное воздействие на настроения, моральное состояние и боевой дух страны и ее народа. Впервые реально ощутились сила и влияние партии независимых социалистов, что не могло не настораживать. Начались перебои с поставками продовольствия, которые упали до очень низкого уровня; многие люди голодали. Поставки фуража и кормов были также на низком уровне: урожай овса был просто плохим, а запасы сена, которые удалось заготовить, были весьма скудны. Запасы нефти находились на тревожно низком уровне; необходимо было срочно увеличить нефтяные поставки из Румынии. Многие районы страны ожидала перспектива остаться на зиму без электричества.

В то же время национальный дух немцев находился на более высоком уровне по сравнению с их союзниками, и будет справедливым сказать, что весь Четверной союз держался только надеждой на победу германского оружия. Министр иностранных дел Австро-Венгрии граф Чернин писал в письме другу 4 ноября: «Мир срочно необходим для нашего спасения, но мы не можем его достичь, пока немцы не войдут в Париж, а это возможно лишь в том случае, если мы освободимся от Восточного фронта и он будет ликвидирован». Австро-венгерская армия была сильно потрепана в боях. Только в плен были взяты

1 млн 800 тыс. австрийских солдат. Ощущалась крайняя нехватка в резервах живой силы, а общая боевая ценность австрийских войск была крайне низкой. Но если бы удалось вывести из войны Россию, тогда австрийская армия могла бы более или менеее справиться со своими задачами.

Боевой дух в Австро-Венгрии уже практически сошел на нет, да и подъем его был весьма непродолжительным. Убийство наследника престола в Сараеве вызвало настоящий шок, пламя гнева и негодования, однако три года войны, которые для австрийских войск были в целом неудачными, существенно сбили это пламя, и теперь оно едва мерцало. В конце 1917 г. Вена погрузилась в настоящую меланхолию и состояние обреченности, и выйти из этого состояния ей уже больше не удалось. Везде царила удивительная апатия и безразличие к происходящему. В других европейских столицах рьяно стремились вернуть утерянные территории и требовали более активно вести войну; в ряде национальных территорий, составлявших Австро-Венгрию, звучали требования о независимости, но посреди всего этого шума Вена оставалась тихой и голодной; ей нужны были только мир и хлеб; это был *город, потерявший душу*, деморализованный и безразличный ко всему, который ждал своего конца.

В довершение ко всему опубликование Троцким секретных договоров, заключенных правительствами Антанты, нанесло правительству Австро-Венгрии смертельный удар. Чернин теперь знал, что в планы Антанты входило, ни много ни мало, расчленение двойной империи. Теперь его целью был лишь мир любой ценой, и, настаивая на переговорах с Россией, он в то же время поддерживал проведение секретных переговоров о сепаратном мире, которые бурбонский принц Сикст и граф Мансдорф-Пойли вели с представителями Антанты. Потеряй Австро-Венгрия свою военную силу, ее политическое влияние и роль были бы обречены. Вся австро-венгерская империя держалась лишь силой штыка армии.

В Болгарии ситуация была несколько лучше. Однако она уже заняла все территории, которые хотела бы закрепить мирным договором, а как армия, так и весь народ устали от войны. Германия могла полагаться на верность Болгарии Четверному союзу лишь до тех пор, пока военные дела у немцев шли хорошо. «Я мог рассчитывать на твердость и стойкость болгарской армии не дольше, чем на преданность и верность всей Болгарии и ее народа» — такое откровенное, хотя и несколько неопределенное признание сделал Людендорф.

Турция была верна своим союзникам, но ее силы были на исходе. Ее армия понесла большие потери в живой силе, и многие воинские части существовали только на бумаге.

Все, таким образом, держалось на Германии; она была основой всего Четверного союза. В самой же Германии буквально со всех сторон слышалось мнение о необходимости как можно быстрее закончить войну. Сделать это предлагалось одним из двух способов: либо использовать военную силу Германии для заключения выгодного мира, то есть путем примирения со своими противниками на Западе, либо же путем наступления с их последующим разгромом. За мирный договор активно выступали министр иностранных дел барон фон Кульман и принц Баденский Макс, эту линию также втайне поддерживали кронпринцы Баварский и Германский. Однако Верховное военное командование придерживалось совершенно противоположной точки зрения.

Еще до того, как большевики предложили перемирие, Людендорф пришел к убеждению, что единственная надежда Германии на победу заключалась в осуществлении стремительного и страшного по силе и неожиданности наступательного удара на западном направлении, на который нужно было поставить все по принципу «пан или пропал». На штабном совещаниии в Монсе, состоявшемся 30 октября, когда в коридорах Смольного еще звучало эхо ленинского Декрета о мире, первый генерал-квартирмейстер принял роковое решение. «Это будет очень трудная борьба, — писал он Вильгельму II, — которая начнется в одном месте, продолжится в другом и займет много времени; да, она будет трудной, но в конце концов принесет успех». Император, вопреки своим убеждениям, согласился.

Для того чтобы осуществить задуманное, были необходимы три вещи: быстрота, необходимое количество войск и ощутимый успех на ранних стадиях операции. Неограниченное использование подводных лодок, чего так страстно добивались и на что так отчаянно рассчитывали Гинденбург и Людендорф, уже дало пик своего эффекта и начинало сходить на нет. Немцы буквально задыхались от экономической блокады, введенной странами Антанты; американские войска, укомплектованные свежими и энергичными молодыми солдатами, высадились во Франции вопреки хвастливым заверениям начальника штаба германских военно-морских сил, сделанным в феврале 1917 г., что ни один американский солдат не ступит на землю Европейского континента. Рассчитывать на быстрое нанесение удара на

западе не приходилось. Для его подготовки требовалось время — именно оно было залогом успеха всей операции.

Срочно требовались подкрепления, поэтому прекращение боевых действий на Восточном фронте было самым настоящим подарком судьбы. В течение ноября эшелоны с войсками тянулись бесконечной чередой с востока на запад. Это была не замена уставших и измотанных дивизий свежими; речь шла о наращивании численности боевых частей. Крах румынского фронта, подтвержденный перемирием в Фоскари, заключенным 25 ноября 1917 г., позволил перебросить дополнительные силы, которые были сняты с итальянского и салоникского фронтов.

Германской армии победа была необходима. Вся судьба Четверного союза зависела от успеха этой операции. Поражение означало бы начало быстрого распада и неминуемого разгрома. Только победа могла остановить ход часов, который был уже слышен, отсчитывавших приближение смертного часа Четверного союза.

Октябрьская революция в России вдохнула свежую струю жизни и надежды в союз Центральных держав, и можно себе представить, какие чувства и эмоции вызвало в Крейцнахе телефонное сообщение Гофмана, сделанное 13 ноября. Если переговоры на востоке увенчаются успехом, все будет готово для удара на западе к середине марта 1918 г. С чувством благодарности и удовлетворения Верховное командование уполномочило Гофмана предпринять шаги к заключению перемирия.

3

Ранним утром 14 ноября, когда еще было совсем темно, три закутанных человека с завязанными глазами были проведены через линии немецких окопов под Двинском и доставлены в штаб дивизии, который возглавлял генерал-лейтенант фон Гофмейстер. Это были парламентеры, уполномоченные провести предварительное обсуждение вопросов, связанных с переговорами о перемирии. Весь день они ждали ответа из Брест-Литовска, и наконец в полночь ответ пришел. Германское командование выразило согласие на проведение официальных переговоров о перемирии. Они должны были открыться 19 ноября.

Имперские правительства в Берлине и Вене официально заявили 16 ноября, что советские предложения представляют

собой подходящую основу для переговоров о перемирии, которые, как хотелось бы надеяться, помогут вскоре выявить более конкретные контуры всеобщего мира. И германский канцлер, и премьер-министр Австро-Венгрии сформулировали свое согласие на переговоры в очень взвешенных и тщательно выверенных выражениях; с одной стороны, давалось согласие на участие в переговорах, с другой — все было сделано, чтобы не выдать нетерпение и стремление во что бы то ни стало поскорее заключить мир.

17 ноября в Петрограде Троцкий уведомил дипломатические представительства союзных стран о том, что соглашение о предварительном перемирии почти достигнуто, и попросил проинформировать, согласны ли они принять участие в предстоящих переговорах. И вновь ответом было полное молчание.

Между тем в Брест-Литовск съезжались две наспех собранные делегации. «Сборную» Центральных держав возглавлял Гофман; в делегацию также входили барон фон Розенберг, представлявший германский МИД, а также военные советники — майор Бринкман из германского Генерального штаба и молодой лейтенант кавалерии Бернхард фон Бюлов, племянник бывшего канцлера; впоследствии он длительное время занимал пост секретаря государственной канцелярии. Австро-Венгрию представлял полковник Покорный, Турцию — генерал Зеки-паша и, наконец, Болгарию — генерал Ганчев.

У большевиков было больше трудностей при составлении делегации. Она, с одной стороны, должна была представлять победившую революцию и те силы, которые ее осуществили, а с другой — быть достаточно профессиональной для успешной работы. Совместить эти два фактора было нелегким делом в первые дни Советской власти. Поэтому делегация, которая в конце концов была сформирована и отбыла на переговоры в специальном поезде, отошедшем от Варшавского вокзала в Петрограде, была по составу довольно необычной — весьма контрастной и «разношерстной». Возглавлял делегацию Адольф Иоффе[1].

---

[1] Иоффе А.А. (1883—1927) — видный советский дипломатический деятель. В социал-демократическом движении принимал участие с конца 90-х г. В октябрьские дни 1917 г. — член Военно-революционного комитета Петрограда. В 1918 г. — «левый коммунист». Во время брестских переговоров был председателем, затем членом советской мирной делегации, в последний период — консультантом. В последующие годы — на дипломатической работе.

Это был типичный революционер-интеллигент, интеллектуал и мыслитель. Длинные волосы и борода обрамляли лицо, обладавшее характерными семитскими чертами, на столь же характерном семитском носу держалось пенсне. К такому же типу революционного интеллигента относился и Каменев, двоюродный брат Троцкого, правда, в его лице не было столь ярко выраженных еврейских черт, его усталые, полные задумчивости глаза были почти всегда полуприкрыты; казалось, что он либо весь погружен в раздумья, либо дремлет. Прямой противоположностью ему был секретарь советской делегации Лев Карахан[1].

Типичный армянин, почти что в точности напоминающий карикатурного пройдоху, который набирает в долг, а потом бегает от кредиторов, он мог с кошачьей быстротой перейти от кажущейся неспешной и ленивой сонливости к самой яростной и бурной агитации и неуемной переговорной активности. Эти два человека, а также Сокольников, обладавший очень большими способностями, представляли партию большевиков и являли собой революционный костяк делегации. Помимо них в ней были представители другой революционной партии, и среди них Анастасия Биценко: ее включили в качестве дани уважения к политическим союзникам большевиков, которые стали, правда, таковыми невольно и особого энтузиазма в этой связи не испытывали, а также в качестве подтверждения провозглашенного равенства прав мужчин и женщин. Биценко была известным боевиком партии эсеров, которая лишь недавно освободилась из заключения в Сибири, где отбывала 17-летний срок за убийство бывшего военного министра генерала Сахарова[2].

Поскольку революция, как было официально провозглашено, произошла в интересах солдат, матросов, рабочих и крестьян, то было необходимо, чтобы их представители также были среди членов делегации.

---

[1] Карахан Л.М. (1889—1937) — советский дипломат. В революционном движении с 1904 г. После июльских событий 1917 г. вступил в партию большевиков. В 1917—1918 гг. — секретарь и член советской мирной делегации в Бресте. В последующие годы на ответственной дипломатической работе.

[2] Речь идет о генерал-адъютанте В.В. Сахарове, который был военным министром с 1904 по июнь 1905 г. Убит 22 ноября 1905 г. при подавлении крестьянских волнений в Саратовской губернии, являясь одним из руководителей карательной экспедиции. Убийство было осуществлено упомянутой автором А. Биценко, членом боевой организации партии эсеров, в кабинете саратовского губернатора, в котором ранее работал П.А. Столыпин.

По иронии судьбы именно эти представители, которым отводилась в общем-то вспомогательная роль, были более колоритными и запоминающимися, чем их коллеги-революционеры, составлявшие костяк делегации. В их задачу входило быть своего рода «витриной» революционной демократии; для них участие в такого рода мероприятии было совершенно из ряда вон выходящим делом, и им так и не удалось полностью освоиться в совершенно непривычной для них обстановке. Среди них был солдат Николай Беляков, средних лет, невысокого роста, крепко сбитый, угрюмый, насупленный и молчаливый, напоминавший чем-то барсука; типичный старый солдат, как говорят англичане, «старина Билл», которого можно встретить в любой армии. Другим представителем был матрос Федор Олич, высокий и симпатичный, которому очень шла его аккуратная морская форма; однако он явно чувствовал себя неловко в непривычной для него обстановке. А вот молодого рабочего Обухова эта обстановка нисколько не смущала. Он относился к происходящему с легкостью, как будто ему просто предложили покататься на машине и он теперь наслаждался этой «автопрогулкой». На его смуглом лице отражалась некоторая дерзость, но в то же время легкий юмор и природная веселость; он сидел развалившись на сиденье вагона, из-под растегнутой жилетки виднелась черная рубашка; при этом казалось, что он демонстрировал безразличие к происходившему.

Наконец, крестьян представлял Роман Сташков — пожилой, добродушный и простой человек с волосами и бородой серо-желтоватого оттенка, грубоватым обветренным и обожженным солнцем лицом, которое было покрыто множеством глубоких морщин. Он был совершенно сбит с толку происходящим вокруг него и, несмотря на новые времена, называл своих коллег-революционеров, бывших, как и он, членами делегации, на старый манер — «барин». В состав делегации он попал буквально в самый последний момент. Когда все уже ехали на вокзал, вдруг, буквально в машине, вспомнили, что в составе делегации нет представителя крестьян; за окном мелькали безлюдные ночные улицы Петрограда, и все были в замешательстве по поводу того, как исправить столь досадное упущение.

Машина завернула за угол, и вдруг они увидели человека в крестьянской одежде, одиноко бредущего по улице с мешком за плечами. Машина остановилась.

«Вы куда идете, товарищ?»

«На вокзал, барин, извиняйте, товарищ», — ответил пожилой прохожий.

«Садитесь, мы вас подвезем». И машина сорвалась с места.

На лице пожилого человека выражалась скромная радость тем неожиданным вниманием, которое ему оказали. Однако, когда машина стала подъезжать к Варшавскому вокзалу, на его лице отразилось беспокойство.

«Мне не на этот вокзал надо, товарищи; мне на Николаевский, я ведь за Москву еду».

«Ну уж нет», — подумали про себя Иоффе и Каменев и стали расспрашивать старого крестьянина о его политических взглядах.

«Вы к какой партии принадлежите?»

«Эсер я, товарищи, — последовал ответ, несколько обескураживший спрашивающих, — у нас в деревне все эсеры».

«А вы правый или левый?»

То ли тон спрашивающего, то ли что-то еще подсказало старому крестьянину, что в этой компании лучше не произносить слово «правый».

«Левый, товарищи, конечно. Самый что ни на есть левый».

Этого оказалось вполне достаточно, чтобы в делегации появился «полномочный представитель российского крестьянства», который был так необходим, к тому же до отхода поезда оставалось совсем немного времени.

«Вам не нужно возвращаться в деревню», — сказали старому крестьянину. — Поедемте с нами в Брест-Литовск заключать мир с немцами».

Немного уговоров, немного предложенных денег — и вакантное место в делегации оказалось заполненным. Сташков отправился вместе с делегацией в Брест-Литовск, где ему предстояло представлять «силу и голос народа».

Помимо «полномочных народных представителей» в состав делегации входили девять морских и армейских офицеров во главе с адмиралом Василием Альтфатером; среди них был и подполковник Фокке, который позднее написал воспоминания, являющиеся ценным источником информации. Эти люди имели несчастье оказаться в крайне двусмысленном и унизительном положении. Не по своей воле оставившие свои посты, будучи фактически оторванными от выполнения своих обязанностей, они были принуждены давать советы и консультации военно-технического характера правительству, которое, по их мнению, готово было пожертвовать территорией России ради заключения мира любой ценой. Они ехали как овцы на

заклание; в их душах была пустота и горечь от осознания того, что они фактически участвуют в предательстве своей страны. Однако позднее, когда они увидели, как Иоффе и Каменев ведут на переговорах настоящий бой с противоположной стороной, их отношение к новой власти несколько смягчилось; офицеры стали работать с энтузиазмом. Троцкий даже сказал об Альтфатере, что «в вопросах мира он более большевик, чем сами большевики». Правда, переход на сторону новой власти не спас адмирала от трагической и жестокой смерти во время «красного террора», последовавшего после покушения на Ленина в августе 1918 г.

Потрепанный войной поезд громыхал в южном направлении, унося делегацию, которую Фокке образно назвал в своих воспоминаниях за ее «пестрый» состав «зверинцем», навстречу предстоящим переговорам, и, наконец, прибыл в Двинск, где проходила передовая линия окопов русской армии. Здесь она была с бурным восторгом встречена солдатами — к радости революционеров и разочарованию и отчаянию офицеров — членов делегации. Близкая перспектива заключения мира вызвала всплеск энтузиазма и надежд у солдат, и депутаты съезда 5-й армии заверили делегацию, что она может спокойно работать, так как армия готова «уничтожить любое осиное гнездо контрреволюции», пока будут идти переговоры.

Советскую делегацию уже ждали; ее должны были разместить внутри крепостных сооружений Брест-Литовска. Сама ставка и штаб Восточного фронта размещались в нескольких крепостных бараках; два таких барака с подготовленными соответствующими помещениями были выделены для размещения прибывающей советской делегации. Питаться все участники переговоров с обеих сторон должны были в общей столовой. В самые первые дни переговоров проблема постановки на довольствие довольно многочисленной советской делегации оказалась для германской интендантской службы довольно затруднительной, и прибывшим пришлось питаться на первых порах по сокращенному рациону, однако проблема была быстро решена с присущей немцам организованностью и четкостью, и советская делегация была вскоре обеспечена довольно обильным питанием, на том же уровне, как и другие участники переговоров[1].

---

[1] Тем, кто интересуется тематикой Брестского мира, можно порекомендовать очень емкую и насыщенную фактами книгу И.Н. Ксенофонтова «Мир, которого хотели и который ненавидели». М., 1991.

Условия перемирия, которые Центральные державы собирались предложить России, были разработаны Люден-дорфом еще в мае 1917 г. и одобрены как канцлером, так и другими членами Генерального штаба. Эти условия ясно выражали стремление Германии поскорее остановить военные действия на одном из фронтов и не содержали ничего несправедливого или унизительного для России. Военные действия должны были быть прекращены, а войска оставаться на тех позициях, ктрые они занимали на момент заключения перемирия. Предполагалось, что для заключения перемирия на подобных условиях потребуется не более нескольких часов, однако все оказалось не так просто.

Советская делегация прибыла в Брест-Литовск для ведения пропаганды не в меньшей степени, чем для ведения переговоров. Поэтому в начале переговоров советская делегация выступила с предложением об их полной гласности, а когда это предложение было принято, Иоффе выступил с длинным заявлением, в котором изложил принципы большевиков по вопросу о мире и призвал все воюющие страны прекратить войну и заключить всеобщий мир на основе этих принципов. После него в течение часа выступал Каменев, который выразил сожаление, что в официальных заявлениях германского и австрийского правительств нет никаких свидетельств их желания и готовности заключить всеобщий мир на той незыблемой основе, которая была провозглашена и создана Октябрьской революцией.

После этого широкого предварительного вступления Иоффе сформулировал три следующих конкретных предложения по условиям перемирия:

1. Перемирие заключается сроком на 6 месяцев.

2. Военные и морские силы Германии выводятся с Моонзундских островов и из акватории Рижского залива.

3. Никакие германские войска не могут быть переброшены с Восточного фронта на другие фронта; они даже не могут быть отведены для отдыха на специально подготовленные для этого квартиры и казармы.

Относительно первого пункта Гофман предложил в ответ заключить перемирие сроком на 28 дней, которое было бы автоматически продлено до тех пор, пока одна из сторон не захотела бы выйти из него, уведомив об этом за неделю до выхода из соглашения. Относительно второго пункта Гофман сказал, что «подобные условия могут быть предложены лишь

побежденной державе». А вот по третьему пункту он с легкостью дал согласие, поскольку большинство войск уже было переброшено с Восточного фронта на Западный еще до начала переговоров о перемирии. «Поэтому, — пишет Гофман в своих воспоминаниях, — я принял предложение русских, что во время перемирия, которое вот-вот должно было быть заключено, никакие войска не могут быть переброшены с Восточного фронта, *за исключением тех, которые уже находились в пути или приказ на переброску которых был уже отдан*».

На третий день переговоров (22 ноября) советская делегация категорически потребовала «рассматривать перемирие на всех фронтах с точки зрения заключения всеобщего мира на основе, уже выработанной Всероссийским съездом Советов». Гофман спросил, имеет ли советская делегация полномочия от своих союзников по Антанте выступать с подобными предложениями. Он готов вести переговоры о перемирии как только с одной Россией, так и с Россией вместе со всеми ее союзниками, однако, если союзники предпочли не участвовать в переговорах, означает ли это, что нельзя вести переговоры и стремиться к заключению сепаратного перемирия только с одной Россией?

Оказавшись загнанным в угол, Иоффе не выдержал. Он был вынужден признать, что не имеет полномочий от союзников на ведение переговоров о перемирии, а в частном порядке, за обедом, сказал Гофману, что не может заключить сепаратное перемирие без консультаций с Петроградом. Он должен вернуться в столицу и обсудить этот вопрос с Лениным и Троцким. Сепаратное соглашение о перемирии никоим образом не вписывалось в то видение ситуации, которое имелось в Смольном, а Иоффе хорошо знал, что такое холодная ярость Ленина, когда он разгневан. Каждый дипломат, находившийся на службе нового революционного правительства, знал, что за ошибку он может ответить головой; дамоклов меч этого страха висел и над Иоффе. Он должен возвратиться в Петроград.

Гофман согласился, чтобы стороны приняли позволяющее спасти лицо заявление, в котором говорилось, что «делегации согласились довести до сведения своих правительств предложение советской делегации пригласить все воюющие стороны принять участие в переговорах». Было решено сделать перерыв на неделю до 30 ноября. После этого руководители советской делегации отбыли в Петроград, оставив «на хозяйстве» Карахана держать дипломатическую оборону.

В течение всего хода этих предварительных переговоров, а точнее, с самого момента выхода приказа Крыленко о братании большевистские агенты, не теряя времени, вели самую активную пропагандистскую работу. Экземпляры Декрета о мире вместе со специальным обращением к немецким солдатам не только нелегально доставлялись в окопы и распространялись там, но также разбрасывались с аэропланов в немецком тылу. Одним из нововведений Троцкого на посту наркома иностранных дел было образование Отдела печати, который возглавил Карл Радек, а также создание Бюро революционной пропаганды, руководителем которого стал Борис Рейнштейн, помощниками его были Джон Рид и Альберт Рис Вильямс; вся пропагандистская мощь этих новых образований была обрушена на германскую армию.

Немецкая газета Die Fackel («Факел») печаталась тиражом в полмиллиона экземпляров ежедневно и отправлялась специальным поездом в центральные армейские комитеты в Минск, Киев и другие города, а оттуда уже распространялась по всему фронту[1].

«Братья солдаты Германии! — такими словами начиналось обращение в первом номере газеты. — Выдающийся пример вашего лидера Либкнехта, та борьба, которую вы ведете на встречах, митингах и через печать, наконец, революционное восстание на вашем флоте являются для нас гарантией того, что трудящиеся массы начали настоящую и решительную борьбу за мир».

Специальная делегация во главе с Зиновьевым, снабженная аналогичного рода «горючим» пропагандистским материалом, была направлена на границу для того, чтобы содействовать революционному взрыву в Центральной Европе. Как и можно было ожидать, немцы не пропустили ее через свои позиции, машина, груженная номерами «Факела», а также воззваниями Ленина, была остановлена, а весь пропагандистский материал сожжен. «Я вынужден был отклонить требования большевиков о свободном допуске пропагандистских материалов в Германию, — пишет Гофман, — при этом, однако, я сказал, что с удовольствием окажу

[1] Германский Генеральный штаб также выпускал пропагандистский листок «Русский вестник» и распространял его среди русских военнопленных; однако это был детский лепет по сравнению с пропагандой большевиков. (*Примеч. авт.*)

содействие в поставках подобной литературы в Англию и Францию»[1].

Тем временем в Петрограде Ленин все еще лелеял надежду, что пролетарские массы воюющих стран ответят на призыв к всеобщему миру. Однако независимо от того, ответят они или нет, мир был обещан трудящимся России, и это обещание должно быть выполнено, будь то всеобщий мир или сепаратный. Даже если будет подписано сепаратное перемирие, союзники могут подключиться к переговорам о всеобщем мире и после этого. С учетом такой возможности Иоффе были даны инструкции возвращаться в Брест-Литовск и продолжать переговоры.

В ноте от 23 ноября за подписью Троцкого союзники были проинформированы о ходе переговоров о перемирии. Их внимание было обращено на то, что в переговорах взят недельный перерыв, во время которого они должны были «определить свое отношение к мирным переговорам, то есть свою готовность или свой отказ принять участие в переговорах о перемирии и мире и, в случае отказа, открыто, перед лицом всего человечества заявить ясно, точно и определенно, во имя каких целей народы Европы должны истекать кровью в течение четвертого года войны».

В то же время в печати был высказан намек, который мог рассматриваться как угроза. Ведущая газета «Правда» опубликовала передовую статью, в которой говорилось, что советское правительство может прибегнуть к такому приему, как отказ платить по долгам России, чтобы вынудить союзников принять участие в предстоящих переговорах.

Ответа вновь не последовало, и 30 ноября Троцкий выступил с новым заявлением, указав, что «ответственность за

---

[1] Использовать большевистскую пропаганду против врага пыталась отнюдь не только Германия. Рассказывая о миссии полковника Реймонда Робинса в Россию, Уильям Хард вспоминает, что однажды Робинс предложил 75 тысяч рублей большевистским представителям, которые отправлялись в Германию и Австро-Венгрию, говоря им, что эти деньги «могут принести определенную пользу вам и нанести определенный вред кайзеру». (*Примеч. авт.*)

Реймонд Робинс (1873—1954) — американский бизнесмен и политический деятель. Впервые прибыл в Петроград как член правительственной миссии США, чтобы побудить Керенского подолжать «войну до победного конца». Неоднократно встречался с В.И. Лениным, содействовал установлению дипломатических отношений между СССР и США. До конца дней оставался другом Советского Союза. Газеты называли его: «Миллионер, который любил Ленина».

сепаратный характер перемирия, которое Россия может оказаться вынуждена заключить, целиком падает на те правительства, которые отказались до сих пор предъявить свои условия перемирия и мира». В последнем абзаце заявления делалось предупреждение, к чему может привести такая политика, хотя сам Троцкий был противником подобного варианта развития событий: «Сепаратное перемирие не есть сепаратный мир. Но оно означает опасность сепаратного мира. Преодолеть эту опасность могут только сами народы».

29 ноября советская делегация вернулась в Брест и на следующий день переговоры были продолжены. Основными спорными вопросами были перемещение войск, морские вопросы, а также братание между солдатами противостоящих армий. По первому вопросу страны Четверного союза твердо стояли на своей точке зрения, а вот по морским вопросам с их стороны была выражена готовность к компромиссу. Что касается братания, то было решено проводить его «организованно».

В конце концов соглашение о перемирии было подписано 2 декабря на срок с 2 декабря 1917 г. до 1 января 1917 г. и автоматически продлевалось до тех пор, пока какая-либо из сторон не решит выйти из него с уведомлением об этом за 7 дней. В статье 2 соглашения о перемирии предусматривалось запрещение переброски войск между Черным и Балтийским морями, «за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты». Морские вопросы должны были регулироваться специальным соглашением, которое стороны должны были заключить после взаимных консультаций (ст. 5). Что касается «организованного» братания, то было решено создать два-три пункта перемирия, или «центра сношений», на участке каждой русской дивизии, но с условием, что во время встреч «должно единовременно присутствовать не более 25 человек без оружия с каждой стороны». Разрешался обмен мнениями и печатной продукцией.

Именно в этом вопросе страны Четверного союза допустили роковую ошибку. Гофман, с его острым и проницательным умом и хорошим знанием русских, никогда не должен был соглашаться на включение в соглашение статьи, разрешающей пропаганду. Конечно, предотвратить просачивание и распространение большевистской идеологии было весьма трудно, но согласие на организованное братание откровенно играло на руку русским. Как заметил один историк, «25 человек было вполне достаточно для ведения русскими антивоенной пропаганды».

Контролировать действия большевистских агентов становилось практически невозможно. В официальные пункты братания демонстративно и открыто приносили целые пачки «Факела», а также сменившей его газеты «Дружба народов», которые часто конфисковывались немецкими офицерами. Много встреч проходило тайно в официально не разрешенных местах, где германским солдатам передавалось огромное количество пропагандистской литературы. В ряде мест она закапывалась в землю, а потом выкапывалась немцами. Вирус быстро распространялся.

К соглашению о перемирии прилагалось «Дополнение о немедленном обмене гражданскими пленными и военнопленными, негодными к военной службе по состоянию здоровья». Таких в России были тысячи, и они стали хорошей мишенью для пропаганды. При помощи Бюро по делам военнопленных при Наркомате иностранных дел специальные представители были направлены в лагеря военнопленных по всей территории России, включая Сибирь, где они проводили соответствующую работу и содействовали созданию среди пленных организаций социалистического толка. Только в одной Москве десять тысяч австрийских и немецких военнопленных вошли в организацию, разделявшую взгляды большевиков, и начали вести активную пропаганду среди своих соотечественников. Эта пропаганда оказалась настолько эффективной, что, когда пленные были репатриированы и возвращались в Германию и Австро-Венгрию, их помещали на 30 дней в «лагеря политического карантина», где им «промывали мозги» и осуществляли «дезинфекцию» при помощи патриотической литературы и пропагандистских материалов партий социалистического большинства.

Гофман выражал Крыленко яростные протесты по поводу нарушения соглашения и грозил разорвать соглашение о перемирии; Крыленко публично отдавал приказы прекратить революционную пропаганду, но тайно давал указания работать в этом направлении с удвоенной силой.

Германия уже начинала пожинать бурю. Однако немцы не вняли грозному предупреждению. «Влияние большевистской пропаганды на массы огромно, — говорил Гофману в порыве откровения русский адмирал Альтфатер. — Я оборонял Эзел и видел, как армия буквально таяла на моих глазах. То же самое происходило и во всей армии, и я предупреждаю вас, что это же произойдет и у вас».

«Я только посмеялся над незадачливым адмиралом», — вспоминал позднее Гофман.

Глава 4

«МИР БЕЗ АННЕКСИЙ И КОНТРИБУЦИЙ»

1

Подписание соглашения о сепаратном перемирии между странами Центрального блока и Россией перевело весь комплекс вопросов, связанных с Восточным фронтом, из военной сферы в плоскость международной политики. Страны Антанты продолжали стоять на позициях отчужденности от происходящего, практически «умыли руки» и сняли с себя всякую ответственность за последствия. «Поскольку Россия вступила в сепаратные переговоры, — заявил Ллойд Джордж, выступая 7 декабря в палате общин, — она должна взять на себя всю ответственность за то, что может в результате произойти с ее территорией»; это высказывание фактически выразило общую позицию стран Антанты.

Но для Центрального блока эти вопросы приобрели куда более важное значение. Теперь они взяли на себя обязательства вести мирные переговоры с Россией на основе принципа «мир без аннексий и контрибуций, на основе самоопределения народов». Эта формула имела по крайней мере поверхностное, внешнее сходство с тем, что было изложено в мирной резолюции, принятой рейхстагом в июле 1917 г. «Нами не движет стремление к каким-либо захватам», — говорилось в ней; резолюция требовала мира «на основе взаимного согласия и примирения»; в ней выражался протест против любого «захвата территорий», а также «любого политического, экономического и финансового притеснения». Однако в документах такого рода главным является его дух, нежели буква, а еще важнее и того и другого — как оба этих фактора интерпретируются. Каждый человек волен трактовать тот или иной принцип по-своему, и это наглядно продемонстрировал канцлер доктор Михаэлис, который, выражая поддержку резолюции, сделал зловещую оговорку в виде фразы «как я ее понимаю».

Для того чтобы в полном объеме оценить значение этой оговорки — а фактически той позиции, которой придерживалась Германия в ходе переговоров в Брест-Литовске, — необходимо понять, какие изменения произошли внутри правящих кругов Германии начиная с 16 августа 1917 г.

В этот день Гинденбург и Людендорф были назначены на высшие посты в Верховном командовании германскими воору-

женными силами с подчинением непосредственно кайзеру. С этого момента началось сначала подспудное и не очень заметное, а затем все более явное и в конце концов совершенно откровенное изменение всей политической структуры Германии. Новое высшее командование потребовало контроля над всей как внутренней, так и внешней политикой страны. Главным инициатором этих требований был Людендорф. Между фельдмаршалом Гинденбургом и Людендорфом, вторым человеком в военном командовании, установились особо доверительные отношения, основанные на какой-то необъяснимой внутренней близости, которые, по словам самого Гинденбурга, напоминали отношения «счастливой супружеской пары», в результате чего внутренние «я» более старшего по возрасту Гинденбурга и более молодого Людендорфа слились в единое целое. В этом «брачном союзе умов» Людендорф выполнял роль яркого, привлекающего всеобщее внимание мужа, «заправляющего» в семейных отношениях, а Гинденбург — роль спокойной, покорной жены, являющейся «тенью» своего мужа. В сочетании с организационным гением Гофмана этот союз оказался исключительно эффективным с военной точки зрения на Восточном фронте. Он также был эффективен, правда уже без Гофмана, и на Западном фронте; а вот в политических вопросах этот союз оказался крайне неудачным. Гинденбург политику терпеть не мог, поскольку ничего в ней не понимал; она вызывала у него откровенную скуку и раздражение. Он с удовольствием передал все политические вопросы в ведение Людендорфа, который активно использовал имя и положение своего начальника, причем делал это крайне неудачно, неуместно и неподобающе.

Верховное командование превратилось в *государство в государстве*, причем Людендорф лично и независимо ни от кого встречался и вел переговоры с императором, канцлером, руководством МИД, лидерами партий в рейхстаге, прмышленными магнатами и профсоюзными деятелями — словом, всеми, кто, по его мнению, должен был выполнять указания Генштаба и проводить выработанную им линию. В конце концов сформировалась самая настоящая диктатура, которая основывалась на слове «ответственность», в том понимании, которое в него вкладывал Людендорф. К примеру, если обсуждаемое возможное решение в чем-то не устраивало Людендорфа или было, по его мнению, ущербным с точки зрения ведения войны, он заявлял, что Верховное командование не может взять на себя «ответственность» за подобное решение, и подавал прошение об отставке. Благодаря подобному спосо-

бу «убеждения» первый генерал-квартирмейстер вынуждал всех уступать его точке зрения, начиная с императора и ниже. Иногда он использовал согласие Гинденбурга на те или иные свои предложения и весьма часто ссылался на него; его последний аргумент всегда был следующим: «Фельдмаршал и я подаем в отставку».

Так, в ноябре 1916 г. Верховное командование сорвало планы канцлера Бетман-Гольвега попытаться заключить сепаратный мир с Россией, а в феврале 1917 г. оно настояло на начале неограниченных операций с использованием подводных лодок, опять же вопреки мнению канцлера. В июле того же года эта «счастливая пара» настояла на смещении Бетман-Гольвега с поста канцлера и назначении на него совершенно бесцветного Георга Михаэлиса, который до этого ведал вопросами продовольственного снабжения в Пруссии и, находясь на посту канцлера, просто озвучивал то, что решали Людендорф и Гинденбург.

Поставив своего человека во главе правительства, Гинденбург и Людендорф почувствовали себя достаточно подготовленными для того, чтобы фактически провалить мирную резолюцию, выдвижение которой для голосования в рейхстаге партиями социалистического большинства им не удалось предотвратить. Зловещая фраза Михаэлиса «как я ее понимаю» как раз и была той самой заготовкой Верховного командования, предназначенной для того, чтобы свести на нет эту резолюцию, поскольку она резко шла вразрез с захватническими и завоевательными вожделениями этого самого командования.

Однако в рейхстаге не придали значения этой оговорке, сделанной канцлером, и приняли резолюцию, причем по иронии судьбы в это же время проголосовали за выделение дополнительных огромных военных кредитов. С чувством законной гордости Михаэлис писал германскому кронпринцу 12 июля 1917 г.: «Ненавистная резолюция была принята 212 голосами против 126 при 17 воздержавшихся и 2 голосах, признанных недействительными. При помощи сделанной мной оговорки была устранена главная опасность, содержавшаяся в этой резолюции. Теперь можно заключить мир практически на любых условиях, и это не будет противоречить резолюции».

Действительно, на любых. «Ваше высочество, — воскликнул с отъявленным цинизмом Эрцбергер, обсуждая резолюцию с принцем Баденским, — таким путем я могу захватить линию Лонгви—Брие посредством переговоров». А позже даже делались утверждения, что Брест-Литовский мирный договор

вполне соответствует мирной резолюции, «как ее понимает Верховное командование».

Такова была внутриполитическая обстановка в Германии к началу мирных переговоров с Россией. В сентябре 1917 г. Верховное командование саботировало мирное предложение со стороны папы римского, которое выглядело довольно интересным и обещающим; а в конце октября проведший сто дней на посту канцлера Михаэлис был отправлен в отставку (его поэтому и стали называть «стодневным канцлером»), ему на смену пришел премьер-министр Баварии граф фон Гертлинг, бывший к тому времени уже совсем пожилым человеком. Будь он помоложе, он сумел бы, наверное, более успешно противостоять все возрастающему день ото дня вмешательству военных в гражданскую сферу. Однако, несмотря на свой богатый и зрелый опыт, а также сильный характер, он, будучи в целом не согласен с Людендорфом, был слишком стар и имел слишком мало сил и энергии, чтобы успешно бороться с Верховным командованием.

А вот министр иностранных дел Рихард фон Кюльман попытался «дать бой». Как и канцлер Гертлинг, Кюльман был родом из Баварии, католиком; 44 лет; и наиболее тонким и проницательным из всех германских дипломатов, к тому же самым просвещенным из всех государственных деятелей Германии того времени, не считая Бетман-Гольвега. Этот человек отличался высокой культурой и широтой взглядов, он был настоящим представителем светского общества и, можно даже сказать, в какой-то степени «гражданином мира». Кюльману пришлось много путешествовать и работать во многих странах. Он родился в Константинополе, работал в качестве атташе и советника почти в десятке столиц, а тем незабываемым утром в марте 1905 г. он, позеленевший от морской болезни, в полной форме баварского улана, взобрался наверх по веревочному трапу, чтобы приветствовать своего кайзера на открытом рейде в Танжере. Во время войны он выдвинулся на ответственные посты. Он успешно работал послом в Гааге и Константинополе; затем Михаэлис предложил ему возглавить министерство иностранных дел; это предложение было подтверждено и Гертлингом, который был рад увидеть на этом посту соотечественника, а тем более единоверца, поскольку в госаппарате почти все были прусскими лютеранами.

В отличие от многих немцев Кюльман обладал изысканным вкусом к жизни. Он умел ценить и наслаждаться прекрасным вином, произведениями искусства, а также женской красотой. При этом он обладал какой-то отчужденностью от жизненной

суеты, каким-то внутренним пренебрежением к ней и ощущением себя выше ее, что позволяло ему быть одновременно участником событий и сторонним критиком. Даже когда речь шла об очень важных делах, он всегда оставался в известной мере наблюдателем, причем наблюдателем ироничным, с насмешливостью, причем порой весьма едкой, смотрящим на все происходящее вокруг, на других, а также и на себя самого. Он ни на что не смотрел поверхностно, но также не позволял себе слишком сильно увлечься каким бы то ни было вопросом. Никогда он не был готов рисковать своей репутацией, какой бы вопрос ему ни приходилось рассматривать; в этом он отличался от Бисмарка. Для него подобная жертва была неоправданной. Он играл ради самой игры.

При этом Кюльман был культурным и дальновидным человеком. Будучи лучше знаком с ходом ежедневных событий, он имел лучшее представление о происходящем, лучше и глубже понимал его, чем Верховное командование, которое было окружено людьми, по любому поводу говорившими «есть!» и способными лишь «брать под козырек» и все мысли которых были заняты лишь успешным продвижением по службе. Кюльман был далек от того, чтобы иметь иллюзии насчет успешного захвата Германией чужих территорий, которые были у Людендорфа, и он считал, что мир на условиях победителя Германии заключить не удастся. Лучшее, на что можно было рассчитывать, — это мир на основе взаимной истощенности сил и ресурсов, «мир от усталости», при отказе от присоединения на постоянной основе новых территорий. Именно эту точку зрения Кюльман активно отстаивал и работал на ее основе с тех пор, как в августе 1917 г. он стал министром иностранных дел. Его попытки в самом начале своей деятельности воспользоваться мирным предложением, выдвинутым папой римским, были сведены на нет двурушничеством Михаэлиса, но Кюльман не собирался отказываться от своей линии. И вот, когда появилась возможность переговоров с Россией, Кюльман получил шанс на вторую попытку.

2

Трудно представить себе две другие группы, имеющие столь глубокие расхождения во взглядах, чем те, которые схлестнулись внутри Германии в борьбе за влияние на германскую внешнюю политику перед началом переговоров в Брест-

Литовске. Именно эта борьба, вызванная серьезными расхождениями во мнениях, лишала предстоящие переговоры надежды на быстрый успех, а быстрота была как раз тем важнейшим фактором, который определял успех всего дела. В течение всей мирной конференции в Брест-Литовске вопросы высокой политики были предметом ожесточенных споров и расхождений между федеральным правительством и Верховным командованием, и с первого до последнего дня конференции работа германской делегации затруднялась постоянными интригами Людендорфа в Берлине.

Главным пунктом разногласий был вопрос об отражении в мирном договоре будущего статуса тех территорий, которые были уже заняты австро-германскими войсками, а именно Курляндии[1] и Литвы, Русской Польши[2] и значительной территории, населенной белорусами и украинцами. Именно польский вопрос был наиболее сложным, и он не раз вызывал острые споры и разногласия между двумя ведущими партнерами по Четверному союзу — Германией и Австро-Венгрией.

Обе воюющих стороны использовали лозунг восстановления единой Польши в качестве орудия политической пропаганды. Николай II объявил об объединении Польши в единую автономию в рамках Российской империи. Вслед за этим летом 1916 г. в результате переговоров между Берлином и Веной было объявлено о создании независимого Королевства (Царства) Польского, в котором бы существовала конституционная монархия с правом престолонаследия. Однако объявление о достижении соглашения было «положено под сукно» из уважения к точке зрения по этому вопросу Фалькенгайна — предшественника Гинденбурга на посту начальника германского Генштаба, опасавшегося последствий предоставления права на создание независимого государства народу, который не скрывает своих антигерманских настроений, к тому же занимает территорию, расположенную в тылу Восточного фронта.

Когда же Гинденбург и Людендорф стали фактически контролировать как внутреннюю, так и внешнюю политику, то был пересмотрен подход и к этому в высшей степени чувстви-

---

[1] Курляндия — территория бывшего Ливонского ордена, после его распада в конце XVIII в. присоединенная к России; занимала часть Латвии и Литвы.

[2] Русская Польша — та часть Польши, которая входила в состав Российской империи.

тельному вопросу. Людендорфу уже виделось, как германская армия пополнится новыми дивизиями, состоящими из благодарных поляков, и, ослепленный этим миражом, он настоял на том, чтобы в ноябре 1916 г. было объявлено о достижении соглашения между Германией и Австро-Венгрией о создании независимого польского государства, что окончательно похоронило все попытки заключить с Россией сепаратный мир, к чему было приложено столько усилий с обеих сторон.

Однако политика Верховного командования не дала абсолютно никаких результатов. Поляки восприняли предоставление независимости как должное, и они не собирались предоставлять солдат для армий Четверного союза до тех пор, пока не будет создано польское государство, которое и будет контролировать польскую армию. Мечта Людендорфа о том, что польские солдаты будут служить под началом германских офицеров, растаяла как дым. Поляки отказались играть по его правилам.

Заявление двух империй, сделанное в ноябре 1916 г., сформировало лишь теоретическую основу для создания действительно независимого польского государства; оно представляло собой лишь декларацию, причем в ней не было сделано никакой попытки более или менее определенно зафиксировать политический статус Польши, а фактический контроль за территориями, занятыми австро-германскими войсками, по-прежнему оставался в руках генерал-губернаторов — варшавского и люблинского. Год спустя ничего не изменилось, хотя предлагалось три возможных практических решения данной проблемы.

Первый возможный вариант — так называемый «австрийский». Он заключался в том, чтобы Польский Конгресс был объединен с Галицией и это новое образование вошло в качестве третьей стороны в империю Габсбургов на равных основаниях с Австрией и Венгрией, то есть империя превращалась бы из двойственной в тройственную. Этот вариант поддерживался Австрией, время от времени в его пользу высказывалось и германское правительство; однако против был венгерский премьер-министр граф Тиза, который считал, что нельзя менять политическую структуру Австро-Венгерской империи, и если и включать туда новое образование, то лишь в качестве австрийской провинции. Против этого варианта был и германский Генеральный штаб, по мнению которого в случае его реализации пришлось бы столкнуться с политическими и стратегическими издержками, ослаблявшими союз между Австрией и Германией, что было недопустимо с точки зрения долгосрочных интересов.

Два возможных варианта решения были предложены Германией. Первый из них родился в изобретательном мозгу Эрцбергера и был прямой противоположностью «австрийскому варианту». Согласно ему, части Польши, входившие в состав России и Австро-Венгрии, включались в состав Германской империи, а в состав Австрии в качестве компенсации включалась Румыния. Этот вариант был с ходу отвергнут Веной, которая справедливо считала, что лучше синица в руках, чем журавль в небе.

А вот второй «немецкий вариант» был особенно дорог сердцу германского Генштаба. Согласно ему, расширялось «узкое горлышко» между Данцигом[1] и Торном, создавая таким образом «защитный пояс» для Восточной Пруссии на случай наступления типа осуществленного русскими войсками под командованием великого князя Николая Николаевича в 1914 г.; а другой аналогичный «пояс» должен был проходить к востоку от Вистулы и защищать угольный бассейн Верхней Силезии. Что произойдет с оставшейся частью территории Польского Конгресса, германский Генштаб интересовало мало; она могла объявить независимость при условии установления тесных и благоприятных для Германии отношений с ней или же быть включена в состав Австрии.

Против этого предложения выступили как германское, так и австрийское правительства. Первое считало, что этого нельзя делать, поскольку в этом случае «Польша будет изуродована до неузнаваемости подобным изменением границ, и, даже несмотря на объединение с Галицией, это станет крайне отрицательным фактором, который исключит возможность установить в перспективе нормальные и гармоничные отношения с ней»; второе опасалось того, что в Германии в этом случае появится большое количество поляков. На последнее возражение Генштаб ответил, что «последующее увеличение численности польского населения в защитном поясе является нежелательным, однако придется смириться с этим серьезным отрицательным фактором ввиду военной необходимости».

Что же касается Курляндии и Литвы, то Генштаб был противником освобождения из-под контроля Германии любой территории, занятой силой оружия. Он хотел создать на этих территориях два великих княжества, которые бы непосредственно подчинялись династии Гогенцоллернов в лице германского императора. При содействии ставки главнокомандующе-

[1] Данциг — немецкое название Гданьска.

го Восточным фронтом и ее аппарата, а также прибалтийских баронов Курляндии Генштабу удалось добиться проведения выборов в конституционные собрания в обеих провинциях, а сейм Митавы обратился к кайзеру с просьбой принять на себя титул герцога Курляндского.

Литовцы оказались менее сговорчивыми, и в отношении их пришлось применить более жесткие методы воздействия. Сейм Вильно был кратко, грубо и жестко проинформирован принцем Изенбургом и генералом фон Фрейтаг-Лоринговеном, что если он не проголосует за независимость Литвы при одновременном объявлении Германской империи гарантом этой независимости, то Верховное командование настоит на проведении новой стратегической границы Германии по линии Ковно—Гродно—Двинск, которая рассечет Литву пополам, причем ее восточная часть будет предоставлена самой себе и брошена Германией на произвол судьбы.

Так выглядел принцип самоопределения при оговорке Михаэлиса «как я его понимаю».

3

5 декабря 1917 г. В Крейцнахе проходит заседание Совета Короны, на котором председательствует Верховный главнокомандующий, кайзер Вильгельм II. Император нервозен и бледен; глубоко погрузившись в кресло, он молча наблюдает за спорами и перепалкой между своими министрами и генералами. Гинденбург, с квадратным черепом, покрытым седыми волосами, напоминавший сфинкса, в течение всего совещания оставался спокойным и безучастным. Рядом с ним сидел канцлер граф фон Гертлинг, пожилой человек с седыми бакенбардами; он пытался сделать все, что мог, чтобы отстоять свою точку зрения и одновременно не перейти дорогу высшему командованию. Позже, по ходу совещания, Гинденбург и Гертлинг время от времени будут погружаться в воспоминания и размышления о былом, предоставляя возможность вести дискуссию своим подчиненным. А тем именно это и нужно было. Людендорф, с тонкой складкой маленького рта, выглядящего совершенно непропорционально на фоне массивной, выступающей вперед челюсти, со сверкающим на вороте серого полевого кителя крестом «За доблесть», высокомерно и презрительно относящийся ко всем гражданским, с недовольством смотрел на сидящего напротив него по другую сторону стола

Кюльмана, немного циничного, немного самоустраненного от происходящего, умело сочетавшего обе стороны своей личности и умевшего быть одновременно и участником событий, и сторонним наблюдателем.

Людендорф энергично и решительно излагает точку зрения Генерального штаба. Для обеспечения безопасности империи необходимо решить польский вопрос на основе «германского варианта» и создать на новой границе необходимую оборонительную полосу — «защитный пояс». Помимо этого, Литва и Курляндия должны быть приведены в прямое подчинение германской короне, чтобы их жители могли осуществить свое право на самоопределение. Подразумевалось, хотя открыто об этом не говорилось, что население этих территорий убедят сделать правильный выбор.

Кайзер до этого времени склонялся к решению польского вопроса на основе «австрийского варианта»; однако он обычно принимал точку зрения того, кто выступал последним, и, после некоторого колебания, он поддержал позицию высшего командования. Польский вопрос должен быть решен на основе «германского варианта», а Курляндия и Литва войдут на основе личной унии либо в состав прусского королевства, либо Германской империи, если с последним согласятся германские принцы.

Канцлер склоняется к мнению большинства, и Кюльман остается в одиночестве.

Однако он не смиряется с происходящим. Держа про запас свой главный вопрос, он вновь повторяет, что не согласен с подходом, предложенным высшим командованием, и что вопрос о будущем восточных привинций, по его мнению, должен остаться открытым. Он согласен сделать лишь одну уступку: «Я могу снять свои возражения против того, чтобы поднять германский флаг в приграничных государствах на востоке, но самым решительным образом буду выступать против того, чтобы он был там прибит к мачте на постоянной основе».

Людендорф приходит в ярость, кайзер нервничает и чувствует себя крайне неуютно (когда же, наконец, закончатся эти споры?); Гинденбург очнулся от своих мыслей и воспоминаний, и Кюльман задает ему прямой вопрос:

«Зачем вам так нужны эти территории?»

«Они мне нужны для обепечения маневра не левом фланге во время следующей войны», — вырвался громовой ответ из могучей груди фельдмаршала. Людендорф добавил, что благодаря восточным провинциям увеличится снабжение Герма-

нии как продовольствием, так и живой силой для армии, а это будет иметь очень большое значение, если в будущей войне Германии придется рассчитывать только на собственные силы и ресурсы.

Однако Кюльмана эти доводы не убедили, и он оставался при своем мнении; кайзер колебался, не желая принять чью-либо сторону в этом споре. Совещание закончилось без принятия окончательного решения, и Кюльман отправился в Брест-Литовск, не имея четких и ясных инструкций.

Таковы были события и обстоятельства, предшествовавшие отъезду Кюльмана на мирные переговоры в Брест-Литовск. Поскольку он не был связан никакими решениями по обсуждавшимся в Крейцнахе вопросам, так как окончательного решения по результатам совещания принято не было, Кюльман решил проводить на мирных переговорах ту линию, которую он считал наиболее подходящей. Он был убежден, что максимум, на что могут рассчитывать Центральные державы, — это на мир, достигнутый в результате переговоров; в то же время он считал, что время для заключения подобного мира еще не наступило. Если страны Антанты примут предложения большевиков о заключении всеобщего мира — очень хорошо; но Кюльман был уверен, что они этого не сделают. Главная задача, таким образом, заключалась в том, чтобы убедить Россию заключить сепаратный мир, и именно это он имел в виду, когда согласился поддержать предложение о всеобщем мире. Только после отклонения этого предложения странами Антанты дверь к переговорам о сепаратном мире будет открыта, а когда большевики увидят, что страны Центрального блока готовы пойти на заключение всеобщего мира, а страны Антанты — нет, у них не останется иного выхода, как подписать договор о сепаратном мире.

Далее Кюльман рассуждал так. Если переговоры о всеобщем мире все-таки будут проведены, он будет готов отказаться от Курляндии и Литвы в обмен на гарантии странами Антанты неприкосновенности территории Германии на западе. Курляндия и Литва вновь отойдут к России, и, хотя такое развитие событий таило определенные опасности для прибалтийских немцев, оно было бы вполне приемлемым, если бы в результате западные земли Германии остались в неприкосновенности. Кюльман привык заканчивать сначала одно дело, перед тем как браться за другое, а не делать несколько дел сразу. Хотя он и рассчитывал в конечном итоге на заключение сепаратного мира, сейчас на очереди стоял вопрос о всеобщем мире, и именно на нем он решил сконцентрировать свои усилия.

Перед отъездом в Брест-Литовск Кюльман вместе с Гертлингом посетили рейхстаг, где встретились с лидерами представленных там политических партий. Он рассказал им, какой линии правительство будет придерживаться на предстоящих переговорах, подчеркнув, что она будет основываться на мирной резолюции, принятой ранее рейхстагом, а также на советской формуле «мир без аннексий и контрибуций». Со стороны левых и центристов Кюльман встретил полную поддержку. Многие представители этих партий искренне желали достижения справедливого мира с Россией и надеялись, что «ни один русский не пожалеет о мире, который в результате этих мирных переговоров будет заключен».

Со стороны ура-патриотически настроенного правого крыла, представленного партией Отечества, он также получил поддержку, правда весьма своеобразную. Лидерам партии Вестрапу и Штреземану было все равно, при помощи какой словесной абракадабры удастся присоединить к рейху прибалтийские провинции и обеспечить оборонительную полосу на границе, чего добивалось высшее командование. Если Кюльману удастся этого добиться своей политикой — очень хорошо; консерваторы и национал-либералы его в этом случае поддержат. Однако они откровенно предупредили его, что «мы слишком дорого заплатили за обеспечение наших прав на востоке, чтобы отказаться от них в угоду дешевым революционным фразам»; именно с этим наказом в ушах, являвшимся своего рода «зовом предков», германский министр иностранных дел отбыл в Брест-Литовск.

4

К 7 ноября делегации пяти стран съехались в Брест-Литовск.

В качестве помощника Кюльман привез с собой из Берлина Розенберга, а в качестве своей «правой руки» — координирующего работу всех членов делегации молодого аристократа из Саксонии, барона фон Гоша, который позднее работал послом в Париже и Лондоне. Вопрос о том, кто будет представлять в делегации высшее командование, оказался весьма нелегким и неприятным. Сначала Людендорф хотел ехать сам, но потом он разумно отказался от этого, поскольку антипатия между ним и Кюльманом была настолько сильна, что сделала бы крайне затруднительной слаженную работу всей делегации.

Военным представителем был назначен Гофман, и, хотя он и получил статус полномочного представителя, он, как член делегации, мог лишь давать советы и выступать с протестом[1].

Гофман очень удачно воспользовался данными ему правами. Однако, соблюдая субординацию и точно выполняя указания своего начальника, Гофман в то же время продемонстрировал понимание той исключительно сложной ситуации, в которой оказался Кюльман; и германский министр иностранных дел был немало удивлен этой неожиданной для него поддержке.

Людендорф, таким образом, наблюдал за всем происходящим «сверху», подобно Юпитеру, будучи в любой момент готовым метать гром и молнии. В это же время Ленин контролировал ситуацию на расстоянии с другой стороны. Постепенно вся конференция стала превращаться в поле боя между этими двумя гигантами; члены делегаций были лишь пешками на доске в ходе этого поединка. Изначально Людендорф, оказывая содействие Ленину в проезде через Германию, рассматривал его тоже как пешку, но теперь, находясь по разные стороны Европы, они сошлись лицом к лицу в этой титанической битве умов.

В Брест-Литовске Кюльмана уже ждали представители других стран Четверного союза. Австро-Венгрию представляли Чернин, генерал Чичерич и барон фон Визнер, впоследствии безуспешно пытавшийся представлять в европейских странах свергнутую династию Габсбургов. Болгарскую и турецкую делегации возглавляли сответственно М. Попов и Несим-бей; позднее к ним присоединились премьер-министр Болгарии М. Радославов и великий визирь Талаат-паша.

Советскую делегацию по-прежнему возглавлял Иоффе; ее состав практически не изменился: новыми членами делегации стали «придворный историк» Покровский[2] и генерал Самойло, который вместе с адмиралом Альтфатером возглавил группу военных советников.

---

[1] Когда полномочия Гофмана позднее были поставлены под сомнение представителями социал-демократических партий, Кюльман, выступая в рейхстаге 7 ноября 1918 г., решительно и ясно подтвердил, что Гофман имел статус полномочного члена германской делегации. (*Примеч. авт.*)

[2] Покровский М.Н. (1868—1932) — член большевистской партии с 1905 г., видный советский государственный и общественный деятель и историк. Принимал активное участие в революции 1905—1907 гг. С ноября 1917 по март 1918 г. — председатель Московского Совета. Некоторое время примыкал к группе «левых коммунистов», выступал против подписания Брестского мирного договора.

Следует отметить, что над многими членами переговоров в Брест-Литовске как будто бы висел рок; их судьба сложилась трагично. Кюльману удалось выжить в нацистской Германии, хотя это произошло в значительной степени случайно; а вот Гош и Бюлов умерли, будучи средних лет; их воля к жизни и жизненные силы были в значительной степени подорваны презрением к тому режиму, которому им пришлось служить; они пошли на это, чтобы на их место не взяли кого-нибудь, кто принес бы стране вред: они ведь не могли знать, кто придет им на смену. Талаат-паше было суждено погибнуть от рук армянина, мстившего за массовые остребления своих соотечественников[1]; Радославова провели, закованного в цепи, по улицам Софии.

Еще в большей степени рок обрушился на членов советской делегации. Троцкий, еще пока не появившийся на переговорах, но которому было суждено сыграть на них большую роль, нашел убежище в Мексике, где он жил в атмосфере ненависти и поношений. Его падение с высот власти повлекло за собой трагические последствия для многих людей. Более 1500 советских граждан были «ликвидированы» как троцкисты, и среди них ряд видных участников переговоров в Брест-Литовске. Иоффе, Каменев, Сокольников и Карахан дослужились до послов, но все они были низвергнуты со своих постов и подверглись бесчестью и унижению. Иоффе покончил с собой, Каменев и Карахан погибли от пули палачей как «фашисты», поддерживающие Троцкого. Сокольников находился в советской тюрьме по аналогичным обвинениям в измене, а вместе с ним и Радек — самый выдающийся пропагандист советского режима.

Что касается военных экспертов, то во время «красного террора» в 1918 г. погибли адмирал Альтфатер и генерал Самойло[2].

Всего на переговорах, проходивших в помещениях военных бараков Брест-Литовской цитадели, собралось более 400 человек; все они были размещены, правда в режиме экономии, и питались в общей столовой. Германская сторона постаралась создать удобную атмосферу для советской делегации; в распоряжение ее членов, в частности, были предоставлены авто-

---

[1] Речь идет о геноциде армян, осуществленном Турцией в годы Первой мировой войны.

[2] Генерал Самойло остался жив. Уже после Великой Отечественной войны генерал-лейтенант в отставке А.А. Самойло работал над книгой воспоминаний; частично они были опубликованы в «Огоньке» № 8 в 1958 г.

мобили. Можно сказать, что общение происходило в атмосфере радушия, по крайней мере внешне. Особые внимание и симпатию германская сторона демонстрировала военным и морским экспертам в составе советской делегации, понимая, в какой неприятной и унизительной для них ситуации те оказались.

Вечером 7 декабря главнокомандующий Восточным фронтом фельдмаршал принц Леопольд Баварский дал ужин в честь собравшихся на переговоры членов делегаций; это был один из самых необычных и, можно сказать, уникальных приемов в истории современной дипломатии. Картина происходящего буквально изобиловала контрастами. Во главе стола, крепко сбитый, с бородой, восседал принц Баварский. Справа от него разместился Иоффе, который только недавно был освобожден из заключения в Сибири, куда он был отправлен за революционную деятельность. Рядом с ним находился граф Чернин — аристократ и дипломат старой школы, имевший титул Рыцаря Золотого Руна, воспитанный на традициях Кауница и Меттерниха. Глядя на Чернина мягким взглядом, Иоффе доверительно и самым доброжелательным тоном говорил ему: «Я надеюсь, что нам удастся совершить революцию и в вашей стране тоже»[1].

В соответствии с правилами «революционного этикета» представителям народа отдавалось предпочтение по сравнению с военными специалистами; так, матрос Олич сидел за столом на одном из самых почетных мест, а адмирал Альтфатер занимал во время еды место в прихожей. Все это придавало всей процедуре определенную пикантность. Сидящий напротив Гофмана рабочий представитель Обухов явно терялся, глядя на приборы рядом с тарелкой.

Он пытался подхватить еду с тарелки то одним, то другим прибором; постоянно пользовался только вилкой, применяя ее в качестве зубочистки. Но наиболее колоритной фигурой из представителей народа был старый крестьянин Сташков. Он преодолел первоначальную стеснительность и уже вполне освоился, откровенно радуясь и наслаждаясь происходящим. Будет что рассказать в родной деревне! Он весело смеялся,

---

[1] «Я не думаю, что нам понадобится услуга, столь любезно предложенная Иоффе, по совершению у нас революции, — записал Чернин в тот вечер в своем дневнике, подводя итоги прошедшего дня, — народ это сделает сам, если страны Антанты будут по-прежнему отказываться заключить с нами мир». (*Примеч. авт.*)

тряся седыми волосами и стараясь вытряхнуть куски еды, застрявшие в его всклоченной, нерасчесанной бороде. Особенно ему нравилось вино, от которого он никогда не отказывался; он вызвал улыбку даже на каменных лицах немцев, когда серьезно, по-деловому спросил принца Эрнста фон Гогенлоха: «Какое крепче? Красное или белое? Мне все равно, что пить, главное, чтобы крепкое было». К концу приема лицо Сташкова, и так не бледное от природы, просто пылало; было ясно, что это пожилое добродушное лицо принадлежит члену «красной» делегации[1].

Непонятно, почему вообще привлек внимание эпизод, когда человек просто был навеселе. Известно немало случаев, когда представители «цивилизованных» стран, причем вполне «благородного» происхождения, так «набирались» на дипломатических приемах, что могли дать фору целой таверне в каком-нибудь порту, причем делали это не по искренности чувств, а потому, что было это за чужой счет.

По другую сторону стола барон фон Кюльман и генерал Гофман сидели вместе с Каменевым и Сокольниковым, которые увлеченно рассказывали о том, что предстоит сделать, чтобы привести пролетариат России к высотам счастья и процветания. Напротив этой группы сидел принц Эрнст фон Гогенлох, а рядом с ним — мадам Биценко, тихая, замкнутая, маленькая седая женщина, совершившая когда-то политическое убийство.

Однако разительный контраст между сторонами существовал не только за столом, на котором был накрыт ужин. Еще более сильно этот контраст проявился за столом переговоров. Истории было угодно распорядиться так, чтобы за этим столом встретились представители самого революционного режима, с одной стороны, и представители самой реакционной военной касты из существовавших в каких-либо правящих кругах того времени — с другой. Представители государства с самым сильным государственным порядком и самой твердой государственной дисциплиной, положение которого казалось прочным и устойчивым, встретились с представителями революционного государства, жизнеспособность и будущие перспективы которого в то время еще оставались неопределенными.

---

[1] Троцкий, который не присутствовал на этом приеме, так впоследствии написал об этом эпизоде: «Старому крестьянину предложили слишком много вина — больше его нормы». (*Примеч. авт.*)

Трудно представить себе две других стороны на переговорах, которые бы столь сильно отличались друг от друга. Представители Центральных держав говорили на языке дипломатии, используемом с древних времен, освященном веками, обросшем традициями и имевшем глубокие корни. Они рассуждали категориями установления новых стратегических границ, присоединения новых территорий и достижения различных экономических преимуществ. Подход же большевиков был совершенно иным. Они думали и говорили не о границах и территориальных уступках или приобретениях. Это была первая официальная встреча большевиков с представителями западного мира, и они хотели использовать эту встречу в качестве трибуны для изложения перед всем миром своей доктрины. Когда они говорили об основополагающих принципах общеевропейского мира, они не связывали себя рамками географических имен и названий. Они надеялись, что пропаганда их взглядов окажет немедленное и эффективное воздействие на уставшие от войны народные массы стран Европы, а это приведет к тому, что, как они знали, нельзя осуществить лишь силой оружия, — к мировой революции и замене империализма «властью пролетариата».

«Мы начали мирные переговоры, — писал Троцкий, — в надежде поднять на борьбу рабочие партии Германии и Австро-Венгрии, а также стран Антанты. Поэтому мы старались затянуть переговоры, насколько было возможно, чтобы европейские рабочие поняли главное, как в нашей революции, так и, в особенности, в той мирной политике, которая именем этой революции проводилась».

Для того чтобы понять внутреннюю суть предложений большевиков, необходимо рассматривать их с точки зрения и в свете той философии и тех взглядов, которых большевики придерживались. На первый взгляд провозглашение права на самоопределение ослабляло власть большевиков, поскольку нетрудно было предположить, что целые крупные территории, ранее входившие в Российскую имерию, либо провозгласят независимость, либо обратятся за помощью к Центральным державам. Однако, согласно тем взглядам, которых придерживались большевики в то время (со временем в этих взглядах произошли определенные изменения), главное заключалось не в том, что противник в лице мирового империализма руками тех или иных капиталистических государств захватит некоторые новые территории и материальные ресурсы. Главное — это борьба внутри общества, поэтому вопрос о границах рас-

сматривался как второстепенный по сравнению с классовой борьбой пролетариата против капиталистов. «Для них, — писал один исследователь в то время, — имело мало значения, отойдет Литва к Германии или нет. Главным, что их беспокоило, была борьба литовского пролетариата против литовской буржуазии».

«Тот не социалист, — писал Ленин в открытом письме к американским рабочим, — кто не понимает, что для победы над буржуазией могут потребоваться потери территории и временные поражения. Тот не социалист, кто не готов пожертвовать своим отечеством ради торжества социальной революции».

Такова была психология большевиков, лежавшая в основе той политики, для осуществления которой они приехали в Брест-Литовск и при помощи которой они в душе надеялись преобразовать и изменить весь мир. Когда эта политика потерпела неудачу, из большевизма ушло что-то основополагающе важное, а на смену пришел компромисс.

5

Первое пленарное заседание мирной конференции в Брест-Литовске состоялось 9 декабря 1917 г.; оно открылось краткой приветственной речью принца Леопольда Баварского. Председательствующим на заседании был единогласно выбран Кюльман; он выступил с речью, в которой помимо традиционных приветствий и пожеланий успеха в работе были обозначены основы и направления, на которых и по которым конференция должна была, по мнению выступавшего, вести свою работу.

«Наши переговоры, — подчеркнул он, — будут проникнуты духом незлобивости и человечности, а также взаимного уважения. С одной стороны, они должны основываться на том, что уже исторически свершилось, чтобы твердо стоять на почве реальных фактов, но, с другой стороны, они должны вдохновляться тем великим порывом, который и собрал нас здесь. Я рассматриваю как добрый знак, что мы начинаем свою работу незадолго до наступления праздника, который в течение столетий рассматривался человечеством как символ мира на земле и доброй воли в отношениях между людьми»[1].

---

[1] Кюльман имел в виду Рождество, которое католики празднуют с 20-х чисел декабря.

Сделав это вступление, он попросил Иоффе ознакомить присутствующих с теми принципами, которые, по мнению советской делегации, должны быть положены в основу работы конференции и мирного договора[1].

Иоффе процитировал в своем выступлении большую часть Декрета о мире и сформулировал подход советской стороны в виде шести пунктов, которые были уже знакомы присутствовавшим.

I. Никакие насильственные присоединения территорий, захваченных во время войны, не допускаются, а войска, оккупировавшие их, выводятся с этих территорий в кратчайший срок.

II. Те народы, которые во время войны лишились своей политической самостоятельности, должны быть восстановлены в ней во всей полноте.

III. Национальным группам, которые не пользовались до войны самостоятельностью, должна быть гарантирована возможность путем референдума свободно самоопределиться, то есть самим решить вопрос о своей принадлежности к тому или иному государству или о своей государственной самостоятельности; такой референдум должен проходить при полной свободе голосования для всего населения данной территории, включая эмигрантов и беженцев.

IV. На территориях, где население состоит из нескольких национальностей, права всех национальных меньшинств должны быть ограждены законом, который обеспечивал бы им культурно-национальную самостоятельность, а при наличии к тому фактической возможности — административную автономию.

V. Ни одно из воюющих государств не платит другому контрибуции, а все уже взысканные контрибуции в виде так называемых «военных издержек» подлежат возврату; убытки частных лиц, пострадавших от войны, возмещаются из особого фонда, образуемого путем пропорциональных взносов всех воюющих государств.

VI. Все колониальные вопросы решаются на основе первых четырех пунктов настоящей декларации.

---

[1] Стремясь придать переговорам максимально деловой характер, Кюльман в этом выступлении сразу подчеркнул важность для Германии быстрейшего восстановления хозяйственно-экономических связей с Россией, имея в виду в первую очередь скорейшее получение Германией необходимого продовольствия и сырья.

В заключение и в дополнение к этим пунктам Иоффе заявил, что советская делегация «предлагает договаривающимся сторонам признать недопустимым какие-либо косвенные стеснения свободы более слабых наций со стороны наций более сильных, как то: экономический бойкот, подчинение в хозяйственном отношении одной страны другою при помощи навязанного торгового договора, сепаратные таможенные соглашения, стесняющие свободу торговли третьих стран, морская блокада, не преследующая непосредственно военные цели»[1].

Делегации стран Четверного союза официально приняли к сведению предложения советской стороны и попросили сделать перерыв в заседаниях, чтобы подготовить ответ, который, как было подчеркнуто, будет выработан в самое ближайшее время.

Кюльман и Чернин быстро договорились между собой. Принимая предложенные советской делегацией принципы, на которых должен основываться всеобщий мир, они ничего не теряли, а только выигрывали. Даже Австро-Венгрия практически ничем не рисковала, поскольку, если бы эти принципы были одобрены странами Антанты, им пришлось бы аннулировать лондонский договор от 13 апреля 1915 г., предусматривавший разделение Австро-Венгрии. И хотя имперское правительство шло на известный риск, признавая принцип самоопределения наций, поскольку своим правом на самоопределение могли бы захотеть воспользоваться чехи, хорваты, румыны и еще около десятка народностей, населявших Австро-Венгерскую империю, пойти на подобный риск было менее опасно, чем позволить себя расчленить странам Антанты. Если же общего мира достичь не удалось бы, Чернин был готов на заключение с Россией сепаратного мирного договора о прекращении военных действий и восстановлении торгово-экономических отношений на основе заключенных до войны договоров. Ему было совер-

---

[1] Среди наиболее ценных и тщательно оберегаемых экспонатов, считающихся реликвиями, хранящихся в архивах Института Ленина в Москве (институт марксизма-ленинизма. — *Пер.*), есть и листок, озаглавленный «Конспект программы переговоров о мире с Германией». На нем двумя разными почерками изложены инструкции для советской делегации, принятые на заседании Совета народных комиссаров 27 ноября 1917 г. Первая часть документа написана очень неясно и неразборчиво; эта часть буквально испещрена исправлениями и зачеркиваниями. Затем почерк меняется и следующая часть листка обретает форму четко и ясно составленного документа. Первая часть написана Лениным, вторая — Сталиным. Вождь дал общую концепцию, а составить на ее основе документ — это уже дело ученика. (*Примеч. авт.*)

шенно необходимо привезти домой «мира и хлеба», то есть заключить *Brotfrieden* — «мир, дающий хлеб».

Министры иностранных дел Австро-Венгрии и Германии быстро договорились о том, чтобы принять безо всяких оговорок ее ранее советской делегацией тезис, сопровождавший выдвинутые ей мирные предложения, гласивший: «Если страны Антанты также согласятся заключить мир на аналогичных условиях». Гофман решительно протестовал против такого подхода, поскольку «он был бы основан на ложной и безосновательной посылке». Он предлагал основываться на мирной резолюции, принятой рейхстагом, нежели на более широкой советской формуле. По его мнению, русским следовало бы ясно сказать, как он сделал это в ходе переговоров о перемирии, что до тех пор, пока они не предоставят ясно и четко подтвержденных полномочий выступать от имени своих союзников по Антанте, речь может идти только об обсуждении сепаратного мира между Россией и странами Четверного союза.

Однако Кюльман и Чернин были не согласны с таким подходом, и в рамках внутренних обсуждений между членами делегаций Четверного союза им удалось преодолеть возражения Гофмана, а также турецкой стороны, которая настаивала на выводе русских войск с занятых турецких территорий немедленно по заключении мирного договора. Это, конечно, было совершенно неприемлемо для Германии, поскольку повлекло бы за собой естественное требование российской стороны одновременно с этим вывести германские войска из Курляндии и Литвы. После долгих споров и уговоров Несим-бей в конце концов согласился отказаться от своего требования; он также согласился снять возражение в связи с тем, что советская делегация в своих предложениях не сформулировала ясно и недвусмысленно свой отказ вмешиваться во внутренние дела других стран. На это Чернин с известной долей цинизма заметил, что если Австро-Венгрия, внутренняя обстановка в которой является весьма сложной, принимает советские предложения без каких-либо оговорок, в том числе и подобного плана, то уж Турция тем более должна «не нервничать» и придерживаться аналогичной позиции.

Когда вышеупомянутые препятствия для выработки общей единодушной позиции стран Четверного союза были сняты, возникли неожиданные проблемы с болгарской делегацией. Большинство ее членов, включая главу делегации М. Попова, не понимали по-немецки и почти не знали французского, и поэтому они практически не имели представления, о чем шла речь

во время первого пленарного заседания. Когда же им объяснили, что там говорилось, и рассказали о советских предложениях, члены болгарской делегации стали с большой горячностью и возбуждением настаивать, чтобы требование об отказе от аннексий на Болгарию не распространялось. Болгария вступила в войну с откровенно захватническими намерениями, и теперь, когда она захватила у Сербии и Румынии те территории, которые хотела, она готова была принять советские предложения лишь при условии, что присоединение к Болгарии этих территорий не будет считаться аннексией.

Напрасно Кюльман и Чернин попеременно использовали то угрозы, то умасливания: несговорчивый Попов был непреклонен. Напрасно они уверяли его, что согласие на советские предложения дается «несерьезно», так сказать «понарошку»; что это чисто формальное согласие не таит никаких угроз для держав Четверного союза, поскольку совершенно исключено, чтобы страны Антанты согласились с советскими предложениями, а когда их отказ будет очевидным фактом, то все обязательства, которые теперь берут на себя страны Четверного союза, потеряют всякую силу. Напрасно они приводили Попову в пример более сговорчивого Несим-бея, он твердо говорил «НЕТ»; в его сознании было высечено, как на скале, слово «Добруджа», и он слышать ни о чем не хотел[1].

Он был готов скорее покинуть конференцию, чем отступить хоть на шаг от своей позиции. Тупик казался непреодолимым.

Однако то, что не смогли сделать гражданские, удалось сделать военным. После консультаций с Гофманом, которому все это изрядно надоело, начальник болгарского Генерального штаба Ганчев решил взять дело в свои руки и направил подробную телеграмму царю Фердинанду, так чтобы окончательное решение осталось за ним. Из Софии пришел ответ, в котором Попову в приказном порядке повелевалось согласиться с позицией союзников Болгарии. В конце концов к вечеру 11 декабря была выработана единая позиция стран Четверного союза.

Ответ на советские предложения был озвучен Черниным в день Рождества.

Он отметил, что делегации Четверного союза «исходят из ясно выраженной воли своих правительств и народов как можно скорее добиться общего справедливого мира» и в этой связи считают, что «основные положения русской декларации

---

[1] Добруджа — область в Румынии к востоку от Дуная, между Дунаем и Черным морем, которую заняла Болгария в ходе Первой мировой войны.

могут быть положены в основу переговоров о таком мире», что державы Четверного союза «согласны немедленно заключить общий мир без насильственных присоединений и контрибуций», что они «присоединяются к воззрению русской делегации, осуждающей продолжение войны ради чисто завоевательных целей». Такой мир, по их мнению, может быть заключен на основе двух следующих условий:

1. Если все причастные к войне державы без исключения и без оговорок в соответствующий срок обязуются точнейшим образом соблюдать общие для всех народов условия. Договаривающиеся теперь с Россией державы Четверного союза не могут, конечно, связываться односторонне с такими условиями, не имея ручательства в том, что союзники России признают и исполняют эти условия честно и без оговорок по отношению к Четверному союзу.

2. Что касается затронутого в пункте III советского предложения вопроса о самоопределении национальных групп, которые не пользовались до войны самостоятельностью, то, по мнению держав Четверного союза, этот вопрос решается не в международном плане, а каждым государством в отдельности вместе с соответствующими национальными группами и путем, который установлен его конституцией.

Затем он подробно высказался по каждому из шести пунктов советского предложения, поддержав каждый из них, а в завершение своего выступления, подчеркнув, что все державы Четверного союза готовы вступить в переговоры о всеобщем мире, предложил перейти, чтобы не терять времени, к обсуждению тех вопросов, которые в любом случае придется обсуждать отдельно между Россией и Центральными державами.

Иоффе тепло приветствовал решение Четверного союза в целом поддержать советские предложения и выразил в принципе согласие с теми оговорками, которые содержались в ответном заявлении, хотя и выразил сожаление в связи с наличием этих оговорок[1].

---

[1] В советской прессе, однако, эти оговорки были подвергнуты жесткой критике. Так, в «Правде» от 13 декабря 1917 г. говорилось, что осуществление права на самоопределение только «по конституционным каналам» сводит фактически на нет сам принцип самоопределения. «Хотя Центральные державы, — писала газета, — согласны с тем, чтобы не использовать право сильного на тех территориях, которые были заняты во время войны, они фактически ничего не готовы сделать для малых народов и народностей на своих собственных территориях. Война не закончится до тех пор, пока независимость малых народностей не будет восстановлена». (*Примеч. авт.*)

Иоффе согласился рассмотреть высказанные оговорки в течение десятидневного перерыва, который он предложил сделать для того, чтобы дать возможность странам Антанты присоединиться к мирным переговорам.

Заявление стран Четверного союза, сделанное в день Рождества, вызвало в Германии самые разные отклики и эмоции. Левые и центристские партии рейхстага, которые голосовали в свое время за мирную резолюцию, приветствовали заявление Чернина и восприняли его с радостью и удовлетворением. Для них оно означало, что опасения насчет того, что правительство будет действовать вразрез с резолюцией рейхстага, оказались напрасными и необоснованными. «Самое демократическое государство в мире — Республика Советов — ясно заявило, что политика по вопросу о мире, проводимая Центральными державами, совершенно лишена жажды захватов и завоеваний и стремления решать все вопросы при помощи насилия, — писал Георг Бернхард. — Эти переговоры должны быть, безусловно, продолжены, невзирая ни на какие препятствия, в духе искренней любви к миру и желания достичь его как можно быстрее».

Однако для стоявших на открыто захватнических позициях правых партий данное заявление означало фактическое предательство. Сделав его, Кюльман отказался воспользоваться теми преимуществами, которые давали успехи германского оружия, и согласился вести переговоры на равноправной основе. Ура-патриотические и шовинистически настроенные издания обрушили свой праведный гнев на этот позорный шаг. «Никогда прежде мы не отказывались на дипломатическом уровне от всего, что было достигнуто столь дорогой ценой и оплачено кровью и жизнью сотен тысяч, потом миллионов, нуждой и лишениями наших детей, голодом, с которым пришлось столкнуться нам самим», — возмущалась Таглише Рундглау; другой автор описывал, как читатели его газеты, «прочитав сообщения об этом с болью и возмущением в сердце», бросают утренний номер на стол, где накрыт завтрак.

Еще не успели высохнуть чернила на предварительном соглашении о мире, как из Крейцнаха обрушился гром протестов и негодования. Верховное командование расценило заявление от 12 декабря как «предательство» и «измену» тем «договоренностям», которые были достигнуты в Крейцнахе 5 декабря. По их мнению, перерыв в переговорах был совершенно неоправдан и ничего не давал, поскольку было ясно, что страны Антанты не примут предложение участвовать в

переговорах. Военная безопасность границ была принесена в жертву политической «говорильне». Гинденбург направил в Брест-Литовск возмущенную телеграмму, протестуя против «капитулянтской политики», а разъяренный Людендорф позвонил Гофману и потребовал объяснений. Гофман совершенно справедливо заметил, что он не присутствовал на совещании в Крейцнахе и не знал, о чем там шла речь. В то же время он подчеркнул, что постарался убедить Кюльмана отказаться от политики виляния и лавирования.

Однако в разгар всей этой перепалки и всплеска напряженности Кюльман в очередной раз подтвердил свою репутацию исключительно хладнокровного и умеющего владеть собой человека, человека с «холодным умом». Он переговорил с канцлером и настоятельно просил его встретиться с кайзером. Гертлинг просьбу выполнил, и Вильгельм II, во время одного из редких приливов храбрости, принял решение вопреки мнению высшего командования. «Я лично выражаю Вам свое удовлетворение», — говорилось в его послании Кюльману; Кюльман, в свою очередь, показал его Чернину, заметив: «Кайзер — единственный разумный человек во всей Германии».

Тем не менее эта стычка с Верховным командованием ужесточила поведение Кюльмана во время следующего кризиса, который разразился практически сразу же.

Радуясь и торжествуя, что советские условия приняты Центральными державами, Иоффе с энтузиазмом сообщил об этом в Петроград. Члены русской делегации с радостью обсуждали это как между собой, так и с членами других делегаций. Немцы и австрийцы вдруг неожиданно обнаружили, что русские совершенно неверно поняли заявление стран Четверного союза, истолковав согласие с принципом «без аннексий и контрибуций» как готовность вернуть России Польшу, Литву и Курляндию. Однако это было стратегически невозможно и политически нежелательно для Германии. Помимо того, что обладание восточными территориями рассматривалось как гарантия и своего рода «аргумент для торга» на случай возможных всеобщих переговоров о мире с участием стран Антанты, эти территории были очень важны для ведомств австро-германских армий, отвечавших за снабжение войск всем необходимым. По этим территориям проходили железнодорожные коммуникации, там размещались промышленные предприятия, а самое главное — там было зерно и продовольствие, что в условиях продолжавшихся боевых действий было поистине бесценно. Политические интересы Германии

делали даже саму мысль об оставлении этих территорий совершенно невозможной.

Ситуация достигла критической точки, когда член русской делегации полковник Фокке заявил в беседе с помощником Гофмана, офицером германского Генерального штаба майором Брикманом, что из заявлений Чернина и Кюльмана русская делегация сделала вывод, что австрийские и германские войска не только будут выведены со всех территорий, которые Россия занимала до начала войны, но что также нет сколь-нибудь серьезных препятствий для возвращения этих территорий в состав России. В некоторой растерянности и обескураженности Брикман сообщил об этом разговоре Гофману, а тот — Кюльману. Надо немедленно развеять иллюзии русских, сказал Гофман. Причем это надо сделать до того, как руководители делегации уедут в Петроград, поскольку если они уедут туда с неверным толкованием и пониманием декларации Центральных держав, считая, что Россия вернется к границам 1914 г. и это будет гарантировано мирным договором, то впоследствии, когда они поймут, что ошиблись, это может вызвать такой взрыв негодования, который, в свою очередь, может привести к срыву переговоров. К тому же Верховное командование и так крайне недовольно ходом переговоров и будет недовольно вдвойне, если немедленно все не прояснить.

Кюльман и Чернин согласились, чтобы неприятную работу по разъяснению ситуации для русских взял на себя Гофман. Полем боя тот выбрал обеденный стол и, сев рядом с Иоффе, со свойственной ему прямотой сразу же изложил суть дела. У русской делегации, сказал он, сложилось явно неверное понимание того, как страны Четверного союза трактуют принцип «без аннексий». По мнению Центральных держав, если ряд территорий, ранее входивших в состав Российской империи, действуя по своей воле и через полномочные органы власти, выразил народное волеизъявление — либо провозгласить независимость, либо обратиться за поддержкой и защитой к Центральным державам, — то в этом случае не может вестись речь о насильственном отторжении этих территорий от России. Советское государство, с некоторым уколом сказал Гофман, само признает право на самоопределение наций вплоть до отделения внутри государства, что было зафиксировано в Декларации прав народов России, принятой 2 ноября 1917 г. Польша, Курляндия и Литва уже этим правом воспользовались, и Центральные державы считают себя вправе пытаться достичь понимания с представителями этих стран напрямую, без участия России.

У Иоффе явно испортился аппетит («Он выглядел так, как будто его ударили по голове», — вспоминает Гофман), и сразу после обеда он попросил о встрече с Кюльманом и Черниным. Было очевидно, что для большевиков все это явилось очень сильным ударом, вызвавшим одновременно и негодование, и разочарование. Иоффе протестовал, Каменев возмущался, Петровский был расстроен чуть ли не до слез. «Как вы можете говорить о мире без аннексий, — чуть не плача восклицал он, — когда от России отрываются восемнадцать провинций и областей?»

Немцы оставались непреклонными. В конце концов Иоффе пригрозил прекратить переговоры. Тут уже не выдержал Чернин. Он должен был во что бы то ни стало заключить мир и обеспечить Австрии мир и хлеб. Если не всеобщий, то пускай сепаратный — но мир. Он сделал следующее предложение. Хотя Германия не может вывести свои войска с занятых территорий до тех пор, пока не будет заключен всеобщий мир, после его заключения на этих территориях можно будет провести плебисциты при одновременном предоставлении России гарантий, что не будет никакого вмешательства извне с целью оказать воздействие с помощью силы на народное волеизъявление. Кюльман и Иоффе отклонили это предложение, и, когда Иоффе уехал в Петроград, раздосадованный и возбужденный Чернин сказал Кюльману, что, если переговоры Четверного союза с Россией сорвутся, Австро-Венгрия будет вести с Россией переговоры одна. Одновременно он послал к Гофману генерала Чичерича, чтобы тот сделал ему аналогичное заявление.

Однако и Кюльман, и Гофман остались довольно равнодушными к этой угрозе. Кюльман даже сумел обернуть ее себе на пользу: он попросил Чернина изложить все в письменном виде, чтобы использовать в качестве оружия в споре с Верховным командованием, если Людендорф начнет слишком сильно «наседать» на него. Германский министр иностранных дел мастерски умел извлекать выгоду из критических ситуаций.

С Чичеричем Гофман разговаривал жестко и грубо. Идею сепаратного мира между Австро-Венгрией и Россией он всячески приветствует, поскольку в этом случае высвобождаются 25 немецких дивизий, которые приходится держать для поддержки и укрепления боеспособности австрийской армии. В случае заключения Австро-Венгрией такого соглашения будет снята угроза для правого фланга германских войск и можно будет перебросить их значительное количество на Запад. Так что угрозы Чичерича на Гофмана абсолютно не подействовали.

Австрийцы остались ни с чем и были в ярости, но ситуация разрядилась, поскольку пришло сообщение, что переговоры прекращены не будут. Можно с очевидностью утверждать, что на лидеров большевиков в Петрограде согласие стран Четверного союза принять советские мирные предложения произвело куда меньшее впечатление, чем на членов советской делегации в Брест-Литовске. «Мы ясно видели, — писал Троцкий, — что все это — притворство и лицемерие, — и, несколько наивно, добавляет: — Однако мы не рассчитывали даже и на это; ведь разве лицемерие не является той данью, которую порок платит добродетели?» «Не могло быть и речи о разрыве переговоров, — с циничной прямотой отмечает Гофман, — единственная возможность большевиков остаться у власти заключалась в том, чтобы заключить мир. Они были вынуждены принять любые условия Центральных держав, какими бы тяжелыми они ни были... Единственным человеком, который в этом сомневался, был граф Чернин».

Влияние германского Верховного командования и партии Отечества можно было почувствовать по той позиции, которую заняла германская делегация на переговорах по обсуждению специальных и особых вопросов, касавшихся России и Центральных держав, последовавших с 13 по 15 декабря 1917 г.

Советская делегация представила проект двух статей, касавшихся оккупированных территорий. Согласно ему предусматривался одновременный вывод русских войск из Турции и Персии и австро-германских из Польши, Литвы и Курляндии. На этих территориях предлагалось провести плебисциты по вопросу о самоопределении, причем во время плебисцитов на этих территориях не должно было быть никаких войск, кроме национальных и местной милиции. До проведения этих плебисцитов управление этими областями должно было находиться «в руках избранных на демократических началах представителей самого местного населения». Время и процедура взаимного вывода войск с обозначенных территорий должны были быть установлены специально созданной комиссией по военным вопросам.

Представители Центральных держав предложили включить эти вопросы в первые два пункта предварительного проекта мирного договора, сформулировав их в своей, более определенной редакции:

Статья I

Россия и Германия объявляют об окончании войны. Обе страны полны решимости жить в будущем в мире и дружбе.

При условии полной взаимности относительно аналогичных действий в отношении своих союзников Германия, как только мир будет заключен и демобилизация русской армии закончится, готова вывести свои войска с оккупированных в настоящее время территорий России, если другое не предусмотрено статьей II.

Статья II

Российское правительство в соответствии с провозглашенными им принципами, на основе которых всем без исключения народам России предоставлено право на самоопределение вплоть до полного отделения, принимает к сведению уже выраженную народами Польши, Литвы, Курляндии, а также части Эстонии и Ливонии волю к полному отделению от Российской империи и предоставлению этим территориям полной государственной независимости. Российское правительство признает, что в настоящих условиях эти волеизъявления должны рассматриваться как выражение воли народа, и будет исходить из этого в дальнейшем. Поскольку вывод войск из этих территорий не может быть осуществлен таким же образом, как предусмотрено в статье I, специально созданная комиссия обсудит и наметит сроки вывода и другие технические вопросы в соответствии с предложением России должным образом оформить и утвердить народное волеизъявление — посредством широкого плебисцита без какого-либо военного присутствия в его ходе, — как и уже существующее объявление об отделении.

Было совершенно очевидно, что эти предложения являются серьезным отходом от декларации Четверного союза от 12 декабря и что они гораздо более перекликаются с точкой зрения Гофмана, которую он высказал в беседе с Иоффе. Советская делегация, приняв их к сведению, вынуждена была сделать оговорку. Хотя для членов советской делегации теперь многое начало проясняться, они настаивали на более точной формулировке вопросов, затронутых в обеих статьях; в то же время они согласились на создание специальной комиссии по определению процедуры референдума и установлению даты вывода войск с оккупированных территорий.

Иоффе в конце концов убедился, что тот оптимизм, с которым он вернулся в Петроград после заключения перемирия и с которым он воспринял заявление Четверного союза в день Рождества, был явно преждевременен и во многом необоснован. Заявление Кюльмана от 15 декабря ясно показало, что

изначально выраженное согласие с тезисом о «мире без аннексий и контрибуций» было мифом и что трактовки принципа самоопределения германской и российской сторонами являются взаимоисключающими. После 15 декабря Иоффе «увял» и больше уже не проявлял былой уравновешенности и былого энтузиазма. Было ясно, что он не может больше возглавлять русскую делегацию.

Пленарным заседанием 15 декабря завершился первый этап переговоров, и, хотя странам Антанты было предоставлено время для присоединения к переговорам до 22 декабря, переговоры возобновились 27 декабря. «Экспертное ядро» делегаций осталось в Бресте, а руководство делегаций разъехалось по своим столицам: Иоффе и Каменев — в Петроград, Чернин — в Вену, Кюльман и Гофман — в Берлин.

6

Кюльман, пытаясь умиротворить Верховное командование, вступил в конфликт с теми настроениями в общественном мнении Германии, которые разделяли многие представители либералов и партий социал-демократического большинства. Эти представители, считавшие, что основой внешней политики Германии должны быть принципы, сформулированные в принятой рейхстагом мирной резолюции, вдруг обнаружили, что эти принципы оказались одновременно уловкой и приманкой для сокрытия истинных захватнических целей и программы их реализации. Они поняли, что двусмысленная политика Германии является настоящей манной небесной для стран Антанты, которые возложат теперь ответственность на Германию за умышленное саботирование и выхолащивание принципов всеобщего демократического мира. Принц Макс Баденский так писал по этому поводу в своих мемуарах:

«15 декабря 1917 года мы совершили непоправимую ошибку. Мы создали впечатление у всего мира и у народа Германии, что, в отличие от России, мы соглашаемся с правом наций на самоопределение неискренне и за этим согласием кроются захватнические планы и устремления. Мы отвергли требование России провести открытое, лишенное всякого давления извне народное волеизъявление на оккупированных территориях на том основании, что население Курляндии, Литвы и Польши уже определило свою судьбу. Нам никогда не следовало признавать произвольно созданные или произ-

вольно наделенные расширенными полномочиями местные территориальные органы в качестве полномочных представительных органов, выражающих волю всего народа. Предложение русских о проведении референдума должно было быть либо безоговорочно принято, либо же взамен мы должны были предложить решить этот вопрос Национальной ассамблее, избранной всеобщим голосованием».

Приглашая лидеров партий встретиться с ним в канун Нового года, Кюльман превратил себя в мишень для нападок как со стороны правых, так и крайне левых. Вестрап, как всегда, был жестким и непримиримым, он искренне выступал против признания права на самоопределение. «Господин фон Кюльман явно не проявил себя прирожденным государственным деятелем, — с усмешкой говорил он, — он сделал все возможное, чтобы свести наши блестящие успехи и достижения, дававшие нам неспоримые преимущества, к нулю». Представитель независимых социалистов Гаазе высказался в поддержку советских предложений, подчеркнув, что политическая жизнь и возможность волеизъявления на оккупированных территориях была нарушена и подорвана ввиду военного давления, и это давление должно быть прекращено; Шейдеман резко критиковал министра иностранных дел за проституирование принципов, изложенных в мирной резолюции. Лишь представители партий центра поддержали Кюльмана. Фейербах одобрил проводимую им политику, а за пределами стен, где проходила эта встреча, в защиту его линии также выступил и Эрцбергер.

Совет Короны был назначен на 20 декабря, и Кюльман очень хорошо понимал, какой прием его ждет со стороны Верховного командования. Поэтому он настоял на том, чтобы Гофман приехал в Берлин вместе с ним. Он также добился того, чтобы Вильгельм II в день Нового года принял Гофмана, доказав тем самым, что он является лучшим стратегом, чем Людендорф. Вильгельм II не видел Гофмана с лета 1916 г., с тех суматошных дней на Восточном фронте, когда знаменитое трио ГЛГ[1] сосредоточило усилия на смещении со своего поста Фалькенгайна. Вильгельм был под таким сильным впечатлением, что пригласил Гофмана отобедать с ним в Шлосс-Бельвью и высказать свои взгляды по поводу сложившейся ситуации.

Гофман оказался в затруднительном положении. Хоть он и не разделял полностью взгляды высшего командования, ему не хотелось открыто высказываться против них. Тем более что,

[1] Напомним, что так называли Гинденбурга, Людендорфа и Гофмана.

хотя после возвращения он еще не встречался с Людендорфом, у него были все основания полагать, что первый генерал-квартирмейстер им очень недоволен. Поэтому он попросил высочайшего соизволения не высказывать кайзеру его личную точку зрения по этим вопросам.

«Когда ваш Верховный главнокомандующий желает услышать ваше мнение по какому бы то ни было вопросу, ваш долг — высказать эту точку зрения, совершенно независимо от того, совпадает ли она со взглядами Верховного командования», — ответил Вильгельм II.

Тогда Гофман высказался как человек, который последние 18 месяцев ежедневно сталкивался с текущей ситуацией и на практике знал, какие трудности она в себе таит. Гофман подчеркнул, что вопреки всем мерам и усилиям со стороны Пруссии в течение многих десятилетий ей не удалось окончательно натурализовать поляков и сделать их своими подданными, и поэтому он никак не считал выгодным для империи включить в ее население еще 2 миллиона поляков, что вытекало из реализации планов, на которых настаивало Верховное командование. Еще более критически он был настроен в отношении так называемого «германского варианта» решения польской проблемы, предложенного Эрцбергером. По мнению Гофмана, новая граница должна быть проведена так, чтобы в составе населения Германской империи оказалось как можно меньше новых польских подданных. Следует, по его мнению, «присовокупить» к Германии небольшую полосу территории, населенную 100 тысячами поляков, проходившую в районе Торуни и Бжезин, чтобы в случае какой-либо войны, которая может произойти в будущем, противник не мог вести артиллерийский обстрел стратегически важного железнодорожного узла, каким является Торунь, а также угольного бассейна Верхней Силезии.

Разумность и обоснованность аргументов Гофмана произвели на кайзера глубокое впечатление. Принимая всегда решение на основе той точки зрения, которую он слышал последней, Вильгельм тут же потребовал составить карту с обозначенной на ней новой границей в соответствии с высказанными Гофманом соображениями. Эта карта была представлена на Совете Короны, заседание которого состоялось на следующее утро и участвовать в работе которого был приглашен и Гофман. Последний пришел на заседание с нехорошим предчувствием, поскольку ему так и не удалось встретиться с Людендорфом и тот был не в курсе разговора Гофмана с кайзером.

В самом начале заседания Вильгельм II разложил перед собой карту.

«Господа, — сказал он, обращаясь к собравшимся, — на этой карте изображена новая граница между Польшей и Пруссией так, как, по моему мнению, мнению Верховного главнокомандующего, она должна проходить. — Затем он добавил: — Я сделал этот вывод на основе мнения прекрасного и компетентного специалиста, каковым является генерал Гофман».

На мгновение воцарилась тишина, но затем Людендорф грубым и хриплым от гнева голосом, потеряв всякий контроль над собой, стал кричать Вильгельму, что тот не имеет права спрашивать мнение генерала через его (Людендорфа) голову. Ни при каких обстоятельствах приведенная на карте линия границы не может считаться окончательной. Этот вопрос должен быть дополнительно изучен Верховным командованием.

«Мы должны обязательно еще раз тщательно изучить этот вопрос», — пробормотал Гинденбург, оправдываясь за несдержанность своего подчиненного.

На мгновение кайзер замер в нерешительности. Должен ли он настоять на своем и вызвать этим совместную отставку Гинденбурга и Людендорфа? Члены Совета ждали его решения, явно чувствуя себя неловко и неуютно. В конце концов Вильгельм решил пойти на уступки.

«Я жду от вас доклада на эту тему», — сказал он, завершив таким образом эту болезненную сцену.

Повторилась декабрьская ситуация в Крейцнахе. Не было принято никакого определенного и окончательного решения. Кюльман получил лишь общее одобрение своей линии и полномочия продолжать ее и далее. Он по-прежнему был убежденным сторонником отделения приграничных государств от России посредством осуществления ими права на самоопределение, а не посредством захвата; однако весь ход переговоров был поставлен под угрозу позицией, занятой Людендорфом и Гинденбургом.

Когда в рейхстаге 20 и 21 декабря обсуждали внешнеполитические вопросы, партии большинства предприняли решительную попытку исправить ошибку, сделанную принятием заявления от 15 декабря, и вернуться к более ясным и определенным принципам рождественского заявления от 12 (25) декабря. Согласно сформулированному в рейхстаге предложению, решения, принятые действующими ныне на оккупированных территориях органами, должны считаться временными, а окончательное решение должно быть принято парламентами, из-

бранными демократическим путем после вывода с оккупированных территорий иностранных войск. Однако все надежды решить вопрос подобным образом были похоронены ответом Гертлинга от 22 декабря, которым он попытался умиротворить Верховное командование. «Мы не можем отказаться от пунктов I и II, сформулированных в нашем заявлении от 15 декабря. Наша позиция основывается на нашей силе, прямоте и искренности наших намерений и правоте нашего дела».

Однако смягчить Верховное командование было не так-то просто. По его мнению, происшедшее означало насмешку над его авторитетом и оскорблением его достоинства. Его представители категоричеки отрицали право Верховного главнокомандующего консультироваться с кем-либо из генералов без того, чтобы поставить их в известность. Поэтому они уехали в Крейцнах с чувством глубокой обиды и были готовы в любой момент обрушить свою месть на Кюльмана и Гофмана. Обе намеченные жертвы отбыли в Брест-Литовск с постоянным опасением, что на них в любой момент может обрушиться гнев Людендорфа.

И они не ошиблись. 25 декабря Вильгельм II получил из Крейцнаха не обещанный доклад, а нечто напоминающее увещевание или осуждение от папы римского, за подписью Гинденбурга. Документ представлял собой длинную жалобу на кайзера, министра иностранных дел и начальника штаба Восточного фронта.

«Ваше величество изволили утвердить линию границы, значительно урезанную по сравнению с нашими требованиями, и таким образом принять «австрийский вариант» решения польской проблемы, что является неприемлемым для Верховного командования. Ваше величество изволили согласиться, чтобы решение Вашего величества было подвергнуто более детальному и тщательному анализу; однако я не могу себе представить, что нужно сделать, чтобы снять наши серьезные возражения в отношении «австрийского варианта» решения польской проблемы...

Даже обстановка в Курляндии и Литве стала крайне неопределенной в результате декларации от 12 декабря... Мы были крайне удивлены этой декларацией. Я склонен считать причиной неудачных на сегодня политических и экономических результатов (мирных переговоров) мягкость и уступчивость нашей дипломатии как в отношении наших союзников, так и наших противников... У меня сложилось впечатление, что германские представители в Бресте вместо решительности

проявляли дипломатичность... Это была самая настоящая капитуляция!

В польском вопросе Вашему величеству было угодно поддержать мнение генерала Гофмана вопреки мнению, разделяемому мной и генералом Людендорфом. Генерал Гофман является моим подчиненным и не уполномочен заниматься политическими вопросами. События 20 декабря произвели самое болезненное впечатление как на генерала Людендорфа, так и на меня и показали, что Ваше величество пренебрегли нашим мнением в вопросе, имеющем жизненную важность для самого существования нашего отечества — Германии...

Вашему величеству принадлежит высочайшее право принять окончательное решение. Но Ваше величество не попросят тех честных людей, которые верно служили Вашему величеству и Отечеству, прикрывать своим именем и своим авторитетом те действия, в которых они не могут принимать участие по своим внутренним убеждениям.

...И для меня, и для генерала Людендорфа на первом месте стоят не наши точки зрения, а интересы государства».

Это письмо, инициатором которого был, безусловно, Людендорф, представляло собой вызов власти Вильгельма II как Верховного главнокомандующего и как короля Пруссии. Оно показало, какое место отводит себе Верховное командование в процессе принятия государственных решений в Германии. По его мнению, к его компетенции относился любой вопрос, хотя бы отдаленно связанный с «существованием германского отечества». Самая крайняя диктатура не смогла бы перещеголять их.

Кайзер не осмелился возражать. В главном вопросе, связанном с тем, на ком лежит основная ответственность, он сделал слабую попытку протестовать, настаивая на том, чтобы Верховное командование оставило политические вопросы за правительством и сконцентрировалось на своей главной задаче — обеспечить победу в войне. Однако в вопросе мирных переговоров Вильгельм постыдно и бесславно капитулировал. Федеральный канцлер поспешил сообщить Верховному командованию, что произошло недоразумение и недопонимание и что окончательного решения по польскому вопросу пока не принято.

Однако, хотя Вильгельм отклонил предложения Гофмана, именно он «загородил» его от ярости Людендорфа, который требовал, чтобы начальник штаба Восточного фронта был снят с должности и назначен командиром дивизии. Кайзер при-

казал, чтобы Гофман оставался на своем посту, однако в отношениях Гофмана с Людендорфом произошел разрыв, и, как оказалось, навсегда. Казавшаяся вначале несокрушимой конструкция под названием ГЛГ разрушилась бесповоротно и безвозвратно. От нее осталась лишь гигантская Г.

Конфликт между Людендорфом и Кюльманом стал достоянием гласности после утечки информации о том, что Верховное командование пригрозило уйти в отставку. Газеты справа и слева разразились яростной критикой, политические комментаторы выступали с самыми жесткими оценками. Так, яростно обрушилась на Кюльмана «Рейнско-Вестфальская газета»:

«Если бы был учрежден приз за то, как полностью уничтожить плоды блестящей военной победы, то этот приз достался бы барону фон Кюльману... Его девиз: капитуляция на востоке; за этим последует и капитуляция на западе. Нет абсолютно никаких гарантий, необходимых нашему народу для обеспечения его мирного будущего... Народ Германии должен сейчас выбирать между Гинденбургом и Людендорфом, с одной стороны, и Кюльманом и Гертлингом — с другой. Он, безусловно, пойдет в единодушном порыве любви за этими двумя героями».

Однако «эти два героя» не вызывали никакого поклонения у депутата от партий социал-демократического большинства Карла Северинга, который, выступая в Билефельде 30 декабря, заявил, что «подавляющее большинство народа Германии не прольет ни единой слезы по поводу отставки любого генерала, который бы выступал против заключения мира на основе взаимопонимания или который бы заявлял, что он скорее уйдет в отставку, чем будет участвовать в борьбе за достижение такого мира».

Именно в такой атмосфере конфликта и неопределенности Кюльман возобновил мирные переговоры.

7

Когда Иоффе вернулся 16 декабря в Петроград, у правительств стран Антанты оставалось еще шесть дней, чтобы принять решение относительно участия в мирных переговорах. В этой связи Троцкий в этот день обратился к правительствам Антанты с самой эмоциональной и самой большой по объему нотой, в которой он ознакомил их с ходом событий и с большой эмоциональной силой призвал «перестать саботировать

дело всеобщего мира». Он подчеркнул, что, поскольку Центральные державы, выразив поддержку советскому предложению, тем самым согласились вывести войска из Бельгии, Северной Франции, Сербии, Черногории, Румынии, Польши, Литвы и Курляндии по заключении всеобщего мира, страны Антанты не могут более утверждать, что военные действия ведутся во имя освобождения этих территорий. Он на этот раз прямо пригрозил Антанте, что заключение сепаратного мира между Россией и Германией «несомненно было бы тяжелым ударом по союзным государствам, особенно по Франции и Италии». В ноте содержался отчаянный призыв к рабочим союзных государств:

«Вопрос о том, чтобы заставить свои правительства немедленно предъявить свои мирные программы и на их основе принять участие во всеобщих мирных переговорах, сейчас становится вопросом выживания и самосохранения для народов союзных стран... Если правительства союзных стран в том слепом упрямстве, которое характерно для разлагающихся и умирающих эксплуататорских классов, в очередной раз откажутся участвовать в мирных переговорах, тогда рабочий класс столкнется с железной необходимостью взять власть в свои руки, отобрав ее у тех, кто не может или не желает дать народу мир».

Правительства стран Антанты не дали прямого ответа на эту ноту.

Они твердо придерживались тезиса, сформулированного Маклаковым на межсоюзной конференции 17 ноября 1917 г.: «Наша позиция едина, и у нас нет разногласий». Выступая 18 декабря 1917 г. в палате депутатов, Пишон[1] сказал: «Россия может стремиться заключить сепаратный мир с нашими врагами или нет, — это ее дело. В любом случае война будет продолжена. Один союзник покинул нас... но с другого конца земли появился новый». «Если нынешние правители России предпримут какие-либо действия в отрыве от своих союзников, — заявил через несколько дней Ллойд Джордж, выступая перед руководителями рабочих организаций, — то в этом случае мы не сможем предотвратить катастрофу, которая тогда наверняка разразится над этой страной. Россию может спасти только ее народ». Но в то же время, используя занятую Германией позицию на мирных переговорах с Россией, он так сформулировал программу стран Антанты о целях войны, что

[1] П и ш о н С. — в то время министр иностранных дел Франции.

она, с одной стороны, включала советскую формулу о праве на самоопределение и отказе от аннексий и контрибуций, а с другой стороны, показывала, что именно Центральные державы, а не Антанта подрывают достижение мира, основанного на взаимопонимании. Отказываясь вступать в прямые переговоры с большевиками, Ллойд Джордж в то же время весьма искусно использовал ту лицемерную дипломатию, которую Германия проводила в Бресте.

Советские руководители в Петрограде исчерпывающе ясно убедились в том, что нет никаких надежд на проведение переговоров о мире с участием всех воюющих стран и, что еще хуже, мировая «пролетарская революция», которую, на волне успеха революции, в России ждали буквально следом, считая, что она почти что «за углом», еще далеко не назрела и ожидать ее в ближайшее время не было никаких оснований. Рабочие Европы, которые, как рассчитывал гений революции Ленин, должны были немедленно подняться на борьбу за демократический мир, совершенно не оправдали возлагавшихся на них надежд и продолжали поддерживать «империалистические буржуазные» правительства.

Большевики, с их безграничной способностью верить в то, во что, по их мнению, верить было необходимо, посчитали, что просто произошла ошибка в определении сроков. Они безотчетно верили в мировую революцию, а значит, она обязательно должна была произойти, пусть и позднее. Когда Каменев, выступая на объединенном заседании ВЦИК, Петроградского Совета и общеармейского съезда по демобилизации армии, в своем докладе о мирных переговорах подверг резкой критике лицемерную политику Германии, он в то же время подчеркнул, что такая политика приведет к крушению германского империализма и заключению мира с правительством революционной Германии.

Часть неразгаданной загадки Ленина состояла в том, что, хотя он практически безошибочно определял настрой народных масс в России как в настоящем, так и в будущем, проявляя при этом феноменальную и подчас просто пугающую интуицию, в то же время ему никогда не удавалось точно оценить настроения европейских рабочих и точно предсказать их действия. Рабочие Европы не имели той склонности к мистицизму, которая характерна для славян; они не воспринимали близко к сердцу высокопарные постулаты марксизма, поэтому в целом их сознание оставалось невосприимчивым к революционным призывам даже со стороны такого гения революции,

каким был Ленин, по этой же причине ему было и нелегко предвидеть их действия. Однако, хотя вначале Ленин был в плену тех же иллюзий, что и его соратники, он был первым, кто освободился от них, поняв, что они нереализуемы.

Таким образом, на этом историческом перепутье Ленин решил сделать крутой поворот в проводимой большевиками политике. В то время как другие заявляли о необходимости наращивания пропагандистских усилий, чтобы выправить ситуацию, когда наблюдалось замедление темпа развития революционного процесса, Ленин соглашался с такой необходимостью, но по другим причинам.

Он полностью поддерживал самое жесткое поношение и разоблачение политики правительств Антанты, чтобы одновременно просвещать и открывать глаза рабочим этих стран; он считал, что необходимо использовать любую возможность для разоблачения лицемерия и откровенного разбоя со стороны Центральных держав, причем пропаганда должна была более активно вестись как в войсках противника, так и среди военнопленных. Все это было важным добавлением, к дипломатической игре, но именно добавлением, и не более того. Ленин начинал осознавать, что мировая революция гораздо дальше, чем он или кто-либо другой мог предположить. С другой стороны, революция в России свершилась, но ее позиции еще не были закреплены. Ей серьезно угрожали как разногласия внутри самих большевиков, так и происходившее объединение антибольшевистских сил. Мировая революция — это мечта, которая, возможно, когда-нибудь и осуществится, а русская революция — это факт реальной жизни, и ее надо спасти и закрепить во что бы то ни стало. Именно на это Ленин решил направить все свои усилия, оставляя Троцкому и другим энтузиастам использовать трибуну Брест-Литовска для пропаганды идей марксизма и революционной борьбы.

Однако как для достижения мировой революции, так и для обеспечения необходимой передышки для русской революции было необходимо вести линию на максимальное затягивание переговоров в Брест-Литовске. У России осталось единственное оружие против военной мощи германского милитаризма — характерное для славян умение вести бесконечные разговоры и обсуждения, и это оружие Ленин решил использовать на полную мощность, одновременно втайне готовясь к стратегическому отступлению.

Ленин понимал, что для осуществления этого плана во главе делегации нужна была фигура более крупного масштаба,

чем Иоффе. «Для того чтобы затянуть переговоры, — сказал он Троцкому, — нужен тот, кто сумеет это сделать». Троцкий согласился. «Вы сможете это сделать, Лев Давидович?» Троцкий согласился и на этот раз. Таким образом, в истории мирных переговоров в Брест-Литовске появился новый момент.

Первый острый ход в этой новой фазе игры был сделан 20 декабря, когда возвращавшиеся в Брест-Литовск члены делегации Центральных держав получили из Петрограда телеграмму с предложением перенести мирные переговоры в Стокгольм; в ней также говорилось, что первые две статьи декларации Четверного союза от 15 декабря противоречат выраженному этими странами, пусть и с оговорками, согласию с советской формулой мира без аннексий и контрибуций, зафиксированному в рождественском (от 12 декабря) заявлении этих стран.

Но Кюльмана и Чернина поймать в ловушку было не так-то просто. В Стокгольме представители международной социал-демократии буквально сели бы им на шею, требуя заключить демократический мир. Здесь же, в жесткой атмосфере ставки командования Восточным фронтом, ситуация держалась под контролем: была возможность ограничить доступ на конференцию тем, кто хотел приехать просто из любопытства, а также возможность определенного влияния на весь ход переговоров. Поэтому в ответной телеграмме они пригрозили прервать переговоры и денонсировать соглашение о перемирии, если русская делегация не прибудет в Брест. Затем, 23 декабря, в Петроград была послана еще одна телеграмма, в которой говорилось, что, поскольку союзники России по Антанте так и не подтвердили своего участия в мирных переговорах, страны Четверного союза не считают себя более связанными обязательствами декларации от 12 декабря, в которой с оговорками выражалось согласие с советской формулой мира.

Для большевиков теперь стали понятны и очевидны две вещи: во-первых, что Центральные державы фактически отказываются от формулы «мир без аннексий и контрибуций» как основы для ведения мирных переговоров, а во-вторых, что Советская Россия не может более нести все издержки переговоров со странами Четверного союза в одиночку при отказе стран Антанты в них участвовать. Поэтому Советская власть решила изменить отношение к союзникам. И хотя открыто их политику продолжали жестко критиковать и клеймить позором, но в то же время Троцкий начал секретное «прощу-

пывание почвы», чтобы выяснить, как отнесутся союзники к разрыву мирных переговоров с Центральными державами и возобновлению военных действий.

Эти секретные контакты осложнялись и затруднялись той своеобразной дипломатической ситуацией, которая в то время существовала в Петрограде. Хотя представители дипломатического корпуса, включая послов и высший дипломатический состав, находились в Петрограде, они как бы существовали в вакууме, поскольку их правительства отказались признать Советскую власть. Правительство Бельгии намеревалось в конце декабря 1917 г. установить прямой контакт с Советом народных комиссаров и сообщило об этом намерении итальянцам, однако Соннино не только категорически воспротивился такому курсу, но и запретил итальянской консульской службе ставить визы в паспорта, выданные российским дипломатическим ведомством (Наркоминделом). Англия, Франция и Соединенные Штаты, хотя и имели свои посольства в Петрограде, практически не поддерживали никаких прямых отношений с советским правительством, а если и шли на контакт, то делали это неофициально и через посредников. Из этих посредников самой серьезной аккредитацией, дававшей прямой выход на советских официальных лиц, обладал Брюс Локкарт, бывший генеральный консул Великобритании в Москве.

Локкарт был назначен специальным представителем в России военным кабинетом по рекомендации лорда Мильнера; его единственной и главной задачей было информирование английского правительства о ситуации в России; помимо этого, он привез Троцкому рекомендацию от Литвинова[1], которая была написана после знаменитого дипломатического приема.

Среди его коллег были полковник Реймонд Робинс, руководитель американской миссии Красного Креста в России, и представитель французской военной миссии капитан Жак Садуль.

Положение этих посредников имело как свои сильные, так и слабые стороны. С одной стороны, не будучи связаны жесткими рамками доипломатического этикета и протокола, они могли говорить и делать то, что никак не могли себе позволить официальные дипломатические представители. Благодаря этому они имели возможность установить тесные лич-

[1] Литвинов М.М. (1876–1951) – партийный и государственный деятель, видный советский дипломат. Член РСДРП с 1898 г., большевик.

ные и доверительно-дружеские отношения с лидерами большевиков, и этой возможностью они вполне воспользовались. Не их вина, что правительства их стран не оценили такие бесценные контакты. С другой стороны, их слабость заключалась в том, что они могли говорить лишь неофициально и от своего имени; в любой момент их правительства могли оказаться от их слов и заявить, что они вообще никого не представляют; по этой же причине они не могли гарантировать большевикам, что их советы и рекомендации будут выполнены или хотя бы к ним прислушаются. Несмотря на все упомянутые трудности, эти люди, и особенно Брюс Локкарт, самый молодой из них — в 1917 г. ему было всего лишь тридцать, — проявили недюжинные способности и умение вести неофициальные переговоры.

В конце декабря Троцкий начал серию осторожных пробных подходов к союзникам, которым было суждено сыграть весьма важную роль в брестских переговорах, и начал он ее с полковника Робинса — очень необычной политической фигуры Соединенных Штатов, в жилах которого текла индейская кровь.

«Мы начали мирные переговоры с немцами, — сказал Троцкий при встрече с ним. — Мы предложили союзникам принять участие в переговорах о всеобщем демократическом мире, но они отказались от этого приглашения. Тем не менее мы считаем, что можно заставить их пересмотреть свою точку зрения».

«Как?» — спросил Робинс.

«При помощи наших товарищей во Франции, Англии и Америке, которых мы должны побудить заставить свои правительства отказаться от нынешней политики, навязав им свою революционную волю и социалистические принципы. Если нам не удастся этого добиться, мы продолжим вести переговоры с Германией одни. Немцы, конечно, не захотят подписывать демократического мира. Им нужен мир аннексионистский, им нужны наши земли. *Но у нас есть сырье.* И оно крайне необходимо Германии. И это чрезвычайно важный вопрос и важнейший пункт переговоров. Если сделать так, чтобы сырье не попало к немцам, мы получаем в руки важнейший аргумент, возможно решающий, который обеспечит победу. *Поэтому я хочу, чтобы сырье им не досталось.* — Троцкий многозначительно посмотрел на Робинса. — *Я хочу, чтобы оно им не досталось.* Но вы знаете, что положение на фронте трудное. Там хаос. Но если вы направите своих офицеров, американских офицеров, офицеров союзных стран, лю-

бых, кого вы сочтете нужным, я дам им все полномочия организовать эмбарго на поставку грузов в Германию по всей линии фронта».

Робинс понял, сколь важное предложение ему было сделано. Оно означало, что в случае, если бы удалось затянуть переговоры в Бресте на несколько месяцев, то Германия и ее союзники в течение большей части зимы были бы отрезаны от сырьевых материалов из России, которые были ей так необходимы: они бы не получили шкуры, жир и растительное масло, а также никель, медь и свинец, на которые они так рассчитывали в ту последнюю военную зиму и которые были им так нужны для производства и снабжения армии всем тем, что было необходимо для успешного весеннего генерального наступления. Робинс обратился в дипломатические и военные представительства союзников в Петрограде. Он буквально умолял их серьезно рассмотреть и принять предложение Троцкого. Но, увы, все было напрасно. Официальная позиция союзников основывалась, с одной стороны, на крайнем недоверии к большевикам, а с другой — на идеалистическом убеждении, что новый режим будет сметен буквально за несколько недель объединенными силами белогвардейцев и казаков, силы которых в то время активно формировались как на севере, так и на юге России. Исходя из этого, дипломаты союзных стран отказались рассматривать предложение Робинса.

Лишь в одном месте Робинсу сопутствовал хоть какой-то успех. Ему удалось убедить в важности этого предложения военного атташе и главу американской военной миссии Уильяма В. Джедсона. Последний встретился с Троцким и обсудил это предложение; его отчет об этой встрече заканчивался фразой: «Время протестов и угроз в адрес Советской власти прошло, если вообще это время существовало». Однако спустя несколько недель он был отозван в Соединенные Штаты, а в Петроград прибыли делегации из Германии и Австро-Венгрии для рассмотрения вопросов, связанных с возобновлением торгово-экономических отношений.

Робинсу тем не менее удалось получить в руки потенциальное оружие на случай возобновления боевых действий между Россией и Центральными державами. Американский посол Френсис передал ему проекты двух документов, которые можно было использовать лишь в случае такого развития событий. В первом из них, который назывался «Проект обращения к комиссару по иностранным делам», Френсис рекомендовал оказание полномасштабной помощи России и полное официальное

признание советского правительства в случае возобновления войны между Россией и Германией. Второй документ представлял собой проект шифротелеграммы в Государственный департамент США с предложением немедленно установить неофициальные отношения с советским правительством. И хотя ни один из этих документов не был даже отправлен, все вышеупомянутое говорило о некотором успехе Робинса в его попытках смягчить возможные последствия заключения сепаратного мира между Россией и Центральными державами.

К этому времени вопрос о позиции союзников стал настолько запутанным и неясным, что и Ленин, и Троцкий заявили Жаку Садулю — который безуспешно пытался получить от своего посла Нуланса такие же документы, которые Робинс получил от Френсиса, — что, по их мнению, Франция и Англия, потеряв всякую надежду на военную победу на Западном фронте, теперь ведут секретные переговоры с Германией, пытаясь договориться с ней за счет России. Однако союзники сами решили прояснить ситуацию еще до того, как 27 декабря возобновятся переговоры в Брест-Литовске.

Президента США Вильсона со всех сторон активно призывали публично объявить о целях, за которые воюют союзные державы, и об их отношении к России. Те, кто призывал Вильсона к такому шагу, во-первых, хотели лишить большевиков монопольного обладания предложениями о мире, а во-вторых, извлечь выгоду из той лицемерной и двуличной позиции, которую Германия занимала на переговорах в Бресте. По их мнению, заявление президента о том, что целью союзных держав и тех, кто воюет на одной стороне с ними, является достижение демократического мира, имело бы двоякую цель: с одной стороны, нейтрализовать большевистскую пропаганду, опиравшуюся на факт отказа союзников участвовать в мирных переговорах, а с другой стороны, попытаться убедить Россию выступить вместе с союзниками в защиту принципов свободы и демократии. Одновременно выражалась надежда, что широкое распространение такого заявления в Центральной Европе будет с симпатией встречено социал-демократическими партиями Германии и Австро-Венгрии, которые все более активно выступали против войны с целью захватов и завоеваний.

«Если президент вновь подчеркнет антиимпериалистический характер целей войны и приверженность Америки демократическому миру, я сумею распространить это выступление самым широким тиражом в Германии, а также смогу эффективно использовать текст с русским переводом как в войсках,

так и в других местах», — сообщал Эдгар Сиссон в телеграмме, направленной 21 декабря 1917 г. в Национальный комитет общественной информации на имя своего начальника Джорджа Крила. «Как должно быть очевидным для Вас, — продолжал он, — разоблачение двуличия и мошенничества Германии на мирных переговорах с Россией даст нам новые возможности в плане эффективного воздействия на общественное мнение в нужном для нас ключе».

Союзники, будучи крайне озабочены и взволнованы разоблачением их тайной дипломатии вследствие опубликования в Петрограде тайных договоров, также активно добивались от Вильсона, чтобы он выступил с подобным заявлением. «Если президент принял бы решение выступить с такого рода заявлением, излагающим его собственные взгляды, то, с учетом обращения большевиков к народам мира, это было бы весьма полезным и желательным; я, как премьер-министр, вполне убежден, что подобное выступление находилось бы в общем соответствии и вполне согласовывалось с теми предыдущими выступлениями президента, которые он делал как в Англии, так и в других странах и которые столь тепло были встречены общественностью». Таким несколько витиеватым, но по существу вполне понятным языком А. Бальфур выразил пожелание Англии, чтобы Вильсон выступил с подобным обращением.

Что касается российского аспекта этого выступления, то здесь Вильсон получил поддержку от посла Временного правительства в Лондоне Г. Бахметьева, который гораздо более реалистично оценивал ситуацию, нежели его коллега во Франции В. Маклаков. «Любые попытки союзников уйти от обсуждения вопросов мира, — писал он американскому президенту, — лишь только усилят позиции большевиков и помогут им создавать недружественную атмосферу вокруг союзников».

Откликаясь как на эти, так и на другие просьбы о скорейшем выступлении, Вильсон огласил 26 декабря 1917 г. (8 января 1918 г.) свои памятные мирные предложения в своем выступлении в американском конгрессе на объединенном заседании обеих палат[1].

Главным вопросом его выступления, которому были посвящены первые три раздела, были мирные переговоры в Брест-Литовске и советские предложения о мире. Он подчеркнул, что советские представители на переговорах, которых он назвал «искренними и честными», «очень справедливо, очень

[1] Эти предложения известны как «14 пунктов» Вильсона.

мудро и в истинном духе современной демократии» настаивали на полной гласности переговоров, однако столкнулись с противодействием со стороны представителей Четверного союза, которые, похоже, представляют не парламенты и народы своих стран, а «то милитаристское и империалистическое меньшинство, которое до сих пор полностью определяло политику этих стран». Голос русского народа — «самый пронзительный и требовательный из всех, которые звучат в сегодняшнем беспокойном мире», обращен к Америке и ее партнерам, чтобы сказать им о том, чего действительно хочет русский народ и в чем разница между целями и духом его и их устремлений, если она вообще существует. «Поверят ли нам теперешние лидеры России или нет, но мы от всей души желаем и надеемся, чтобы открылся какой-нибудь способ, который дал бы нам почетное право помочь русскому народу осуществить его главную мечту о свободе, мире и порядке».

Затем последовали непосредственно мирные предложения, изложенные в 14 пунктах; пункт VI был посвящен России:

«VI. Вывод войск со всей российской территории и такое решение всех вопросов, связанных с Россией, которое бы гарантировало ей возможность, в самом свободном и осуществляемом наилучшим образом сотрудничестве с другими странами мира, независимо определить без всяких препятствий и помех направление своего политического развития и своей национальной политики, и обеспечило ей искренний прием в сообщество свободных стран при выработке ею общественных институтов по своему усмотрению; и, более того, любое сотрудничество, которое она сочтет полезным и желательным для себя. Отношение к России со стороны родственных ей стран в ближайшие месяцы будет истинной проверкой их доброй воли, их всестороннего понимания ее чаяний, диктуемых их собственными интересами и их разумной и бескорыстной симпатией».

На следующий день после получения в Петрограде текста обращения американского президента жители российской столицы обнаружили, что оно расклеено по всему городу. Для его распространения было выпущено 100 тысяч плакатов и 300 тысяч афиш с русским переводом. Американская организация молодых христиан, используя предоставленную помощь со стороны большевиков, распространила миллион экземпляров на русском языке в русских окопах во всему Восточному фронту и миллион экземпляров на немецком — в немецких окопах. Хотя большевики выражали недоверие к «пустым фразам» Вильсона и открыто заявили об этом на страницах «Известий», это

выступление в то же время было для них желанным орудием пропаганды, которым они и воспользовались в полной мере.

Однако, несмотря на столь внушительное распространение, «14 пунктов» не оказали практически никакого эффекта на мирные переговоры в Брест-Литовске. Они не подтолкнули советское правительство к отказу от сепаратных переговоров, поскольку, когда Вильсон в Вашингтоне обращался к переполненному залу конгресса, Ленин в Смольном уже принял решение идти своим, странным и необычным, путем в свой не менее странный и необычный Дамаск[1].

В глубине души он пришел к убеждению, что сепаратный мир с Германией неизбежен. Он осознал, что мировая революция еще не назрела, и теперь, после напряженной внутренней борьбы и переживаний, он решил сказать эту горькую правду партии. Эта правда приведет к необходимости принять политику пораженчества, которую будет так трудно отстоять и против которой столь яростно выступят как внутри партийных рядов большевистской партии, так и со стороны ее вынужденных союзников — левых эсеров. Ведь Ленин решил ни много ни мало отказаться на время от идеи мировой революции ради спасения революции в России. Это был тот самый принцип стратегического пораженчества, которому он имел мужество следовать, умея признавать поражения: так было, когда не сбылись его надежды в 1905 г. и когда в 1921 г. вопреки всем прежним постулатам марксизма он объявил о «перемирии с капитализмом», провозгласив «новую экономическую политику» — НЭП. Ленин не был рабом революционных догм.

Глава 5

В ТУПИКЕ

1

Когда делегации вновь съехались в конце декабря в Брест-Литовск для продолжения переговоров, ситуация там заметно изменилась. Произошел раскол среди «большого трио» Центральных держав — речь идет о Чернине, Кюльмане и Гофма-

---

[1] Это выражение, взятое из библейских сюжетов, означает путь к своей цели, каким бы извилистым и трудным он ни был, в ходе которого человек сам преображается и просветляется.

не. Генерал и австрийский премьер-министр выступали за ускорение темпа переговоров — один для того, чтобы быстрее получить высвободившиеся войска, другой — чтобы быстрее получить хлеб. Хотя личные отношения Гофмана с Людендорфом были прерваны и контакт они поддерживали через начальника операционного управления полковника Бауэра, Гофман по-прежнему проводил линию Верховного командования касательно невывода германских войск с занятых территорий и скорейшего высвобождения войск на Восточном фронте для их переброски на Западный.

Для Чернина главным вопросом оставался все тот же: хлеб, хлеб и еще раз хлеб. «Заключение мира необходимо, но заключить сепаратный мир без участия Германии невозможно» — таков был итог обсуждений, которые он провел в Вене перед отъездом на переговоры в Брест-Литовск. Его задача, как он ее понимал, состояла в том, чтобы заключить мир в том или ином виде любой ценой.

Кюльман не поддерживал ни ту ни другую линию; он придерживался взглядов, противоположных мнению Верховного командования, в чем его осторожно и тактично поддерживал кайзер: он был сторонником длительных переговоров, чтобы в ходе их показать миру, что большевизм в обнаженном виде по сути является новой формой национализма, и добиться закрепления восточных территорий за Германией под флагом самоопределения. Он надеялся поймать русских в сети, ловя их на слове при помощи их же фраз и тезисов, и, если бы состав русской делегации остался тот же, что был и раньше, и против него за столом переговоров сидели те же, кто и в начале их, он, возможно, и добился бы успеха. Однако на этот раз ему пришлось столкнуться с противником, который не хуже, а возможно, и лучше его самого владел искусством полемики и разбирался в диалектике. В Брест-Литовск прибыл Лев Троцкий.

Широкогрудый, с огромным лбом, на который падала шапка густых вьющихся черных волос; с пронзительным и сильным взглядом горящих глаз, которые в то же время несли следы многих страданий и переживаний; с выступающими вперед губами, обрамленными маленькими усиками и бородкой, Троцкий являл собой живое воплощение революционера в карикатурном изображении. Неуемный и неутомимый, движимый бурлящей внутри его кипучей энергией, он был бескомпромиссен, язвителен и беспощаден в полемике с противником; с бесстрашием и презрением встречал неудачи. Разносторонне

развитый и эрудированный, он мог очаровывать в те редкие минуты, когда находился в добром расположении духа, однако более типичным для него было состояние презрительного гнева, он был похож на застывшее пламя, готовое вспыхнуть в любую минуту. Напоминавший Мефистофеля, дьявольски умный и дьявольски презрительный, он, как было угодно распорядиться судьбе, был одновременно архангелом Михаилом и Люцифером революции; ему довелось командовать всеми армиями Красной России, а затем быть низвергнутым во тьму. «Редкостный сукин сын, но самый выдающийся еврей со времен Иисуса Христа, — сказал о нем полковник Робинс. — Если германский Генеральный штаб заплатил деньги Троцкому, то немцы просто «надули» сами себя».

И действительно, ничто в такой степени не оставило камня на камне от легенды о «германском шпионе», как поведение Троцкого на мирных переговорах. Однако они были для него тяжким и мучительным испытанием, как моральным, так и физическим. Он никогда не был открытым человеком и всегда чувствовал себя неуютно, когда приходилось общаться с посторонними людьми, тем более если эти люди были ему абсолютно чужды. Поэтому он направлялся на переговоры с ощущением, словно «его ведут в камеру пыток». Он физически ощущал тяжесть той атмосферы показного внешнего дружелюбия и пустых дежурных фраз, бывшей неотъемлемой частью международной дипломатии. Это хорошо продемонстрировал его первый контакт с Кюльманом. Они встретились в прихожей, когда снимали пальто и шляпы перед тем, как войти в зал переговоров. Кюльман узнал Троцкого, представился и, чтобы постараться расположить к себе своего противника, сказал, что всегда лучше иметь дело с хозяином, чем с его посланцем. «В тот момент у меня возникло ощущение, что я наступил на что-то грязное, — вспоминает Троцкий. — Я даже невольно отпрянул. Кюльман понял свою ошибку, взял себя в руки, собрался и в дальнейшем уже всегда держался более официально».

Более того, Троцкий с самого начала работы этого этапа конференции дал ясно понять, что приехал сюда не завязывать дружбу, а заключать мир; по его инициативе слово «дружба» было удалено из преамбулы проекта мирного договора; он также быстро положил конец дружелюбному и неформальному общению между делегациями, которое имело место до этого. Новый подход стал очевиден уже тогда, когда специальный поезд с российской делегацией подъезжал к перрону:

Радек высунулся из окна и стал разбрасывать газеты и пропагандистские материалы прямо перед германскими солдатами, стоявшими на платформе. Троцкий отказался от того, чтобы быть представленным принцу Баварскому, и потребовал, чтобы русская делегация питалась отдельно от других («Он заточает их в монастырь», — писал Кюльман). Когда возник спор между Радеком и водителем автомобиля, в котором он ехал, а Гофман поддержал водителя, Троцкий распорядился, чтобы впредь члены российской делегации не пользовались автомобилем и ходили пешком; при этом им пришлось многократно лицезреть написанные для русских военнопленных предупреждения: «Каждый здесь задержанный русский будет расстрелян». Он требовал беспрекословного повиновения от всех членов делегации; никто из них не имел право выступать за столом переговоров, не получив на это разрешение Троцкого. «Они действительно испытывали священный страх перед Троцким», — записал в своем дневнике Чернин.

Но Троцкий был не единственным из вновь прибывших в Брест-Литовск. На конференцию также впервые прибыли представитель Польского регентского совета граф Адам Тарновский и, что наиболее важно, делегация молодых людей студенческого возраста, представлявших Украинскую Центральную раду[1].

Признание украинской автономии в июле 1917 г. во время большевистского восстания[2] привело к отставке премьер-министра Временного правительства Г. Львова и входивших в правительство кадетов, а после большевистского переворота украинцы вскоре воспользовались правом на самоопределение. На проведенных в ноябре выборах подавляющего преимущества добились национально-либеральные силы, получившие более 75% мест в национальном парламенте, в то время как большевикам достались лишь 10%. Большевики прибегли к своей старой тактике и обратились напрямую к народу. В Киеве состоялся Советов рабочих и крестьянских депутатов, однако, вопреки ожиданиям Смольного, из 2000 делегатов

---

[1] В украинскую делегацию входили В.М. Шахрай и Е.Г. Медведев, которые прибыли позже — за неделю перед началом уже третьего этапа работы мирной конференции.

Свою делегацию имела и Украинская центральная рада: статс-секретарь В. Голубович, М. Левитский, М. Полозов, А. Севрюк. Консультантами ее делегации были ротмистр фон Гассенко, профессор Е. Остапенко.

[2] Автор имеет в виду события в Петрограде (3—5 июля 1917 г.), о чем подробнее говорилось во 2-й главе.

большевиков поддержали лишь 80, а остальные высказались в поддержку Центральной рады. Сторонники большевиков ушли со съезда, организовали в Харькове свое правительство, не подчиняющееся Центральной раде, и обратились к Петрограду за помощью.

В Брест прибыла полная собственной значимости делегация Центральной рады, состоявшая из троих молодых людей — Левитского, Любинского и Севрюка; она хотела быть полноправным участником переговоров и вынашивала далекоидущие планы расширения Украины за счет присоединения к ней ряда областей Буковины и Галиции и расположенной в Австро-Венгрии Холмской области.

Прибытие этих отличавшихся бурной активностью молодых людей сильно раздражало графа Чернина. Помимо естественного чувства унижения, что ему придется вести переговоры с «мальчишками», он был крайне встревожен перспективой возможных территориальных уступок в обмен на украинское зерно — а уступка Холмской области вызвала бы нескончаемую ненависть проживавших в этом районе поляков, в то время как в случае заключения общего договора с Россией он получил бы то же зерно безо всяких территориальных уступок. Какое-то время он решительно отвергал идею сепаратного договора с Украиной, но в то же время его не покидала мысль о том, что просящий не может быть привередливым. А ему были нужны зерно и мир любой ценой.

По этой же причине были рады прибытию украинской делегации и немцы. И Кюльман, и Гофман считали, что делегация Центральной рады является подходящим орудием для того, чтобы воздействовать, с одной стороны, на Чернина, удерживая его в рамках общей линии с германской делегацией, а с другой — на Троцкого, который, безусловно, был бы против возможного заключения Германией сепаратного мира с буржуазным правительством, действующим на российской территории. И как только делегация Рады отказалась питаться вместе с русской делегацией отдельно от остальных, ее тут же пригласили за общий стол и стали всячески обхаживать и умасливать.

26 декабря Кюльман, Чернин, Талаат-паша и Попов собрались, чтобы обсудить согласованный план действий на предстоящих переговорах. На намеченном на следующий день первом пленарном заседании было решено действовать по принципу «нападение — лучшая защита» и не дать Троцкому делать никаких выступлений, поставив ультиматум по проце-

дуре ведения переговоров. Предполагалось, что российская сторона будет вынуждена согласиться с этим ультиматумом, поскольку не пойдет на риск возобновления военных действий. Сопровождавшие Троцкого по пути из Двинска германские и австрийские офицеры сообщили, что окопы противника напротив позиций австро-германских войск были практически пустыми; на всем участке находилось не более одного-двух укрепленных опорных пунктов. По их словам, когда Троцкий прибыл на немецкие позиции, он был крайне потрясен и удручен состоянием армии, которое он мог наблюдать по пути из Петрограда. Как заявил один из сопровождавших, барон Ламезан, это только укрепило его в убеждении, что нынешнее положение большевиков отчаянное и у них есть лишь выбор между плохим миром или вообще никаким. «И в том и в другом случае, — заключал он, — результат будет один: большевики будут сметены». «Им все равно придется есть то, что мы им дадим; они могут лишь выбрать, из какой тарелки есть», — цинично заметил Кюльман Чернину. «Совсем как у нас», — подавленно ответил Чернин.

В соответствии с выработанным планом, Кюльман в своем выступлении на пленарном заседании 27 декабря заявил, что поскольку страны Антанты не присоединились к мирным переговорам, то заявления держав Четверного союза от 12 и 15 декабря теряют всякую силу. Он официально отклонил советское предложение о переносе переговоров в Стокгольм, подчеркнув, что страны Четверного союза приняли «твердое и окончательное решение» проводить переговоры только в Брест-Литовске. Чернин продолжил в таком же духе, столь же рельефно подчеркнув, что российская сторона должна теперь сконцентрировать усилия только на переговорах о сепаратном мире; он потребовал немедленно создать соответствующие рабочие комиссии, о чем было договорено ранее, и предупредил российскую делегацию, что вся ответственность за продолжение войны будет полностью лежать на ней. Талаат-паша и Попов поддержали своих коллег, и затем Гофман от имени военных представителей Четверного союза выразил решительный протест против потока пропаганды и призывов к мятежу, регулярно распространяемых советским правительством.

С учетом предпринятой противной стороной атаки Троцкий, подготовивший для выступления большую речь, попросил сделать перерыв. Ответ своим противникам он дал на следующий день, 28 декабря, ярко продемонстрировав свое пре-

зрение к ним. Он отмел возражения Гофмана, заявив, что «ни условия перемирия, ни характер самих мирных переговоров не накладывают никаких ограничений на свободу слова и печати». Кюльману он вновь подтвердил отказ России принять точку зрения Германии на вопрос самоопределения на оккупированных территориях, «согласно которой волеизъявление народа было на самом деле подменено волеизъявлением привилегированной группы под контролем органов, осуществляющих административное управление данными территориями». Он подтвердил намерение советского правительства продолжать переговоры о заключении сепаратного мира и согласился проводить эти переговоры в Брест-Литовске, подчеркнув при этом недовольство тем, что атмосфера «в главной квартире неприятельских армий под контролем немецких властей создает все невыгоды искусственной изоляции, которые ни в коей мере не компенсируются наличием прямого провода для сообщений... Мы, таким образом, остаемся в Брест-Литовске, чтобы не упустить и малейшей возможности для заключения мира... Наше правительство поставило слово «мир» во главу своей программы, но оно в то же время обязалось перед всем народом подписать только справедливый и демократический мир».

Таким образом, стороны с самого начала ясно и четко обозначили свои позиции, и сразу стало понятно, что между ними лежит непреодолимая пропасть, однако еще в течение четырех страшно трудных и напряженных недель Кюльман и Троцкий, подобно дуэлянтам-фехтовальщикам, кружили друг против друга, ведя споры по вопросам этики, форм и принципов самоопределения и того, как все это следует реализовать в приграничных государствах. Троцкий требовал проведения референдума при отсутствии любых иностранных войск. Кюльман отказывался рассматривать вопрос о выводе германских войск с оккупированных территорий, утверждая, что их население уже сделало свое волеизъявление через органы, созданные под эгидой германской администрации по оккупированным восточным территориям — *Обер Ост* (*Ober Ost*). На это Троцкий ответил: «Мы одновременно и реалисты и революционеры и предпочли бы говорить об аннексиях прямо и называть вещи своими именами, а не прятаться за псевдонимами». При слове «аннексия» Кюльман негодующе отверг это обвинение и вновь стал излагать свои взгляды на вопрос о самоопределении, пока Троцкий опять не пресек его рассуждения конкретными фактами.

Поле их обсуждения простиралось от Китая до Перу; они затрагивали такие, казалось бы, не относящиеся к делу темы, как степень зависимости Низама из индийского Хайдарабада от британской короны, а также сфера деятельности и объем полномочий Верховного суда США. В общем понимании диалектики оба противника были примерно равны по силам, но в области тактики Кюльман был более искусен. Он «подвел» Троцкого к признанию делегации Украинской центральной рады как самостоятельного участника переговоров и представителя независимого государства; он также немедленно «подхватил» предложение Троцкого пригласить на переговоры представителей приграничных государств, чтобы дать им возможность высказать свою точку зрения без всяких препятствий и ограничений. Мы с удовольствием готовы сделать это, сказал Кюльман, но при одном условии: если они выскажутся за германскую точку зрения, Троцкий должен будет с этим согласиться.

Троцкий снял это предложение, и Кюльман, должно быть, втайне вздохнул с облегчением, поскольку если бы, например, на конференции имели возможность беспрепятственно выступить поляки, то с учетом их антипрусских настроений присутствующие могли бы услышать много нелицеприятного о Германии и ее политике. Троцкий, не будучи отягощен какими-либо дипломатическими тонкостями, продолжал наносить прямые «уколы» в связи с нарушением Германией нейтралитета Бельгии, неограниченным использованием подводных лодок и другими подобными актами.

Насколько эти длительные дискуссии захватили двух главных действующих лиц, настолько они начали раздражать тех, кто вынужден был наблюдать за ними со стороны. Представители Турции и Болгарии, младших партнеров по Четверному союзу, которым «по рангу» было положено ожидать решений старших партнеров, спокойно и с выдержкой наблюдали за всеми этими маневрами и контрманеврами, поскольку это не затрагивало их жизненные интересы. Но для Чернина и Гофмана эта затяжка была невыносимой. Нервы австрийского министра иностранных дел напряглись до предела. Вынужденная необходимость ежедневно наблюдать за этими бесконечными «интеллектуальными поединками», притом что силы его страны таяли день ото дня, приводила его на грань истерии и депрессии. С каждым днем новости из Вены и Будапешта становились все хуже и хуже; с каждым часом небольшое пространство между возможной победой и очевидным поражением все более со-

кращалось. Его попытки вмешаться в поединок Кюльмана с Троцким с целью предложить компромиссное решение отвергались и тем и другим; они были заняты лишь друг другом. Отчаявшийся Чернин отправился на охоту вместе с принцем Баварским, а также обратился, как ни странно, к чтению мемуаров о Великой французской революции, которые он привез с собой из Вены. Он находил успокоение в том, что делал в дневнике записи наподобие следующей: «Шарлотта Корде сказала: «Я убила не человека, а дикого зверя...» Найдется ли своя Корде для Троцкого?»[1]

Отношения между Черниным и Кюльманом были какими угодно, но только не дружескими. Германский дипломат презрительно относился к суетливой нервозности своего австрийского коллеги и не мог удержаться от любой возможности напомнить ему о поражениях, которые австрийские войска терпели от русских. «Ни одна пядь *нашей* германской территории не находится, слава богу, под властью неприятеля», — сказал он на одном из заседаний, напрягшись и посмотрев на Чернина, лицо которого при этом «позеленело, а сам он весь съежился». Подобные сцены, вспоминал Троцкий, можно было наблюдать довольно часто.

Для Гофмана затяжка переговоров была также нестерпимой. Он с самого начала предлагал придерживаться совершенно иной тактики — сразу предъявить ультимативные требования. «Дайте им еще раз попробовать кнута», — убеждал он Кюльмана во время беседы вечером 28 декабря, после того как Троцкий в этот же день принял предварительные условия Четверного союза. Кюльман, однако, настаивал на том, чтобы не форсировать события, и Чернин в тот момент был с ним согласен. Разговор с Гофманом прошел на высоких тонах, что говорило об отсутствии гармонии и полного взаимопонимания внутри Центральных держав.

В Крейцнахе Людендорф, по его собственным словам, «от нетерпения сидел как на раскаленных углях». Он потребовал через Бауэра объяснений от Гофмана, а получив их, стал ругать Кюльмана последними словами и приказал Гофману сдвинуть переговоры с мертвой точки. На очередной вечерней встрече (29 декабря) Гофман сказал Кюльману и Чернину, что все эти

[1] Шарлотта Корде в 1793 г. заколола кинжалом одного из лидеров якобинцев Жана Поля Марата, когда тот принимал ванну; данная запись явилась зловещим предзнаменованием для Троцкого, который также погиб насильственной смертью.

пространные дебаты ни к чему не приводят, а, наоборот, уводят все более и более в сторону от изначального предмета обсуждений. Он подчеркнул, что необходимо вернуть переговоры на почву реальных фактов и дать ясно понять русским, какова ситуация на самом деле и для чего все здесь собрались.

Чернин, разрывавшийся между естественным неприятием методов Гофмана, которые, как он опасался, могли привести к срыву переговоров, и перспективой сидеть и выслушивать бесконечные споры Кюльмана и Троцкого, в конце концов стал на точку зрения генерала и дал согласие на его предложение. Кюльман не имел против этого серьезных возражений, поскольку был внутренне убежден, что методы Гофмана не продвинут дело быстрее, чем его собственные; однако он считал, что боевая и агрессивная речь Гофмана улучшит отношения последнего с Людендорфом, поскольку Кюльман хоть и не питал особых симпатий к Верховному командованию, но вполне убедился, что значит работать в одной команде с человеком, который не имеет нормальных отношений со своим начальством. Поэтому было оговорено, что, когда наступит психологически подходящий момент, Кюльман без всяких вступлений сразу же предоставит слово Гофману.

Этот момент наступил быстрее, чем они ожидали. На следующий день, 30 декабря, русские решили сформулировать ряд конкретных предложений, которые Троцкий доверил огласить Каменеву. В своем продолжительном выступлении, которое никак нельзя было назвать доброжелательным в отношении Центральных держав, он выдвинул ряд предложений по процедуре вывода войск с оккупированных территорий и проведению общенародных плебисцитов как на оккупированных территориях, так и за их пределами — на территориях вне зоны оккупации, в частности в Эстонии и Ливонии. Предусматривалось, что «Россия берет на себя обязательство не оказывать прямого или косвенного давления на население этих территорий, чтобы добиться установления той или иной формы правления, а также не ограничивать их независимость посредством любых заключенных ими в прошлом тарифных или военных соглашений до того, как эти районы полностью и окончательно не определят свое положение на основе права на политическое самоопределение. Правительства Германии и Австро-Венгрии, в свою очередь, категорически подтверждают отсутствие любых претензий на территории бывшей Российской империи, находящиеся сейчас под оккупацией их армий,

или же на так называемые «выправления» границ за счет этих районов».

Германия и Австро-Венгрия должны были также взять на себя обязательства, аналогичные российским, и в отношении территорий, лежащих за пределами зоны оккупации.

Эти предложения, направленные на то, чтобы загнать противника в угол и заставить его полностью раскрыться, явились для участников переговоров полной неожиданностью. В глазах стран Четверного союза они выглядели как условия, диктуемые Россией, вообразившей себя победителем, находящимся у ворот Берлина и Вены, побежденному противнику. У делегаций Центральных держав постоянно вызывало раздражение, что с прибытием в Брест-Литовск Троцкого советские представители не хотели осознавать, что именно Россия является страной, добивающейся мира и которой он необходим более, чем кому-либо.

После выступления Каменева воцарилось молчание. И в этот момент, не делая никаких комментариев, Кюльман тихо и спокойно сказал: «Слово предоставляется генералу Гофману».

Для Гофмана наступил очень важный момент, к которому он готовился усердно и тщательно. Он был раздражен выступлением Каменева, поэтому его ответ получился более жестким, чем он первоначально планировал. Полностью держа себя в руках, он говорил четкими отрывистыми фразами, не делая при этом никаких жестов. По общему свидетельству его коллег, присутствовавших на заседании, все разговоры о том, что он стучал кулаком по столу или клал на стол ноги в сапогах со шпорами, являются чистейшим вымыслом.

Выразив вначале протест против тона выступления Каменева, генерал подчеркнул, что, хотя советское правительство громко заявляет о самоопределении, оно само «держится исключительно на насилии и беспощадном подавлении всех инакомыслящих» и отказало в праве на самоопределение украинцам и белорусам, разогнав их представительные органы власти при помощи штыков и пулеметов. В довершение к этому, российское правительство продолжало грубо нарушать условия соглашения о перемирии, запрещавшего вмешательство во внутренние дела Центральных держав; большевистские агенты продолжают активное распространение пропагандистских материалов. «Германское Верховное командование в этой связи сочло необходимым предотвратить любую попытку вмешательства в дела оккупированных территорий... Также, по причинам технического и административного характера, германское Вер-

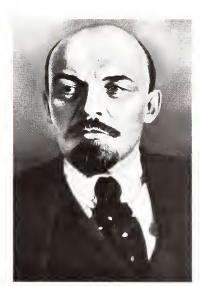
ховное командование отказывается вывести войска из Курляндии, Литвы, Риги, а также с островов в Рижском заливе».

Эффект от выступления генерала оказался совсем не тем, на какой он рассчитывал. Оно даже не привело к восстановлению его отношений с Верховным командованием; хотя Людендорф и одобрил его выступление, подчеркнув при этом, что надо и далее следовать в том же духе, только еще активнее и быстрее, но продолжал поддерживать контакты с Гофманом не напрямую, а по-прежнему через начальника оперативного отдела штаба Восточного фронта. Кюльман и Чернин были крайне расстроены выступлением Гофмана, поскольку в своей грубой прямоте он зашел гораздо дальше, чем они предполагали, и не скрывали от него, что своим выступлением он ничего не добился, а только взбудоражил общественное мнение в Германии и Австро-Венгрии и настроил его как против самого себя, так и против руководителей германской и австрийской делегаций. И действительно, единственным результатом этого выступления был вызванный им дружный хор возмущения среди тех политических кругов в Германии, которые все еще верили в возможность заключения мира на основе принципов мирной резолюции, принятой рейхстагом в июле 1917 г. В довершение к этому генерал дал прекрасную возможность органам пропаганды стран Антанты использовать его выступление как яркий пример прусского милитаризма в его обнаженном и неприукрашенном виде, чем они полностью и воспользовались.

Что же касается расчета на то, что это выступление смутит или выбьет из колеи Троцкого, то народный комиссар по иностранным делам лишь улыбался, слушая всю эту тираду Гофмана. Его темно-карие глаза сверкали, он слегка отклонился назад, твердо держа руки на ткани стола. Он выглядел очень довольным, поскольку знал, как можно использовать откровенную речь генерала как в Берлине, так и в Петрограде. Его ответ был язвительным и острым. В классовом обществе, сказал он Гофману, всякая власть держится на силе. Разница лишь в том, что друзья генерала используют эту силу для защиты крупных собственников, а большевики — для защиты рабочих. «Правительства других стран удивляет и возмущает, — сказал Троцкий, — что мы арестовываем не тех, кто участвует в забастовках, а капиталистов, которые выбрасывают рабочих на улицу; что мы не расстреливаем крестьян, которые требуют землю, а арестовываем помещиков и офицеров, которые пытаются стрелять в крестьян».



Генерал Эрих Людендорф



В.И. Ленин



Генерал-майор Макс Гофман, начальник штаба главнокомандующего Восточным фронтом



Прибытие российской делегации в Брест-Литовск. Впереди Л.Б. Каменев за ним во втором ряду (*слева направо*) майор Бринкман, А.А. Иоффе, А.А. Биценко, Л.М. Карахан



Переговоры о перемирии в Брест-Литовске. За столом сидят М. Гофман (*слева четвертый*), Д.Г. Фокке (*справа первый*), В.М. Альтфатер (*справа второй*)



Барон фон Кюльман



Л.Б. Каменев



Прибытие Л.Д. Троцкого на мирную конференцию



Подписание мирного договора с Украиной. В центре фотографии за столом сидят в смокингах граф Чернин, слева от него барон фон Кюльман. Гофман стоит в форме за Черниным



Граф Чернин и барон фон Кюльман в Брест-Литовске



Лев Троцкий



Г.Я. Сокольников



Л.М. Карахан



На указателе в левом верхнем углу: МОСКВА, внизу: Легкая победа?
Кайзер: «А это мы постелили в нашем новом помещении».
Император Карл: «А вы точно уверены, что он мертв?»



Генерал Скоропадский (*в центре*) вместе с П. Гинденбургом и Э. Людендорфом в Спа (Бельгия), сентябрь 1918 г.



К.Б. Радек

Завершив урок элементарных основ марксизма, Троцкий перешел к более конкретным обвинениям, выдвинутым Гофманом, в частности по поводу ведения пропаганды в Германии. Он не отрицал этого, но обратил внимание на то, что немецкие газеты свободно распространяются в России, независимо от содержания напечатанного там материала, при этом советское правительство не сочло возможным ограничить доступ в страну даже тех газет, которые разделяют мнение генерала Гофмана. «Не вызывает сомнения, — подчеркнул он, — что та поддержка, которую получают реакционные круги нашей страны публикуемыми в газетах определенными заявлениями германских официальных лиц, в значительной степени способствует продолжению гражданской войны в нашей стране, тем не менее мы не сочли возможным связывать этот вопрос с условиями перемирия».

Кюльман вмешался в дискуссию, подчеркнув, что Германия твердо придерживается принципа невмешательства во внутренние дела России; Троцкий с насмешкой ответил, что Германия, поступая так, просто отказывается от попыток морального наступления. Мы рассматривали бы как шаг вперед, сказал он, если бы правительство Германии свободно и откровенно высказало свою точку зрения относительно внутренней обстановки в России.

Кюльману был брошен вызов, и, если бы он его принял, он мог бы попытаться повернуть ситуацию в свою пользу. Если бы он принял предложение Троцкого высказаться по поводу внутренней ситуации в России, он мог бы заставить своего противника обороняться и при этом улучшить отношение к Германии в мире. Вместо того чтобы позволять Троцкому клеймить Германию как лицемера, лжеца и разбойника, ему следовало бы сорвать маску с большевиков и разоблачить их, как поработителей умов людей и разрушителей социальной ткани мировой цивилизации. Если бы Кюльман твердо следовал этой точке зрения и заявил, что Германия принципиально считает своим правом и своим долгом защитить тех, кто захотел высвободиться из хаоса революционной России, то, возможно, в этом случае он смог бы использовать тот устойчивый и постоянно увеличивающийся страх перед большевизмом, который существовал в странах Антанты. Германия, как лидер западной цивилизации, защищающий пограничные страны от гражданской войны, грабежей и кровавых убийств, как бастион на пути распространения большевизма в Европу, имела бы бесконечно более сильные позиции как внутри страны, так и

извне, чем Германия, проводящая сугубо эгоистичную и циничную политику и пытающаяся использовать принцип самоопределения для прикрытия откровенных захватов. Таким образом, из рук стран Антанты выбивалось бы важнейшее орудие пропаганды, причем, возможно, удалось бы преодолеть и возражения Верховного командования, поскольку снимался бы вопрос о том, чтобы отдать приграничные государства на милость большевиков.

Но Кюльман не воспользовался этой поистине «золотой» возможностью и опять погрузился в бесконечный теоретический спор с Троцким, в котором он уже не имел никакого преимущества. Теперь от этих затяжных споров пользу получал лишь противник; в результате грубой откровенности Гофмана Центральные державы оказались перед своими противниками, как на переговорах, так и за их пределами, да и перед всем миром, в положении, когда они «сами себя высекли». Прозвучал голос настоящих хозяев Германии — Гофман ясно продемонстрировал, что он представляет не правительство Германии, а Верховное командование и не осталось никаких сомнений относительно истинных целей и намерений, которым Германия следует. Для Германии в таком случае было бы лучше с самого начала сформулировать тот подход, которого придерживались те, кто в действительности ею управлял, и предъявить другой стороне ультимативные требования.

А вот положение Троцкого было прямо противоположным. Его стратегия увенчалась полным успехом. Помимо того, что Кюльман согласился работать в рамках того же подхода, что и большевики, — затягивания переговоров посредством бесконечных дискуссий и обсуждений, Троцкому также удалось вынудить немцев открыть свои истинные намерения. В таких условиях, как вынужден был признать даже Людендорф, нужно быть глупцом, чтобы согласиться хоть на малейшую уступку. Из Австрии и Германии приходили сообщения о постоянном ухудшении внутренней обстановки. У Троцкого также были свои иллюзии. Он считал, что именно теперь, пусть чуть раньше или позже, должны произойти пролетарские революции, которые сметут империи Габсбургов и Гогенцоллернов. В последующие дни он взял ситуацию в свои руки и сам вел игру, причем искусно и мастерски, не упуская возможности, с одной стороны, заманить противника в ловушку, а с другой — не заходя при этом слишком далеко. Его поведение становилось все более и более вызывающим. Он покровитель-

ственно обращался к Чернину, всячески пытался вывести из себя Гофмана и в конце концов вынудил Кюльмана невольно признать, что германское правительство не может взять на себя обязательство вывести войска с оккупированных территорий даже год спустя после заключения мирного договора. В интервалах между работой на конференции этот неутомимый человек успел посетить Варшаву и продиктовать по памяти исторический очерк об Октябрьской революции («История русской революции до Брест-Литовска»), который был переведен на ряд языков и считался хрестоматийной работой на эту тему до запрещения его Сталиным в 1924 г.

Работая практически в одиночку, имея за собой лишь находящуюся в хаосе страну и еще не устоявшийся политический режим, этот удивительный человек, который еще год назад был никому не известным журналистом, находившимся в эмиграции в Нью-Йорке, вел успешную борьбу с объединившимися против него лучшими дипломатическими силами половины Европы.

2

Гофман и сам понимал, что он не вносит никакого практического вклада в работу конференции и что он не в состоянии остановить ни поток красноречия Троцкого, ни поток аргументов Кюльмана. Однако он был неустрашимо тверд и непреклонен в своей решимости ускорить работу конференции и с этой целью решил использовать другое оружие — прямые переговоры с делегацией Украинской центральной рады.

С самого момента их прибытия в Брест (это произошло 25 декабря) Гофман понял, что эти молодые люди могут быть весьма полезными, и взял их, так сказать, под свое крыло, хотя его действия уместнее было бы охарактеризовать так: кот взялся охранять канарейку. Побудив членов украинской делегации рассказать ему о своих планах и надеждах и внимательно их выслушав, Гофман, являвшийся хорошим тактиком как на поле боя, так и за столом дипломатических переговоров (правда, при этом не таким хорошим стратегом), добился их расположения и доверия.

К трем первоначально прибывшим делегатам Рады вскоре присоединился Всеволод Голубович, тридцатичетырехлетний председатель Совета министров Украинской Республики, полный пламенных национальных и революционных идей. Заяв-

ление Рады о том, что она хочет самостоятельно участвовать в работе конференции и вести мирные переговоры независимо от советского правительства в Петрограде, было оглашено на конференции этим молодым государственным деятелем 28 декабря; с ним согласились как Кюльман, от имени Четверного союза, так и Троцкий, хотя формальное признание Украинской Республики в качестве независимого государства было отложено странами Четверного союза до подписания мирного договора.

После этого молодые украинцы, как и все члены других делегаций, в качестве зрителей наблюдали за «интеллектуальными поединками» между Кюльманом и Троцким, однако, поскольку украинская делегация заявила, что не является частью советской делегации, были предприняты все меры, чтобы максимально отдалить и отделить ее от контактов и согласованной работы с большевиками, по поводу чего был выражен протест со стороны Троцкого.

Когда 1 января 1918 г. стало ясно, что эти состязания в риторике между Кюльманом и Троцким могут длиться бесконечно, Гофман предложил Чернину провести с его согласия переговоры с украинской делегацией относительно того, на каких условиях она готова заключить мир. Чернин согласился, и нельзя сказать, что он сделал это неохотно: к этому моменту он не просто смертельно устал, а чувствовал себя совершенно больным человеком и был не в состоянии вести споры с бесшабашными, легкомысленными и безрассудными молодыми революционерами; а тем более он ежедневно получал сообщения из Вены о постоянном нарастании продовольственного кризиса, вызванного некомпетентностью его австрийского коллеги и крайним эгоизмом венгерского премьер-министра.

Члены украинской делегации говорили много и охотно, когда речь шла об их общих планах, но стали гораздо менее разговорчивыми, когда пошел конкретный разговор, основанный на жестких фактах. Гофман, однако, был выдержан и терпелив и с помощью своего начальника разведки майора Хея, который выступал в роли переводчика (Гофман говорил и писал по-русски, но не знал украинского, а молодые люди принципиально говорили только на своем родном языке), выяснил, что украинские представители рассчитывают присоединить к Украине районы вокруг Холма, а также некоторые области Галиции и Буковины.

При естественном развитии событий Холмская область должна была стать естественной составной частью самостоя-

тельного польского государства, когда была бы проведена делимитация его границ, и только ее восточная оконечность должна была быть отнесена к Украине. Но Гофман с его солдатским реализмом всегда считал идею независимой Польши не более чем утопической и несбыточной мечтой; естественно, претензии несуществующего государства не должны были стать препятствием на пути заключения мира с Украиной, поэтому Гофман под свою личную ответственность обещал украинской делегации поддержать их притязания на Холмскую область.

А вот относительно претензий на части Галиции и Буковины Гофман разговаривал уже совсем иным тоном. Он объяснил молодым людям, что подобное требование является просто бесстыдной и неслыханной дерзостью и не подлежит даже рассмотрению. Они, должно быть, просто не в своем уме, если считают, что могут заставить Австрию уступить им эту территорию. Любинский и Севрюк никак особенно не отреагировали на откровенную грубость Гофмана и дружелюбно сказали, что они запросят Киев относительно возможных новых инструкций по этому вопросу; вполне возможно, что вопрос о Восточной Галиции и Буковине был использован ими в качестве «пробного шара» по принципу «а вдруг получится».

Чернин ничуть не обрадовался, узнав от Гофмана о результатах предварительных переговоров. Передача Холмской области Украине настроила бы польское население против правительства Австро-Венгрии и затруднила бы, если не сделала невозможным, реализацию «австрийского варианта» решения польской проблемы, на который по-прежнему рассчитывали дипломаты в Вене и Берлине. Но Чернину сейчас было не до споров. Политика и подходы, которых придерживались премьер-министры Австрии и Венгрии и против которых Чернин неоднократно высказывал свои возражения и серьезно предупреждал императора Карла о возможных опасных последствиях, теперь привели к тому, что главные города империи столкнулись с реальной угрозой голода. Из одного города за другим приходили сообщения о голоде и вызванных этим выступлениях протеста. «Люди голодают», — в отчаянии взывал к Чернину принц-епископ Кракова; «Рацион снабжения хлебом сокращен вдвое», — телеграфировал Стазальтер из Триеста; «Запасов муки в Вене хватит только до понедельника», — сообщал по телефону венский бургомистр.

Те самые люди, чьи ошибки и вызвали этот кризис, сейчас (это было 3 января 1918 г.) взывали к Чернину о помощи.

Премьер-министр Австрии доктор Сейдлер, который еще несколько недель назад уверял, что хлебных запасов хватит стране до следующего урожая, теперь телеграфировал Чернину: «Единственное место, откуда может быть оказана эффективная помощь столице империи, — это Германия, причем только в том случае, если эта помощь будет отправлена немедленно... У нас не остается выбора, как только сообщить Вашему превосходительству обо всем этом и умолять Вас обратиться к делегации Германии с просьбой принять во внимание эту непредвиденным образом возникшую критическую ситуацию, которая, если не преодолеть возникшие трудности, может привести к катастрофе». Австрийский премьер в разговоре с Черниным по телефону подчеркнул, что людей сейчас ничто так не волнует, как судьба мирных переговоров в Бресте, и что стремление к скорейшему заключению мира стремительно растет.

На самом деле эти слова были преуменьшением. Политические забастовки в Вене и окрестностях, вызванные голодом, быстро переросли в практически общенациональное движение с требованием скорейшего заключения мира. Сначала движение было стихийным и охватывало рабочих, не объединенных в профсоюзы, но оно развивалось стремительно, как огонь в прериях, и вскоре охватило и все профсоюзы, причем профсоюзные лидеры были бессильны ему помешать.

Чернин благородно попытался найти выход из этой чрезвычайной ситуации. Несмотря на высокую температуру и то, что его нервная система была на грани срыва, премьер-министр Австро-Венгрии сделал все, что было в человеческих возможностях, для того, чтобы преодолеть этот кризис. Он попросил императора Карла немедленно лично связаться с Вильгельмом и попросить о помощи; он пошел на унижение и лично обратился к Кюльману, умоляя его повлиять на германские власти в плане оказания помощи; он даже пошел на совершенно неслыханное унижение, обратившись за помощью к делегации Болгарии. Однако его усилия дали очень незначительный результат. Людендорф заявил, что ни при каких обстоятельствах не выделит продовольствие с армейских складов; германское ведомство продовольственного снабжения сообщило, что оно не в состоянии оказать помощь, поскольку в самой Германии ситуация такова, что вот-вот придется сокращать рацион снабжения мукой. Правительство Болгарии ответило, что не может послать в Вену даже несколько грузовиков с зерном, и при этом воспользовалось моментом, чтобы

подчеркнуть необходимость срочного заключения мира с Россией и особенно с Украиной, чего бы это ни стоило. Наконец, 4 января Чернин получил содержавшее нотки отчаяния письмо от императора Карла:

«Я хочу еще раз со всей серьезностью и ответственностью заявить Вам, что судьба монархии и династии полностью зависит от скорейшего заключения мира в Брест-Литовске. Мы не можем допустить, чтобы здесь все рухнуло из-за Курляндии, Ливонии и осуществления польских мечтаний. Если мир в Бресте не будет заключен, здесь произойдет революция, даже если и улучшится ситуация с продовольствием. Прошу воспринимать это как исключительно серьезное поручение, сделанное в исключительно серьезное время».

Можно ли представить себе более сложную ситуацию, чем та, в которую по жестокой иронии судьбы попал Чернин? Продовольственный кризис в конце концов удалось решить за счет срочных принудительных поставок зерна из Венгрии, Польши и Румынии, а также 450 грузовиков с мукой, которые в последний момент отправили на помощь Австро-Венгрии из Германии. Однако те отчаянные просьбы, с которыми эта империя обращалась за помощью, стоили ей потери влияния и серьезного подрыва авторитета на мирных переговорах. И друзья и враги убедились в слабости двойной империи, которая могла существовать лишь за счет щедрот и пожертвований со стороны ее союзников. Из-за глупости и некомпетентности австрийского правительства весь мир убедился, что империя Габсбургов окончательно пришла к своему закату. Император обратился к Чернину с отчаянной просьбой, почти мольбой о скорейшем заключении мира, но в то же время премьер-министр Австро-Венгрии лишился последнего козыря, который он мог использовать на переговорах о мире. События внутри страны ослабили его позиции как в отношении германских союзников, так и в отношении дипломатических противников — советской делегации. Он должен был оказывать в случае необходимости давление на Германию угрозой сепаратного мира между Россией и Австро-Венгрией, но теперь он не мог этого делать — ведь это поставило бы под угрозу продовольственные поставки из Германии в Австрию, а тем более что Гофман прямо сказал ему, что заключит Австро-Венгрия мир с Россией или нет, не имеет никакого практического значения. Таким образом, хотя Чернин не потребовал от России ни рубля контрибуции и ни пяди ее территории, его страна оказалась накрепко и бесповоротно прикована к колеснице захватов, в которой мчалась Германия.

С другой стороны, он должен был быть готов пойти на максимально возможные уступки Украине при заключении с ней мирного договора для преодоления продовольственных проблем в Австро-Венгрии; зная, с какими трудностями внутреннего характера сталкивается его страна, в первую очередь — недостаток продовольствия и рабочие волнения, — украинская делегация должна была, как можно было ожидать, этим воспользоваться и выставить максимальную цену.

Именно в таких крайне неприятных и горьких для него условиях, когда на унизительное политическое бессилие накладывалась необходимость идти на серьезные политические жертвы и издержки, и это при том, что ему приходилось героически бороться с недугом, Чернин готовился к продолжению, при помощи Гофмана, переговоров с делегатами Украинской рады. Любинский и Севрюк получили новые указания из Киева, в соответствии с которыми они отказались от претензий на восточные районы Галиции и Буковины, настаивая лишь на том, чтобы эти территории были сведены в отдельную провинцию, находящуюся под контролем Австро-Венгрии. Однако они по-прежнему требовали передачи Украине Холма и прилегающих к нему территорий, причем это требование выдвигалось как окончательное и не подлежащее обсуждению.

Чернин находился в сложной ситуации. Передача этой области Украине вызвала бы озлобление со стороны польского населения, а кроме того, на этот шаг пришлось бы идти, не спрашивая мнения людей, проживающих на этой территории, что находилось в вопиющем противоречии с принципом самоопределения, который он номинально поддержал. С другой стороны, если смотреть от противного, то в случае реализации принципа самоопределения в Галиции и Буковине был бы подан соответствующий пример и для всей многонациональной Австро-Венгрии, который мог бы быстро распространиться по всей империи. Однако, если общее положение в Австрии, с одной стороны, ослабляло позиции Чернина, оно же, с другой стороны, облегчало решение вопроса. Ему более не нужно было вести споры с самим собой или с кем-либо по поводу этических аспектов самоопределения и того, является реализация этого принципа мудростью или глупостью. Ему нужно было только украинское зерно, и он должен был его получить, поскольку в противном случае, как следовало из истеричных сообщений Сейдлера, через несколько недель тысячи людей

умерли бы от голода. 5 января он передал через Гофмана, что в принципе согласен с условиями Рады, притом что окончательное решение по этому вопросу будет принято австрийским правительством в Вене. «Я не могу и не имею права, — записал он в дневнике, — спокойно смотреть, как тысячи людей умирают от голода только для того, чтобы добиться расположения поляков, когда есть возможность этим людям помочь».

Однако голод угрожал не только Австро-Венгрии. Одна из причин, по которой Троцкий был противником заключения сепаратного мира между Четверным союзом и Украиной, состояла в том, что в этом случае поток украинского зерна изменил бы свое направление и отправился бы на запад, вместо того чтобы отправиться на север — в Россию, в которой катастрофически не хватало продовольствия и фуража, причем не только в тылу, но и в армии. «Нужна срочная и немедленная помощь» — такую кричащую радиограмму Троцкий получил 2 января из Царского Села. «Армия, которая стойко и мужественно стоит на защите свободы и независимости страны, умирает от голода. Запасы продовольствия закончились. В некоторых полках вообще нет хлеба; нет фуража для лошадей». Несмотря на всю сложность и чрезвычайность ситуации, Москва сумела извлечь из нее пропагандистскую выгоду; в тот же день появилась статья за подписью Радека, в которой он использовал ситуацию с продовольственными трудностями для нападок на правительство Рады в Киеве. «Если вы хотите, чтобы было продовольствие, то кричите: «Смерть Раде!»... Рада сама выкопала себе могилу, став предателем, как Иуда».

В это же время теоретические диспуты между Кюльманом и Троцким практически себя исчерпали. Троцкий понимал, что успех переговоров Четверного союза с Украиной, которым он был не в состоянии никак помешать, серьезно осложнял его позицию; к тому же он спешил вернуться в Петроград (где вскоре должно было открыться Учредительное собрание), чтобы более подробно и доверительно обсудить сложившуюся ситуацию с Лениным — связи по прямому проводу с Петроградом из Брест-Литовска для этого было явно недостаточно.

Троцкий не собирался сдаваться; он считал, что перерыв в работе конференции позволит еще на какое-то время затянуть мирные переговоры, а за это время он намеревался заручиться одобрением Ленина по поводу своего плана, который, как он считал, спутает карты немцам и позволит спасти лицо большевикам.

Кюльман также считал, что время, когда из дискуссий можно было извлечь какую-то пользу, прошло и теперь было необходимо форсировать события. Поэтому он поручил Гофману сделать еще одно выступление. На заседании 3 января Кюльман вновь повторил уже приводимые им аргументы относительно оккупированных Германией территорий; оговорка со стороны Германии состояла в том, что население этих территорий не обладает необходимым политическим опытом для проведения там всеобщего референдума, поэтому волеизъявление должно осуществляться на основе уже существующих и развивающихся там органов и институтов. Мы должны сделать все необходимое, сказал он, чтобы не допустить распространения революции на эти районы, которые и так пострадали от ужасов войны. Троцкий с сарказмом спросил, на какую территорию распространяется принцип самоопределения в том виде, как его понимает Германия. В качестве ответа на этот вопрос Кюльман повернулся к Гофману, который разложил на столе большую штабную карту. Нанесенная на ней синяя линия, по которой генерал провел большим пальцем руки, идущая от Бреста на север к Балтийскому морю, и есть будущая граница между Россией и Германией. От бывшей Российской империи отсекалась вся Польша, вся нынешняя Литва, западная часть Латвии с Ригой и Моонзундскими островами.

«Какими принципами вы руководствовались, генерал, проводя эту линию?» — иронично спросил Троцкий.

«Линия проведена в соответствии с соображениями военного характера; она гарантирует живущим по эту сторону людям спокойную организацию своей государственности и обустройство своего государства, а также реализацию права на самоопределение», — ответил Гофман.

Последовали дальнейшие объяснения. На вопрос Троцкого о делимитации границы оккупированных территорий к югу от Бреста Гофман ответил, что этот вопрос должен быть обсужден с украинской делегацией. Троцкий заметил, что этот вопрос должен быть также обсужден между делегациями России и Украины. На вопрос Кюльмана о взаимоотношениях правительства в Петрограде с армиями, расположенными на Кавказе, Троцкий ответил: «Войска на Кавказе возглавляются командирами, которые полностью и безоговорочно преданы Совету народных комиссаров. Это было подтверждено две недели назад на съезде солдатских депутатов Кавказского фронта».

Троцкий не стал выступать с теми или иными комментариями в связи с шагом германской делегации, а зачитал перед

конференцией от имени советской делегации общее заявление по этому вопросу. В нем, в частности, говорилось:

«Позиция наших оппонентов теперь совершенно ясна. Германия и Австрия хотят отсечь территорию площадью более 150 000 квадратных верст от Польского королевства Литовского[1], а также территории, населенной украинцами и белорусами; далее, проведенная линия разделяет на две части территорию, где проживают латыши, а также отсекает Эстонские острова от этих же людей, проживающих на материковой территории. Германия и Австрия хотят сохранить режим оккупации этих территорий не только после заключения мира с Россией, но и после заключения всеобщего мира. В то же время Центральные державы отказываются давать какие-либо объяснения и комментарии относительно времени и условий вывода войск. Таким образом, внутренняя жизнь на этих территориях оказывается на неопределенное время в руках этих держав. В таких условиях является очевидным, что какие-либо твердые гарантии волеизъявления поляков, литовцев и латышей являются иллюзорными, а это значит, что правительства Австро-Венгрии и Германии берут судьбу этих народов в свои руки...»

Далее последовал заключительный выстрел:

«Не вызывает сомнений, что можно было бы давно принять решения относительно принципов и целей мира, если бы Центральные державы не сформулировали свой подход отличным образом по сравнению с тем, как это сейчас сделал генерал Гофман».

«Если генерал Гофман выразил этот подход в более прямых и сильных выражениях, — мягко и вкрадчиво сказал Кюльман, — то это потому, что военные всегда говорят более прямо и резко, чем дипломаты. Однако из этого не следует делать вывод о том, что между нами имеются какие-либо расхождения относительно мирных принципов, которые представляют собой тщательно выверенное и продуманное единое целое».

Столкнувшись с этой новой ситуацией, Троцкий вначале пригрозил прервать переговоры; Кюльман, в свою очередь, намеревался выдвинуть ультиматум — и обе эти возможности чуть не довели Чернина до нервного истощения. Однако в конце концов компромисс был найден. На переговорах был

---

[1] Троцкий явно имел в виду, что в Великом княжестве Литовском исторически правящие слои были представлены поляками, но большинство населения составляли белорусы и литовцы. (*Примеч. авт.*)

объявлен перерыв, чтобы Троцкий смог съездить в Петроград, откуда он обещал вернуться к 16 января. Он уехал из Бреста вечером 5 января, взяв с собой в качестве свидетельства карту Гофмана.

3

Когда поздно вечером 5 января 1918 г. поезд, в котором ехал Троцкий, мчался на северо-восток от Бреста в направлении Петрограда, в российской столице происходило событие, непосредственно в дальнейшем повлиявшее на ход мирных переговоров: там в это время распускалось Учредительное собрание.

После Февральской революции, когда большевики выступали против Временного правительства, они, вместе с социалистическими и буржуазными партиями, резко критиковали сначала кабинет Львова, а затем Керенского за оттяжку созыва Учредительного собрания. Ленин почувствовал, что широкие слои населения поддерживают требование о созыве Учредительного собрания, и использовал этот народный настрой в тактических целях. Марксизм ничего не говорил о такого рода органах, как Учредительное собрание, ставя целью и признавая только установление диктатуры пролетариата, но Ленин никогда не был щепетилен в выборе орудия борьбы. Для большевиков Учредительное собрание было орудием борьбы, своего рода «дубиной» против Временного правительства, и в то же время всячески подчеркивалось, что взятие власти Советами является лучшей гарантией скорейшего созыва Учредительного собрания.

После того как была установлена их собственная диктатура, отношение большевиков к Учредительному собранию коренным образом изменилось. Учредительное собрание стало представлять собой потенциальную площадку для всех сил — правых, левых и центристов, — которые стремились к ликвидации советской диктатуры. Однако среди самих большевиков не было единства относительно того, проводить или нет выборы в Учредительное собрание. Представители крайних взглядов считали, что выборы надо отложить, превратив Учредительное собрание в своего рода неотправленное письмо. Свердлов и другие, наоборот, считали, что партия еще слишком слаба, чтобы открыто игнорировать волю большинства народа, и что откладывание выборов Советской властью, о которой в стране в целом и так практически ничего не знали, только еще больше ее ослабит.

Что думал Ленин по этому вопросу, осталось неизвестным, поскольку свою личную точку зрения он нигде не изложил. Сохранились лишь противоположные мнения на этот счет, высказанные свидетелями тех событий.

Согласно Троцкому, Ленин выступал за перенесение выборов в Учредительное собрание на более поздний срок, за увеличение числа избирателей посредством повышения возрастного порога для участия в голосовании до 18 лет и составления новых избирательных списков, куда были бы включены представители рабочих, крестьян, а также интеллигенции. Он также выступал за запрещение участия в выборах кадетов, а также сторонников Корнилова. Отвечая Свердлову, который был противником переноса выборов, Ленин подчеркивал, что было бы большой ошибкой и шагом назад проводить выборы по старым избирательным спискам, что привело бы к победе меньшевиков, кадетов и правых эсеров. Сталин, с другой стороны, считал, что Ленин был сторонником созыва Учредительного собрания, чтобы оно скомпрометировало себя в глазах народных масс, и что этот подход был оправдан тем, что облегчал возможность пролетариату показать отсталым массам, что такого рода парламенты являются негодными и должны распускаться, и, таким образом, «вбить еще один гвоздь в гроб буржуазного парламентаризма». В любом случае, какой бы ни была личная точка зрения Ленина, Центральный исполнительный комитет решил провести выборы, готовясь в то же время сохранить власть независимо от их результатов.

Выборы, прошедшие 12, 19 и 26 ноября, показали, что хотя большевики и получили большинство в Петрограде, Москве и некоторых других городах, но в 54 выборных округах из 79 их поддержали лишь 9 миллионов голосов из 36 250 000, в то время как эсеры получили абсолютное большинство — 21 миллион. Совет народных комиссаров действовал быстро и решительно. Члены Всероссийской комиссии по выборам были немедленно арестованы, и в течение двух дней их продержали под замком в Смольном; комиссаром по выборам был назначен Урицкий, и было выпущено распоряжение: Учредительное собрание может начать работу лишь в том случае, если соберется не менее 400 депутатов.

При помощи этого приема, поставившего их противников в невыгодное положение, большевикам удалось отложить созыв Учредительного собрания до тех пор, пока все не было подготовлено для его скорейшего роспуска, хотя и была предпринята неудавшаяся попытка открыть работу этого органа

28 ноября 1917 г. По мере прибытия делегатов-большевиков в Петроград они, по прямому указанию Ленина и под непосредственным руководством Свердлова, направлялись на различные промышленные предприятия и производства, а также в армейские части, которые были постоянно за ними закреплены. Здесь они организовывали «партийные ячейки», при помощи которых создавалась благоприятная для большевиков атмосфера посредством настроя рабочих против традиционных взглядов на демократию.

Правые эсеры также укрепляли свои позиции. Они резко критиковали большевиков в печати, попытались привлечь на свою сторону оба наиболее боеспособных полка из оставшихся частей старой армии, предприняли намерение вооружить рабочих и даже вызвать солдат с фронта якобы для учебной подготовки. Они даже разработали план похищения всех членов Совета народных комиссаров и участвовали в покушении на Ленина, во время которого был ранен Фриц Платтен[1].

К началу января 1918 г. необходимый кворум был собран и у большевиков все было готово. К этому времени обстановка в Петрограде стала уже очень напряженной, поскольку заговоры и контрзаговоры сменяли друг друга с угрожающим постоянством, и дело могло дойти до взрыва, который был бы совершенно неуместен. Поэтому было решено созвать депутатов и открыть работу Учредительного собрания 5 января 1918 г. Однако в то же время Совет народных комиссаров дал ясно понять, что Учредительное собрание будет немедленно распущено, если оно не признает Советскую власть, не утвердит программу действий, принятую II съездом Советов, и те меры по социалистическому переустройству страны, которые были им приняты.

Когда депутаты прибыли к месту заседаний в Таврический дворец, они увидели, что все подходы тщательно охраняются латышскими стрелками и красногвардейцами. Никого не пропускали без специального пропуска. Комиссар по военным делам Дыбенко предпринял все меры предосторожности: на крышах дворца были установлены пулеметы, а для охраны были дополнительно выделены две тысячи матросов из Выборга и

[1] 1 января 1918 г. В.И. Ленин выступил в Михайловском манеже с речью на проводах первых эшелонов социалистической армии, отправлявшихся из Петрограда на фронт. При возвращении В.И. Ленина в Смольный машина, в которой он ехал, была обстреляна. Находившийся рядом с ним Ф. Платтен успел пригнуть голову Владимира Ильича, и пуля, пробившая стекло, пролетела над ним, задев руку Платтена.

Гельсингфорса. Эти меры не были излишними. Улицы были заполнены демонстрантами, выступавшими как за, так и против Учредительного собрания; между ними произошли вооруженные столкновения. Из-за ожесточенных уличных перестрелок японский посол и английский посланник опоздали на проходившее в американском посольстве совещание руководителей дипмиссий союзных стран. На этом заседании, которое на всем его протяжении сопровождалось шумом уличных столкновений и непрекращавшейся стрельбы, было принято решение не посылать представителей союзных государств на заседание Учредительного собрания.

Открытие должно было состояться в полдень, но, по исконно русской традиции, это произошло с четырехчасовым опозданием — в 4 часа дня. Слухи и предположения о том, как будут развиваться события, были самые разнообразные. Все ожидали каких-то резких и решительных действий со стороны большевиков, поэтому многие принесли с собой свечи и бутерброды на тот случай, если придется выдерживать осаду. «Демократия приготовилась сражаться с диктатурой, хорошо вооружившись бутербродами и свечами», — презрительно заметил по этому поводу Троцкий.

Первый конфликт произошел уже в момент открытия заседания. Правые эсеры, как партия, собравшая наибольшее количество голосов, предложили на пост временного председателя самого старшего по возрасту из всех присутствовавших — Сергея Петровича Шевцова. Однако едва он успел взять в руки колокольчик, как на трибуну взошел Свердлов и под крики «Смой кровь с рук, убийца!», раздававшиеся со стороны правых и центристов, зачитал присутствовавшим заявление Совета народных комиссаров, в котором говорилось о правах, полномочиях, правилах процедуры, а также условиях, которые Учредительное собрание было обязано соблюдать, — это было обязательным условием его работы.

В обстановке царящего в зале беспорядка, когда большевики во всю силу голосовых связок пели «Интернационал», прошли выборы постоянного председателя Учредительного собрания. Эсеры выдвинули кандидатуру Виктора Чернова[1], бывшего ми-

[1] Чернов В.М. (1873—1952) — один из основателей и главный идеолог и теоретик партии социалистов-революционеров. В революционном движении с конца 1880-х гг. Выступал за сохранение тактики индивидуального террора как средства политической борьбы. Накануне Октябрьской революции признал политику своей партии несостоятельной и, как следствие, неизбежность победы большевиков. Противник Советской власти.

нистра земледелия в правительстве Керенского, а большевики — кандидатуру от своего единственного союзника — левых эсеров; это была Мария Спиридонова, недавно освобожденная из Сибири, где она отбывала 15-летний срок за убийство тамбовского губернатора[1].

Голосование показало, что значительным большинством победил Чернов, человек с приплюснутым носом, в очках, почти безбородый, с выступающими скулами (по живоописанию, данному ему Троцким, которое, возможно, и является неточным, Чернов был «многословным, эмоциональным, хилым, кокетливым и, помимо всего, еще и болезненно-чахлым»).

В своей вступительной речи Чернов подверг критике и нападкам большевиков за то, что они не сумели выполнить своих обещаний ни в вопросах внутренней политики, ни в вопросах внешней, и с удовольствием отметил, что собирается создать для России демократическое правительство, сформированное на конституционной основе. Вслед за ним от большевиков выступил Бухарин, а затем, от меньшевиков, Церетели, который заявил, что Совет народных комиссаров не имеет права выставлять одобрение своих действий в качестве условия существования Учредительного собрания, и сформулировал социал-демократическую программу, согласно которой предлагалось объявить Учредительное собрание временным высшим органом в стране.

За Церетели выступили и другие антибольшевистски настроенные ораторы, их часто перебивали, голоса их порой и вовсе тонули в несшихся с задних мест гуле и криках; эти места были заняты толпой солдат, матросов и рабочих, которых пропустили в зал красногвардейцы и которые откровенно развлекались и веселились, наблюдая за происходящим. Все это «столпотворение вавилонское» напоминало самые грубые сцены заседаний Конвента в Париже во времена Французской революции.

Когда было уже около часу ночи 6 января, разгорелась решающая схватка по вопросу повестки дня. Правые эсеры хо-

---

[1] Спиридонова М.А. (1884—1941) — один из лидеров партии эсеров. За покушение в 1906 г. на главаря черносотенных погромов в Тамбовской губернии Луженовского на вокзале в Тамбове, в результате которого Луженовский был смертельно ранен, была осуждена и сослана на каторгу. После Февральской революции — один из организаторов левого крыла эсеров, а после образования партии левых эсеров в ноябре 1917 г. вошла в ее ЦК. Выступала против заключения Брестского мира; принимала активное участие в левоэсеровском мятеже в июле 1918 г. Позднее отошла от политической деятельности.

тели поставить на рассмотрение свою мирную программу, а также предложения по земельной реформе, большевики же требовали перейти к рассмотрению внесенной ими Декларации прав трудящегося и эксплуатируемого народа. По результатам голосования 237 голосами против 136 прошло предложение эсеров. После этого обстановка в зале накалилась настолько, что можно было ожидать прямых физических столкновений; поэтому большевики покинули заседание, а через некоторое время ушли также и левые эсеры.

Покинув Таврический дворец, Ленин отправился в Смольный, где в это время проходило заседание ЦК партии. Уже на заседании он узнал, что большевики покинули Учредительное собрание и ЦК немедленно проголосовал за роспуск Учредительного собрания. Декрет о роспуске был написан Лениным собственноручно и сохранился в рукописном варианте. Написан он был экспромтом и очень быстро. Это был жесткий, сжатый, выразительный и безапелляционный документ, в котором, в частности, говорилось:

«Учредительное собрание, выбранное по спискам, составленным до Октябрьской революции, явилось выражением старого соотношения политических сил, когда у власти были соглашатели и кадеты... Оно ведет открытую борьбу против Советской власти, открыто призывая к ее свержению, помогая таким образом эксплуататорам помешать передаче земли крестьянам и фабрик рабочим. Ясно, что Учредительное собрание может быть полезным лишь буржуазным контрреволюционерам в их борьбе за свержение Советской власти.

Поэтому Центральный исполнительный комитет постановляет:

Учредительное собрание распускается».

Ленин лично принес подготовленное им распоряжение в Таврический дворец.

Начальнику караула он дал следующее письменное распоряжение: «Учредительное собрание не может быть распущено до окончания нынешнего заседания»; а на словах добавил: «Имейте в виду, с завтрашнего дня никто ни под каким предлогом не должен быть допущен в Таврический дворец».

Было 4 часа утра. Начальник караула и его матросы очень устали, но депутаты в зале и не думали заканчивать работу. Начальник караула спросил у Ленина, можно ли закрыть заседание прямо сейчас. Не давая прямых указаний, Ленин ободряюще ему улыбнулся, весело пожелал спокойной ночи и вернулся в Смольный.

В зале заседаний атмосфера была тяжелой, но все были полны энтузиазма. В отсутствие большевиков Учредительное собрание под гром аплодисментов приняло Закон о земле, внесенный правыми эсерами. Когда закон был принят в последнем чтении, начальник караула вошел в зал, подошел к председателю, фамильярно похлопал его по плечу и, объясняя, что он действует на основании распоряжения Совета народных комиссаров, попросил депутатов разойтись по домам, поскольку караул устал.

«Все члены Учредительного собрания очень устали, — ответил Чернов, — но мы не можем остановить работу по выработке законов, которые ждет вся Россия». И, не обращая внимания на начальника караула, он начал быстро читать Декларацию о мире, в которой выражался призыв к союзникам определить «точные условия демократического мира, приемлемого для всех воюющих стран», как будто со времен Керенского в стране и в мире ничего не произошло.

В результате терпению начальника караула пришел конец, и он приказал матросам выключить свет. В наступившей темноте беспорядок в зале усилился, и среди несущихся с задних мест улюлюканий и кошачьих мяуканий раздался торжественно-взволнованный голос Чернова: «Российское государство объявляется Российской Демократической Федеративной Республикой».

4

Троцкий прибыл в Петроград уже после завершения этих событий, но тогда, по его свидетельству, Ленин придерживался точки зрения, что Учредительное собрание вообще не нужно было созывать. «С нашей стороны было большой ошибкой не перенести созыв — мы поступили очень-очень неразумно, — сказал он. — Но в конце концов даже и лучше, что это произошло. Роспуск Учредительного собрания Советской властью стал перед лицом всего народа ликвидацией формальной демократии во имя революционной диктатуры. Это будет хорошим уроком».

Может быть, с точки зрения развития революции это и было так, но в практической жизни «ликвидация» Учредительного собрания нанесла ущерб Советской власти как внутри страны, так и за рубежом. Центральные державы опасались, что Учредительное собрание станет местом объединения патриотических сил России, с которыми советскому правительству придется пойти на компромисс. Предполагалось даже, что в

результате подобного компромисса война возобновится вновь. Однако роспуск Учредительного собрания убедил правящие круги Германии, что большевики твердо и бесповоротно решили добиваться мира любой ценой. Роспуск Учредительного собрания также лишил большевиков той моральной силы, на основе которой они вели переговоры в Брест-Литовске. Ведь этот роспуск подтвердил все обвинения, которые выдвинул против них Гофман. Теперь они более не могли наносить «уколы» Германии за то, что она игнорирует свободное волеизъявление жителей оккупированных территорий.

Схожая картина наблюдалась и в странах Антанты. Если совсем недавно, 2 января, на съезде Лейбористской партии Англии было заявлено, что цель английского народа «такая же, как и у русского», то теперь настроения резко изменились. Те, кто до сих пор не был знаком с безжалостными методами Советской власти и надеялся, что Учредительное собрание явится счастливой возможностью для всех революционных партий России объединить свои усилия, ужаснулись этому вопиющему проявлению откровенной диктатуры и поспешно изменили свое отношение к русской революции. Немедленно возродилась легенда о том, что Ленин и Троцкий были германскими агентами и что советское правительство действовало по указанию немецкого Генштаба. С учетом того «обмена», который состоялся на переговорах между Гофманом и Троцким, такое предположение вызывает лишь улыбку. Но даже в самой Германии среди партий социалистического большинства ходили слухи, что большевики были подкуплены германским правительством и что весь ход мирных переговоров в Брест-Литовске был лишь хорошо отрежиссированным спектаклем, где все роли были распределены заранее. Депутат рейхстага Эдуард Бернштейн писал в газете Максима Горького «Новая жизнь» от 11 января, что, по мнению германских военных кругов, переговоры в Бресте идут успешно потому, что все, кого надо было «умаслить», были «умаслены». Личная честность Ленина и Троцкого под сомнение не ставилась, писал Бернштейн, однако считалось, что, согласившись взять германское золото, когда Ленин возвращался в Россию, они «стали заложниками этого неосторожного шага»[1].

---

[1] Как отмечал Керенский, Бернштейн сообщил ему, что после войны он пытался провести независимое расследование сделки между Лениным и Людендорфом, но вынужден был прекратить его под прямым личным давлением президента Эберта и других высших чинов рейха «во имя высших национальных интересов». (*Примеч. авт.*)

Именно покончить раз и навсегда с призраком этого обвинения стремился Троцкий, когда по прибытии в Петроград 7 января он с головой окунулся во внутрипартийную дискуссию по вопросу о мире. Он был убежден, что следовало, чего бы это ни стоило, до заключения мира послать ясный сигнал европейскому пролетариату о существовании глубокой враждебности между Советской Россией и кайзеровской Германией. Именно исходя из этого убеждения Троцкий пришел к мысли о необходимости «наглядного урока в педагогических целях», который и был им сформулирован в следующем тезисе: «Мы прекращаем войну, но не подписываем мирного договора». Необходимо было проверить, способны ли немцы отдать приказ о наступлении. Если нет, то это означало бы явную победу с далекоидущими последствиями, а если да, то в таком случае можно было бы объявить о вынужденной капитуляции перед силой штыка[1].

Некоторое время Троцкий обдумывал эту идею. Сначала он посоветовался с Каменевым, потом с другими членами делегации — все, казалось, с симпатией отнеслись к этой идее. В конце концов он направил Ленину следующее письмо:

«Мир на таких условиях подписывать невозможно, Владимир Ильич. Они уже договорились с фиктивными правительствами Польши, Литвы, Курляндии и другими о территориальных уступках и подписании военных и таможенных соглашений. С учетом «самоопределения» эти области, согласно германской точке зрения, уже являются независимыми государствами, и в качестве таковых они уже заключили территориальные и другие договора с Германией и Австро-Венгрией. Мы не можем подписать мир на их условиях. Поэтому я предлагаю следующее.

Мы объявляем об окончании войны и демобилизации армии, не подписывая мира. Мы объявляем, что не можем быть участниками разбойничьего и грабительского мира, равно как и подписать такой мир. Судьбу Польши, Литвы и Курляндии мы отдаем в руки германских трудящихся.

[1] Позднее, когда после смерти Ленина между Сталиным и Троцким вспыхнула борьба за власть, Троцкого обвинили в том, что своей формулой «ни войны ни мира» он хотел подтолкнуть крестьянские массы к революционной войне. Троцкий предпринял все усилия, чтобы опровергнуть эти обвинения; он направил специальное письмо в Отдел истории партии, а также написал ряд материалов по этому вопросу, опубликованных в его изданных произведениях. (*Примеч. авт.*)

Немцы не смогут наступать на нас после того, как мы объявим об окончании войны. В любом случае Германии будет очень сложно принять решение о наступлении ввиду существующей внутренней обстановки. Сторонники Шейдемана приняли официальное решение пойти на разрыв с германским правительством, если оно выдвинет захватнические требования в отношении русской революции.

Немецкие газеты... требуют договоренности с Россией любой ценой. Партия центра поддерживает эту позицию. Внутренняя борьба деморализует правительство. В прессе разворачивается яростная борьба по поводу действий на Западном фронте.

Мы объявляем, что заканчиваем войну, но мира не подписываем. Они не смогут начать наступление против нас. Если они все же начнут наступать, наша позиция не будет хуже, чем сейчас, когда у них есть возможность объявить нас агентами Англии и Вильсона, после того, как он произнес свою речь, и на этом основании начать наступление.

Нам нужно знать Ваше решение. Мы по-прежнему можем затянуть переговоры на один, два, три или четыре дня. После этого они должны быть прерваны. Другого решения я не вижу. Жму Вашу руку.

Ваш *Троцкий.*

P. S. Ответьте по прямому проводу: «Я согласен с вашим планом» или «Я не согласен»[1].

Но Ленин не мог позволить заставить себя дать опрометчивый ответ. Он испытывал сильные сомнения по поводу предложенной Троцким формулы, как и по поводу шумных призывов Бухарина возобновить военные действия против Германии под лозунгом мировой революции. Почему его соратники были столь недальновидны? Чем собирался воевать Бухарин? Почему Троцкий был уверен, что немцы не продолжат наступать? Каковы реальные признаки революции в Центральной Европе? Ленин один видел путь, по которому можно было выйти на свет, он насквозь и до самых глубин вник в эту страшную ситуацию фактического бессилия. Мы *не можем* воевать, мы *должны* заключить мир, наименее худший мир, который только можно заключить в сложившихся обстоятельствах.

---

[1] Подлинность этого письма, которая в течение 20 лет была под вопросом, была подтверждена автору лично Троцким во время нашей встречи и беседы с ним в Мехико в сентябре 1937 г. (*Примеч. авт.*)

Однако добиться одобрения своей точки зрения соратниками по партии, которой он руководил, было очень непросто. В то время Ленин еще не мог диктовать им свои условия, а серьезный разрыв мог привести к расколу в партии и гибели большевистской революции в России. Поэтому он решил пригласить Троцкого и Бухарина открыто изложить свои взгляды перед членами партии, а также выступить и самому. Он рассчитывал, что ему удастся найти более весомые аргументы, чтобы убедить соратников согласиться с его точкой зрения.

Поэтому Ленин не дал ни положительного, ни отрицательного ответа на письмо Троцкого. Вместо этого он телеграфировал Троцкому: «Когда вернетесь в Петроград, мы это обсудим». Когда 5 января мирные переговоры достигли критической отметки, Троцкий направил в Смольный сообщение по прямому проводу и получил, один за другим, два ответа от Ленина. «Сталин только что пришел, — говорилось в первом, — мы обсудим это с ним и немедленно дадим вам наш общий ответ»; через час пришел и второй ответ за двумя подписями — последняя принадлежала человеку, сыгравшему столь роковую роль в судьбе Троцкого; это сообщение гласило: «Просим сделать перерыв и вернуться в Петроград: *Ленин, Сталин*». На основе этих инструкций Троцкий попросил сделать перерыв в мирных переговорах. Теперь он вернулся в Петроград, и борьба вокруг судьбы революции началась.

Троцкий огласил свою точку зрения перед руководством партии на заседании 8 января. Среди тех, кто его поддержал, были Сталин и Каменев. На этом же заседании Бухарин страстно призывал немедленно прервать переговоры и возобновить военные действия, начав таким образом «революционную войну». Его поддержали Александра Коллонтай, Бела Кун, Пятаков, Радек и Урицкий.

Ленин внимательно слушал обе стороны. События развивались, как он и предвидел. В сложном уме Троцкого родилась сложная формула, а сверхъярый Бухарин предлагал то, что было физически невозможно.

«Все это звучит очень заманчиво, — сказал он Троцкому. — Это было бы наилучшим решением, если бы у нас была гарантия того, что Гофман не двинет войска против нас. А если да? Вы сами сказали, что наши окопы пусты. Что, если немцы возобновят боевые действия?»

«Тогда нам придется подписать мир, но все будут знать, что мы пошли на это потому, что у нас не осталось выбора.

И только таким образом мы сможем уничтожить легенду о «секретных связях с Гогенцоллернами», — стоял на своем Троцкий.

«Нет, это слишком рискованно. Сейчас наша революция важнее чего бы то ни было; мы должны спасти ее во что бы то ни стало», — заявил Бухарин.

«Мой бедный друг, — энергично сказал Ленин, — езжайте на фронт и убедитесь, можем ли мы воевать».

Неистовый Радек вскочил со своего места и, глядя на Ленина пылающим взором, прокричал: «Если бы в Петрограде нашлось пятьсот мужественных людей, мы бы посадили вас в тюрьму!» Сохраняя стальную выдержку, Ленин ответил оказавшимися пророческими словами: «Действительно, некоторые могут оказаться в тюрьме; но если вы тщательно взвесите все возможности, то увидите, что гораздо более вероятно, что в тюрьме окажетесь вы, а не я».

После этого он зачитал присутствующим свои ставшие знаменитыми двадцать один тезис о мире, явившиеся результатом его напряженного внутреннего поиска и размышлений; в этих тезисах он показал, почему следовало принять немецкие условия, правда, после максимально возможного затягивания мирных переговоров.

«...Совершенно определенно вытекает необходимость, для успеха социализма в России, известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налажения широкой и глубокой массовой организационной работы... Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент, к 7.I.1918, что у германского правительства (вполне ведущего на поводу все остальные правительства Четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая по сути дела уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления)... Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения, по сути дела, тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более неосуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы *уже* сделали все возможное и невозможное... Но вопрос о том, можно ли *сейчас, немедленно* вести революционную войну, следует решать, учи-

тывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась. Сводя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо прийти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребности человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции. Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление... При таком положении дела было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший, измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права...

Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, *возможной для данного момента*, степени освобождаемся от обеих враждующих империалистических групп, используя их вражду и войну, — затрудняющую им сделку против нас, — используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции... Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран... Между тем этой цели в *данный* момент мы себе *заведомо* не можем еще поставить. Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии. Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на сомоопределение... Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром *с точки зрения России*, но нисколько не перестал бы быть миром *с аннексионистами*, с германскими империалистами»[1].

Не многие документы столь же емко и отчетливо показывают гениальность Ленина как революционного тактика, умеющего использовать любую возможность, и как государственного деятеля, умеющего проникнуть в глубь политических процессов и понимающего значение и важность политики, проводимой на основе глубокой и максимально правдивой

[1] Полный текст тезисов приведен в приложении III. (*Примеч. авт.*)

оценки ситуации. С холодной дальновидностью он предвидел, что сепаратный мир с Германией был крайне важен для спасения русской революции. Он также понял, что рано или поздно миф о «мировой революции, которая произойдет в наше время» лопнет. Как хороший военачальник, он подготовился к неизбежным последствиям этого, к последствиям, которые могли привести к гибели партии. То, что он сейчас говорил, еще нельзя было публиковать, но руководство партии должно было знать всю неприкрашенную картину, все факты реальной действительности, с которыми в конце концов всем все равно пришлось бы столкнуться. Ленин читал свои тезисы не более 20 минут; он говорил без жестикуляций и без особых эмоций. Четко, ясно и с безжалостной прямотой он изложил свою позицию и стал ждать реакции.

Однако большинство партийного руководства и рядовых членов партии не были столь бдительны и осмотрительны, чтобы оценить по достоинству мудрость ленинского подхода. Это ведь был полный отход от тех лозунгов и положений, которые в течение столь долгого времени распространялись партийной пропагандой. Это был компромисс, а Ленин всегда был противником компромиссов; это было признание поражения, а Ленин говорил им, что для большевистской дипломатии достаточно свистнуть, чтобы пролетариат Западной Европы поднялся и смел капиталистические правительства. Им так продолжали говорить и сейчас. «Триумф международной революции близок, — писала «Правда»; она же подчеркивала: «Пришло время торжества справедливого мира». Было бы слишком рассчитывать, что они вдруг откажутся от того, во что так долго верили. Главный вопрос, с которым сталкивались все диктаторы, состоял в том, как согласовать ту политику, которую они проводили после революции с той пропагандой, которую они вели до нее.

Борьба внутри партии по вопросу о мире с каждым днем становилась все острее и ожесточеннее. Как отмечал Троцкий, наиболее острые разногласия существовали не между ним и Лениным, а между Лениным и Бухариным. По коренным вопросам: может ли Россия вести революционную войну и допустимо ли для революционного государства подписывать договоры с империалистическим режимом, между Лениным и Троцким разногласий не было. Оба на первый вопрос отвечали «нет», а на второй — «да». Различия у них были в том, когда и каким образом соглашаться с условиями Центральных держав.

По результатам неофициального голосования, из 63 присутствовавших на заседании 8 января точку зрения Ленина поддержали 15 человек, Троцкого — 16, а Бухарина — 32. Было решено узнать мнение двухсот местных Советов по вопросу о мире. Только 2 (Петроградский и Севастопольский, причем последний с оговорками) выступили за заключение мира; Москва, Екатеринбург, Харьков, Кронштадт и все остальные решительно высказались за революционную войну.

На следующий день вопрос был перенесен с неформального обсуждения на официальное, которое состоялось на заседании ЦК партии. Разногласия были столь сильны, что раскол в партии казался неизбежным. Ленин вновь страстно и убежденно отстаивал свою точку зрения. Он назвал формулу Троцкого «ни войны ни мира» «интернациональной политической демонстрацией», которую мы не можем себе позволить. «Если немцы будут наступать, нам все равно придется заключить мир, но условия тогда будут хуже, чем теперь», — подчеркнул он. С какой стати немцы, начав новое наступление, вдруг захотят пощадить нас и остановиться? Почему они должны отказаться от того, чтобы идти вперед и взять все, что им нужно, у совершенно беззащитных людей? Будет ли у России время, чтобы успеть подписать мирный договор? «Этот хищник прыгает неожиданно», — предостерегал Ленин. Он видел все очень ясно и отчетливо. Однако успех Октябрьской революции ослепил его товарищей. Троцкий говорил о неизбежной революции в Центральной Европе. «Мы не можем рассчитывать на германский пролетариат! — выкрикнул Ленин то, что было им выстрадано в мучительных размышлениях. — Германия только беременна революцией, однако не следует путать второй месяц с девятым. А у нас в России уже родился вполне здоровый ребенок, которого мы можем убить, начиная войну». Бухарину и его сторонникам Ленин заявил следующее: «Немцы занимают такие позиции на островах в Балтийском море, что в случае наступления могут взять Ревель и Петроград голыми руками».

Но все его усилия были напрасны. Россию охватила лихорадка революционной войны. Те же самые люди, которые выступали за мир любой ценой, теперь с равным энтузиазмом призывали к священной войне. Но для этого не было армии; она просто растаяла.

Чтобы не уступить этому политическому безумию, Ленин решил попытаться достичь компромисса с Троцким. Он не разделял планы Троцкого, поскольку считал, что они обречены

на провал и неизбежным следствием этого будет мир на еще более худших условиях. Однако он не мог заставить своих соратников принять свою точку зрения, не прибегая к еще одному перевороту или расколу в партии, который мог привести к ее гибели. Из двух опасностей: мира на более тяжелых условиях и ведущего к катастрофе кошмара «революционной войны» — Ленин не колеблясь выбрал первую. Он согласился, чтобы подход Троцкого был опробован.

«В этом случае вы ведь не поддержите лозунг революционной войны?» — спросил Ленин, когда соглашение было достигнуто.

«Ни в коем случае».

«В таком случае этот эксперимент будет не столь опасен. Мы рискуем потерять Эстонию или Ливонию, но ценой доброго мира с Троцким. — На лице Ленина появилась усмешка. — За это стоит заплатить Эстонией и Ливонией».

11 января на заседании ЦК прошло голосование по этому вопросу. Предложение Бухарина о начале революционной войны было отклонено 11 голосами против 2 при 1 воздержавшемся. Предложение Ленина о дальнейшем затягивании переговоров было одобрено 12 голосами против 1. Формула Троцкого «ни войны ни мира» была одобрена незначительным большинством — 9 голосами против 7. Такое решение оставляло вопрос о принятии немецких условий открытым. Оно просто давало Троцкому возможность затягивать переговоры таким образом, каким он сочтет нужным, а в психологически подходящий момент, который он же должен был определить, Троцкий должен был использовать формулу «ни войны ни мира». Было объявлено, что данное решение является официальной позицией Совнаркома.

Для того чтобы оповестить рабочих Центральной Европы о чудовищных и неслыханных требованиях Германии в Бресте, 10 января были отправлены два телеграфных сообщения, в которых говорилось, что германские условия мира представляют собой «не что иное, как чудовищную аннексию», о деталях которой германское и австрийское правительства держат рабочих в неведении, боясь обнажить свои истинные намерения. «Народы Германии и Австро-Венгрии обманываются и вводятся в заблуждение своими собственными правительствами на глазах у всего мира».

Троцкий еще окончательно не отказался от надежды использовать помощь стран Антанты в случае немецкого наступления. Но главную ставку он делал на революцию в Германии,

которая сделала бы продвижение немцев невозможным. Вся его политическая линия основывалась на том предположении, что в случае разрыва переговоров немцы не решатся наступать, а если все-таки решатся, то как раз на этот случай он хотел заручиться обещанием помощи со стороны союзников. Как обычно, он действовал через их неофициальных представителей в Петрограде. Два дня спустя после голосования в ЦК он попросил пригласить Садуля и, когда тот пришел, показал ему карту Гофмана, настоятельно прося его сообщить об этом послу или главе французской военной миссии.

Как вспоминает Садуль, Троцкий сказал ему: «Мы не хотим подписывать такой мир, но что делать? Вести священную войну? Да, ее можно объявить, но к чему это приведет? Настало время, чтобы союзники, наконец, определились и приняли решение»[1].

Троцкий также пригласил Робинса и спросил его, как продвигаются дела с признанием Советской России Соединенными Штатами. Робинс мог лишь сказать, что пока американский посол никаких указаний на этот счет не получал. Троцкий никак не мог быть доволен результатами встреч ни с Садулем, ни с Робинсом.

Троцкий, однако, не впал в отчаяние. Если союзники не пойдут на сотрудничество, он постарается запугать их. Немцы в любом случае не будут наступать. Вечером 13 января, перед возвращением в Брест-Литовск, Троцкий выступил с речью на III съезде Советов, который должен был заменить собой Учредительное собрание. Его речь представляла собой, с одной стороны, доклад, а с другой — открытый вызов; в ней в то же время отразилось странное незнание или неверное понимание им некоторых важных факторов сложившейся ситуации. Так же как союзники — по крайней мере, многие из их лидеров считали Ленина и Троцкого агентами германского Генерального штаба, — Ленин и Троцкий упорно придерживались

[1] В письме Альберу Тома от 16 января 1918 г., комментируя опубликованный декрет о создании рабоче-крестьянской Красной армии и флота, Садуль обращает внимание на то, что у большевиков нет необходимых военных специалистов и что только в случае направления союзниками, особенно Францией, высоко технически оснащенных военных миссий можно рассчитывать на то, что в результате всех преобразований будут созданы действительно боеспособные вооруженные силы: «Большевики знают это; Ленин, и особенно Троцкий... готовы пойти на неизбежное для них сотрудничество с нами, поскольку в противном случае им просто придется принять условия победителя и подписать мир, унизительный для России и гибельный для революции». (*Примеч. авт.*)

убеждения, что существует секретная договоренность между Четверным союзом и Антантой относительно мирных переговоров с Советской Россией. Оба этих варианта были невозможны и смехотворны; тем не менее они сыграли свою роль в сложной и запутанной истории мирных переговоров.

«Правительства союзных стран несут ответственность за них (условия мира), — сказал Троцкий, обращаясь к делегатам съезда и показывая на развернутую и висевшую перед ними карту Гофмана. — Лондон дал молчаливое согласие на условия, выдвинутые Кюльманом, и я хочу особо это подчеркнуть. Англия готова пойти на компромисс с Германией за счет России. Условия мира, предложенные нам Германией, являются также мирными условиями и Америки, Франции и Англии; это счета, предъявленные русской революции империалистами всего мира...

...Сегодня вечером мы отбываем в Брест-Литовск... мы не хотим делать хвастливых победных заявлений и праздных пророчеств... но мы будем бороться вместе с вами за справедливый демократический мир. Мы будем бороться с ними (Центральными державами), и они не смогут нас запугать угрозой наступления. Они не могут быть уверены, что германские солдаты выполнят такой приказ. Мы продолжим выполнять нашу программу по демобилизации старой армии и формированию социалистической Красной армии. Если германские империалисты попытаются сокрушить нас своей военной машиной... мы обратимся к нашим братьям на Западе: «Вы слышите нас?», и они ответят: «Да, слышим».

Для Ленина, сидевшего за столом президиума сзади Троцкого и наблюдавшего за его выступлением, за его головой с львиной гривой, мускулистыми плечами, время от времени жестикулирующими непропорционально маленькими руками, все эти слова должны были казаться просто вздором и пустой болтовней. Он хорошо знал, что революция в Германии еще не созрела; Либкнехт был в тюрьме, Роза Люксембург тоже; рассчитывать было не на что.

И все же, и все же... Казалось, что революционное чудо, которое все так ждали и на которое так надеялись, вот-вот произойдет. Не успел Троцкий выехать из Петрограда, как по Германии и Австро-Венгрии прокатилась волна забастовок и выступлений протеста. В Берлине и Вене были созданы Советы. Это движение охватило также Гамбург, Бремен, Лейпциг, Эссен и Мюнхен. Полмиллиона бастующих рабочих прошли по улицам Большого Берлина под лозунгом: «Вся власть

Советам!» Одним из главных требований бастующих было немедленное заключение мира без аннексий и контрибуций на основе самоопределения народов в соответствии с принципами, провозглашенными советскими представителями в Брест-Литовске, а также участие представителей рабочих всех стран в мирных переговорах.

Однако, к разочарованию тех, кто со страстной и жгучей надеждой наблюдал за этими событиями из Петрограда, они оказались лишь короткой вспышкой, иллюзией занимавшейся зари. Хотя они и носили в определенной степени революционный характер, но были следствием главным образом крайней усталости и изнеможения рабочего класса; и хотя они показали, какой степени влияния добились в Германии независимые социалисты и спартаковцы, эти выступления, строго говоря, нельзя было охарактеризовать как протест рабочего класса против мирных условий, выдвинутых Германией в Брест-Литовске. Это был скорее протест физически и морально измученных людей против политики германского Верховного командования, контроль которого за экономической жизнью страны приводил к тому, что людям пришлось столкнуться с постоянно растущим бременем и лишениями.

Забастовки и выступления были подавлены безжалостно и эффективно. Поскольку забастовки во время войны приравнивались к государственной измене, то с участниками выступлений поступили сурово и жестко. Города, где проходили выступления, были объявлены на осадном положении, рабочие газеты были запрещены, а собрания бастующих разогнаны полицией. В Берлине один из их лидеров был арестован и приговорен к пяти годам заключения. Тысячи рабочих-резервистов были призваны в армию; наконец, семь крупнейших промышленных концернов в Берлине были взяты под военный контроль, и от рабочих потребовали немедленно приступить к работе под страхом наказания по всей строгости законов военного времени.

К 20 января забастовочное движение было подавлено, однако оно оказало на всю страну столь серьезное воздействие, что Людендорф направил 5 февраля письмо военному министру, в котором рекомендовал в будущем решать конфликты в производственной сфере, связанные с рабочими выступлениями, «в целом без применения силы». «Тем не менее, — добавлял он, — необходимо быть готовым к любому развитию событий, поэтому я согласен оставить в Германии то количество войск, которое необходимо». На самом деле он был на-

столько обеспокоен в связи с произошедшими событиями, что направил секретный приказ каждому командующему армией держать наготове два батальона для их использования против выступлений гражданского населения.

Для тех, кто наблюдал за событиями из Петрограда и Бреста, мираж растаял и надежды на начало революции в Германии и Австро-Венгрии вновь стали едва теплящимися. Ленин оказался прав. Второй месяц никогда нельзя путать с девятым.

5

Пока Троцкий отстаивал свою позицию в Петрограде, Кюльман и Чернин делали то же самое в «высших сферах» в столицах своих стран. Граф Гертлинг, воспользовавшись присутствием Кюльмана в Берлине, в ходе полномасштабного обсуждения внешнеполитических вопросов в рейхстаге 11 января 1918 г. выступил с ответом на «14 пунктов» Вильсона. Он согласился с формулой, предложенной в выступлении Вильсона, о том, что следует «открыто заключать открытые договора», и в качестве иллюстрации своего согласия с ней привел переговоры в Бресте, которые ведутся в атмосфере полной гласности и совершенно открыто, и подчеркнул, что Германия готова признать принцип гласного и открытого ведения переговоров в качестве общего основополагающего политического принципа.

Однако, касаясь России, канцлер говорил сдержанно и уклончиво. Он заявил, что страны Антанты и сотрудничающие с ними государства не имеют права вмешиваться в те вопросы, которые, ввиду их отказа от участия в мирных переговорах, стали вопросами, касающимися только Центральных держав и России. Этот подход был фактически признан Ллойд Джорджем в его выступлении 23 декабря, когда он, подобно Понтию Пилату, «умыл руки» и снял с союзников всякую ответственность в отношении России, если она будет продолжать сепаратные мирные переговоры.

«Теперь, когда страны Антанты отказались [от участия в переговорах]... я отказываюсь признать их право на какое-либо вмешательство, — сказал Гертлинг. — Мы рассматриваем вопросы, которые касаются только России и держав Четверного союза. Я выражаю надежду, что с признанием права на самоопределение народов, живущих на западной границе

бывшей Российской империи, будут установлены хорошие отношения как с этими народами, так и с народами всей остальной России, которым мы искренне и серьезно желаем возвращения порядка и мира, а также условий, гарантирующих благосостояние страны».

Хотя в целом выступление канцлера можно было рассматривать как откровенную поддержку, хотя и с оговорками, принципов, сформулированных Вильсоном, ниже обсуждение в рейхстаге проходило в атмосфере националистического возбуждения. Кюльман вновь подвергся энергичным нападкам как за ведение переговоров в Брест-Литовске, так и за весь внешнеполитический курс; левые обвиняли его в макиавеллизме и неискренности, а правые — в отсутствии должной твердости и принципиальности. Некоторые выступали за откровенно захватническую политику, как на Востоке, так и на Западе; наиболее активно выражали эту точку зрения лидеры национал-либералов Штреземан и Фюрман. «Государственный деятель, который возвращается с войны без Лонгви—Брие, без Бельгии, без очищенных от английского влияния прибрежных районов Фландрии и без контроля за линией Мюзе, войдет в историю как могильщик германского престижа!» — кричал Фюрман, повернувшись в сторону Кюльмана, сидевшего на месте, отведенном для министра иностранных дел.

Но мнение Фюрмана и его друзей ура-патриотов беспокоило Кюльмана меньше всего. За день до этого Кюльман и Гертлинг встретились с Гинденбургом и Людендорфом, и, как обычно, обсуждение было острым и резким. Ситуация в Бресте, заявил первый генерал-квартирмейстер, подрывает позиции Германии как внутри страны, так и за рубежом. То, с какой безропотностью Кюльман позволил Троцкому вести себя столь нагло и вызывающе, может привести страны Антанты к мысли о том, что Германия чуть ли не «бегает» за большевиками, умоляя их заключить мир. Как Кюльман рассчитывает запугать таких людей, как Ллойд Джордж и Клемансо, если он позволил так себя вести и так к себе относиться безоружному анархисту, который вел откровенную пропаганду против его страны и германской армии?

Гинденбург потребовал, чтобы ситуация на Востоке была прояснена как можно быстрее, даже если для этого потребуется применение военной силы, поскольку, пока мир не заключен, на Восточном фронте приходилось держать дивизии, которые можно было использовать на Западном фронте. Хватит проявлять колебания и нерешительность, заявил фельдмаршал; если

русские и далее будут тянуть время, следует возобновить военные действия. Это приведет к падению правительства большевиков, а новое правительство будет только еще больше стремиться к заключению мира.

В качестве уступки со своей стороны Гинденбург и Людендорф представили измененную линию границы «защитной полосы» на границе Германии и Польши, отражавшую их минимальные требования. Эта новая граница проходила примерно посередине по сравнению с той, что была ими первоначально предложена на декабрьском совещании в Крейцнахе, и с линией, предложенной кайзером по рекомендации Гофмана на совещании в Бельвью 20 декабря. Это была последняя уступка, на которую согласилось Верховное командование; при этом Гинденбург и Людендорф потребовали, чтобы Кюльману было дано указание вести переговоры именно на этой основе.

Но Кюльман не собирался позволить Верховному командованию так просто запугать себя. Его позиции на самом деле были более сильными и устойчивыми, чем это могло показаться. Когда Гинденбург и Людендорф пытались добиться от кайзера отставки Кюльмана, в его поддержку, продемонстрировав редкий случай проявления мужества, выступило австрийское правительство, и Вильгельм II решил оставить Кюльмана на его посту. Однако взамен кайзеру пришлось пожертвовать главой своего гражданского кабинета — графом фон Валентини, который верно и преданно трудился на императорской службе, но навлек на себя гнев Людендорфа за поддержку в прошлом усилий Бетман-Гольвега, пытавшегося воспрепятствовать постоянно растущему вмешательству Верховного командования в вопросы, находящиеся в компетенции кайзера и правительства.

В ходе обсуждения с Гинденбургом и Людендорфом Кюльман при поддержке Гертлинга отверг их ультимативные требования и после упорнейшей и тяжелейшей борьбы добился возможности продолжать еще в течение какого-то времени свою линию: то есть продолжать ведение переговоров, а не выдвигать откровенно захватнические ультиматумы. В конце концов пришли к компромиссному соглашению: Кюльман проводит свою линию на Востоке, но не будет проводить ее на Западе, коль скоро там начнутся переговоры.

Кюльман все с большей неизбежностью понимал более чем насущную необходимость преодолеть тупик на переговорах в Брест-Литовске. Он по-прежнему надеялся, что переговоры с

Украиной заставят Троцкого прекратить затягивание переговоров и согласиться на мир, который не слишком явно будет выражать захватническую политику, проводимую Верховным командованием.

6

Вернувшись в Вену, Чернин обнаружил, что дела обстоят еще хуже, чем он ожидал. Ситуация была катастрофической, и ее не смягчала почти что трогательная неспособность австрийского правительства справляться с кризисными или чрезвычайными ситуациями. Очевидное отсутствие координации и взаимопонимания между правительствами Австрии и Венгрии еще больше усугубляло положение и вело к реальной возможности уже второй угрозы голода.

На заседании Совета Короны, проходившем 9 января 1918 г. под председательством императора Карла, Чернин сделал доклад о переговорах как с Россией, так и с делегацией Украинской рады. Выступление было выдержано в трагических тонах, хотя Чернин старался быть максимально объективным, причем даже в самых, казалось бы, несущественных мелочах, что даже могло показаться странным; языком трагика министр иностранных дел поведал собравшимся о трудных и напряженных буднях переговоров в Бресте. Упражнения в дипломатической акробатике Кюльмана и Троцкого, прямолинейно-грубое, но отражавшее реальную действительность вмешательство Гофмана, долгие дни волнений и тревог, уменьшение его собственного авторитета и влияния в результате внутренних проблем в его стране — вся эта картина была воспроизведена Черниным перед императором и его советниками со сдержанностью и почтительностью дипломата старой школы. Однако ему не удалось скрыть последствия тех мучительных страданий, которые ему пришлось пережить в результате трагических событий в Бресте. Они оставили в его душе глубокие рубцы.

Совету предстояло принять решение по двум вопросам: должен ли Чернин продолжать переговоры с Украиной на основе, уже созданной Гофманом, что позволило бы получить миллионы тонн продовольствия для голодающей Австрии? Следует ли Чернину подписать сепаратный договор между Австро-Венгрией и Россией, если созданный Кюльманом и Троцким тупик в переговорах по-прежнему будет сохраняться?

Премьер-министр Австрии Сейдлер поддержал ту линию, которой придерживался Чернин на переговорах, и подчеркнул необходимость немедленного заключения мира с Украиной на максимально выгодных условиях. Конечно, условия, которые предложил Чернин, являются очень жесткими — ведь они означают разделение Галиции на две части, а также яростное сопротивление поляков по вопросам, связанным с Холмом и прилегающими районами, — однако и при таких условиях, даже без голосов польских депутатов, он сумеет собрать две трети голосов депутатов палаты, необходимые для утверждения этого договора.

Премьер-министр Венгрии граф Векерле выступил против заключения договора с Украиной на предложенных Черниным условиях. Не желая понять, что чрезвычайная ситуация требует чрезвычайных мер, он высказал опасение за сами основы «двойной монархии», которые могут оказаться под угрозой, если допустить вмешательство извне в вопросы ее внутреннего устройства. Надо найти какой-то другой путь.

Забыв о присутствии августейшего монарха и то, что за этим столом велись обсуждения начиная с древних времен, Чернин открыто выступил против человека, отказ которого послать зерно в Австрию и вызвал недавний кризис:

«Что должен сделать ответственный человек, отвечающий за внешнюю политику, когда премьер-министр Австрии, а также министры продовольствия Австрии и Венгрии в один голос говорят ему, что запасов продовольствия в Венгрии хватит только на следующие два месяца, после чего последует неизбежный крах, если только не удастся организовать срочные поставки зерна в качестве немедленной и экстренной помощи? Вы думаете, что я не понимаю всех опасностей, связанных с этим шагом? Да, это существенно снизит наш престиж, но он уже долгое время находится на низком уровне. Если вы сможете немедленно поставить в Австрию зерно, я соглашусь с вашей точкой зрения. Но до тех пор, пока вы не можете этого сделать, мы будем напоминать человека, стоящего на третьем этаже горящего здания и постоянно вычисляющего, сломает он одну или две ноги, если прыгнет вниз, предпочитая рисковать жизнью ради того, чтобы получить точный ответ на свой вопрос».

Чтобы обеспечить реализацию своей позиции вопреки любым ее противникам, Чернин напрямую обратился к императору, возлагая ответственность за принятие решения на кайзера, который был наставником Карла до вступления в должность. Император не обладал сильной волей или умением быстро при-

нимать решения, но в данный момент он проявил похвальную решительность и твердость. Он без колебаний поддержал Чернина, уполномочив его заключить мир с Украиной на изложенных им условиях, а также в принципе согласился на заключение сепаратного мира с Россией.

Теперь Чернин мог уже более спокойно готовиться к выступлению перед членами австрийской делегации, которое являлось ответом на «14 пунктов» Вильсона. Однако это спокойствие длилось недолго. 10 января он получил из Бреста телеграмму от Визнера, в которой говорилось, что, согласно информации, полученной от Иоффе, правительство Советской Украины, располагавшееся в Харькове, направило в Брест двух своих представителей для участия в переговорах с Центральными державами. Они являлись членами советской делегации и не были связаны никакими обязательствами, взятыми делегацией киевской Рады, которая представляла только имущие классы и не могла поэтому выступать от имени всего украинского народа. Когда Чернин читал это сообщение, председатель Рады уже подал в отставку, а части красногвардейцев заняли Полтаву, промышленный район Екатеринослава, а также Донецкий угольный бассейн и приближались к Киеву. Это был ответный ход Троцкого на угрозу заключения сепаратного мира с Украиной. Соглашение, заключенное с Радой, более не являлось соглашением, заключенным с Украиной.

В своем выступлении 11 января Чернин дал подробный ответ на речь Вильсона, подчеркнув, что в этой речи есть предложения, которые он «с большим удовольствием» принимает. Он повторил, что не требует от России «ни одного квадратного метра и ни одной копейки» и строго придерживается на переговорах принципа мира без аннексий и контрибуций. От Польши также «нам ничего не надо... Польский народ сам определит свою судьбу свободно и без всякого давления». Лично он был бы рад, если бы Польша стала активным участником брестских переговоров, однако Россия отказывается признать польское правительство полномочным представителем страны.

Он напомнил коллегам о концептуальном различии в подходах Германии и России, особо подчеркнув при этом, что компромисс должен быть найден. Затем он страстно выступил в защиту своих переговоров с Украиной:

«Речь идет не об империалистических или аннексионистских планах, а о том, чтобы обеспечить наших сограждан тем вознаграждением, которое они в конце концов заслужили,

столь долго и терпеливо прося о помощи, и поставить продовольствие, которое люди так ждут... Если вы хотите разрушить и похоронить все надежды на мир, если вы хотите сорвать поставки зерна, в таком случае было бы логично с вашей стороны попытаться усилить мои позиции при помощи зажигательных речей, митингов, революций, забастовок и демонстраций... Если вы организуете забастовки в тылу... вы рубите сук, на котором сидите, и все, кто думает, что таким образом можно ускорить достижение мира, глубоко и серьезно заблуждаются... Вы должны или оказать мне поддержку, или отправить в отставку; третьего не дано».

Три дня спустя он отправился в Брест. Чернин ехал с тяжелым сердцем, но для себя он принял твердое решение: необходимо вырваться из тупика.

Глава 6

«НИ ВОЙНЫ НИ МИРА»

1

Когда мирные переговоры возобновились, вновь произошли ощутимые изменения как в общей атмосфере и тоне обсуждений, так и в темпе работы. Хотя большевики были воодушевлены, пусть это длилось недолго, своими военными успехами на Украине и в Финляндии, где части Красной гвардии захватили Гельсингфорс, а также мимолетным всплеском забастовочного движения в Германии и Австрии, они в то же время очень хорошо понимали, что роспуск Учредительного собрания наглядно обнажил перед Центральными державами те противоречия и острые разногласия, которые существовали внутри страны, и неотложную необходимость для них как можно скорее заключить мир. С другой стороны, и Кюльман, и Чернин вернулись на переговоры из своих столиц с твердым намерением положить конец возникшему на переговорах тупику во что бы то ни стало.

Вернувшийся из Петрограда Троцкий, который привез с собой двух украинских большевиков в качестве козырной карты, сразу почувствовал жесткие нотки в голосе Чернина, очевидное нежелание Кюльмана продолжать состязания в диалектике и мрачную решимость Гофмана. Впервые за все время переговоров все представители Четверного союза были едины

в своем желании завершить работу в ближайшее время и прийти к окончательному решению, положив таким образом конец продолжавшейся уже шесть недель трагикомедии.

Новый этап этой острой игры был открыт 7 января 1918 г. представлением новых участников переговоров. Правительство Баварии, воспользовавшись своими правами по договору 1871 г., направило на переговоры своим посланником бывшего баварского премьер-министра графа фон Подвилз-Дюрпица. Это назначение отчасти было вызвано критическим настроем и недовольством в Баварии, выплеснувшимся на страницы мюнхенской печати, которое существовало в отношении политики Кюльмана. Граф фон Дюрпиц стал полноправным членом германской делегации.

Троцкий представил приехавших с ним председателя Центрального исполнительного комитета Украинской Советской Республики Е. Медведева и народных секретарей по вопросам образования и военным вопросам М. Сатарицкого и генерала В. Шахрая. Они были представлены как полноправные члены советской делегации, и, как подчеркнул Троцкий, только они имели право говорить от имени всего украинского народа. Троцкий подтвердил те военные успехи, которые войска большевиков достигли в боях с войсками Рады, и предупредил Кюльмана и Чернина, что мирный договор, заключенный с киевским правительством, не будет рассматриваться как мирный договор с Украиной.

Однако представители Центральных держав не собирались позволить Троцкому втянуть себя в длительное обсуждение того, какое правительство на самом деле имеет право представлять Украину. Они уже выработали условия мира для этого региона и решили, что будут вести переговоры и заключать мирный договор с Радой. Даже если орды большевиков подойдут к воротам Киева — ничего страшного: если Рада падет, ее можно будет снова восстановить у власти. «Эти трудности были временными и мимолетными, — записал Гофман в своем дневнике, — поскольку мы могли бы в любой момент оказать военную помощь правительству Рады и вновь поставить его у власти».

Кюльман поэтому отложил обсуждение вопроса до того, как из Киева вернется вся делегация Рады, напомнив при этом Троцкому, что 31 декабря 1917 г. советская сторона признала делегацию Украинской Рады в качестве полноправного пред-

ставителя народа Украины. На следующий день (18 января) Чернин, бывший в этот день председателем, прямо спросил Троцкого, согласен ли он с тем, что любое украинское правительство, будь то киевское или харьковское, может вести прямые отдельные переговоры с Центральными державами по вопросам границ Украины. Троцкий решительно отверг подобное предложение. Он всегда подчеркивал, что Украина не имеет права вести подобные переговоры в одиночку, и настаивал и ранее, что необходимо заключить соглашение между Киевом и Петроградом относительно границ Украины. Сейчас, когда законные представители Украины являются полноправными членами российской делегации, этот вопрос стал еще более актуальным и важным. «Если в прошлом было необходимо заключение соглашения между российской и украинской делегацией, то теперь это соглашение является еще более обязательным, поскольку этого требует федеральная конституция Российской Республики».

Затем он зачитал телеграмму от командующего войсками большевиков на Украине, в которой говорилось, что большая часть Киевского гарнизона перешла на сторону советского правительства Украины и что поэтому Рада просуществует еще очень недолго.

Однако подобная перспектива никак не повлияла на действия Кюльмана и Чернина, и на следующем пленарном заседании, состоявшемся 19 января, они устроили трехсторонний гладиаторский поединок с участием обеих украинских делегаций, а также российской. Цель этого заключалась в том, чтобы стравить друг с другом всех троих и попытаться использовать противоречия между ними, чтобы заключить мир хотя бы с одной из сторон. «Я попытался устроить дело так, чтобы украинцы открыто обсудили все вопросы с русскими, — вспоминал Чернин, — и у меня получилось, причем даже слишком». Это был короткий миг торжества для молодых украинских либералов, которые, хорошо понимая всю шаткость и ненадежность своего положения, решили полностью воспользоваться представившимся шансом. На глазах явно довольных происходящим представителей Четверного союза — даже Талаат-паша проснулся и удовлетворенно, с поистине царственным видом покачивал головой в алом головном уборе — разгорелась яростная схватка между руководством всех трех делегаций.

Руководитель делегации Рады Севрюк вновь подчеркнул полную независимость своего государства от каких-либо свя-

зей, будь то физические, духовные или политические, с Советской Россией. Этот тезис был яростно отвергнут Троцким и руководителем делегации Советской Украины Медведевым, который заявил, что Рада до тех пор, пока она хоть кого-то представляет и имеет хоть какие-то официальные полномочия, является представителем интересов помещиков и некоторой части интеллигенции, стремящихся к отделению от России для того, чтобы сохранить свои привилегии. После этого другой представитель Рады, Любинский, произнес часовую речь, которая по своей едкости и оскорбительности превзошла все, что звучало на этой самой необычной и странной из всех мирных конференций. Он ругал и поносил большевиков без всякой сдержанности; его изложение их грехов напомнило знаменитый список обвинений, выдвинутых Гиббоном против папы Иоанна XXIII, в котором «самые серьезные из них не упоминаются».

Этот странного вида, диковатый молодой человек в явно не по размеру викторианском сюртуке с яростью обрушился на своих врагов:

«Все громогласные декларации большевиков о полной свободе народов России являются не чем иным, как самой пошлой демагогией. Большевистское правительство, разогнавшее Учредительное собрание и опирающееся на штыки наемных красногвардейцев, никогда не реализует в России справедливый принцип самоопределения честным и настоящим образом, поскольку оно очень хорошо знает, что не только в Украинской Республике, но и на Дону, Кавказе, в Сибири и других районах не признают их правительство и что сам русский народ также в конце концов отвергнет его; только из страха перед национальными революциями большевики провозглашают на этой конференции право народов на самоопределение, делая это с такой изощренной демагогией, которая, пожалуй, удивляет даже их самих. Они сами ведут борьбу против реализации этого принципа, не только опираясь на наемные банды красногвардейцев, но и используя еще более грязные методы».

Чернин, явно очарованный действиями находившихся рядом с ним духов, «выпущенных на волю» его стратегией, воспринимал происходящее как «гротеск», и радостно наблюдал за Троцким, который был белый как мел, нервно рисовал что-то на промокательной бумаге и смотрел в одну точку прямо перед собой; с его лба стекали капли пота. «Он явно ощущал очень сильное чувство позора и бесчестья оттого, что его же сограждане обличают его перед лицом врага». Троцкий также

признавал, что испытывал некоторое замешательство, но вызвано оно, по его словам, было удручающей сценой «неистового самоунижения со стороны тех, кто, в конце концов, представлял выборный орган революции; причем самоунижения перед надменными аристократами, которые ничего, кроме презрения, к ним не испытывали... это была одна из самых отвратительных сцен, которую мне когда-либо приходилось видеть». Однако к концу этой разоблачительной тирады он взял себя в руки и несколько иронично поблагодарил председательствующего на заседании генерала Ганчева за то, что он, «выражая достоинство и самоуважение данной конференции, дал возможность свободно и до конца высказаться предыдущему оратору, а также осуществить переводчику точный перевод всего сказанного, хотя и с кое-каким смягчением выражений». Он добавил, что делегация Рады является делегацией без правительства и что она представляет территорию, не превышающую площадь тех комнат, которые эта делегация занимает в Брест-Литовске («Судя по полученным мной сообщениям с Украины, слова Троцкого, к сожалению, имели под собой определенную основу», — отметил для себя в этой связи Гофман).

В завершение заседания Чернин, несмотря на протесты со стороны Троцкого, объявил от имени Центральных держав, что они «немедленно и незамедлительно признают Украинскую Народную Республику (Раду) в качестве независимого, свободного и суверенного государства, которое имеет право независимо и самостоятельно заключать международные соглашения».

В результате этих длительных маневров приготовленная Троцким карта оказалась битой, однако для этого пришлось потратить три драгоценных дня. На 22 февраля в Берлине намечалось открытие очень важной конференции по обсуждению различных вопросов взаимоотношений между Германией и Австро-Венгрией, и дальше тянуть было нельзя. Поэтому, когда Троцкий попытался втянуть Кюльмана в их старый спор о польском представительстве, заявив, что у Королевства Польского нет ни короля, ни границ и поэтому оно не может считаться государством, германский министр иностранных дел, к его удивлению, ответил, что «делегации участвующих в переговорах держав собрались здесь не для того, чтобы устраивать состязания в интеллекте». Оставив в стороне польский вопрос, Кюльман резко объявил перерыв в конференции до 25 января и отбыл вместе с Черниным в Берлин.

2

В переговорах в Берлине, состоявшихся 22—23 января, приняли участие представители правительств Германии и Австро-Венгрии, а также германского Верховного командования. На них обсуждались не только вопросы, связанные с переговорами в Брест-Литовске. Был обсужден также целый ряд политических, экономических и военных вопросов между двумя основными участниками Четверного союза; эти переговоры стали кульминационным моментом в отношениях двух стран, в которых накапливалось напряжение начиная с неудач австрийской армии еще на первых этапах войны. Немцы испытывали презрение к своему более слабому партнеру, которого им не раз приходилось выручать, когда он попадал в сложную ситуацию; а у австрийцев превалировало неизбежное чувство антипатии, которое всегда испытывают в отношении того, кому чем-то обязаны.

В довершение этого австрийцы были откровенно обеспокоены и даже напуганы настоящей одержимостью к захватам, которую германское высшее командование демонстрировало в отношении не только России, но и своих союзников. Австро-Венгрия убедилась, что даже союзники могут стать объектами грабительских помыслов германского Генерального штаба в январе 1918 г., когда под предлогом защиты стратегически важного участка польской границы Людендорф потребовал, чтобы в пределы границ рейха был передан Добмровский угольный бассейн, территория которого была в то время занята австрийскими войсками. Подобное откровенно захватническое требование вызвало такой взрыв возмущения в Вене и Будапеште, что один из старейших государственных деятелей Венгрии, посвятивший многие годы государственной службе, граф Стефан Тиза, который резко выступал против объявления войны в 1914 г., заявил, что если цена дружбы с Германией состоит в том, чтобы отдать ей Домбровский угольный бассейн, то он предпочел бы пожертвовать союзом с Германией, но не выводить войска из этого района. «Если немцы хотят довести дело до крайностей, — заявил он, — пусть отдадут приказ открыть огонь».

На переговорах в Берлине Чернину вновь пришлось сдерживать в себе чувство законного негодования, поскольку Австрия опять нуждалась в поставках из Германии. Это, однако, не помешало Чернину выступить с акцентированной критикой политики захватов, которую проводило Верховное ко-

мандование как в целом, так и в отношении Домбровского бассейна в особенности. В заключение Чернин подчеркнул, причем как в письменной форме, так и устно, что в союзнические обязательства Австро-Венгрии входит лишь защита территорий, входивших в состав Германии до начала войны, и, как было подчеркнуто в его ответной речи на «14 пунктов» Вильсона, с которой он выступил 11 января, эту территорию Австро-Венгрия будет защищать «как свою собственную». Что же касается тех территорий, которые были захвачены или перешли под контроль Германии после начала войны, то для их защиты Австро-Венгрия не выделит ни одного человека и ни одной кроны.

На это Людендорф ответил, что «если Германия заключит мир без прибыли, то это значит, что она проиграла войну». После этого дискуссия приняла столь острый и резкий характер, что Гертлинг, опасаясь вспышки ярости со стороны генерала, которая могла бы иметь непредсказуемые последствия, настоятельно попросил Чернина не раздражать Людендорфа острыми критическими выпадами. «Оставьте его в покое, — попросил он Чернина. — Мы с вами вдвоем сами обо всем договоримся». Что и было сделано.

Что касается вопросов, связанных с мирными переговорами, то Людендорф расценил как удовлетворительные условия мирного договора с Украиной — ведь не германская же территория уступалась — и согласился с тем, что в случае необходимости следует оказать поддержку Раде при помощи военной силы. Чернин ответил, что далеко не разделяет удовлетворение генерала условиями договора с Украиной, но что этот мирный договор был жизненно необходим для Австрии. С учетом того, что передача Украине Холмского района неизбежно вызовет протесты польского населения, Чернин предложил держать некоторое время это условие договора в секрете.

Людендорф в самых решительных выражениях подчеркнул, что Верховное командование не может позволить больше ни одной недели затягивания решения вопроса на Восточном фронте. Войска *необходимо* перебросить на Западный фронт, поэтому Троцкому должен быть поставлен ультиматум: или он принимает условия мирного договора, или военные действия будут возобновлены. С явным нежеланием Кюльман в конце концов согласился прервать переговоры с Троцким через 24 часа после того, как будет подписан мирный договор с Украиной. Однако Чернин, по совету директора департамен-

та доктора Граца, заявил, что после подписания мирного договора с Украиной он предпримет последнюю попытку найти компромисс между Россией и Германией, для чего проведет отдельные переговоры лично с Троцким. Кюльман на это согласился; Людендорф ничего не ответил.

3

Четвертый акт брест-литовской трагикомедии начал разыгрываться 24 января, когда на переговоры вернулись руководители делегаций Центральных держав. Приехав в Брест, Чернин обнаружил, что за время его отсутствия Визнер и руководитель украинской общины в Австрии Николай Василько очень подробно и хорошо поработали над техническими деталями мирного договора с Украиной. Работа над текстом договора была практически завершена; претензии Рады на восточные районы Галиции были отклонены. Имея в руках этот козырь, министр иностранных дел Австро-Венгрии предпринял последнюю попытку вывести Германию и Россию на общую позицию по вопросам самоопределения.

У Чернина была особая причина добиваться того, чтобы мирный договор с Россией не был откровенно захватническим со стороны Германии. Как раз в это время его представитель Скржинский вел переговоры в Берне с английским министром сэром Горасом Рамбольдом об организации секретной встречи между Черниным и Ллойд Джорджем, во время которой планировалось попытаться заложить основу для достижения всеобщего мира «без аннексий». Вдохновленный выступлением английского премьера 23 декабря 1917 г., в котором тот заявил, что целью Антанты не является разгром и уничтожение Австро-Венгрии, Чернин надеялся при помощи заключения мира не допустить распада двойной империи изнутри[1].

Можно представить, с каким рвением он вел переговоры с Троцким, которые прошли в течение последующих трех дней.

---

[1] В результате этих переговоров в Берне с 24 февраля по 1 марта 1918 г. прошла рабочая встреча между Скржинским, генералом Шмутцем и личным секретарем Ллойд Джорджа Филиппом Керром. Однако к моменту этой встречи ситуация крайне осложнилась из-за начала наступления немецких войск в глубь России, а также вероятности немецкого наступления и на Западном фронте. В таких условиях Чернину пришлось занять выжидательную позицию, и встреча окончилась ничем. (*Примеч. авт.*)

Между Германией и Россией существовало четыре принципиальных разногласия по вопросу о самоопределении. Во-первых, можно ли считать, что народы, населяющие эти области, уже сделали свое волеизъявление? И если да, то можно ли считать результаты волеизъявления окончательными или следует провести дополнительный референдум? Во-вторых, если следует провести дополнительное голосование по этому вопросу, то должны ли это быть выборы в представительный орган, которому предстоит решить окончательно вопрос о самоопределении, или же это должен быть референдум? В-третьих, должно ли такое волеизъявление проводиться до или после вывода войск? И в-четвертых, как голосование должно быть организовано? Будет ли это всеобщее голосование, или же в голосовании будет участвовать лишь местная знать, или же как-то по-другому? Русские предложили, чтобы решение по всем этим вопросам принимал «временный орган самоуправления»; и если немцы с этим согласятся, то вся проблема была бы сведена к одному вопросу: каким будет состав этого временного органа (на обсуждение этого вопроса в суровых и неуютных условиях русской зимы ушло восемь недель!). Компромисс, предложенный Черниным, состоял в следующем: русские должны признать, что уже существующие на этих территориях местные органы, которые немцы считали основой волеизъявления, являются выразителями народного волеизъявления, но лишь частично; а немцы, в свою очередь, должны согласиться с тем, что в эти органы, еще до вывода войск, будут проведены довыборы, причем путем всеобщего голосования, как того хотели русские.

В качестве первого шага на пути реализации своего плана Чернин направил 24 января к Троцкому сотрудника австрийского МИД доктора Ричарда Шуллера, который должен был сообщить Троцкому о возможности подобного компромисса в принципе, а также при этом подчеркнуть, что если Троцкий будет продолжать придерживаться непримиримой позиции, то это может привести к выдвижению советской стороне ультиматума. Троцкий на это ответил, что он вовсе не занимает непримиримую позицию; это как раз делает Кюльман, который на протяжении всего обсуждения пытался подвести теоретическую базу под то, чтобы реальные аннексии таковыми не называть. У Германии, сказал он, два главных пункта мирного договора: во-первых, признается право на самоопределение и отказ от любых аннексий; а во-вторых, Германия захватывает (аннексирует) все, что ей нужно. Шуллер отметил,

что Троцкий сам больше внимания уделял принципиальному решению тех или иных вопросов, нежели формулировкам и оговоркам. «Для нас это тоже важно, — сказал Троцкий, — поскольку мы убеждены, что согласованные теперь условия, как и сам мирный договор, будут лишь временными, а окончательно вопрос решится, когда произойдет всемирная революция. Я мог бы подписать мир, по которому права России будут грубо нарушены, но в этом случае противная сторона должна четко указать, что как раз в этом и состоит ее намерение. Вы не можете просить нас морально поддержать и одобрить грубое насилие».

«Граф Чернин мог бы рассмотреть этот подход в качестве основы для переговоров», — сказал Шуллер.

«Чернин целиком и полностью является тайной пружиной германской политики», — презрительно заметил Троцкий.

«И тем не менее он искренне стремится к миру, причем миру без аннексий», — ответил Шуллер.

На следующее утро Чернин во время переговоров сообщил Кюльману о результатах беседы Шуллера с Троцким и спросил мнение германского министра иностранных дел относительно этого возможного компромисса. Кюльман отнесся к предложению не без симпатии; он согласился, что предложения Чернина могут составить основу для переговоров, однако Гофман энергично высказался против очередной затяжки времени и громко, во всеуслышание, заявил, что следует в самое ближайшее время выдвинуть ультиматум.

Вечером того же дня (25 января) Чернин в сопровождении доктора Граца посетил Троцкого в жилом помещении, в котором тот располагался во время работы конференции. Он прямо сказал наркому по иностранным делам об опасности разрыва переговоров и предложил быть посредником между Россией и Германией. Троцкий откровенно заявил, что он не настолько глуп, как им кажется. Он прекрасно понимает, что Центральные державы в состоянии оккупировать восточные области.

Его больше волновало не что именно они оккупируют, а то, как это произойдет. Россия может подчиниться силе, но не софистике; обмануть ее не удастся. Он никогда не откажется от своих принципов, а также никогда не признает германской оккупации под ширмой самоопределения. Пусть немцы откровенно заявят о своих истинных намерениях и требованиях, как это сделал Гофман, и тогда он (Троцкий) открыто обратится к мировому общественному мнению, протестуя против этого

грубого разбоя. Можно прийти к соглашению на основе территориальных захватов, но тогда надо прямо об этом сказать. Доктор Грац предложил сделать следующую оговорку. «Было бы возможным, — сказал он, — вообще не касаться этой темы в договоре. В тексте будет сказано, что будут осуществлены такие-то и такие-то территориальные изменения. Вы сможете в этом случае квалифицировать эти изменения как аннексии, а немцы смогут сказать, что это результат того, что население этих территорий, реализуя свое право на самоопределение, высказалось за присоединение к Германии».

«Мне кажется, так можно сделать», — сказал Троцкий.

На этой циничной и макиавеллистской основе вопрос был решен теоретически; затем перешли к обсуждению практических деталей. Тут Троцкий не проявил того безразличия, которое можно было бы от него ожидать, судя по его предыдущим замечаниям, — его очень серьезной слабостью во время дискуссии являлась совершенная невозможность преодолеть искушение сделать эффектный жест, даже если это противоречило его основной позиции и делалось в ущерб ей. Сейчас он заявил, что линия Гофмана, продемонстрированная на заседании 5 января, неприемлема по трем причинам. Во-первых, Россия не может отдать Моонзундские острова, поскольку это означало бы создание постоянной угрозы для Петрограда; во-вторых, отказаться от Риги также невозможно, и, в-третьих, граница с Литвой должна быть изменена. Наконец, не должно быть сепаратного мирного договора с Украиной. На этом обсуждение закончилось.

Не ахти какой прогресс, думали Чернин и Грац, возвращаясь к себе через покрытый снегом внутренний двор брестской цитадели. Но все же есть хоть небольшое продвижение вперед. По крайней мере, слава богу, теперь не будет теоретических дискуссий о самоопределении; теперь, наконец, переходим к обсуждению практических вопросов. Завтра же он обсудит все это с Кюльманом. Только б этот чертов Гофман...

Однако на следующее утро «этот чертов Гофман» сделал как раз то, чего Чернин так опасался. У генерала совершенно иссякло терпение от созерцания этого театра абсурда. В предыдущий день его сильно разозлил своими замечаниями Радек, который, с характерной для него разносторонностью, теперь стал выступать в качестве специалиста по вопросам, связанным с Польшей, причем в этом качестве был весьма хорош и убедителен. Он стал выступать от имени поляков, служивших в германской и австрийской армиях, призывая вести агита-

цию в войсках за независимость Польши. Гофман выразил протест против того, что Радек присвоил себе право говорить от имени кого бы то ни было, кто принадлежал к гетманским войскам, как и против того, что Радек подрывает воинскую дисциплину в ротах, составленных из польских солдат. Очевидно, этот инцидент сильно разозлил Гофмана, можно даже сказать, разозлил чрезмерно. (Его еще особенно раздражала привычка Радека почти что переваливаться через стол с шаловливой улыбкой, пуская при этом в сторону Гофмана клубы табачного дыма.) Даже его стальные нервы начинали сдавать от той противоестественной и какой-то нереальной атмосферы, царившей на конференции. Ситуация становилась невыносимой, а тут еще Чернин опять вышел с предложением, которое означало очередную затяжку времени. Кюльман был не против позволявшей сохранить лицо формулы относительно аннексий и, безусловно, рассмотрел бы вопрос о территориальных уступках, если бы не Гофман. Генерал в ходе одной из самых неприятных сцен, произошедших на этой конференции между ним, Черниным и Кюльманом, категорически отказался даже обсуждать какие-либо изменения в линии границы и потребовал немедленного заключения мирного договора с Украиной, чтобы расчистить таким образом дорогу к предъявлению ультиматума России.

Все надежды на достижение соглашения были уничтожены из-за упорного стремления германского Верховного командования наступать на Россию и заставить советское правительство безоговорочно капитулировать. Последняя попытка убедить Троцкого признать договор с Украиной также не увенчалась успехом. Он отказался признать любое соглашение с правительством, которое, по его словам, не только не представляет народ Украины, но и просто реально не существует. Кюльман и Чернин не соглашались с этим, говоря, что они располагают другой информацией на этот счет; однако они не приняли предложение Троцкого направить в Киев одного из штабных офицеров, чтобы получить информацию из первых рук. С учетом того, что записал в дневнике Гофман в момент ответа Троцкого 21 января на выступление Любинского, не совсем ясно, пошли ли Кюльман и Чернин на умышленную ложь в дипломатических целях, или же они действительно были искренне убеждены, как заявил Чернин, что, хотя правительство Рады было свергнуто и изгнано из Киева 23 января, позднее оно вновь восстановило свою власть.

В любом случае принципиального значения это не имело, поскольку конференция уже настолько вышла на уровень какой-то фантастической нереальности, что заключение мертворожденного соглашения с несуществующим правительством вполне вписывалось в царящую на конференции атмосферу. 26 января были согласованы последние детали договора с Украиной. Холм отходил к Раде; восточные районы Галиции и Буковины сводились в украинскую провинцию в составе Австро-Венгерской империи, а украинцам, проживавшим в Западной Галиции, гарантировалось право пользоваться родным языком. В свою очередь, Украина обязывалась предоставить в распоряжение Центральных держав излишки продовольствия и сельхозпродукции, составлявшие как минимум миллион тонн, причем Центральные державы согласились снабжать производителей зерна теми промышленными товарами, в которых те нуждались, а также оказать содействие в налаживании транспортной системы и должной организации перевозок.

Главная трудность состояла в том, чтобы наладить механизм контроля за соблюдением жесткого увязывания территориальных и политических уступок со стороны Австро-Венгрии с четкими поставками зерна с Украины. После некоторых споров договорились о следующем: в случае невыполнения Украиной своих обязательств по поставкам зерна Австро-Венгрия освобождается, в свою очередь, от своих обязательств перед Украиной. По подписании договора в Киеве должна была собраться комиссия для точного определения количества излишков зерна, которых, как гарантировала Рада, было не меньше миллиона тонн; после этого должно было быть подписано дополнительное соглашение к основному договору.

Таковы были условия мира с Украиной, того самого «мира, дающего хлеб», за который столь долго и упорно боролся Чернин. Теоретически Украина превращалась теперь в международном плане в нейтральное государство на мировой арене, но фактически она становилась политической житницей и складом-хранилищем Центральных держав. Список поставок включал в себя самые разнообразные позиции — от яиц до марганца — и напоминал заявку на доставку с гигантской торговой фирмы, поставляющей товары на дом. Однако для Германии и Австро-Венгрии этот договор означал нечто большее, чем возможность доступа к необъятным кладовым. Поскольку это был первый мирный договор, подписанный в ходе войны, подписание его было осуществлено в рамках определенной

церемонии и произошло в 2 часа утра в ночь с 26 на 27 января в день рождения принца Баварского под вспышки киноаппаратуры. «Хотел бы я знать, сидит ли Рада по-прежнему в Киеве», — записал в тот день Чернин в своем дневнике.

4

В последующие два дня события в Брест-Литовске развивались стремительно, быстро приближаясь к заключительной развязке. Новость о подписании мира с Украиной мгновенно достигла Крейцнаха, и на рассвете того же дня Людендорф, голос которого прозвучал как глас судьбы, потребовал от Кюльмана выполнить взятое на себя обязательство и разорвать переговоры с Троцким. Являясь одним из участников этого странного фарса, этой игры в жмурки, в которой глаза всех принимавших в ней участие были плотно завязаны, Кюльман чувствовал, что он очень близок к возможному заключению соглашения с Троцким, несмотря на заявление советской стороны о том, что переговоры могут быть продолжены только в случае отказа от сепаратного договора с Украиной. Поэтому германский министр иностранных дел решил проигнорировать данное им Людендорфу обещание и в последний раз попробовать договориться с Троцким.

Однако произошло событие, от которого нельзя было столь же легко отмахнуться, как от данного Людендорфу обещания. Военные связисты на крупном пункте телеграфной связи в Кенигсберге перехватили несколько радиотелеграмм из Царского Села, призывавших солдат германской армии поднять мятеж, убить кайзера Вильгельма, генералов Верховного командования, а также офицеров своих частей и затем заключить отдельный мир с большевиками. Смольный явно находился в заблуждении относительно ослеплявших его перспектив революции в Центральной Европе и поэтому счел, что психологический момент для подобного призыва наступил. Реакция на этот призыв была серьезной и последовала незамедлительно, однако она оказалась совсем не той, на которую рассчитывали.

По стечению обстоятельств, в то же время как прозвучал этот призыв к мятежу и убийствам, кайзера посетила делегация землевладельцев из Ливонии и Эстонии, которые формально все еще входили в состав России, умоляя защитить их от грабежей большевистски настроенных террористов. Кайзер

с симпатией отнесся к этой просьбе посетителей, большинство которых были немецкого происхождения; причем его в этом поддержали Гинденбург и Людендорф, которые были рады, что им с такой легкостью удастся завершить свою программу аннексии прибрежных районов Прибалтики. Гертлинг, знавший и разделявший взгляды Кюльмана относительно новых территориальных захватов, высказался против планов Верховного командования; и кайзеру вновь пришлось сидеть как на иголках.

Новость о призыве большевиков к мятежу переполнила чашу терпения Вильгельма. Он пришел в ярость, узнав об этой попытке покушения на его жизнь, и направил Кюльману телеграмму с категорическим требованием выдвинуть Троцкому в течение 24 часов ультиматум, требующий от России отказаться не только от Курляндии и Литвы, но также и от Ливонии и Эстонии.

Однако в условиях этого серьезного кризиса Кюльман вновь оправдал свою репутацию. Он остался спокоен и тщательно проанализировал ситуацию со всех сторон. Его отношения с Верховным командованием были уже настолько плохи, что стать еще хуже было просто некуда, поэтому он просто вынес эти отношения за пределы своего анализа. Совсем другое дело — его долг перед кайзером. Кюльман очень хорошо знал — и у него, возможно, более, чем у кого-либо, были основания знать всю подноготную и беспокоиться по этому поводу, — под каким жестким и цепким контролем Верховное командование практически целиком и полностью держит и трон, и правительство, и парламент и какое пагубное воздействие это оказывает на развитие всей ситуации. Он также понимал, какой будет реакция в мире, если он сделает то, что от него требуют. Все происходящее в Брест-Литовске уже и так серьезно подорвало престиж Германии в глазах всех нейтральных стран, а также еще более обострило ее противоречия с государствами Антанты и связанными с ними странами. Это нашло красноречивое подтверждение в заявлении Верховного военного совета стран Антанты, сделанном в конце января 1918 г., в котором особо подчеркивался «контраст между провозглашенными, основанными на высоких идеалах, целями Центральных держав, с которыми они начинали переговоры в Брест-Литовске, и нынешними открыто озвученными планами захватов и грабежей». Произведенное этим контрастом впечатление только усилило убеждение, что в ответах Гертлинга и Чернина на программу Вильсона «нет реальных шагов

навстречу тем умеренным предложениям, которые совместно были выдвинуты всеми союзными правительствами».

Если уже предложенные Германией условия мира встретили такую реакцию, то что же будет, когда к ним еще прибавятся претензии на Ливонию и Эстонию? К тому же в это же время для Кюльмана вроде бы забрезжил слабый луч надежды. Троцкий направил адмирала Альтфатера узнать, возможно ли оставить у России Ригу и Моонзундские острова. Казалось, не все шансы на достижение соглашения потеряны.

С учетом всего вышесказанного Кюльман, к чести его, как и во многих других случаях, решил пожертвовать своей карьерой ради того, что он считал правильным. На телеграмму кайзера он направил ответ, в котором говорилось, что сейчас крайне неподходящий момент для того, чтобы ставить ультиматум со столь коротким сроком. Однако, если его величество настаивает на немедленном ультиматуме, Кюльман просил назначить на его место другого министра иностранных дел. Кюльман написал, что будет ждать высочайшего ответа до 16.30 текущего дня, а если ответа не последует, то это будет означать, что указание кайзера отменено.

Утро 27 января прошло в обстановке томительного ожидания и неопределенности. Состоялось заседание политической комиссии, на котором Кюльман и Чернин официально уведомили советскую делегацию о подписании договора с Украиной, а Троцкий заявил в связи с этим официальный протест. Затем последовало сумбурное обсуждение проблемы Аландских островов. Был создан ряд подкомиссий. Ощущение нереальности чувствовалось буквально во всем. Все понимали, что судьба конференции решается за ее пределами, а Кюльман знал, что все зависит от того, придет ли в течение получаса ответ из Берлина или нет. Минул полдень, ответа все не было. В подкомиссиях много спорили, но так ни к чему и не пришли.

Наконец наступил установленный час, но ответа из Берлина не пришло. Кюльман вздохнул с облегчением и направил к Троцкому Розенберга с предложением, чтобы глава советской делегации в письменном виде подтвердил готовность вести переговоры на основе оставления за Россией Риги и Моонзундских островов. Кюльман полагал, что если Троцкий действительно серьезно настроен обсудить это предложение, то он предложит Верховному командованию (пусть оно и восприняло бы это как насмешку) если не оставить Ригу и острова в руках русских, то, по крайней мере, объявить их нейтральной территорией. В любом случае письменное подтверждение

от Троцкого стало бы важной составной частью его арсенала для решающей схватки с Верховным командованием, которая, как он чувствовал, не должна была заставить себя долго ждать.

Увы, надеждам Кюльмана не суждено было сбыться. Розенберг сообщил, что на просьбу прямо сформулировать в письменном виде свои пожелания Троцкий ответил отказом. Все оказалось напрасным, подумал Кюльман. Он рисковал постом, видимо, зря. Он только навлек на себя гнев Верховного командования, а возможно, и кайзера, и все лишь для того, чтобы в конце концов согласиться с их точкой зрения, поскольку теперь ультиматум был неизбежен. Больше откладывать нельзя. Ну что ж, хорошо, что хоть все это наконец закончится.

В германской делегации объяснили отказ Троцкого тем, что он просто не захотел предъявлять в письменном виде претензии на Ригу с учетом того, что большинство населения города было, безусловно, настроено прогермански. Жертвовать священным принципом самоопределения ради укрепления стратегических позиций России, считали они, было бы уж слишком даже для Троцкого.

Однако нельзя с уверенностью сказать, действительно ли он всерьез собирался обсуждать на переговорах эти вопросы. Стремительно приближался момент, когда переговоры уже становилось нельзя с выгодой использовать. В скандинавской прессе уже появились сообщения, что советская делегация собирается демонстративно отказаться от подписания мирного договора. Для того чтобы данный прием оказался успешным, важна была неожиданность, и после подписания договора с Украиной Троцкий решил, что настал подходящий момент для того, чтобы разыграть свою козырную карту. Вечером 27 января Карахан связался по прямому проводу со Смольным и договорился с Лениным и Сталиным, что на следующий день советская делегация выступит с заявлением.

«Я буду настаивать на заключении общего договора только с Россией, — заявил Троцкий Шуллеру, когда тот пришел в то роковое утро 28 января, чтобы в последний раз попытаться убедить его подписать мирный договор. — Подписывая договор с Украиной, вы хотите гарантировать себе поставки украинского зерна, но нам также нужны поставки зерна с Украины. Я убежден, что вы готовы оказать Украине военную помощь против нас».

«Лучший способ избежать этого состоит в том, чтобы заключить мир, — сказал Шуллер. — Если вы не заключите мир,

то рискуете тем, что немцы могут предпринять наступление на Петроград и свергнуть ваше правительство, а вы, насколько я понимаю, хотите остаться у власти».

«Немцы не рискнут наступать на Петроград, — ответил Троцкий, — это вызовет революцию в Германии».

«На это нельзя с уверенностью рассчитывать, — ответил Шуллер, — а если там и произойдет революция, то никто не может сказать, произойдет ли это в нужное для вас время».

Делая последнюю попытку убедить Троцкого, Шуллер вновь подчеркнул опасность возобновления военных действий. Троцкий ответил, что даст ответ на заседании, которое должно было состояться днем.

«Опасайтесь разрыва переговоров», — предупредил Шуллер.

«Я ведь не сказал, что дело дойдет до разрыва», — несколько загадочно ответил Троцкий.

И вот 28 января, когда серый субботний день клонился к вечеру, участники конференции, уже все знавшие друг друга в лицо, собрались в последний раз, чтобы завершить борьбу. С момента первого заседания, состоявшегося 9 декабря 1917 г., они продвинулись вперед очень немного; кто-то подпортил свою репутацию, в историю вошли несколько новых имен — вот, собственно говоря, и все. Лишенная каких-либо достижений, оказавшаяся либо бесполезной, либо сыгравшей отрицательную роль с любой точки зрения, эта самая странная из всех когда-либо проводившихся мирных конференций подходила к концу.

Кюльман начал заседание с резких нападок на большевиков за призывы германской армии к мятежу и убийству кайзера, генералов и офицеров. Троцкий ответил, что ему ничего о подобном призыве не известно. «Однако, — торжественно заявил он, — пришло время решений».

Это был его час, очень важный для него момент, к которому он столь долго готовился и которым он окровенно упивался. После резких обвинений в адрес империализма, которые все восприняли как прелюдию к капитуляции, он заявил:

«Мы отзываем наши армии и наш народ с войны. Наши солдаты-крестьяне вернутся домой и будут мирно возделывать землю, которую революция дала им, отобрав у помещиков. Наши солдаты-рабочие вернутся на фабрики и заводы, чтобы трудиться не для разрушения, а для созидания. Вместе с крестьянами они должны построить социалистическое государство.

Мы выходим из войны. Мы сообщаем об этом народам и правительствам всех стран. Мы отдаем приказ об общей демобилизации всех наших армий, противостоящих в настоящее время войскам Германии, Австро-Венгрии, Турции и Болгарии. Мы ожидаем, будучи твердо убеждены в этом, что другие народы вскоре последуют нашему примеру.

В то же время мы заявляем, что условия мира, предъявленные правительствами Германии и Австро-Венгрии, принципиально противоречат интересам всех народов. Эти условия отвергаются трудящимися массами всех стран, в том числе Германии и Австро-Венгрии... Мы не можем поставить подпись от имени русской революции под этими условиями, которые несут гнет, горе и несчастье миллионам человеческих существ. Правительства Германии и Австро-Венгрии намерены владеть землями и народами по праву военного захвата. Пусть они сделают это открыто. Мы не можем оправдывать насилие. Мы выходим из войны, но мы чувствуем себя обязанными отказаться подписать мирный договор.

В соответствии с этим я предоставляю делегатам союзных (Центральных) держав следующее письменное и подписанное заявление:

«Именем Совета народных комиссаров правительство Российской Федеративной Республики настоящим доводит до сведения правительств и народов, воюющих с нами, союзных и нейтральных стран, что, отказываясь от подписания аннексионистского договора, Россия, со своей стороны, объявляет состояние войны с Германией, Австро-Венгрией, Турцией и Болгарией прекращенным.

Российским войскам одновременно отдается приказ о полной демобилизации по всему фронту».

Начало выступления Троцкого делегаты Центральных держав слушали с удовлетворением. Это, подумали они, лебединая песня Троцкого, дань принципам, после чего должно последовать заявление о согласии подписать мир. Кюльман вздохнул с облегчением. Выдвигать ультиматум, может, и вовсе не придется. Однако по мере того, как Троцкий переходил от обличительной части выступления к политической и присутствующим становился ясен смысл его заявления и то, что из него вытекает, их удовлетворенность сменилась недоверием и настороженностью. «Впечатление было более ярким и сильным, чем вспышка молнии среди ясного неба. После того как последние отзвуки мощного голоса Троцкого затихли, никто не проронил ни слова. Зал замер, все были ошарашены этим

дерзким и неожиданным выступлением, прозвучавшим как удар грома. Изумленное молчание было прервано возмущенным восклицанием Гофмана: «Неслыханно!» Кюльман пытался что-то сказать о необходимости провести пленарное заседание конференции, но Троцкий отказался, сказав, что обсуждать больше нечего. После этого он и члены советской делегации покинули зал; молчаливые и подавленные, с трудом верящие в то, что они услышали, и совершенно не представляющие, что теперь делать, делегаты Центральных держав также покинули зал и разбрелись кто куда[1].

Поздним вечером члены советской делегации, в сопровождении лишь нескольких провожавших их адъютантов, шли под морозным небом к поезду, чтобы уехать в Петроград. Они чувствовали себя уверенно, почти весело и поздравляли друг друга с тем, какую «штуку» они выкинули перед немцами. Покровский был в особенно хорошем настроении. Когда-то он чуть ли не со слезами упрашивал Гофмана, а теперь ему доставляло явное удовольствие вспоминать, как генерал возмущенно воскликнул: «Неслыханно!»

«Неслыханно!» — повторял Покровский снова и снова, передразнивая высокий, отрывистый голос генерала.

5

После того как Троцкий неожиданно, резко и демонстративно-картинно покинул конференцию, оставшиеся делегаты еще долго находились в замешательстве и не могли прийти в себя. Ситуация казалась беспрецедентной, но неутомимый ди-

---

[1] После выступления Троцкого Кюльман попытался сделать все, что мог, чтобы не допустить разрыва и прекращения переговоров, ибо Троцкий, «выйдя» из перемирия и не подписав мира, открыл дорогу для Верховного командования окончательно взять под контроль всю германскую политику и практически голыми руками получить то, что им было нужно в России. Мирный договор, который хоть в какой-то степени учитывал бы интересы России и накладывал бы хоть какие-то ограничения на Гинденбурга и Людендорфа, позволял Кюльману бороться за то, чтобы пытаться обеспечить национальные интересы Германии политическими методами, поскольку упор на грубую силу, в чем он оказался совершенно прав, был губителен для страны. Попытка заключить мир как на Востоке, так и на Западе, возможно, позволила бы избежать унизительного Версальского договора. Получив отказ Троцкого провести пленарное заседание, Кюльман в 18 часов 50 минут закрыл заседание, которое прекращало работу Брест-Литовской мирной конференции.

ректор правового департамента Криге, эксперт германской делегации по правовым вопросам, после тщательных изысканий сообщил, что случай одностороннего провозглашения мира имел место несколько тысяч лет назад во время войны между греками и персами.

В то время как большевики в приподнятом настроении покидали Брест, все еще несколько подавленные австрийские и германские дипломаты собрались на совещание на квартире у Кюльмана, которую ему выделили в крепости на время работы конференции. Обсуждался вопрос, что следует делать дальше и каким должен быть последующий шаг. Следует ли считать, что после этого удивительного заявления Троцкого между Россией и Центральными державами фактически установлен мир, или же формально по-прежнему сохраняется состояние войны? Все практически единогласно высказались за то, чтобы считать, что установлен мир, который теперь, с учетом всей ситуации, следовало как-то должным образом оформить в соответствии с международным правом и дипломатической практикой. И Кюльман, и Чернин были довольны, что не потребовалось выдвигать ультиматум, а поскольку русские молчаливо согласились в своем заявлении с тем, что оккупированные территории остаются у немцев, то и воевать больше было не за что.

Нашелся, правда, один противник того общего настроя на мир, которое было продемонстрировано на данном совещании. Гофман немедленно связался по телефону с Крейцнахом после сделанного Троцким заявления и проинформировал Верховное командование о той необычной ситуации, которая в результате возникла. Теперь он знал его точку зрения, а она состояла в том, чтобы безоговорочно продолжать войну. Одним из важнейших пунктов соглашения о перемирии, подчеркнул Гофман, является положение о том, что оно направлено на заключение мирного договора. Поскольку мир не был заключен, это означает, что предмет соглашения о перемирии отсутствует, а соответственно, и само соглашение о перемирии автоматически теряет силу. Для Гофмана заявление Троцкого означало не более чем денонсацию соглашения о перемирии, и, соответственно, в результате этого военные действия должны были возобновиться по истечении семи дней.

Последовала длительная дискуссия по этому вопросу, но Гофману на этот раз не удалось добиться согласия со своей точкой зрения. Все присутствовавшие официальные лица были за мир, а Визнер, охваченный приступом чрезмерного возбуж-

дения и энтузиазма, находясь в котором он направил в 1914 г. противоречивую и фактически дезинформирующую телеграмму из Сараева, уже послал телеграфное сообщение в Вену о том, что мир заключен, в результате чего австрийская столица сразу стала активно готовиться к тому, чтобы отпраздновать это событие, и в ней воцарилось праздничное настроение.

С искренней надеждой на мир Кюльман 29 января официально закрыл конференцию и отбыл в Берлин. По возвращении туда он, а также канцлер и вице-канцлер — «большие братья-близнецы» из Верховного командования — и руководители штаба военно-морских сил были вызваны на совещание в Гамбург, где кайзер, как обычно в это время, находился на отдыхе и лечении. Здесь, 31 января, разыгрался яростный «поединок в верхах» по вопросам войны и мира, причем Вильгельм «витал» над ним, то вступая, то выходя из него, подобно мучающемуся мятежному духу. Ведь всего несколько дней назад он сказал гамбуржцам, что «Господь хочет, чтобы на земле царил мир, но такой мир, когда люди будут поступать правильно и хорошо». Германия призвана свыше установить на земле такой мир, и кайзер, испытывая удовлетворение и радость, привел в качестве примера мир с Украиной, который «удалось заключить на очень дружественной основе». И вот теперь его вновь призывали к войне.

Сразу после телефонного звонка Гофмана 28 января Гинденбург и Людендорф принялись «бомбардировать» кайзера требованиями денонсировать соглашение о перемирии, а теперь, когда они столкнулись лицом к лицу с Кюльманом, который давно являлся объектом их ненависти, они стали делать это с удвоенной силой. Людендорф посчитал, что настал подходящий момент для того, чтобы добиться отставки Кюльмана и завершить программу территориальных захватов на Востоке, которую он наметил.

Первый генерал-квартирмейстер подчеркнул необходимость четко прояснить ситуацию на Востоке, для чего, по его мнению, необходимо было нанести короткий и мощный удар по остаткам русских войск. Мир может быть заключен лишь тогда, когда будут заняты Ливония и Эстония, и таким образом будет создан санитарный кордон между тевтонскими народами Восточной Европы и большевистской Россией. Для Верховного командования также было ясно, что необходим хлеб с Украины, ради чего с ней и подписывали мирный договор, значит, надо пойти и забрать его оттуда. Уже не было никаких оснований рассчитывать на то, что Рада, отчаянно

взывавшая к Германии о помощи из своего нового ненадежного пристанища, каковым стал временно провозглашенный столицей Житомир, осуществляет реальный контроль в стране; в связи с этим Людендорф ясно подчеркнул следующее: «Украина нам необходима в качестве орудия борьбы с большевиками, и мы ни в коем случае не можем отдать ее им в руки».

Это был действительно серьезный аргумент. Без поставок с Украины Германия и Австро-Венгрия были не в состоянии пережить зиму 1918/19 г. Захват Румынии не позволил получить оттуда того количества зерна, на которое первоначально рассчитывали, а очередной урожай в странах Центральной Европы был очень невысоким. Поэтому было совершенно необходимо освободить Украину от большевиков и обеспечить тем самым необходимые поставки продовольствия в Центральные державы. К тому же, с германской точки зрения (она не подтвердилась на практике), существовала опасность того, что Антанта может оказать России помощь для возобновления военных действий на Восточном фронте. «С военной точки зрения, — писал Людендорф, — являлось совершенным абсурдом спокойно сидеть и смотреть, как противник набирает силу; необходимо было действовать... и именно это было гарантией достижения мира».

Несмотря на соображения стратегического характера, присутствовавшие на совещании гражданские лица не были согласны с точкой зрения Верховного командования. Они опасались обострения обстановки внутри Германии в случае возобновления военных действий. Против такого шага выступят как партии социалистического большинства, так и независимые социалисты, а влияние последних в массах неуклонно росло. В дополнение к тому, что сохранение мира отвечало его принципиальным убеждениям, Кюльман предупредил, что новая война на Востоке практически поставит союз с Австро-Венгрией на грань разрыва и ни на какую поддержку с ее стороны в случае нового наступления рассчитывать не приходится. Чернин неоднократно подчеркивал и ясно давал понять, что Австро-Венгрия будет помогать только в защите тех территорий, которые принадлежали Германии до начала войны. Поэтому можно рассчитывать на австрийские дивизии лишь в боях на Западе против Франции и Англии, но на Востоке они воевать не будут.

Однако Верховное командование было непреклонно, тем более что оно намеревалось именно теперь вынудить Кюль-

мана подать в отставку. В конце концов граф Гертлинг и вице-канцлер фон Пайер встали на точку зрения военных. Кюльман остался в одиночестве. Однако он не собирался доставить удовольствие Людендорфу, совершив политическое самоубийство. Несколько дней назад он готов был подать в отставку, но, поскольку сегодня капитуляцию перед военными совершило его вышестоящее начальство — канцлер и вице-канцлер, — он не видел никакого смысла приносить себя в жертву. «Я против возобновления военных действий, — заявил Кюльман. — Но я не считаю этот вопрос столь важным, чтобы из-за этого выходить из состава правительства». И он остался на своем посту. Лишь спустя четыре месяца Гинденбургу и Людендорфу удалось «повесить его скальп возле своего вигвама», а до этого он продолжал выступать одновременно в роли как участника событий, так и наблюдателя, получая удовольствие от самого процесса ведущейся игры.

Хотя Верховному командованию и не удалось избавиться от того, кто им больше всех досаждал и был, можно сказать, личным врагом, но оно тем не менее добилось очень важной победы. Ему удалось поставить правительство по стойке «смирно», и не потребовалось особых усилий, чтобы заручиться поддержкой со стороны Верховного главнокомандующего — кайзера Вильгельма. Гофману был отдан приказ 4 февраля денонсировать перемирие и наступать в глубь России. В честь возобновления боевых действий в Германии были объявлены школьные каникулы, на улицах прошли торжественные шествия и гулянья, а в некоторых городах звучал колокольный звон.

6

Опасения Кюльмана по поводу отказа Австро-Венгрии участвовать во вновь возобновляемых военных действиях на Восточном фронте быстро подтвердились. После того как в Вене узнали о подписании 27 января мирного договора с Украиной, а потом о сообщении Визнера, в котором говорилось о мире с Россией, улицы города заполнились торжествующими людьми с флагами и транспарантами; столицу буквально захлестнула волна самого неудержимого ликования и восторга. Вся деловая жизнь стала; город, который уже столько времени был *городом, потерявшим душу*, теперь буквально расцвел флагами и полотнищами, все улицы были заполнены толпами людей. В воздухе царила атмосфера всеобщей радости и облегче-

ния; женщины плакали от счастья, мужчины обнимали друг друга, крича: «Теперь, наконец, еды будет вдоволь!»

Радость и ликование продолжались в течение нескольких дней, пока этот всеобщий порыв не был сбит и почти что сведен на нет роковыми новостями, пришедшими из Гамбурга. Вся империя была объята ужасом и отвращением в связи с возобновлением военных действий против России, и антигерманские чувства, которые в эти дни никто и не скрывал, вылились в настоящий пожар озлобления, который разгорался с пугающей быстротой и силой. За последние четыре года Австро-Венгрия немало натерпелась от своего союзника, стремившегося играть преобладающую роль и откровенно диктовать условия, а ее военная слабость по сравнению с Германией только усиливала противоречия между этими державами, которые все более и более нарастали. Наибольшее возмущение вызвали намерения Германии втянуть Австро-Венгрию в свои захватнические авантюры и ее расчет на то, что Австро-Венгрия с этим безропотно согласится; вся двойная империя теперь буквально взметнулась в едином порыве, отказываясь идти на новые жертвы ради аннексионистских вожделений своего союзника.

Не было никакой очевидной причины, по которой Австро-Венгрия должна была возобновить военные действия против России; ведь благодаря новому договору с Украиной Россия и Австро-Венгрия перестали быть сопредельными государствами[1].

«Мы никогда не подрывали условия для проведения успешных переговоров. Мы хотели, чтобы аналогичной позиции придерживалась и другая сторона», — писала газета «Цайт» от 3 февраля, имея в виду под «другой стороной» Германию. «Рабочая газета» писала еще откровенней: «Следует сделать все возможное, чтобы избежать вовлечения нас вновь, против нашей воли, в войну с Россией». Власти разделяли беспокойство и озабоченность граждан по поводу возобновления военных действий, и 4 февраля доктор Шидлер сообщил графу Гертлингу, что в случае возобновления военных действий Австро-Венгрия не будет принимать в них участие.

И действительно, у правительства Австро-Венгрии вполне хватало внутренних трудностей, чтобы создавать еще допол-

---

[1] Как уже отмечалось, Австро-Венгрия и Германия признали Украину независимым государством, и бывшая российско-австрийская граница «превратилась» в украинско-австрийскую.

нительные за пределами страны. Опасения Чернина относительно негативной реакции польского населения на передачу Украине Холмской области полностью оправдались. Поляки, добивавшиеся участия их представителей на мирных переговорах, в чем им было отказано, теперь категорически заявляли, что Австро-Венгрия не имеет никакого права передавать этот район Украине, «отрывая от Польши часть живого тела». Холмская область была выведена в 1912 г. царским правительством из входившей в состав России части Польши и включена непосредственно в территорию самой России; и вот теперь данный договор вновь повторил одну из тех несправедливостей, которые Польше пришлось вынести от Российской империи в последние годы ее существования.

В то время как в Вене с радостью праздновали заключение мира с Украиной, польские газеты Варшавы и Люблина вышли с траурными черными рамками, скорбя по поводу насильственного отторжения Холмской области. В Варшаве, Кракове и Лемберге были объявлены всеобщие забастовки; Совет министров Польши 1 февраля ушел в отставку; а три регента — принц Любомирский, архиепископ Краковский и граф Островский — опубликовали манифест, напоминавший по стилю времена Средних веков, в котором говорилось: «Перед ликом Всевышнего и перед всем миром; перед людьми и судом истории; перед народами Германии и Австро-Венгрии Регентский совет Польши выражает протест против нового раздела Польши, отказывается дать на это свое согласие и расценивает его как акт грубого насилия». «Польский клуб» в австрийском парламенте, объединявший шесть политических партий Польши, также выступил с энергичным и решительным протестом. Польские части демонстративно покинули австрийские войска по всему фронту и направились прямо в самую гущу неразберихи и революционного насилия, творившихся тогда на Украине. Многие там и погибли, а те, кто выжил, впоследствии воевали за свободу Польши на стороне Антанты.

Настроения как за, так и против мирного договора стремительно росли, обстановка все более и более накалялась и достигла своей кульминации на заседании нижней палаты австрийского рейхсрата 6 февраля. Когда в зале появился молодой украинский лидер Севрюк, один из тех, кто подписал договор от имени Рады, последовал взрыв негодования со стороны польских и чешских депутатов. «Как можно подписывать мирный договор с этим двадцатидевятилетним молокососом! Это скандал! Выставить его отсюда вон!» — кричали разъяренные чеш-

ские депутаты. Депутаты-украинцы, показывая на Севрюка, кричали в ответ: «Вы, чехи, ведь свободные и культурные люди; как можно так встречать уважаемого гостя! Постыдились бы!» В это время молодого человека, который стал объектом этой перепалки и который не понял, что о нем говорили, поскольку не знал немецкого, под благовидным предлогом дипломатично и аккуратно вывели из зала.

Депутат от социал-демократов Винклер, выступивший в поддержку договора с Украиной, тоже не заставил присутствующих скучать. Подчеркнув, что заключение договора позволило избежать голода, он достал и показал депутатам крайне неаппетитного вида кукурузную лепешку: «И это мы должны есть!»

Уступая объединившимся в критике договора польским, чешским и словацким депутатам, которые обрушили на присутствующих бурю возмущения, Шидлер заявил перед закрытием заседания, что Холмская область не будет автоматически передана Украине, а будет заключено дополнительное соглашение, согласно которому и образуется комиссия из представителей Четверного союза, Украины и Польши; она и определит будущую судьбу этой области в соответствии с волеизъявлением ее населения.

Однако эта полумера не могла восстановить доверие и поддержку со стороны поляков, которые без всякого энтузиазма восприняли это предложение; той поддержке, которую они ранее оказывали Центральным державам, пришел конец. Поляки мечтали о создании независимого польского государства; эти мечты и надежды укрепились после выступления Вильсона, который упомянул польский вопрос в своих «14 пунктах», поэтому их симпатии стали все более склоняться на сторону Антанты. Они считали, что монархии Габсбургов и Гогенцоллернов предали их и этому предательству не может быть прощения; теперь им приходилось искать кого-то другого, кто бы оказал поддержку в осуществлении их национальных чаяний.

Таков был первый урожай «мертвых яблок», выращенных в Брест-Литовске.

7

А Петроград все еще продолжал жить в нереальном мире. Советская делегация возвратилась в столицу с тем же восторженным оптимизмом, с которым она покинула Брест. Лейтмотивом этого оптимизма было простое убеждение: «Немцы

не смогут напасть на нас, после того как мы объявили об окончании войны». И надо сказать, такая точка зрения имела под собой некоторые основания. Перед отъездом делегации из Бреста Криге заверил Иоффе, с которым у него были очень хорошие отношения, что в настоящих условиях о немецком наступлении не может быть и речи; по прибытии делегации в Петроград аналогичные заверения делал граф Мирбах, который с момента подписания соглашения о перемирии находился в столице, ведя переговоры о возобновлении торгово-экономических отношений и обмене пленными, и теперь собирался вернуться в Берлин. Более того, весть о решении Кюльмана и Чернина считать, что между сторонами фактически установлен мир, быстро достигла Смольного.

Одновременно происходило восстановление отношений между большевиками и правыми эсерами, которое сопровождалось чуть ли не объятиями. Правые эсеры всячески превозносили стратегию Троцкого, подчеркивая, что благодаря его уму и проницательности удалось не допустить, чтобы страна оказалась в совершенно неприемлемой и нетерпимой ситуации. Большевистская печать продолжала перепевать старый миф о рабочей солидарности германского и австрийского пролетариата. «Центральные державы оказались в сложном положении, — ликовала «Правда». — Они не могут продолжить агрессию, не обнажая при этом свои людоедские клыки, с которых стекает человеческая кровь. Ради интересов социализма, а также и ради их собственных интересов австро-германские трудящиеся массы не позволят совершить насилие над революцией». Но Центральные державы меньше всего возражали против того, чтобы «обнажить свои людоедские клыки», а австро-германские трудящиеся массы оставались пассивны.

Троцкий и сам не был полностью уверен, что военные действия не возобновятся. 1 февраля 1918 г.[1], выступая на заседании ЦИК с подробным докладом о работе делегации в

[1] С 1 февраля 1918 г. в стране вступил в действие декрет о введении в Российской Республике западноевропейского календаря; в декрете, в частности, говорилось: «В целях установления в России одинакового почти со всеми культурными народами исчисления времени Совет народных комиссаров постановляет ввести, по истечении января месяца сего года, в гражданский обиход новый календарь. В силу этого... первый день после 31 января сего года считать не 1 февраля, а 14 февраля, второй...» Все даты в книге приведены по старому стилю; а соответственно, с 1, то есть 14, февраля уже будут даваться по новому. Соответственно, упомянутое заседание ЦИК состоялось 14 февраля 1918 г.

Брест-Литовске, он рассказал о ходе переговоров, а также подробно обосновал ту линию, которой он придерживался. В заключение он сказал: «...я не могу утверждать, что вероятность нового наступления немцев полностью исключена. Такое заявление было бы слишком рискованно с учетом того, какое влияние имеет в Германии империалистическая партия. Но я думаю, что при той позиции, которую мы заняли, наступление поставило бы германских милитаристов в очень сложное и неудобное положение».

Это заявление было далеким от истины, но гораздо менее далеким, нежели безудержный оптимизм остальных членов делегации в Брест-Литовске, который передался и членам ЦИК. По предложению Свердлова была принята единогласно резолюция, которая одобряла «деятельность нашей делегации в Брест-Литовске»; такое настроение было характерно для всех политических партий и местных Советов.

Однако среди всего этого общего стихийного энтузиазма один человек не был им охвачен и оставался настроенным весьма скептически. Ленин считал всю ситуацию довольно искусственной, это была мечта, фантазия, сон, за которыми должно было последовать ужасное пробуждение. Да, внешне все выглядело в пользу Троцкого, но Ленин внутренне ощущал, что на самом деле все не так. Он голосовал на заседании ЦИК за резолюцию Свердлова, но явно ощущал всю нереальность происходящего. Он не верил, что немецкие рабочие смогут воздействовать на правительство, а тем более на настоящих правителей Германии — Верховное командование и заставить его отказаться от того плана действий, который им уже намечен. И никто его не мог убедить, что этот план не будет реализован в форме демонстрации силы по отношению к беззащитному противнику.

«Они не обманут нас?» — раз за разом спрашивал он Троцкого. Получив ответ, что вроде бы нет, не должны, Ленин кивал с некоторым облегчением: «Хорошо, если так. Приличия соблюдены, а война окончена».

Вокруг была масса вопросов, требовавших его внимания. Проблемы, связанные со строительством социалистического государства, вставали в полный рост и приобретали гигантское значение. Голод и гражданская война угрожали самому существованию режима. Он вновь и вновь возвращался к вопросу о мире, просчитывал все снова и снова. Даже если немцы обманули их, все равно о прекращении перемирия они должны будут предупредить за 7 дней до начала военных действий.

Надежды большевиков на мир рухнули резко и неожиданно. 16 февраля Ленин и Троцкий встречались в Кремле с Карелиным и еще одним представителем левых эсеров. Ленину принесли сложенное письмо, и, не прекращая беседы, он прочитал его. Это была телеграмма от генерала Самойло, оставшегося в Бресте. В ней говорилось:

«Сегодня генерал Гофман официально уведомил меня, что перемирие с Российской Республикой прекращается 18 февраля в 12 часов дня, после чего в тот же день будут возобновлены военные действия. В связи с этим он попросил меня покинуть Брест-Литовск.

Генерал *Самойло*».

Лицо Ленина было неподвижно. Ни один мускул на лице его не дрогнул. По нему совершенно невозможно было видеть, что он получил плохие новости. Ленин передал бумагу Троцкому, ничего не сказав, но показав взглядом, что она очень важна. Он, правда, постарался побыстрее закончить встречу, а когда все ушли и они остались с Троцким наедине, Ленин не мог уже сохранять спокойствие.

«Итак, они обманули нас! — вскричал он. — Обманули и выиграли целых пять дней. Этот хищник своего не упустит. Остается немедленно подписать мир на старых условиях, если немцы все еще на это согласны».

«Надо подождать, пока Гофман действительно начнет наступление», — сказал Троцкий.

«Но это будет означать потерю Двинска и множества артиллерийских орудий».

«Конечно, придется чем-то пожертвовать, но нам необходимо, чтобы немецкие войска вторглись на нашу территорию, для того чтобы рабочие Германии и Антанты смогли понять, в какой ситуации мы оказались».

Опять тот же старый миф, в который Ленин не верил и который ему приходилось столько раз выслушивать за последние недели. Опять эта старая сказка, из которой он сам давно уже вырос. Он позволил им пойти своим путем, позволил поиграть в революцию, и это закончилось катастрофой. Теперь эти *сволочи* должны и будут слушать и делать то, что скажет он[1].

---

[1] Сразу после того, как Троцкий огласил в Бресте свою формулу «ни войны ни мира», В.И. Ленин сказал: «Эта неопределенность нам обойдется дорого».

«Нет, — объявил он свое решение, — нельзя больше терять ни минуты. У вас была возможность испробовать ваш подход, и он не сработал. Гофман может и будет наступать. Речь идет не о Двинске, а о судьбе революции. Медлить больше нельзя. Нужно подписывать немедленно. Этот хищник прыгает быстро».

Фикция под названием «ни войны ни мира» прекратила свое существование.

Глава 7

«ТИЛЬЗИТСКИЙ МИР»

1

Вечером 17 февраля 1918 г. в Европе не было более удовлетворенного и довольного человека, чем находившийся в цитадели Брест-Литовска генерал-майор Макс Гофман. Он почувствовал явное облегчение и прилив бодрости оттого, что это столь раздражавшее его политическое столпотворение, если не сказать толкотня, продолжавшееся на протяжении последних двух месяцев, наконец закончилось. Цитадель снова обрела суровый и строгий вид, присущий Ставке командования и штабу Восточного фронта; наконец-то ее покинула эта свора медлительных и нерешительных гражданских политиков, а также большевики, ведшие себя провоцирующе и вызывающе. С ними исчезла и та атмосфера неискренности и лицемерия, присущая всему периоду переговоров. Гофману откровенно надоели эти спектакли и «фехтовальные поединки», и он был искренне рад, что теперь Германия собиралась сделать то, что следовало сделать еще несколько недель назад: продиктовать свои условия мира, опираясь на силу штыков армии.

Утром генерал получил по телеграфу протест от Троцкого в связи с несоблюдением срока прекращения перемирия и возобновления военных действий; в депеше с некоторой долей иронии отмечалось, что полученная генералом Самойло телеграмма «не исходит от тех лиц, кем она подписана», и выражалась просьба разъяснить это «недоразумение».

Гофман не счел нужным отвечать.

«Завтра мы возобновляем боевые действия против большевиков, — записал он в дневнике. — Другого пути нет; иначе эти звери сожрут украинцев, финнов и прибалтов, потихоньку создадут новую революционную армию и превратят всю

Европу в свинарник... Вся Россия сейчас — это одна грязная помойная куча, кишащая червями и паразитами»[1].

Так Гофман «обосновывал» начало германского наступления. На самом деле надо было просто завершить разработанную и намеченную программу территориальных захватов и обеспечить осуществление тех уступок, которые удалось получить по договору с Украиной; но для всего мира следовало показать, что речь идет о защите нерусских областей от разрушительной угрозы большевизма.

Было выпущено обращение к русскому народу принца Леопольда Баварского, который разъяснял, что германские армии ведут наступление в интересах цивилизации и что оно направлено против правительства большевиков. Они идут как спасители, а не как завоеватели для того, чтобы уничтожить тиранию, «которая держит в своих покрытых кровью руках лучших сынов как вашего народа, так и поляков, литовцев, латышей и эстонцев».

Немцы вели активную воздушную разведку русских позиций в течение всего 17 февраля, а на рассвете 18 февраля немецкие солдаты, одетые в серую полевую форму, перешли в наступление; на северном направлении был взят Двинск, на южном — Луцк. Это продвижение нельзя было назвать наступлением в строго военном смысле слова, поскольку русские войска не оказывали никакого сопротивления. Они были еще в большей степени деморализованы, чем предполагали немцы. Большая часть солдат уже разошлась по домам. Оставшиеся части находились в состоянии полного разложения; происходило либо массовое бегство, либо массовая сдача в плен; был случай, когда 600 казаков сдались одному лейтенанту и шести солдатам. Старая русская армия, которая была уже давно смертельно ранена, распадалась на части; железные дороги и вокзалы, дороги и проселки были буквально наводнены солдатами. Красная армия еще не была создана и только начинала формироваться в этой ужасной обстановке хаоса и разложения.

19 февраля германское командование получило телеграмму за подписью Ленина и Троцкого, в которой говорилось о согласии с мирными условиями, выдвинутыми в Бресте. Но Германия не хотела слишком быстро возобновлять переговоры;

[1] Автор, наверное, ничем бы не испортил свою книгу, если бы не стал ее пачкать подобными цитатами.

до этого она хотела занять территории в районе Чудского озера. Гофман, в соответствии с полученными из Крейцнаха инструкциями, стал затягивать время. Он уведомил Петроград, что согласие большевиков на мирные условия, выдвинутые в Бресте, должно быть выражено в письменной форме и передано «германскому коменданту Дюнабурга (Двинска)». К вечеру 20 февраля из Петрограда пришло сообщение, что курьер с этим документом уже выехал.

«Троцкий, судя по всему, дьявольски спешил, ну а мы — нет», — записал Гофман в тот вечер в своем дневнике. Несмотря на отсутствие сопротивления, германские войска продвигались не так быстро, как рассчитывало командование, что было вызвано отсутствием транспорта. В то же время определенный результат был достигнут. Хотя Гофман и не рассчитывал «победно прибыть в Петроград со скоростью курьерского поезда», за 124 часа наступления его войска продвинулись на 240 километров практически по бездорожью и в суровых условиях русской зимы. Было захвачено 2 тысячи артиллерийских орудий, тысячи пленных, а также большое количество автомобилей, паровозов и грузовиков. Помимо всего прочего, генерал имел возможность и откровенно повеселиться. «Это была самая комичная война, с которой мне когда-либо приходилось сталкиваться, — записал он. — Мы сажали на поезд небольшое количество пехотинцев с пулеметами, устанавливали орудие и отправляли поезд до ближайшей станции. Там мы брали в плен находившихся в данном месте большевиков, брали на поезд еще небольшое количество пехоты и ехали дальше. Так и осуществлялось продвижение вперед; при этом удовольствие доставляло определенное чувство новизны».

Согласие большевиков на условия мира достигло Берлина 21 февраля, а к 23 февраля в Смольном был получен ответ; Ленин увидел перед собой ультиматум, причем теперешние условия были гораздо хуже предыдущих. То, что происходило вокруг, можно было сравнить лишь с Горлицким прорывом летом 1915 г., когда русская армия практически обратилась в бегство, а укрепленные пункты падали как карточный домик.

В ходе наступления немцы заняли города, с которыми были связаны исторические события русской революции: Псков, где Николай II отрекся от престола в специальном поезде, не проявив при этом никаких эмоций и продемонстрировав столь странное и удивившее окружающих безразличие к происходящему; Могилев, где генерал Духонин был растерзан за попытку оставаться верным делу союзников. В Ливонии и Эстонии

немецкие войска радостно встречали представители высших и средних классов, которые рассматривали их как спасителей от большевистского террора; причем это были не только прибалтийские немцы, но даже латыши и эстонцы. Крестьяне и рабочие, вкусившие радость неограниченной власти, были молчаливы и подавлены.

24 февраля большевики сообщили о принятии условий ультиматума, и Крыленко запросил Гофмана по радио, будут ли условия перемирия такими же, как и до 18 февраля, и вступает ли перемирие сейчас же в силу. На это Гофман ответил следующее:

«Старое соглашение о перемирии прекратило свое действие и не может быть возобновлено. В соответствии с пунктом 10 германских условий мира, переданных 21 февраля, мир должен быть заключен в течение 3 дней со дня прибытия русских представителей в Брест-Литовск. До этого времени война будет продолжаться... в целях защиты Финляндии, Эстонии, Ливонии и Украины».

Два дня спустя наступавшие немецкие войска достигли Чудского озера и Нарвы, где были остановлены. Русским сообщили, что они могут присылать своих представителей в Брест-Литовск для заключения мира.

Приедет ли подписывать мир лично Троцкий, или «идти в Каноссу»[1] придется кому-то другому, пока не ясно, писал Гофман, но в любом случае «товарищам теперь придется проглотить то, что мы перед ними поставим».

На юге австро-германские войска продолжали продвигаться в глубь Украины по направлению к Киеву.

2

А в это время Ленин в одиночку вел свою исторически важную борьбу. С его точки зрения, в создавшейся ситуации не было ничего хорошего, поскольку на смену неуемному и необоснованному оптимизму пришло не стремление к миру, а желание немедленно начать революционную войну. Рабочие

[1] Каносса — замок в Северной Италии. В 1077 г. германский император Генрих IV, потерпев поражение в борьбе против римского папы Григория VII, три дня простоял в одежде кающегося грешника перед воротами этого замка, чтобы снять с себя отлучение от церкви и вернуть власть императора. Отсюда и возникло выражение «идти в Каноссу» — идти с повинной, идти на унижение перед противником.

кварталы Москвы и Петрограда буквально бурлили от негодования в связи с наступлением немцев, однако их гнев был направлен вовсе не против тех, кто обещал им, что подобное развитие событий невозможно. В те трагические дни и ночи после 17 февраля десятки тысяч людей выразили готовность встать на защиту революции, однако никто не вел среди них организационной работы, чтобы воспользоваться этим порывом.

Ленин оставался совершенно спокоен среди всей этой революционной истерии. Кризис разразился, как он это и предполагал, и теперь он пытался сделать все возможное, чтобы этот кризис преодолеть и взять сложившуюся чрезвычайную ситуацию под контроль. Никогда за всю свою политическую жизнь ему не приходилось проявить столько мужества, как теперь, и никогда он настолько не возвышался над остальными соратниками в части глубокого проникновения в ситуацию и понимания всех последствий, которые могли бы иметь место.

Первым делом он напомнил Троцкому об их договоренности 9 января. Троцкий тогда согласился, что в обмен на поддержку Лениным его формулы «ни войны ни мира» он ни при каких обстоятельствах не будет выступать за революционную войну. Троцкий и теперь не был согласен, что его формула была ошибочна, он также не разделял точку зрения Ленина о необходимости немедленно заявить о готовности заключить мир, полагая, что этого не следует сделать до тех пор, пока наступление немцев действительно не начнется и не станет свершившимся фактом. На заседании ЦК партии 17 февраля 1918 г. предложение Ленина о немедленном принятии германских мирных условий не прошло: 5 голосов было подано за и 6 — против. В то же время предложение Троцкого сейчас мирных условий не принимать, а дождаться того, какой будет реакция трудящихся масс России, Центральных держав и Антанты на наступление немцев, было поддержано 6 голосами против 5. Тогда Ленин поставил вопрос ребром, сформулировав его следующим образом: «Если мы будем иметь как факт немецкое наступление, а революционного подъема в Германии и Австрии не наступит, заключаем ли мы мир?» Бухарин и другие сторонники революционной войны, включая Крестинского, при голосовании по этому важнейшему вопросу воздержались; Иоффе голосовал против. Большинство вместе с Лениным проголосовало за это предложение.

Как голосовал по этому вопросу Троцкий, стало одной из загадок, связанных с этой необычной и таинственной лично-

стью. Согласно протоколу заседания, составленного во время его проведения, он голосовал вместе с большинством за заключение мира. Однако, когда эти протоколы были вновь опубликованы в 1928 г., из них уже следовало, что он при голосовании воздержался. Это стало одним из пунктов обвинений против него, на основании которых он был выслан из страны.

Независимо от того, как он в действительности проголосовал, Троцкий в то время по-прежнему продолжал выдавать желаемое за действительное. Он не мог отказаться от надежды, что все-таки в последний момент немецкие солдаты откажутся наступать, а немецкие трудящиеся поднимутся на борьбу, протестуя против войны. Поэтому он вновь обратился к ним с отчаянными призывами.

В течение 16 и 17 февраля Бюро революционной пропаганды при Наркоминделе работало с удвоенной энергией. Троцкий и Радек отчаянно бились над этой безнадежной затеей. Были выпущены тысячи листовок и специальный номер газеты «Факел» для немедленного распространения в немецких окопах. Троцкий был уверен, что простые солдаты откликнутся на этот страстный последний призыв.

Наступил серый и сумрачный рассвет 18 февраля. Самые худшие опасения Ленина оправдались. Были взяты Двинск и Луцк; велось наступление на Украину. Последние слабые надежды на солдатский мятеж и революцию рухнули окончательно. Вопрос теперь стал ребром: мир или война.

Вновь ЦК партии собрался на заседание. Ленин повторил свое предложение о немедленном принятии предложенных условий мира. Троцкий вновь выступил против, подчеркнув, что следует обратиться к Центральным державам, чтобы они вновь сформулировали свои условия. Сталин на этот раз начал склоняться на сторону Троцкого. «Подписывать мир необходимо, — сказал он, — но мы можем и начать переговоры».

Слово взял Ленин:

«Шутить с войной нельзя... раз война, так нельзя было демобилизовать... крах революции неизбежен, если дальше занимать политику среднюю... Теперь нет возможности ждать. Это значит сдавать русскую революцию на слом... Если запросить немцев, то это будет только бумажка... Бумажки мы пишем, а они пока берут склады, вагоны... История скажет, что революцию вы отдали. Мы могли подписать мир, который не грозил нисколько революции... Теперь поздно «прощупывать»... Революция в Германии еще не началась, а мы знаем, что и у нас наша революция не сразу победила. Здесь говорили, что

они возьмут Лифляндию и Эстляндию, но мы можем их отдать во имя революции. Если они потребуют вывода войск из Финляндии — пожалуйста, пусть они возьмут революционную Финляндию. Если мы отдадим Финляндию, Лифляндию и Эстляндию — революция не потеряна... немцы хотят хлеба [с Украины] — они его возьмут и пойдут назад... Я предлагаю заявить, что мы подписываем мир, который вчера нам предлагали немцы...»

Однако здравые аргументы Ленина не сразу возымели воздействие на присутствующих. Яростные споры продолжались в течение трех часов. Но разум в конце концов восторжествовал. Уже поздним вечером Троцкий склонился к поддержке ленинского предложения, и оно было принято 7 голосами против 6. За голосовали Ленин, Троцкий, Сталин, Свердлов, Сокольников, Зиновьев и Смилга; против — Бухарин, Иоффе, Ломов, Крестинский, Дзержинский и Урицкий. Около полуночи Гофману была направлена радиограмма, уведомляющая германское правительство, что, решительно и до конца выражая свой протест, «Совет народных комиссаров видит себя вынужденным, при создавшемся положении, заявить о своей готовности формально подписать тот мир на тех условиях, которых требовало в Брест-Литовске германское правительство».

В течение четырех дней большевики не получали ответа — принимается их капитуляция или нет. Первой реакцией на их радиограмму было безапелляционное требование Гофмана, чтобы они подтвердили свое согласие в письменном виде и доставили его «германскому коменданту Дюнабурга». Курьер с этим документом был отправлен из Петрограда немедленно, но после его отбытия никаких сообщений от немцев более не последовало.

А вот Петроград не молчал — он весь буквально бурлил, причем не только политически. Здесь теперь поняли, что немцы будут неумолимо наступать, пока не возьмут Петроград. Буржуазия этому очень радовалась и открыто заявляла о поддержке Гогенцоллернов. Посольства стран Антанты спешно готовились к эвакуации из Петрограда.

Меньшевистские и эсеровские газеты резко критиковали большевиков за их пассивную и трусливую политику. Влиятельная группа московских большевиков ушла со своих партийных постов, выражая таким образом несогласие с линией Центрального комитета, и заявила, что будет открыто вести агитацию за революционную войну. Даже союзники большевиков, левые эсеры, подвергли критике большевистскую по-

литику в своих газетах. Никогда в России с такой яркостью не проявлялась свобода слова, как в те дни.

В Петрограде царил полный беспорядок; вся городская жизнь выглядела крайне странно и необычно. Население города голодало; это не касалось богатых, у которых еще сохранились деньги. Рестораны и кабаре продолжали работать и были переполнены; по воскресеньям по-прежнему проводились скачки. Однако ночью улицы были во власти наводнивших город и державших всех в страхе банд грабителей, вооруженных винтовками и ручными гранатами, от которых в равной степени страдали как богатые, так и бедные. Однажды от них пострадал и член ЦИК, а позднее руководитель Петроградской ЧК Урицкий: его вытащили из машины, когда он возвращался из Смольного, раздели буквально догола, и ему дальше пришлось идти в таком виде. Осторожные и благоразумные люди не выходили на улицу одни, когда стемнеет. Они шли группами или парами посередине улицы, крепко сжимая в карманах револьверы.

В разгар всего этого бедлама большевики пытались овладеть ситуацией и взять ее под контроль. Молчание со стороны Германии было расценено как явный намек на то, что там ожидают лишь безоговорочной капитуляции со стороны России. В связи с этим влияние Бухарина и его сторонников стало расти. Большевистские газеты были проникнуты воинственным духом в отношении Германии, а Троцкий опять возобновил попытки установить контакт с посольствами стран Антанты.

На этот раз ситуация была еще более сложной. Большевики ничего не сделали для того, чтобы добиться расположения союзников. Более того, они арестовали румынского посланника и тот золотой запас, который он хранил. В результате энергичного протеста со стороны дипломатического корпуса посланник Диаманди был освобожден, однако золото осталось у большевиков[1].

---

[1] Советское правительство пошло на этот чрезвычайный шаг в связи с разоружением румынскими властями 49-й дивизии нашей армии и арестами среди русских солдат. В.И. Ленин подписал «Ультиматум румынскому правительству от Совета народных комиссаров» и дал предписание народному комиссару по военным делам о немедленном аресте всех членов румынского посольства и военной миссии. По получении гарантий подобающего отношения к нашим солдатам В.И. Ленин в ночь с 1 на 2 января написал распоряжение комиссару Петропавловской крепости об освобождении из-под ареста румынского посланника и всех чинов румынского посольства.

Вслед за этим 10 февраля было объявлено об отказе правительства Советской России признавать внешние долги, образовавшиеся до Октябрьской революции, на сумму около 14 млрд рублей (сюда входят довоенные и военные долги); из низ 12 млрд руб. — это долги государствам Антанты и связанным с ней странам. Последовавшие протесты в связи с этим шагом остались без ответа.

С другой стороны, Ленин и Троцкий были убеждены, что немцы заключили секретную договоренность с Антантой об уничтожении Советской власти и «заключении мира на Западном фронте на костях русской революции».

В то же время Троцкий понимал, что новое немецкое наступление может помочь соединить, казалось бы, несоединимое и навести мост через ту пропасть, которая разделяла Советскую Россию и государства Антанты. Для Антанты большевики могли бы стать орудием против германского милитаризма, а Антанта для большевиков — аналогичным орудием, направленным против злейшего и смертельно опасного врага революции. Поэтому Троцкий запросил через Локкарта, Робинса и Садуля, на какую помощь со стороны государств Антанты может рассчитывать советское правительство в том случае, если оно объявит «священную войну» Германии.

Результат стал более обещающим, чем он предполагал. На переданный через Садуля запрос первым отреагировал французский посол Нуланс. 21 февраля он в телефонном разговоре с Троцким сообщил следующее: «Оказывая сопротивление Германии, вы можете рассчитывать на военную и финансовую поддержку со стороны Франции»; примеру Нуланса последовали послы США, Японии и Италии, а также временный поверенный в делах посольства Англии. Французские и английские офицеры-подрывники оказали немедленную помощь в уничтожении железных дорог для того, чтобы препятствовать продвижению германских войск.

В какой-то момент показалось, что и Ленин заколебался. На него произвели сильное впечатление сообщения о том, что немецкие войска высадились в Финляндии и, разгромив отряды Красной гвардии, свергли советское правительство в Гельсингфорсе. Сначала он решил, что оказание вооруженного сопротивления теперь неизбежно, однако, сделав отчаянное усилие над собой и взяв себя в руки, он объявил, что нельзя ни в коем случае отступать от политики фактической капитуляции и безоговорочного признания германских мирных условий. Никто не видел так хорошо и отчетливо, как он, сколь

шатким и неустойчивым было положение советского правительства в тот момент. «Вчера мы твердо держались в седле, — заметил он Троцкому, — а сегодня мы лишь держимся, вцепившись в гриву. Я думаю, это будет уроком, который наконец дойдет до наших чертовых нигилистов... Это будет очень хорошим уроком, если, конечно, немцы и белогвардейцы не сбросят нас». Затем, с грустной усмешкой, он сказал Троцкому: «Если белогвардейцы убьют вас и меня, вы думаете, тогда Бухарин сумеет найти общий язык со Свердловым?»

Прошло 21 февраля; из Берлина не было никаких сообщений; наступление немцев неумолимо и неуклонно развивалось. Лидеров большевиков охватили паника и отчаяние. Казалось, остался один-единственный выход — погибнуть сражаясь. Они выпустили обращение к русскому народу, гласившее — что звучало несколько странно и необычно, — что «социалистическое отечество» оказалось в опасности, и объявлявшее о поголовной мобилизации всего здорового населения на защиту революции. Никакие исключения не предусматривались. «В случае отказа или сопротивления — расстрел», — говорилось в обращении.

На следующий день, 22 февраля, ЦК партии собрался на заседание, чтобы обсудить планы и шаги по организации сопротивления немцам. «Теперь совершенно ясно, — сказал ведущий заседание Свердлов, — что германские империалисты не ответят нам, а если ответят, то их условия будут для нас совершенно неприемлемыми... У нас не остается ничего другого, как защищать Советскую Республику». Троцкий сообщил собравшимся о результатах переговоров с послами союзных государств относительно их помощи в отражении наступления немцев. Он попросил поддержать это обращение при том условии, что оно не будет накладывать на советское правительство никаких политических обязательств и позволит ему и далее проводить самостоятельную и независимую внешнюю политику. Предложение было поддержано большинством присутствовавших, однако против вновь выступил Бухарин, который превратился в своего рода «революционного тори», ревнителя «истинных революционных устоев». Невозможно дотронуться до смолы и при этом не испачкаться, сказал он; совершенно недопустимо, по его мнению, идти на сделку с любым империализмом; принять помощь со стороны Антанты — это такая же измена революционным принципам, как и переговоры с Германией.

Ленин на заседании не присутствовал; он работал в соседнем помещении. Однако, когда ему сообщили о ходе обсуж-

дения, он усмехнулся. Опять Бухарин призывает к революционной священной войне, не потрудившись подумать о том, чем он собирается ее успешно вести. Ленин был против линии на оказание сопротивления, но, коль скоро империалисты к этому вынуждают и, в конце концов, нет другого выхода, а империалисты Антанты готовы оказать помощь в их борьбе с германскими империалистами, следовало поддержать это предложение и принять помощь со стороны Антанты. Никогда не изменяя своим революционным убеждениям, Ленин также никогда не позволял себе быть в плену революционной фразы. Он не особо отягощал себя правилами политической этики и считал, что для достижения цели годятся практически любые средства. Такого подхода он на практике всегда и придерживался. Ведь согласился же он получить разрешение от милитариста и империалиста Людендорфа проехать через Германию, чтобы свалить буржуазно-империалистическое правительство Керенского?

Ленин направил на заседание написанную едва разборчивым почерком записку, в которой говорилось, за какое решение он отдает свой голос: «Уполномочить товарища Троцкого отдать мой голос за принятие помощи разбойников французского империализма против разбойников империализма немецкого»[1]; предложение было принято, несмотря на яростные протесты Бухарина. «Мы превращаем партию в навозную кучу!» — кричал этот маленького роста человек, хватая себя за короткую рыжую бородку. В конце концов с ним чуть не сделалась истерика.

Это было последнее официальное заседание, на котором Троцкий присутствовал в качестве наркома по иностранным делам. Он сказал в частной беседе с Лениным, что для того, чтобы убедить Германию «в коренном изменении нашей политики» и укрепить их убеждение в искренности намерений большевиков заключить мир, ему следовало уйти в отставку с поста наркома по иностранным делам. Этот аргумент был настолько убедителен и разумен, что Ленин с ним согласился, хотя никогда не придавал большого значения использованию «парламентских методов» в революционной политике. Однако

---

[1] В связи с обсуждением в ЦК РСДРП(б) вопроса о возможности приобретения оружия и продовольствия у держав Антанты для организации отпора германской агрессии В.И. Ленин написал записку в Центральный комитет с просьбой присоединить его голос «*за* взятие картошки и оружия у разбойников англо-французского империализма».

несомненно, что, поскольку для немцев Троцкий стал символом двурушничества, изворотливости и неискренности в заключении мира, его уход с дипломатической арены определенно дал бы им ясный сигнал, что отношение к заключению мира со стороны советского правительства действительно изменилось. А неутомимого и сверхэнергичного Троцкого назначили на неблагодарный и требовавший титанических усилий пост комиссара по военным вопросам; в его задачу входила организация обороны и создание вооруженных сил Советского государства; делать эту работу приходилось практически с нуля.

Наконец, 23 февраля ситуация определилась. Курьер, отправленный из Петрограда 20 февраля, вернулся с ответом от правительства Германии. В 10 часов 30 минут утра германский ответ был передан Свердлову, и он огласил перед собравшимися членами ЦК новые германские условия мира:

«Германия соглашается возобновить переговоры и заключить мир с Россией на следующих условиях: 1) Германская империя и Россия объявляют о прекращении состояния войны. Отныне их народы готовы жить в мире и дружбе; 2) области, которые лежат западнее сообщенной российским представителям в Брест-Литовске линии и которые ранее входили в состав Российской империи, не принадлежат более территориальному суверенитету России; в районе Дюнабурга (Двинска) эта линия будет проходить по восточной границе Курляндии. Эти территории не будут иметь перед Россией никаких обязательств, вытекающих из их вхождения в прошлом в состав Российской империи. Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих территорий. Германия и Австро-Венгрия определят будущую судьбу этих областей в согласии с их населением. Области, лежащие к востоку от указанной в Брест-Литовске линии, будут немедленно очищены Германией по заключении всеобщего мира и полном окончании русской демобилизации, если иное не предусмотрено статьей 3; 3) Лифляндия и Эстляндия подлежат немедленному очищению от русских войск и Красной гвардии и занимаются немецкими полицейскими войсками до тех пор, пока местные власти будут в состоянии сами гарантировать спокойствие и порядок. Все граждане страны, арестованные по политическим мотивам, должны быть немедленно освобождены; 4) Россия немедленно заключит мир с Украинской Народной Республикой. Российские войска, а также части Красной гвардии должны быть без промедления выведены с

территории Украины и Финляндии; 5) Россия предпримет все возможное для того, чтобы гарантировать быстрое и должным образом осуществленное возвращение Турции ее анатолийских провинций. Россия признает отмену действия в Турции режима капитуляций; 6) а) Россия должна незамедлительно провести полную демобилизацию своих армий, включая и вновь образованные нынешним правительством части; б) военные суда России в Черном и Балтийском морях, а также в Ледовитом океане либо переводятся в русские порты, где должны быть интернированы до заключения всеобщего мира, либо немедленно разоружаются; военные суда Антанты, находящиеся в сфере влияния России, рассматриваются как русские; в) возобновляется торговое мореплавание в Черном и Балтийском морях, как это предусмотрено соглашением о перемирии; в этих целях должно немедленно начаться освобождение морского пространства от мин; в Ледовитом океане блокада остается до заключения всеобщего мира; 7) германо-русский торговый договор от 1904 г. вновь вступает в силу, как предусмотрено статьей 7, раздел 3, подраздел 3 мирного договора с Украиной, за исключением специальных преимуществ для азиатских стран, предусмотренных статьей 2, раздел 3, подраздел 3 Торгового договора. Помимо этого восстанавливается действие всей первой части заключительного протокола. К нему добавляются гарантии свободного вывоза и право беспошлинного вывоза руды, быстрое проведение переговоров и заключение в ближайшее время нового торгового договора, гарантирующего статус наибольшего благоприятствования до конца 1925 г., а также раздел 3, раздел 4а, подраздел 1, и раздел 5 статьи 7 мирного договора с Украиной; 8) политико-юридические вопросы регулируются на основе положений первого варианта германо-русской юридической конвенции до тех пор, пока эти положения полностью не вступят в законную силу, например, в особенности, возмещение за убытки частных лиц осуществляется на основе предложения германской стороны, а возмещение за содержание военнопленных — на основе предложения русской стороны. Россия должна в соответствии со своими возможностями принять и оказать содействие в работе Германской комиссии по защите германских военнопленных, пленных гражданских лиц, а также лиц, стремящихся вернуться на родину; 9) Россия обязуется прекратить всякую официальную или поддерживаемую официальными органами агитацию или пропаганду против союзных правительств и их государственных и воен-

ных учреждений, а также и в оккупированных Центральными державами областях; 10) вышеуказанные условия должны быть приняты в течение 48 часов. Российские уполномоченные должны немедленно отправиться в Брест-Литовск и там подписать в течение трех дней мирный договор, который подлежит ратификации не позже чем по истечении двух недель».

Когда Свердлов закончил читать, казалось, что волна бешеной и страстной ненависти и ярости буквально захлестнула зал, причем настолько сильной и жгучей, что она, казалось, ощущалась физически. Затем последовал взрыв негодования. Если условия мира, предложенные в Брест-Литовске, которые не были приняты, были тяжелыми, то эти новые условия были просто драконовскими и они буквально врезались в тело политической жизни России. Бухарин призвал к войне. Троцкий в принципе был согласен с этим предложением, но подчеркнул, что в условиях раскола в партии революционную войну вести невозможно. Он выступил за принятие германского ультиматума, надеясь на то, что если капитуляция не приведет к миру, то удастся восстановить единство партии в ходе вооруженной борьбы за защиту революции, вести которую враг их вынудил. Однако это не убедило Бухарина, и он по-прежнему стоял на своем.

Из всех присутствовавших лишь Ленин оставался спокойным и невозмутимым. Случилось худшее, самое худшее. Все, чего он опасался и о чем предупреждал, произошло. Времени на разговоры больше не было. Ультиматум истекал в 7 часов утра следующего дня. «Политика революционной фразы окончена, — сказал Ленин, — и мы должны перейти к реальному делу. Если этого не произойдет и эта политика будет теперь продолжаться, я выйду и из правительства и из ЦК. Для революционной войны нужна армия, ее нет. Значит, эти условия надо подписать. Если вы их не подпишете, то подпишете смертный приговор Советской власти через три недели»[1].

В ходе напряженной дискуссии вопрос обсуждался и рассматривался буквально со всех сторон. Никакого другого решения, кроме предложенного Лениным, не выдвигалось, да его и не могло быть, но Бухарин все не соглашался. Наконец

[1] Ленин повторил свою угрозу уйти в отставку в статье за своей подписью, опубликованной в «Правде» 23 февраля 1918 г.:

«Только безудержная фраза может толкать Россию, при таких условиях, в данный момент на войну, и я лично, разумеется, ни секунды не остался бы ни в правительстве, ни в ЦК нашей партии, если бы политика фразы взяла верх». (*Примеч. авт.*)

вопрос был поставлен на голосование. Все зависело от позиции Троцкого. Убедить большинство Ленину так и не удалось. Успех или неудача его предложения зависели от того, сколько человек воздержится при голосовании. Троцкий полностью не разделял ни позицию Ленина, ни позицию Бухарина. В этот решающий момент он колебался, в этой его слабости Ленин обвинял Троцкого еще до Февральской революции. Его симпатии были на стороне Бухарина, но здравый смысл подталкивал к поддержке точки зрения Ленина. Для того чтобы обеспечить предложению Ленина большинство, он воздержался при голосовании, и это столь важное предложение было принято 7 голосами против 4 при 4 воздержавшихся[1].

Бухарин и трое его сторонников немедленно заявили о выходе из партии.

С большим трудом Ленину удалось добиться поддержки своей точки зрения лишь незначительным большинством, но положительное решение ЦК партии означало и поддержку его предложения Совнаркомом. Однако оно еще должно было быть одобрено Петроградским Советом и Центральным исполнительным комитетом съезда Советов. Заседания обоих органов проходили в Таврическом дворце, и члены Центрального комитета немедленно поехали из Смольного прямо туда.

Было уже почти 11.30 вечера, когда они прибыли в Таврический дворец. Когда они вошли в зал, там выступал бывший нарком по военным вопросам Крыленко и докладывал текущую военную обстановку. «Армии у нас нет, — говорил он. — Солдаты деморализованы и в панике разбегаются перед наступающими немцами, бросая артиллерию, транспорт и боеприпасы. Части Красной гвардии разлетаются перед противником как мухи. Только немедленное заключение мира может спасти нас от краха».

«Долой его! — кричали воинственно настроенные левые эсеры. — Долой предателя!»

---

[1] Восемь месяцев спустя, выступая на совместном заседании высших органов Советской власти 3 октября 1918 г., Троцкий имел мужество признать свою ошибку в том, что не поддержал точку зрения Ленина: «Я считаю своим долгом заявить, что в час, когда многие из нас, включая и меня, сомневались в том, стоит ли подписывать мир в Брест-Литовске, только товарищ Ленин, преодолевая наши сопротивление и возражения, твердо, упорно и с удивительной прозорливостью и дальновидностью настоял на том, чтобы мы прошли через это испытание и выдержали все трудности, пока не произойдет мировая пролетарская революция. И сейчас мы должны признать, что были не правы». (*Примеч. авт.*)

«Где наш флот?» — крикнул кто-то.

На сцену поднялся матрос из Кронштадта. «У нас нет больше флота, — сказал он. — Все рухнуло. Матросы сошли на берег, и корабли ждут, когда их возьмет неприятель».

Радек со всем своим красноречием высказался в поддержку Бухарина. «Мы не хотим войны. Мы хотим мира, но не позорного мира, не мира, за который нас назовут трусами и предателями. Весь рабочий класс поддержит нас в борьбе за честь и спасение революции».

Ленин сидел молча и ждал, когда наступит его очередь выступать. К нему подошла Александра Коллонтай, наверное его самый старый товарищ по революционной борьбе. Когда он читал 25 октября 1917 г. Декрет о мире, она плакала от радости, но теперь ее глаза сверкали гневом и жгучим презрением. «Хватит этого оппортунизма! — крикнула она. — Вы сейчас призываете нас к тому же, в чем сами всегда обвиняли меньшевиков, — к соглашательству с империалистами». Спокойный и невозмутимый, Ленин ничего не ответил; он только потирал рукой подбородок и молча смотрел прямо перед собой. Затем он поднялся на трибуну.

Его встретили насмешками и криками: «Предатель!» Те же люди, которые восторженно приветствовали его Декрет о мире, сейчас освистывали его за те упорство и настойчивость, с которыми он стоял на своем. Он окинул зал долгим и мрачным взглядом; целое море лиц; солдаты в зеленых мундирах, рабочие в тужурках без ворота и фуфайках, крестьяне в опоясанных рубахах и высоких сапогах; постепенно все затихли, и он, казалось, возвышался над ними, этот невысокий человек с крупным ртом, говорящий острыми и хлесткими фразами. Ленин начал говорить:

«Не надо позволять взять себя в плен фразе. В наши дни войны выигрывают не одним энтузиазмом, а превосходством в технике. Дайте мне стотысячную армию, которая не дрогнет перед неприятелем, и я не буду подписывать мир. Можете вы собрать такую армию? Можете предъявить что-либо, кроме пустых фраз и лозунгов?.. Если мы отступим за Урал, мы сможем продержаться против немцев еще 2—3 недели, а потом, спустя месяц, нам придется подписать мир в сто раз более худший, чем сейчас. Надо подписать этот позорный мир ради спасения мировой революции, ради того, чтобы удержать самый важный на сегодня ее оплот — Республику Советов...»

Теперь все, замерев, слушали его. Весь запал, вызванный фразами о «революционной войне», испарился. Что будет с

Советским государством, униженным, поставленным на колени? Ленин продолжал говорить:

«Вы думаете, что путь пролетарской революции усыпан розами? Что мы будем идти от победы к победе, размахивая флагами под пение «Интернационала»? Тогда быть революционером было бы слишком просто! Революция — это не легкая прогулка! Ее путь усеян шипами и колючками. Надо быть готовым, если потребуется, идти по колено в грязи, ползти на брюхе по грязи и навозу, стремясь к коммунизму, и только в такой борьбе можно победить, и мы победим...»

Ему удалось преодолеть их враждебность. Если раньше они напоминали свору яростно лающих собак, то теперь уже были послушными, напуганными, ошеломленными, уже не критикующими, а задающими вопросы.

«А как же мировая революция?» — спросил один из собравшихся.

«Мировая революция наступит, но сейчас это всего лишь хорошая сказка; очень удобная и приятная сказка», — последовал ответ.

«Но мы берем на себя обязательства прекратить агитацию против империалистов, перестать вести революционную пропаганду».

«Я думал, я имею дело с твердыми революционерами, а не с политическими младенцами, — последовал безжалостный ответ. — Вы ведь прекрасно знаете, как мы вели агитацию при царе. Вильгельм ничуть не умнее Николая».

«Но мы не можем публиковать антиимпериалистические статьи в партийной печати; это запрещено условиями мира».

«Мир подписывает ЦИК, Совет народных комиссаров, а не Центральный комитет партии. А за действия последнего советское правительство не отвечает»[1].

Шаг за шагом Ленин переубеждал своих оппонентов. Он отвечал на каждый их вопрос, парировал каждое критическое замечание, показывая, как много разнообразных средств борьбы по-прежнему оставалось в арсенале революционеров. Ему удалось преодолеть сомнения и колебания многих присутство-

---

[1] Ленин сдержал свое слово. После подписания Брестского мира Бюро революционной пропаганды при Наркоминделе (его возглавлял Борис Рейнштейн, приехавший в Петроград из Буффало, штат Нью-Йорк; его помощниками были Джон Рид и Альберт Рис Вильямс) было упразднено. Однако с удивительной быстротой было образовано Бюро иностранной политической литературы, которое продолжило ту же самую работу, причем в том же составе. (*Примеч. авт.*)

вавших. Петроградский Совет проголосовал за подписание мира.

Но отдыхать Ленину было некогда. До истечения германского ультиматума оставалось четыре часа, а затем — война. Ему предстояло еще выступить перед ЦИК и убедить его поддержать мир. Столкнувшись с еще более ожесточенной критикой и неприятием своей позиции, он вновь повторил свои аргументы, приведя голые факты, сказав горькую правду. Через три часа ему удалось одержать победу. ЦИК проголосовал за его предложение 116 голосами против 85 при 26 воздержавшихся. Однако ему не удалось переубедить своих противников, и он покидал зал под крики «Предатель!», «Иуда!», «Ты предал свою страну!», «Германский шпион!».

Ленин покинул Таврический дворец 24 февраля в 6 часов утра. Он только что подписал телеграмму германскому правительству, в которой давалось согласие на условия мира.

После титанической работы, которую ему пришлось проделать за прошедший день, он чувствовал себя совершенно опустошенным и измотанным, как морально, так и физически. Но он понимал, что успокаиваться рано и что впереди его ждет напряженная борьба. Он уже вывел эту борьбу на новый уровень. В утреннем номере «Правды», который уже распространяли на улицах Петрограда, был напечатан его знаменитый «Двадцать один тезис о мире», с которым он ознакомил своих соратников еще в январе. Сейчас подошел психологически подходящий момент для их опубликования; именно сейчас, когда вся Россия будет задаваться вопросом: «Почему они подписали этот мир?»

Ленин вышел из машины. Он поднял голову: было все еще темно и очень холодно, но на востоке то тут, то там в небе виднелись полоски света.

3

Наглядной иллюстрацией того, в какое унизительное и раболепное положение поставило Верховное командование германское правительство, является тот факт, что условия мирного договора стали известны в рейхстаге лишь после того, как они были получены и одобрены в Петрограде. Поскольку Кюльман находился в Бухаресте, где вел переговоры с Румынией, какого-либо противодействия Людендорфу никто не оказывал, не было даже каких-либо серьезных критических

замечаний; правительство выполняло роль покорной служанки Верховного командования. «Следует признать, что министерство иностранных дел и Генштаб работали очень плодотворно и согласованно», — удовлетворенно заметил по этому поводу Гофман.

Телеграмма о принятии Россией германских условий была получена в Берлине в 7.30 утра 24 февраля, однако в рейхстаге стало известно об этом лишь два дня спустя, когда заместитель Кюльмана Фрайхер фон Буш зачитал депутатам условия германского ультиматума, того самого документа, который Свердлов в совершенно иной обстановке и атмосфере зачитывал на заседании ЦК партии в Смольном. Это стало началом всплеска ура-патриотизма и самопрославления. Правые выступили с бурной поддержкой произошедшего; левые были настроены критически. «Наверное, никогда в истории тезис Аристотеля о том, что, если хочешь мира — готовься к войне, не получал столь блестящего подтверждения, — заявил в своем выступлении канцлер Гертлинг, глядя на депутатов из-под толстых линз своих очков. — Для того чтобы сохранить и защитить плоды нашего мира с Украиной, Верховное командование обнажило меч, и это принесло хороший результат в виде того мирного договора, который будет заключен с Россией». Представитель партии центра Эрцбергер демонстративно приветствовал условия мира, утверждая при этом, что они соответствуют мирной резолюции рейхстага от 6 июля 1917 г.! Но дальше всех пошел Штреземан. «Не переговоры с Троцким, не мирная резолюция рейхстага, не призыв Ватикана, — возбужденно вещал будущий лауреат Нобелевской премии мира и участник переговоров в Локарно, — а наступление, осуществленное несокрушимой германской военной мощью, принесло нам мир на Востоке».

Резкое осуждение условий договора со стороны левых прозвучало в выступлении Шейдемана. «Социал-демократическая партия Германии никогда не стремилась делать то, что сейчас делается в отношении России, — говорил он, и его седая козлиная бородка вздрагивала от возмущения. — Мы боролись, защищая нашу страну от царизма, но мы не боремся и не собираемся бороться за расчленение России... Политика, проводимая в отношении России, — это не наша политика, и она нам совершенно чужда... Мы не хотим сейчас стремиться к диктату и доминированию над другими, поскольку это приведет к тому, что нам придется заключить с Антантой мир на тех же условиях, на которых Ленин и Троцкий заключают его

сейчас с Четверным союзом». Сказав это, он сел на свое место под насмешливые крики и свист со стороны правых.

Однако многие социалисты с презрением встретили капитуляцию России. «Можно лишь содрогнуться при мысли о том, с какой легкостью большевики отдают российскую территорию, — писал Фридрих Стампфер. — Германские социал-демократы никогда бы так не поступили, окажись они в аналогичных условиях». Прошло менее года, и в Версале германским социал-демократам представилась возможность отказаться поставить свои подписи под мирным договором, который они гневно клеймили. Но они его подписали.

Вновь принц Леопольд и Гофман выступили в роли хозяев мирной конференции в Брест-Литовске. В отсутствие находившихся в Бухаресте Кюльмана и Чернина министерства иностранных дел Германии и Австро-Венгрии представляли посол фон Розенберг и барон фон Мерей. Министру иностранных дел Болгарии помогал генерал Ганчев, а бывший великий визирь Хакки-паша прибыл в сопровождении генерала Цеки-паши. Но как же изменилась общая атмосфера конференции со времени последней встречи делегатов! Теперь она такая, какой и должна была быть с самого начала, думал Гофман; никакой неопределенности, никаких затяжек и проволочек и вообще никаких глупостей. Делегаты Центральных держав съехались в Брест с ощущением полной уверенности и осознанием своей силы.

Когда представители Центральных держав прибыли 26 февраля в Брест, русской делегации там еще не было. В советскую делегацию входили Сокольников, Иоффе, Петровский, Карахан, а также Василий Чичерин, заменивший Троцкого на посту наркома по иностранным делам[1].

Делегацию также сопровождали ее невольные заложники — военные эксперты во главе с адмиралом Альтфатером

Вечером 24 февраля делегация выехала из Петрограда и благополучно достигла Пскова. Далее ехать по железной дороге она не могла, поскольку мост был взорван русскими войсками, чтобы задержать немецкое наступление. Была составлена телеграмма для отправки в Берлин, что до Бреста придется добираться на перекладных, однако возникли проблемы с тем, как ее отправить, и передача телеграммы была

[1] Чичерина звали Георгий Васильевич.

несколько задержана. Да и сам Псков был явно не тем местом, где было бы приятно «застрять». Город был недавно занят немцами, и представители буржуазии радовались освобождению от большевистского террора, не испытав еще всей жесткости и суровости немецкой оккупации. Сокольников и его спутники были очень взволнованы задержкой, поскольку опасались, что, воспользовавшись ею, немцы выдвинут еще более тяжелые условия. Русское население города осыпало членов делегации оскорблениями и ругательствами, а немецкое командование относилось к ним с холодным презрением. Во время ожидания члены советской делегации видели, как со взлетной площадки, расположенной за городом, взлетел немецкий военный аэроплан. Он исчез из вида, направившись к Петрограду, и в середине того же дня (это было 27 февраля) сбросил бомбы на набережную Фонтанки.

В конце концов днем 28 февраля делегация прибыла в Брест и сразу стала настаивать на том, чтобы военные действия были немедленно прекращены. На это Гофман ответил решительным отказом. Война закончится лишь в тот момент, как будет подписан мир. Советскую делегацию ждал еще один неприятный сюрприз. Турция в последний момент потребовала уступить ей Ардаган, Карс и Батум, уже занятые турецкими войсками. От российской делегации потребовали согласия на то, что будущее этих областей будет решено на основе права на самоопределение. По оценке участников конференции, «Турция совершенно очевидно рассчитывала сохранить за собой эти территории».

Согласно германскому ультиматуму, на заключение мира отводилось три дня, и «переговоры» начались 1 марта с пленарного заседания. Председательствующий на заседании Розенберг был полон решимости не допустить повторения попыток затягивания переговоров, что случилось на предыдущей конференции. Поэтому он призвал членов советской делегации воздержаться от ненужных длинных речей и сразу сконцентрироваться на практических вопросах. Он подробно рассказал о планах создания комиссий по политическим, юридическим и торгово-экономическим вопросам, которые должны будут рассмотреть технические детали условий будущего мирного договора. Однако, к его удивлению и даже некоторому беспокойству, Сокольников быстро и охотно согласился с его призывом к краткости и деловитости. Он заявил, что совершенно согласен с тем, что работа конференции должна быть завершена как можно скорее, и в этой связи отметил,

что в создании комиссий нет никакой необходимости, поскольку это только затянет работу. Ведь обсуждать, по сути, нечего. Центральными державами был выдвинут ультиматум, и Россия принимает те условия, которые предложены Германией. Российская делегация считает, что вся работа конференции должна осуществляться на пленарных заседаниях.

Для Розенберга и Мерея подобный поход русской делегации был весьма неприятен. Все обнажалось и становилось еще более откровенным, чем раньше. Они заявили, что не согласны со сказанным, поскольку Россию никто не заставлял принимать условия, выдвинутые Центральными державами; она это сделала по своей воле. Они вновь обратились к Сокольникову с просьбой согласиться на обсуждение технических деталей в комиссиях. Но русские не собирались отказываться от положения мученика. Они приехали сюда, чтобы подписать договор, а не вести переговоры. Обсуждение условий мира будет означать, что они согласились пойти хоть на какое-то сотрудничество, «простив» выдвижение ультиматума, а советская делегация как раз хотела избежать даже малейшей видимости того, что могло бы натолкнуть на мысль о какой-то сделке. Как отмечали наблюдатели, «если бы германский император потребовал сделать Москву своей столицей, а Урал — местом своей летней резиденции, русские подписали бы эти условия не моргнув глазом». Советская делегация потребовала, чтобы ей были немедленно предоставлены для ознакомления и изучения экземпляры основного мирного договора, а также связанных с ним дополнительных соглашений.

Получив эти документы, члены русской делегации удалились в свое помещение. Долго изучать их не было необходимости, поскольку, не считая новых турецких требований, содержание документов совпадало с содержанием ранее выдвинутого ультиматума. Быстро было принято решение, как поступать дальше. «Как мы и предполагали, — телеграфировал Карахан Ленину, — совершенно бесполезно вести обсуждение мирных условий. Они еще более худшие, чем в ультиматуме от 21 февраля... Мы приняли решение немедленно их подписать без всяких обсуждений». В другой отправленной телеграмме он просил прислать специальный поезд с охраной.

Так получилось, что из беспорядка в организации связи первая телеграмма пришла в Смольный позже, чем вторая. В Центральном комитете и Совете народных комиссаров началась настоящая суматоха. Просьба об отправке специального поезда с охраной означала одно — войну. Очевидно, пе-

реговоры прерваны, и немецкое наступление на Петроград возобновилось, причем на этот раз оно является более решительным. Были предприняты шаги по ускорению выполнения уже имевшихся планов переезда правительства в Москву, а также с отчаянной быстротой делалось все возможное для организации обороны Петрограда и защиты революции. В разгар всей этой горячки пришла первая телеграмма от Карахана, которая «охладила жар» и принесла некоторое успокоение; в ней говорилось, что делегация подписывает мир и сразу покидает конференцию[1].

Когда конференция возобновила работу 2 марта, Сокольников вновь отверг предложение о создании комиссий для обсуждения технических деталей мирного договора. С учетом того, что этот договор представляет собой мир, заключаемый в условиях диктата, на который Россия соглашается только под военным давлением со стороны германских армий, которые и сейчас продолжают наступать, советская делегация, хоть она и не имела достаточно времени для тщательного изучения полученных документов, готова подписать их на следующий день, если к этому готовы и делегации Центральных держав, но она не будет вести переговоры в обстановке насилия и диктата.

Ответное выступление Розенберга и Мерея напоминало одновременно и попытку оправдаться, и надгробный плач. Как могут русские утверждать, что мирные условия им навязаны, когда все они были обсуждены до мельчайших подробностей в ходе предыдущего периода работы конференции? Если же они утверждают и настаивают, что подписывают договор не глядя и по принуждению, то Центральные державы с такой точкой зрения согласиться не могут[2].

Но русские упорно настаивали на своем.

И вот наступило воскресенье — оно на этот раз выпало на 3 марта. Именно в воскресенье три недели назад Троцкий

---

[1] Однако, как представляется, Ленин сомневался, что заключение мира приведет к прекращению военных действий. 2 марта он отдал следующее распоряжение всем Совдепам, которое очень четко и определенно это подтверждает: «Мы полагаем, что завтра, 3/III, будет подписан мир, но донесения наших агентов в связи со всеми обстоятельствами заставляют ожидать, что у немцев возьмет верх партия войны с Россией в ближайшие дни. Поэтому безусловный приказ: демобилизацию красноармейцев затягивать; подготовку подрыва железных дорог, мостов и шоссе усилить; отряды собирать и вооружать; эвакуацию продолжать ускоренно; оружие вывозить в глубь страны». (*Примеч. авт.*)

[2] Эти же аргументы были использованы Фрайхером фон Бушем в ходе обсуждения в рейхстаге ратификации Брестского договора. (*Примеч. авт.*)

взорвал на конференции свою бомбу и уехал, пока дым еще не рассеялся. Теперь Сокольников, держась при этом гораздо более достойно, чем его предшественник, признал неизбежное. Однако сделал он это не с меньшим красноречием, чем Троцкий.

«Это не мир, заключенный на основе соглашения или взаимопонимания; это мир, с которым Россия вынуждена смириться, стиснув зубы. Это мир, по которому расположенные на российской границе области под видом их освобождения превращаются в земли, входящие в состав Германии, и лишаются таким образом права на самоопределение. Это мир, по которому под видом установления порядка оказывается вооруженная поддержка эксплуататорским классам, а на рабочий класс вновь надевается ярмо угнетения, которое было сброшено русской революцией. Это мир, по которому землю вновь возвращают помещикам, а рабочих опять загоняют в рабство к владельцам фабрик и заводов... В сложившихся условиях советское правительство... не в состоянии противостоять вооруженному нападению германского империализма и вынуждено ради спасения революционной России принять поставленные перед ней условия... Мы заявляем... что мы немедленно подписываем договор, предъявленный нам в форме ультиматума, но в то же время отказываемся вступить в какое бы то ни было обсуждение условий этого договора».

Церемония подписания мирного договора в Брест-Литовске завершилась 3 марта 1918 г. в 5 часов дня[1].

По этому договору[2] Россия теряла 34% своего населения, 32% сельскохозяйственных земель, 85% земель, занятых под посадку сахарной свеклы, 54% своих промышленных предприятий и 89% своих угольных месторождений. «Важность договора с Россией заключается в том, что правительство Германии стремилось лишь к миру на основе взаимопонимания и примирения», — писала в редакционной статье «Северогерманская всеобщая газета».

---

[1] Кюльман и Чернин поставили свои подписи под договором 7 марта 1918 г. в Бухаресте. (*Примеч. авт.*)

[2] Текст договора приведен в приложении V. Единственным добавлением к условиям ультиматума от 21 февраля были положения о немедленном оставлении Россией и выводе русских войск из районов Восточной Анатолии, которые передавались Турции, как и районы Ардагана, Карса и Батума, и о признании всеми сторонами политической и экономической независимости Персии и Афганистана. (*Примеч. авт.*)

Минул год с тех пор, как Николай II подписал манифест об отречении от престола. Революция провозгласила достижение мира своей главной задачей, и вот наконец мир был достигнут, но это был мир, бывший выше любого понимания и не укладывающийся ни в какие рамки.

4

При изучении подписанных в Брест-Литовске документов бросается в глаза, что они разрабатывались и составлялись в очевидной спешке. Главной заботой германского Генерального штаба было заключить побыстрее соглашение с Россией и сконцентрировать все внимание на подготовке решающего наступления на Западном фронте. Этот удар на западе, по мнению Генштаба, имел решающее значение, и он делал на него главную ставку. В случае успеха, то есть когда странам Антанты был бы нанесен ущерб, достаточный для того, чтобы они запросили мира, уже после решения «западного» вопроса, можно было бы не спеша, «на досуге» осваивать добытые на Востоке приобретения. В случае же неудачи на Западе можно было бы все равно изыскать возможности эксплуатировать ресурсы России. Главное, чего уже удалось достичь, — это разрыв того железного кольца блокады, которым Антанта хотела окружить Германию; теперь уже поражение ввиду угрозы голода Германии не угрожало. Сам факт того, что исчезла военная угроза с Востока, был очень важным «краткосрочным дивидендом», который уже удалось получить и который был тем более важен, что предполагалось восстановить нормальные торгово-экономические отношения с Россией.

Поэтому условия торгово-экономических соглашений выглядят на первый взгляд гораздо более мягкими и приемлемыми для России, чем политические условия, содержащиеся в заключенных договорах. Германия осуществила нужные ей территориальные приобретения очень простым способом — заявив, что определенные, довольно обширные, территории более не входят в состав России. Теперь она могла позволить себе подождать, пока не решится «западный» вопрос, чтобы потом спокойно подумать, как можно использовать те богатства, которые ей достались. А когда вопрос с державами Антанты был бы успешно решен, можно было бы компенсировать из «восточных кладовых» те затраты и потери, которые были понесены за три с половиной года войны. Так, по крайней мере,

рассуждал германский Генштаб накануне заключения договора с Россией. Более того, подписав выгодный договор с Украиной и получив по нему контроль за богатыми полезными ископаемыми и плодородными землями на юго-востоке России, немцы могли себе позволить не торопиться с освоением богатств перешедших к ним территорий основной части России.

Но политические условия договора были беспрецедентно драконовскими. Поскольку Болгария никогда не была сопредельным с Россией государством, а Австро-Венгрия после заключения договора с Украиной перестала быть таковой и иметь с Россией общую границу, то все территориальные приобретения достались Германии и Турции. Много обсуждавшийся вопрос о судьбе Польши, Курляндии и Литвы был закрыт статьей 3 мирного договора, и сделано это было в следующей редакции: «Территории, лежащие западнее линии, согласованной сторонами, и ранее принадлежавшие России, более не являются субъектами российского суверенитета... Германия и Австро-Венгрия намерены решить будущий статус этих территорий совместно с их населением». Таким образом, в качестве «ширмы» был использован вопрос о праве на самоопределение. Более того, согласно статье 6, признавался договор, заключенный между Украиной и Центральными державами, и, таким образом, независимость Украины от Российской Республики. Вся территория Украины, а также Эстонии и Ливонии должна была быть очищена от российских войск, куда должны быть введены германские полицейские силы, остающиеся там до тех пор, пока местные власти на основе соответствующих национальных институтов не смогут обеспечить безопасность и общественный порядок. В соответствии с той же статьей русские войска должны были быть также выведены из Финляндии[1] и с Аландских островов, ко-

[1] Независимость Финляндии была признана советским правительством в декабре 1917 г., и туда были направлены отряды Красной гвардии, чтобы помочь установить «Финляндскую Социалистическую Рабочую Республику». Когда правительство большевиков заключило свое первое международное соглашение, это было соглашение с Финляндией, и, по иронии судьбы, оно было заключено 1 марта 1918 г., когда части Красной гвардии были выбиты уже из Гельсингфорса белофиннами при помощи германских войск. Единственное, что представляет интерес в этом соглашении -- которое с юридической точки зрения в тот момент было столь же бесполезным и бессмысленным, как и договор между Центральными державами и Украинской радой, -- это пункт, предусматривавший, что все разногласия между сторонами должны быть урегулированы арбитражным судом, председатель которого должен быть назначен «аппаратом демократической социалистической

торые должны были стать нейтральной территорией, причем этот их статус должен был быть подтвержден соглашением между Германией, Россией, Швецией и Финляндией. Русская армия должна была быть немедленно демобилизована, а военные суда, как и суда союзников, находящиеся в русских водах, должны быть либо разоружены, либо поставлены на якорь в российских портах до подписания всеобщего мира (ст. 5). После полной демобилизации русской армии и заключения всеобщего мира Германия милостиво соглашалась вывести все свои войска с остающейся оккупированной российской территории, не упомянутой в данном договоре (ст. 4).

В соответствии с этой же статьей Россия обязалась «обеспечить немедленный вывод войск из провинций Восточной Анатолии и их законное возвращение Турции», как и области (санджаки) Ардаган, Карс и Батум, будущий статус которых должен быть определен «по соглашению с соседними странами, особенно Турцией» (и здесь витал призрак самоопределения!). Выполнение этого положения регулировалось дополнительным соглашением между Россией и Турцией, согласно которому Россия не могла размещать больше чем одну дивизию, даже в целях учебы и повышения боевой подготовки, как на границах этих трех санджаков, так и на Кавказе без предварительного уведомления об этом Центральных держав вплоть до заключения всеобщего мира. С другой стороны, Турции разрешалось держать армию на случай войны. Важность возвращения Турции этих областей — они были захвачены в 1878 г. Россией в качестве наказания Турции за невыполнение договорных обязательств — объяснялась не столько тем, что ей отходила такая крепость, как Карс, который называли кавказским Верденом, сколько передачей ей Батума, являвшегося ключом к богатым нефтяным месторождениям Баку и других районов Азербайджана и портом, через который вывозилась эта нефть, что открывало Центральным державам дорогу к эксплуатации этих месторождений.

Формула «без контрибуций» формально была зафиксирована в статье 9 договора с Россией, по которой Центральные державы отказывались от претензий к России на покрытие военных расходов и требований репарационных платежей,

---

партии Шведская левая, за исключением иных оговоренных случаев». 7 марта 1918 г. между Центральными державами и белофиннами был подписан тщательно подготовленный договор о мире, содержащий положения, касавшиеся торгово-экономических вопросов. (*Примеч. авт.*)

однако в завуалированной форме эти требования и претензии были материализованы в статье 8 (и статье 16 Соглашения по юридическим и политическим вопросам), которая регулировала обмен военнопленными. Согласно этой статье «каждая из договаривающихся сторон должна возместить другой стороне расходы, понесенные в связи с содержанием ее граждан, взятых в плен другой стороной». Но количество российских граждан, взятых в плен Германией и Австро-Венгрией, намного превышало количество пленных немцев и австрийцев, тем более если из них вычесть чехов, из числа которых доктор Массарик сформировал корпус для участия в войне против Германии. Соответственно, бремя расходов на содержание своих военнопленных, как предусматривала эта статья, у России было гораздо большим, нежели у Центральных держав. В ходе переговоров российская сторона протестовала против подобной формулировки по данному вопросу в договоре, подчеркивая, что военнопленные использовались в качестве дешевой рабочей силы и полученная в результате прибыль многократно компенсировала расходы на их содержание[1].

По расчетам российской стороны, по этой статье договора Россия должна была заплатить сумму порядка 4–5 млрд золотых рублей, однако немцы отмахнулись от этих цифр, назвав их «явным преувеличением», и статья была включена в договор. Закончим, однако, на этом рассмотрение, как на практике была применена формула мира «без контрибуций», и перейдем к другим вопросам.

Соглашения по торгово-экономическим вопросам не предусматривали простое восстановление действия договоров России с Германией и Австро-Венгрией, заключенных соответственно в 1904 и 1906 гг.; размер тарифных ставок для российских товаров был сохранен в размере, предусмотренном еще в 1903 г., причем это распространялось и на товары, не подпадавшие под обложение в соответствии с довоенными

---

[1] Статья об обмене военнопленными вызвала недовольство и в Германии. После опубликования мирного договора газеты были буквально завалены письмами от юнкеров-землевладельцев, в которых выражалось резкое несогласие с решением об обмене военнопленными, поскольку отъезд русских военнопленных нанес бы непоправимый ущерб сельскому хозяйству Германии и привел бы к катастрофе. Некоторые предлагали отложить реализацию этого пункта договора до сентября, пока не будет собран урожай; другие предлагали вывезти в Германию все взрослое население отнятых у России территорий для использования в качестве дешевой рабочей силы на сельскохозяйственных работах. (*Примеч. авт.*)

договорами и соглашениями, в то время как германские и австрийские товары освобождались от всяких тарифных платежей и получали свободный доступ на российский рынок. Немцы хотели, чтобы торговый договор, подписанный с Россией в 1904 г., оставался в силе до 1930 г. с включением в него ряда поправок и добавлений в пользу Германии, однако Россия воспротивилась этому[1], а Австро-Венгрия не проявила особого энтузиазма в поддержке требований своего союзника. С учетом этого, а также того, что время явно поджимало, а заключить благоприятное для себя соглашение можно было и позднее, Германия согласилась на то, чтобы заключить временное соглашение, действие которого истекало по заключении всеобщего мира, но в любом случае не ранее конца 1919 г. Стороны договаривались о предоставлении друг другу режима наибольшего благоприятствования в торговле, но Россия в то же время не должна была запрещать или облагать экспортной пошлиной лес и руды (пункт 3). Помимо этого положения, в остальном соглашение было взаимовыгодным; России даже предоставлялись некоторые односторонние преимущества, в частности она могла взимать налоги с тех лиц, которые приезжали в страну с коммерческими целями, и в то же время российские граждане, посещающие с подобными целями Германию и Австро-Венгрию, пользовались освобождением от налогов. При оценке великодушия подобного шага следует иметь в виду, что у России просто не было возможности воспользоваться данным преимуществом.

Наконец, важное положение содержалось в статье 2 договора, предусматривающее запрещение пропаганды. Стороны обязывались воздерживаться от любой агитации и пропаганды против правительств и государственных и военных учреждений друг друга, причем для России вводилось дополнительное обязательство не вести подобную пропаганду и агитацию и в областях, оккупированных Центральными державами. Данная формулировка представляла собой слабую попытку защититься от проникновения того вируса, появлению которого в России сама же Германия и способствовала. Насколько легко было преодолеть это препятствие, показали приведенные выше за-

[1] Германо-российское тарифное соглашение было заключено в 1894 г. после тарифной войны, которую Россия проиграла. В 1904 г., используя неудачи России в Маньчжурии и начинавшуюся революцию, Германия настояла на продлении действия этого соглашения, причем добилась включения в него положений, дававших ей еще большие преимущества. (*Примеч. авт.*)

Линия, изображенная крестиками и пунктиром, показывает линию фронта на Восточном фронте на момент подписания Соглашения о перемирии в Брест-Литовске от 2 (15) декабря 1917 г.

Договор, подписанный между Центральными державами и Украиной 27 декабря 1917 г. (9 января 1918 г.), признал независимость последней и определил прохождение линии ее западной границы от Пружан до границы Галиции у Тарнограда. Линия границы обозначена жирной штриховой линией.

После окончательного подписания договора с Россией 3 марта 1918 г. линия фронта была установлена от Нарвы до украинской границы в районе Гомеля; она показана сплошной жирной черной линией. Линия точечным жирным пунктиром, проведенная по украинской территории, показывает, с каких позиций Германия начала вторжение на Украину и на Дон, которое началось после захвата Киева и Одессы и во время которого был также захвачен Крым. Черной сплошной жирной линией обозначена самая дальная оконечность территории, оккупированной Германией.

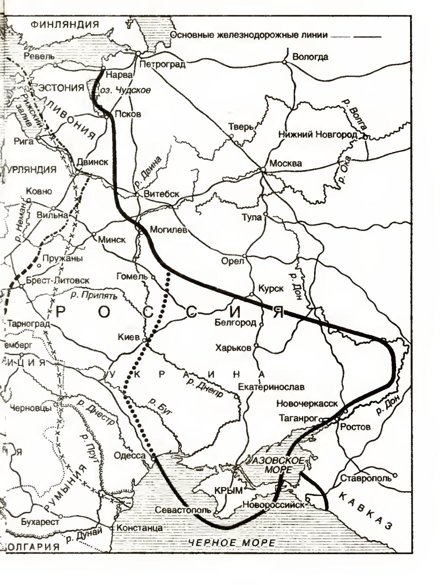
«Согласованная» линия, к западу от которой Россия отказывалась от всех территориальных прав и претензий, проходила западнее Ревеля через Рижский залив и рядом с Ригой, которая попадала в эту зону; затем она идет вдоль Двины, проходит выше самой восточной точки Курляндии — Двинска, а затем, изгибаясь, уходит на юго-восток восточнее Вильно и далее через Неман к северной границе Украины около Пружан. Обозначение проведено жирной штрихпунктирной линией.

Россия отказалась от претензий на Ливонию и Эстонию в соответствии с дополнительным соглашением от 27 августа 1918 г.

Мелким точечным пунктиром обозначены границы по состоянию на 1914 г.



ИЗМЕНЕНИЯ В РЕЗУЛЬТАТЕ ПЕРЕГОВОРОВ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ



мечания по этому поводу, сделанные Лениным в Петроградском Совете.

Таковы были основные положения мирного договора, заключенного в Брест-Литовске. Одним ударом Германия распространила свой контроль над территорией Восточной Европы, а также землями, простиравшимися от Северного Ледовитого океана до Черного моря, и получила возможность бесконтрольно распоряжаться судьбой 55 миллионов жителей России, причем все это было сделано под лозунгом мира «без аннексий, на основе самоопределения народов». А благодаря договорам с Румынией (подписан 5 марта 1918 г.) и Украиной, а также соглашению между Россией и Турцией Германия получила доступ к богатейшим запасам зерна и нефти. Такова была картина, которая открывалась перед алчным взором германского Верховного командования; такова была цена, которую заплатил Ленин за спасение русской революции.

5

Если считать умение и способность выдерживать напор критики одним из признаков великой личности, то Ленин, безусловно, являлся одним из величайших людей в истории. Не было другого человека в России и во всей Европе, которого бы так же чернили и поносили, как его, после опубликования Брест-Литовского мирного договора. Старые враги, давняя ненависть которых возродилась и усилилась, открыто обрушились на него, а старые друзья, которые вместе с ним прошли через взлеты и падения, разделяя и страдания, и радости, теперь покинули его и присоединились к тем, кто злословил в его адрес. Вновь на него посыпались обвинения, что куплен на немецкое золото; вновь обстоятельства его возвращения в Россию подавались как свидетельство его тайных связей с врагом; вновь ему на улице бросали в лицо: «Предатель!» Оказавшийся в одиночестве, но не сдавшийся и оставшийся непоколебимым, покинутый теми, кому он доверял и в кого верил, Ленин продолжал проводить ту политику, в правильности которой он был убежден, считая, что необходимо идти на вынужденные жертвы ради спасения революции.

Его противники времени даром не теряли и готовились выступить против него. К левым эсерам присоединились и «левые коммунисты» во главе с Бухариным, которые заявили о

своем выходе из партии сразу после решения Центрального комитета принять немецкий ультиматум. В эту группу помимо Бухарина входили Радек, Крестинский, Александра Коллонтай и свирепого вида нарком по делам флота Дыбенко (с ним Коллонтай была не только соратником по революционной борьбе, но и состояла в гражданском браке; судя по всему, этот брак совершенно ее измучил)[1], а также Урицкий, Покровский и Пятаков, то есть туда входили те, кого Ленин еще до революции клеймил за их колеблющуюся позицию. Теперь они объединились и стали выпускать газету «Коммунист», главной целью которой был срыв мира и разоблачение «постыдной» политики Ленина.

Личное отношение Ленина к этому мирному договору представляется достаточно ясным, хотя его довольно непросто сформулировать. Мирный договор должен быть ратифицирован, и в то же время его не следовало соблюдать. «Я не собираюсь его читать, — сказал Ленин вернувшимся из Бреста членам российской делегации после окончания конференции, — и также не собираюсь его выполнять, если только меня к этому не принудят». Для того чтобы дать объяснение кажущейся противоречивости этой двойственной (а на самом деле двуединой) политики, надо понять психологию Ленина-революционера и его отношение к той конкретной исторической ситуации, в которой оказалась русская революция. Для того чтобы спасти революцию, надо ратифицировать мирный договор. Белые армии сосредотачиваются и набирают силу на севере, востоке и юге, и для того, чтобы отразить эту угрозу, у Красной армии, которая, благодаря неиссякаемой энергии Троцкого и под его жестким контролем, мучительно и болезненно рождалась из старой царской армии, руки не должны быть связаны из-за необходимости выполнять и другие задачи. Однако следует идти на нарушение договора, причем не столько положений, касающихся политических и территориальных вопросов, поскольку для революционера вопрос о том, где проходит граница, не является основным, сколько тех его положений, которые запрещают ведение пропаганды как на территории Центральных держав, так и на территориях, только что отторгнутых от России. Хотя Финляндия, Эстония, Ли-

[1] «За последние два месяца она постарела на десять лет, — написал Садуль в то время о Коллонтай. — Что случилось? Может, виной тому были тяготы власти, может, недавние действия шведов, а может, всему виной ее брак с этим свирепым дикарем Дыбенко?» (*Примеч. авт.*)

вония, Курляндия, Литва, Польша и Украина больше не входили в состав России, Ленину ни на мгновение не приходила мысль бросить местный пролетариат на произвол судьбы, оставив его на милость новых хозяев. Вся сила и энергия работы пропагандистской машины, а также Третьего интернационала, задача создания которого была уже им поставлена, должна быть обращена к народам этих стран, как и народам Германии и Австро-Венгрии, и никакой договор не может и не должен быть этому помехой.

Было у Ленина и еще одно соображение, и оно также было сопряжено с определенными сложностями. Никто не мог поручиться, что Германия будет строго соблюдать условия мирного договора и не будет относиться к нему так же, как относился к нему и сам Ленин. Хотя наступление немцев было остановлено в районе Чудского озера, оно могло возобновиться в любой момент под любым предлогом. На юге оно продолжалось. Украина быстро превращалась в оккупированную территорию. Более того, нельзя было исключать, что всеобщее негодование и возмущение по поводу условий мирного договора, подогреваемое зажигательными призывами сверхрьяных революционных патриотов, приведет к взрыву, который повлечет за собой возобновление войны с Германией. На случай подобного развития событий Ленин хотел заручиться поддержкой «разбойников-империалистов Антанты» против «разбойников-империалистов Центральных держав».

Вот здесь и начинались сложности. На Дальнем Востоке стремительно росла угроза для русской революции, аналогичная той, которая исходила от Германии на Западе. Практически с того момента, как царская Россия начала погружаться в хаос, Япония стала ясно демонстрировать свой интерес к Сибири, а после подписания Брестского мира в Петроград стали постоянно приходить сообщения, что Япония готовится к захвату Приморья и что такой шаг получит одобрение со стороны держав Антанты. Поэтому, если придется обратиться к Антанте за помощью против Германии, эта помощь должна быть строго ограничена западными и южными районами, категорически исключая при этом какие-либо территориальные приобретения со стороны Японии на востоке. Ведь если бы Сибирь вышла из-под контроля Советской России, то страна лишилась бы значительной части тех ресурсов, которые у нее остались по Брестскому договору; при этом сибирские рабочие и крестьяне лишились бы тех завоеваний, которых они добились в результате революции. Более того, если бы эта тер-

ритория была оккупирована Японией, она превратилась бы в очаг белогвардейского движения.

Согласно германскому ультиматуму, на ратификацию мирного договора отводилось две недели, и Ленин направил всю свою кипучую и неослабевающую энергию на решение поставленных задач. Возможно, единственный актив, имевшийся в его распоряжении, заключался в том, что он был совершенно свободен от каких-либо ограничений, налагаемых необходимостью соблюдать правила игры. Игра, которую он вел, не имела правил. Его путеводной звездой было правило всех диктаторов: используй любую возможность для достижения цели.

Подготовившись к бою, Ленин собрал 6 марта VII съезд большевистской партии и одновременно ответил на резкую критику и нападки на него, сделанные в первом номере газеты «Коммунист» (от 5 марта 1918 г.). «Ни один убежденный революционер, — писали Бухарин и Радек, — не согласится с таким бесчестьем... мы должны умереть достойно, с мечом в руках и с криком: «Мир — это бесчестье, война — это честь!» Ленин ответил на этот бред с сознательной иронией, относясь к своим противникам как к парочке дерзких школяров. «Кто хочет учиться у уроков истории... — писал он, — тот вспомнит хотя бы войны Наполеона I с Германией. Много раз Пруссия и Германия заключали с завоевателем *вдесятеро* более тяжелые и унизительные (чем наш) мирные договоры... Мы заключили *Тильзитский мир.* Мы придем и к нашей победе, к нашему освобождению, как немцы после Тильзитского мира 1807 года пришли к освобождению от Наполеона в 1813 и 1814 годах. Расстояние, отделяющее наш Тильзитский мир от нашего освобождения, будет, вероятно, меньше, ибо история шагает быстрее. Долой фанфаронство! За серьезную работу дисциплины и организации!»

Эта «серьезная работа» началась в тот же день на съезде партии. Присутствовало не более 50 делегатов, поскольку Ленин был достаточно осторожен и не допустил участия в работе съезда тех большевиков, которые лишь недавно вступили в партию — Ленин иронично называл их «октябрьским урожаем» — и которые, под влиянием победы революции, проявляли столько сверхреволюционного рвения, чтобы показать, что их появление в партийных рядах не случайно, что напоминали византийского прелата, который, как рассказывает Гиббон, «считал своим долгом просить отложить церемонию его посвящения до тех пор, пока он не выполнит все существующие обряды». Однако и без них в партии существовало резкое раз-

межевание между сторонниками и противниками мирного договора, причем последние были по-прежнему полны решимости спровоцировать возобновление военных действий. Они выступали за отказ от мирного договора, как сводящего на нет значение русской революции, поскольку он запрещал революционную пропаганду за рубежом, превращая таким образом Советскую республику в инструмент империалистической политики. Также они подчеркивали, что ратификация договора невозможна и по той причине, что он отсекает революционный центр России от областей, где размещены предприятия, питающие российскую промышленность.

«Эти условия не только не дают никакой передышки, но ставят пролетарскую борьбу в еще более худшие условия, чем до этого... Подписание этого мира не только не дает никакой передышки, но и деморализует революционную волю пролетариата и тормозит развитие мировой революции. В нынешних обстоятельствах единственно возможным курсом является ведение революционной войны против империализма».

Ленин был разозлен. Эти идиоты говорят о бесчестье и «постыдности» мирных условий, но если бы они послушали его раньше, то условия не были бы такими тяжелыми. «Произошло как раз то, что я и предполагал!» — кричал он на них.

«Вместо изначальных брестских условий, мы имеем гораздо более тяжелые. Ответственность лежит на тех, кто те первоначальные условия отклонил. Этим отказом вы помогли германскому империализму, который захватил миллионы тонн наших ресурсов — орудий, боеприпасов и продовольствия... Нам все равно пришлось пойти на это (подписать мир)... Но «Коммунист» отвергает теорию передышки».

Три дня шли нескончаемые и страстные споры, съезд захлестнула разгоревшаяся яростная схватка. Наконец, 8 марта в конце дня Ленин поставил на голосование предложенную им резолюцию, главная цель и смысл которой были выражены в ее первом абзаце:

«Съезд признает необходимым утвердить подписанный Советской властью тягчайший, унизительнейший мирный договор с Германией, ввиду неимения нами армии, ввиду крайне болезненного состояния деморализованных фронтовых частей, ввиду необходимости воспользоваться всякой, хотя бы даже малейшей, возможностью передышки перед наступлением империализма на Советскую социалистическую республику».

Ситуация была обрисована перед съездом во всей ее сложности. Мы *не в состоянии* воевать, мы *должны* подписать мир.

Безжалостная и неумолимая логика и правдивость этих аргументов, взывавших к разуму и ясному рассудку, пробивалась сквозь пену и яркую мишуру цветастой и воинственной революционной фразы. В конце концов большинство решило смотреть в глаза фактам и правде жизни и проголосовало за точку зрения Ленина; предложенная им резолюция о войне и мире была принята 30 голосами против 12 при 4 воздержавшихся, среди которых был и Троцкий.

В этой борьбе, разгоревшейся внутри партии, Ленин добился успеха и отстоял свою линию. Но в ходе этой борьбы он также продемонстрировал истинное величие своей личности: хотя он был нетерпим и непримирим в отношении той глупости и слепоты, которую демонстрировали ряд его товарищей по партии, он никогда не затыкал им рот и давал возможность полностью высказать публично все свои аргументы. Он мог реагировать на их взгляды с безжалостной иронией и уничтожающей критикой, но он никогда не позволял себе прибегать к грубому подавлению их точки зрения, не говоря уже о репрессивных мерах в отношении тех, кто придерживался иной точки зрения, чем он сам. В этой борьбе Ленин не проявил абсолютно никакой мелочности; он, вне всякого сомнения, был гораздо более великодушным противником, чем Сталин некоторое время спустя. В тот момент на карту была поставлена судьба революции, но Ленин все равно давал своим противникам возможность высказаться и внимательно их выслушивал; он «уничтожал» их исключительно силой и убедительностью своих аргументов. Сталин же, когда речь шла лишь о сохранении его личной власти и того диктаторского режима, который он установил после смерти Ленина, отвечал своим критикам расстрелами и лагерями. Ленин никогда не уходил от спора по существу вопроса и отстаивал свою точку зрения в очном поединке интеллекта и аргументов, будь то в печати или перед аудиторией; Сталин же предпочитал поступать с врагами так же, как некоторые представители династий Валуа и Романовых в Средние века: «общаться» с ними, смотря на них во время суда через потайное окошко в стене за креслом, в котором сидел судья. Когда Бухарин и «левые коммунисты» взбунтовались против Ленина, он отнесся к ним как к непослушным школьникам, и через некоторое время они вернулись к нему, признав его правоту, смущенные и пристыженные. Но когда двадцать лет спустя те же люди выступили против Сталина, он не дал им возможности раскаяться.

Хотя Ленину и удалось одержать победу на съезде партии, он очень хорошо понимал, что это была всего лишь небольшая стычка по сранению с тем сражением, которое ему предстояло на открывавшемся IV Всероссийском съезде Советов. После I съезда Советов последовало июльское выступление большевиков; II съезд породил Октябрьскую революцию, III — заменил распущенное Учредительное собрание, и вот теперь IV Всероссийский съезд Советов собирался 12 марта для того, чтобы ратифицировать Брестский мир. «Левые коммунисты» и левые эсеры были готовы на все, чтобы сорвать ратификацию мирного договора. У них была возможность этого добиться, поэтому Ленин, с некоторой внутренней усталостью от постоянного убеждения всех в одном и том же, приготовился дать последний бой и добиться окончательного одобрения договора, который он в душе презирал.

Первым шагом для этого было завершение реализации планов, вынашиваемых еще Керенским, по перенесению столицы из Петрограда в Москву. Тут была одна маленькая проблема. Когда Временное правительство впервые сообщило о подобных планах, большевики в Петроградском Совете подвергли их уничтожающей критике, заклеймив как явное проявление буржуазной трусости. Особенно едко по этому поводу высказывался Троцкий. Теперь, когда большевики сменили приятное положение находящихся в оппозиции на тяжкое и суровое бремя власти, горькие плоды которого они уже успели вкусить, им пришлось самим отведать несъедобное блюдо из своих собственных слов. Но с реальной точки зрения вопрос о переносе столицы стоял сейчас гораздо более остро, чем тогда, когда это было предложено Керенским. Петроград мог стать легкой добычей германских войск и белофиннов. Вражеские аэропланы уже бомбили город, и это могло повториться вновь. Дипломатические представительства союзных государств покинули город 27 февраля и, после некоторых приключений в пути, обосновались наконец в Вологде — правда, без особых удобств — в специальном поезде. Было одно возражение против переезда, носившее эмоциональный и несколько сентиментальный характер: Петроград был городом революции, а Смольный — символом Советской власти.

Но Ленин с присущим ему реализмом все трезво взвесил и принял решение, опиравшееся на факты реальной жизни. «Как можно ставить эту сентиментальную глупость выше судьбы революции? — спросил он, как вспоминает Троцкий. — Если немцы одним прыжком достигнут города и возьмут его,

пока мы еще будем здесь, то это будет означать гибель революции. Если же правительство будет в Москве, то падение Петрограда будет всего лишь одной из серьезных потерь. Как можно не понимать таких вещей?.. Что за глупые разговоры о символическом значении Смольного? Смольный — это Смольный лишь потому, что мы здесь сейчас находимся. А когда мы будем сидеть в Кремле, символом станет Кремль». В результате Совет народных комиссаров 11 марта обосновался в Москве, в исторической части Кремля, а Троцкий был оставлен в Петрограде для организации обороны страны.

6

Ведя борьбу за мир, Ленин в то же время хотел подстраховаться на случай войны, которая могла возобновиться, если бы немцы вдруг предприняли неспровоцированную попытку продолжить наступление или же в том случае, если бы мирный договор не был ратифицирован съездом. Будучи серьезно озабочен и обеспокоен возможной японской агрессией в восточной части страны, Ленин был готов пойти на пересмотр своей политики и использовать весь свой политический вес и авторитет для того, чтобы не ратифицировать мирный договор при условии предоставления «империалистическими» правительствами Антанты и США гарантий помощи против империалистов Германии и Японии[1].

---

[1] Интервенция Японии в Сибири не вызвала полного неприятия со стороны германского министерства иностранных дел, где никогда не отказывались от надежды достичь какой-либо договоренности с Японией. Совместное использование Германией и Японией богатых ресурсов России могло бы стать хорошей основой для германо-японского сближения; согласие Японии пойти на такой шаг одновременно являлось препятствием на пути восстановления хороших отношений и взаимопонимания между Россией и Антантой. Таким образом, одобряя действия Японии в Сибири, Германия добивалась бы сразу двух важных преимуществ. Однако ряд хорошо знавших Дальний Восток специалистов резко критиковали подобную политику, понимая, к каким крупномасштабным последствиям может привести переключение усилий Японии по расширению своего влияния с южного направления на западное. «Совершенно непонятно, какими реальными фактами и доводами руководствуются те, кто считает происходящие события в Северо-Восточной Азии выгодными для Германии; такой подход может быть объяснен лишь довольно распространенной и укоренившейся у нас привычкой смотреть на мир через розовые очки, — писал такой опытный специалист по Дальнему Востоку, как полковник фон Шальцман, в статье, опубликованной 8 марта 1918 г. в одной из газет. —

В конце февраля 1918 г. Ленин и Троцкий решили направить Каменева с секретной миссией в Лондон и Париж, чтобы заручиться поддержкой со стороны Антанты для оказания сопротивления Германии и отказа заключать с ней мир, при условии, что эта поддержка ограничится западными районами России и будет полностью исключена возможность привлечения к ней Японии.

Эта миссия полностью провалилась, что не могло не служить определенным сигналом. Получив соответствующие полномочия от Троцкого, Каменев отправился во французское посольство, где в его паспорт была поставлена специальная дипломатическая виза. С радостным чувством, вызванным этим «миниатюрным» дипломатическим признанием, Каменев отправился в один из норвежских портов, откуда отбыл в Англию. В тот момент он не получил даже и намека на то, что его посещение Англии и Франции может вызвать какие-либо возражения со стороны правительств этих стран. Однако по прибытии в Абердин он сразу ощутил ту враждебность, с какой была встречена его поездка. Как только он сошел на берег, он сразу понял, по поведению представителей властей, что очень влиятельные силы предпринимают все, чтобы его миссия была сорвана. Несмотря на взаимную договоренность о дипломатической неприкосновенности для дипкурьеров и лиц, прибывавших с дипломатической миссией, которая была достигнута между английским и советским правительствами при содействии Брюса Локкарта, Каменев и его багаж были досмотрены, после чего практически весь багаж был изъят, в том числе дипкурьерский портфель и чек на 5000 фунтов. Заявления Каменева о том, что он является дипломатическим представителем иностранного государства, были проигнорированы.

В японской печати совершенно отчетливо подчеркивается, что распад России отвечает интересам Японии и ее задача состоит в том, чтобы содействовать такому развитию событий. Однако только недалекие люди могут полагать, что подобное развитие событий отвечает германским интересам. 1918 г. войдет в мировую историю как роковой и судьбоносный. Германия настолько преуспела в расчленении России, что Япония пошла на пересмотр своей политики, став считать главным направлением своей экспансии западное, а не южное». «Франкфуртская газета», в номере за этот же день, также ясно и четко подчеркнула, что Германия может проводить успешную политику на Дальнем Востоке только в сотрудничестве с Англией и Россией. «Поэтому представляется крайне сомнительным, что распад России способствовал бы в конечном итоге процветанию Германии», — делался вывод в этом комментарии. (*Примеч. авт.*)

Ему разрешили прибыть в Лондон, где он узнал, что французское правительство приняло решение запретить ему въезд во Францию, о чем было объявлено 27 февраля 1918 г. в палате общин английского парламента. Английское министерство иностранных дел буквально разрывалось между недоверием ко всему, что было связано с большевиками, и желанием узнать из первых рук о том, что происходило в Брест-Литовске. В конце концов было найдено компромиссное решение. Каменеву не разрешили посетить резиденцию английского правительства, но двум экспертам, связанным с английским МИД, было поручено встретиться с ним. Один из них принял его протест против досмотра и изъятия дипломатического багажа, а другой расспросил о его впечатлениях о переговорах в Брест-Литовске и поведении делегаций Центральных держав. Чтобы избежать какого-либо недопонимания, член английского парламента, у которого Каменев был в гостях, сказал ему, что заявление, сделанное в палате общин, следует понимать не только как запрет Каменеву посетить Францию, но и как нежелание иметь с ним дело и со стороны Англии, в связи с чем он должен без промедления покинуть страну и вернуться в Россию.

Так завершилась первая дипломатическая миссия большевиков за рубеж. Каменев оставил о себе двойственные впечатления. Одному из беседовавших с ним экспертов он напомнил «злобного медвежонка», а у второго (это была женщина) было ощущение, что она беседует «с маленьким Христом». Все, однако, соглашались на том, что он обладал очень большим обаянием. Правда, это не помогло ему, когда он возвращался в Россию. Он был арестован на финской границе по требованию германского командования и помещен под арест, откуда был освобожден лишь в июле 1918 г. в результате договоренности между советским правительством и германским посольством, представлявшим интересы Финляндии, об обмене его на нескольких финских граждан, ранее арестованных в Петрограде. Он вернулся в Москву разочарованным и раздосадованным[1].

Тем временем Брюс Локкарт установил очень тесные и доверительные отношения с Троцким, который предельно откровенно говорил ему о тех опаснейших последствиях, кото-

---

[1] Поездка Каменева является одним из целого ряда таинственных событий, связанных с Брестским миром и так или иначе вытекавших из заключения мирного договора. За исключением воспоминаний Фокке и Садуля, о поездке Каменева сохранилось очень мало свидетельств. Автору удалось встретиться с теми двумя экспертами, которые беседовали с Каменевым. (*Примеч. авт.*)

рые может иметь вторжение Японии в Сибирь, и о возможном сотрудничестве союзных государств с большевиками, направленном против Германии. Как считали Ленин и Троцкий, если целью Людендорфа было свержение советского правительства и приведение к власти другого правительства, которое являлось бы германской марионеткой, то в интересах союзников оказать Советской России немедленную помощь в сопротивлении Германии. На Локкарта эти доводы произвели большое впечатление; он был убежден, что именно таким образом можно было задержать крупные немецкие силы на Восточном фронте, не позволив их немедленно использовать для подготавливающегося немцами весеннего наступления на Западном фронте. Поэтому Локкарт немедленно направил в английский МИД рекомендации отказаться от поддержки любых планов японской интервенции в восточные районы России и оказать России любую необходимую помощь в случае агрессии со стороны Германии. Это было мнение человека, который знал ситуацию на месте и изнутри и высказывал свои соображения профессионально, честно и непредвзято[1].

Однако Англия в то время еще не определилась окончательно, какую линию проводить в отношении Советской России; она все еще пыталась распутать клубок из самых разных идей и подходов и нащупать, наконец, какая линия была бы для нее оптимальной. Испытывая понятное замешательство в связи с событиями русской революции, справедливо опасаясь проникновения на запад коммунистических идей и практики, по-прежнему оставаясь до конца не разубежденными в том, что Ленин и Троцкий являются платными агентами Германии, правящие круги Англии следовали рекомендациям своей разведки и оказывали поддержку любым силам, которые можно было считать «антигерманскими». Поскольку Япония заявляла, что единственной целью ее действий в Сибири является попытка воспрепятствовать Германии установить экономическое господство в азиатских районах России, английское правительство поддержало действия Японии в Сибири; поскольку белые армии Алексеева и Корнилова представляли ту старую Россию, вместе с которой союзники воевали против Германии и обладали двойным преимуществом, будучи одновременно антибольшевистскими и антигерманскими, Англия оказывала им как моральную, так и материальную помощь. А теперь,

[1] Локкарт любезно согласился показать автору записи в своих личных дневниках, относящиеся к тому периоду. (*Примеч. авт.*)

когда советское правительство обратилось за помощью для отражения дальнейшей агрессии со стороны Германии, британский кабинет склонялся к тому, чтобы оказать ее, не прекращая при этом той деятельности в России, которой он уже до этого занимался, при этом, очевидно, не учитывая и не осознавая, в какое двусмысленное и противоречивое положение Англия за счет этого попадала. Более того, английское правительство наивно полагало, что Ленин и Троцкий будут больше верить в добросовестность крупнейших капиталистических держав, чем те в добросовестность большевиков.

О том, что у Англии нет четкой и ясной линии в отношении России, Локкарт мог судить по высокопарно написанному документу, автором которого был министр иностранных дел А. Бальфур, датированному 21 февраля 1918 г.:

«Когда они (большевики) борются против наших врагов или затрудняют их действия, их дело будет и нашим делом. Когда они пытаются подстрекать к революции в нашей или любой другой союзной стране, мы приложим все усилия, чтобы помешать этому. Когда они предпринимают какие-либо действия в тех частях страны, где они являются фактическими хозяевами, мы вмешиваться не будем. Те же принципы, которые подталкивают нас на сотрудничество с большевиками, требуют от нас поддержки тех сил в России, которые оказывают сопротивление нашим врагам и помощь нашим друзьям. Но мы не можем взять на себя обязательство отказаться в других районах России от таких действий, которые помогают нам выиграть войну; хотя мы не имеем ни малейшего намерения вести какую-либо антиреволюционную пропаганду».

Отсутствие у английского правительства понимания того, что действительно происходит в России, оказывало на Локкарта удручающее впечатление. Находясь именно под таким впечатлением, он отправился на свою первую встречу с Лениным, которая состоялась в Смольном 2 марта 1918 г. Когда он увидел этого коренастого человека с красным лицом и курносым носом, его первым впечатлением было, что он «больше напоминал продавца провинциальной бакалейной лавки, чем вождя», однако Локкарт тут же обратил внимание на его взгляд: насмешливый, полупрезрительный-полушутливый, говоривший о безграничной уверенности в себе и интеллектуальном превосходстве над окружающими.

Разговор был откровенным. Ленин сказал, что для него англо-американский капитализм столь же отвратителен, как и германский, однако непосредственная угроза сейчас исходит

именно от последнего. Мир должен быть вот-вот ратифицирован, но он не продлится и недели, если немцы захотят посадить в Петрограде буржуазное правительство. Большевики будут драться, отступив, если потребуется, к Волге и Уралу. В этом случае они могут согласиться на помощь со стороны союзных держав, но только при том жестком условии, что их не будут пытаться использовать в качестве инструмента контрреволюции.

Откровенно говоря, сказал Ленин, возможность сотрудничества с союзными государствами очень невелика.

«Наши подходы очень разные. Мы можем себе позволить пойти на временное сотрудничество с капиталом. Это даже необходимо для нас, поскольку если капитал объединится, то нас уничтожат прямо там, где мы находимся. К счастью, природа капитала такова, что он не может объединиться. И до тех пор, пока существует угроза со стороны Германии, я готов пойти на риск сотрудничества с союзниками... В то же время я убежден, что ваше правительство смотрит на эти вещи совершенно по-другому. Это реакционное правительство. Оно будет сотрудничать только с российскими реакционерами».

Теперь, когда мир с Россией обеспечен, ответил на это Локкарт, Германия сможет бросить все силы против союзников. И если она победит, что ждет в этом случае большевиков? Что еще более важно, по мирному договору Германия получит возможность спасти от голода свое население, принудительно забирая российское зерно и вывозя его в Германию.

Ленин на это улыбнулся:

«Вы забываете о психологии. Эта война будет вестись в тылу, а не в окопах... В результате этого грабительского мира Германии придется держать на Востоке не меньше, а еще больше солдат. Что касается вывоза в больших количествах из России, то за это можете не беспокоиться. Пассивное сопротивление — это выражение ведь родилось в вашей собственной стране — гораздо более действенное оружие, чем армия, которая не может воевать»[1].

---

[1] Жизнь полностью подтвердила эту оценку, данную В.И. Лениным. Для того чтобы обеспечить необходимые поставки с Украины, Германии пришлось ввести туда не 50, а 300 тысяч своих солдат. Гинденбург позже писал в своих воспоминаниях: «Несмотря на заключение мира, мы и теперь, конечно, не могли отвести все наши боеспособные части с Востока, не могли предоставить занятые области собственной судьбе. Уже одно желание установить барьер между большевистскими властями и освобожденными нами землями настоятельно требовало оставления на Востоке сильных немецких частей. Наши операции на Украине также не были закончены».

Локкарт сообщил о содержании этой беседы в Лондон, однако в тот же день, 2 марта, произошли новые события, внесшие изменение в сложившуюся ситуацию. Советское правительство получило точные сведения о том, что Япония при поддержке Антанты собирается занять Владивосток. Троцкий в ярости позвонил Локкарту и потребовал объяснений по поводу того, как могут сочетаться его миссия и проводимые им переговоры с советским правительством с этим демонстративным актом неприкрытой и откровенной враждебности. Ленин и Троцкий попросили Садуля отправиться 4 марта в Вологду и обратиться с официальной просьбой от имени советского правительства к американскому послу Френсису, чтобы он добился от правительства США осуждения японской интервенции, а также обсудить с ним возможность сотрудничества с союзниками по организации новой российской армии в районе Нижнего Новгорода, причем было отмечено, что эта армия будет формироваться не на классовой основе; в нее смогут вступить любые российские граждане, желающие принять участие в отражении нападения со стороны Германии. Перед отъездом в Вологду Садуль обратился со страстным призывом к своему правительству оказать практическую помощь в создании новой российской армии для отражения нападения со стороны Германии. Ответа на это обращение от французского правительства он не получил, однако Френсис обещал оказать всю необходимую поддержку и помощь; вместе с Садулем в Петроград из Вологды приехали американский военный атташе капитан И. Френсис Риггс и руководитель военной миссии США полковник Джеймс А. Рагглз.

Наступило 5 марта. Мирный договор в Бресте был уже подписан, и об условиях этого договора стало известно по всей России. Буквально всю страну охватило всеобщее возмущение и настоящая военная лихорадка; причем эти настроения всячески подогревались эсерами и «левыми коммунистами» во главе с Бухариным, активно использовавшими для пропаганды своих взглядов газету «Коммунист». На призыв Локкарта, сделанный 2 марта, оказать советскому правительству военную помощь английское правительство ответило довольно сдержанно; хотя оно и сообщило о своем намерении помочь большевикам, но в то же время напомнило, что до сих пор от советского правительства не исходило ничего, кроме заявлений, которые «не смогли ни заставить немцев прекратить военные действия, ни русских воевать». В те дни небо над Петроградом было ясное и чистое; однако атмосфера в Смольном была

нервной и напряженной; ощущение надвигающейся угрозы буквально висело в воздухе.

Троцкий встретился с Реймондом Робинсом. «Вы по-прежнему хотите сорвать мир? — спросил он. — Пришло время определиться окончательно. Мы пока лишь только говорим и говорим о помощи со стороны Америки. Вы можете реально организовать такую помощь? Может ли ваше правительство дать четкие гарантии относительно ее предоставления? Если это возможно, мир можно сорвать даже сейчас. Я выступлю против ратификации мирного договора в Москве, и мир будет сорван».

«Вы всегда выступали против ратификации, — ответил на это Робинс. — Весь вопрос в том, какой будет позиция Ленина. Ведь, если говорить откровенно, именно он, а не вы играет первую скрипку».

«Вы ошибаетесь! — перешел на крик Троцкий. — Ленин осознает всю опасность германского наступления; эта угроза настолько велика, что в случае согласия союзников оказать экономическую и военную помощь он готов отказаться от мирного договора, перебраться с правительством из Петрограда и Москвы в Екатеринбург и открыть фронт на Урале, чтобы с помощью союзников продолжать борьбу с немцами».

«Он сам подтвердит это?»

«Да».

«Письменно?»

Троцкий обнажил зубы в усмешке: «Вы что, хотите, чтобы мы подписали себе смертный приговор?»

«Нет, — сказал Робинс, — но мне нужно иметь какое-то реальное подтверждение. Я не прошу вас просто подписать документ. Напишите запрос американскому правительству, какую помощь в случае такого-то и такого-то развития событий оно будет готово оказать, покажите этот запрос Ленину, заручитесь его согласием и передайте документ мне или моему личному помощнику Александру Гумбергу. Я дам этой бумаге соответствующий ход».

Троцкий на мгновение задумался. Потом, сделав решительное движение своими маленькими белыми руками, он сказал: «Возвращайтесь сюда к четырем часам».

В назначенный час Троцкий, Робинс и Гумберг сидели вместе за длинным столом в зале заседаний Совета народных комиссаров. Гумберг взял у Троцкого подготовленный им документ, перевел его на английский и зачитал вслух. Документ гласил:

«Если: а) съезд Советов откажется ратифицировать мирный договор с Германией; б) Германия в нарушение этого договора

возобновит свое грабительское наступление против нас; в) мы до или после ратификации в результате шагов Германии будем вынуждены сами отказаться от мирного договора и возобновить военные действия — во всех этих случаях для военных и политических планов Советской власти в высшей степени важно получить ответ на ряд интересующих нас вопросов:

— на какую помощь США, Великобритании и Франции советское правительство может рассчитывать в борьбе против Германии?

— какого рода и каким образом эта поддержка может быть оказана в ближайшем будущем: военным снаряжением, транспортными средствами, субсидиями и продовольствием?

— какого рода поддержка может быть оказана самими США?

Что предпримут другие союзники, в частности и в особенности США, для предупреждения японской высадки на нашем Дальнем Востоке и для обеспечения непрерывных сношений с Россией по Сибирской дороге, если Япония — в силу открытого или тайного соглашения с Германией или без такового — попытается захватить Владивосток и восточную часть Сибирской дороги, что создало бы угрозу России быть отрезанной от Тихого океана и серьезно затруднило бы развертывание наших войск к востоку от Урала?

При названных вначале условиях, в каких размерах, по мнению правительства США, могла бы быть обеспечена помощь Великобритании через Мурманск и Архангельск и какие при этом шаги могло бы предпринять правительство Великобритании. чтобы обеспечить эту свою помощь и лишить основания слухи о якобы враждебных планах Великобритании против России в ближайшем будущем?

Все эти вопросы обусловлены само собой разумеющимся предположением, что внутренняя и внешняя политика советского правительства будет, как и раньше, направляться в соответствии с принципами интернационального социализма и что советское правительство сохранит свою полную независимость от всех несоциалистических правительств».

Робинс повернулся к Троцкому: «Перевод правильно отражает то, что вы хотели сказать в этом документе?»

Тот кивнул.

«Я хотел задать вам еще один вопрос, — сказал Робинс. — Если правительство Соединенных Штатов ответит на ваш запрос положительно, вы будете против ратификации мирного договора съездом Советов 12 марта в Москве?»

«Да, — ответил Троцкий. — Я говорил об этом с Лениным, и он согласен; если вы согласитесь оказать нам поддержку, мы не ратифицируем мирный договор».

5 марта с Троцким также встретился и Брюс Локкарт, однако с ним комиссар по военным вопросам был менее откровенен, поскольку испытывал подозрения, что Франция и Англия тайно поддерживают интервенцию Японии в Сибирь. Троцкий тем не менее сказал Локкарту, что на съезде Советов, возможно, будут приняты такие решения, которые неизбежно приведут к возобновлению Германией военных действий. Однако, чтобы такая линия восторжествовала, необходимо иметь хотя бы видимость поддержки со стороны союзников. Конечно, он не имеет в виду дружественные отношения, поскольку это было бы лицемерием с обеих сторон, но к какому-то рабочему соглашению надо прийти; в этом случае будет какая-то основа для будущей работы. Однако если союзники позволят Японии войти в Сибирь, то ситуация станет безнадежной и какое-либо соглашение о сотрудничестве против Германии станет невозможным, поскольку все российское общество, представители всех классов предпочтут Германию Японии.

Локкарт пошел обсудить ситуацию с Робинсом и Гарольдом Вильямсом, представлявшим газету «Дейли кроникал». Они полностью разделяли точку зрения, высказанную Троцким. Никто из этих людей не поддерживал большевиков по идейным соображениям, но они были убеждены, что интервенция Японии в Сибирь уничтожит всякую возможность сотрудничества с большевиками против Германии. Даже такие попытки «подсластить пилюлю», как ограничение количества войск, которые бы могла использовать Япония (что предлагал Садулю в Вологде Френсис), или заявление о том, что действия Японии никоим образом не направлены против России, выглядели совершенно нереальными и бесполезными. Ни о какой «ограниченной интервенции» не могло быть и речи. Как сказал президенту Вильсону несколько месяцев спустя Линкольн Стеффенс, «нельзя «немного изнасиловать». Здравый смысл подсказывал, что совершенно нелепо пытаться таким образом воссоздать Восточный фронт против Германии, и все трое были уверены в серьезности намерений Ленина и Троцкого и их предложения выступить против ратификации мирного договора, если союзники согласятся предоставить помощь.

Робинс поспешил направить предложение большевиков в Вологду для последующей его передачи в Вашингтон; Локкарт

и Вильямс должны были сообщить об этом предложении в Лондон. Локкарт вновь передал А. Бальфуру информацию о беседе с Троцким, добавив к этому следующую рекомендацию:

«Если у союзников и была какая-либо благоприятная возможность в России после революции, то она предоставлена именно подписанием чрезмерно обременительного и тяжелого мирного договора, который Германия навязала России. И сейчас, когда Германия обнажила перед всем миром свои истинные намерения и цели, союзники готовы свести к нулю все выгоды создавшегося положения, давая согласие на интервенцию Японии в Сибирь. Если его превосходительство не желает полного контроля над Россией со стороны Германии, я со всей серьезностью прошу не упустить предоставляющуюся возможность. Съезд открывается 12 марта. Прошу дать мне полномочия сообщить Ленину, что вопрос о японской интервенции отложен в сторону и «положен под сукно»... и что мы готовы оказать большевикам поддержку в том, что касается их противодействия Германии. Есть все основания полагать, что результатом такого шага будет объявление войны».

Точку зрения Локкарта поддержал и такой видный специалист по России, сильно настроенный против большевиков, как Гарольд Вильямс. Вот что он писал в конфиденциальном письме Ллойд Джорджу:

«Та своеобразная тактика, которой придерживаются большевики, не позволяет им рассматривать заключенный мир как окончательный. В ходе съезда, специально созванного для ратификации мирного договора, будет вестись сильная агитация за революционную войну с Германией... Это движение может стать ядром реального национального сопротивления... Мы должны всячески содействовать возрождению этого сопротивления... Слухи о готовящемся японском вторжении в Сибирь только обостряют чувство национального унижения у всех классов населения и переключают их негодование и возмущение с Германии на союзников, что создает угрозу в будущем нашим интересам в России».

Однако английское правительство, которое уже отклонило предложение сэра Джорджа Бьюкенена в качестве жеста доброй воли освободить Россию от обязательств, взятых ею на себя до революции, с тем чтобы предотвратить заключение сепаратного мира, продолжало действовать с тем же слепым упрямством. Хотя Бальфур, проявив вежливость и учтивость, и рассмотрел предложения Локкарта, однако он более был склонен прислушиваться к рекомендациям английского во-

енного ведомства. Там подчеркивали, что Локкарт, будучи гражданским лицом, абсолютно не разбирается в военных вопросах. Россия является совершенно беззащитной и никак не может воспрепятствовать проникновению Германии в Западную Сибирь. Ситуацию может спасти только вмешательство Японии, причем немедленное.

Локкарт был удручен и разочарован; находясь в Петрограде, он прекрасно понимал, что на самом деле происходит, но ничего не мог сделать из-за противодействия со стороны английских военных экспертов. Ответ от Бальфура пришел 6 марта. В нем говорилось, что единственным результатом «священной войны», как считают в Лондоне, будет еще более полный разгром, капитуляция и расчленение России; «армию не создают при помощи красивых фраз, хотя уничтожить ее при помощи этих фраз очень легко. Большевики добились полного успеха в деле подрыва боевого духа России, и им теперь вряд ли удастся его восстановить». Советскому правительству советовали обратиться за помощью к Румынии (с которой оно фактически находилось в состоянии войны), а также заключить «рабочее соглашение с японцами» (которых оно изо всех сил и всеми средствами старалось вытеснить из Сибири). «Английское правительство, — с невольной иронией подчеркивал Бальфур в конце своего послания, — ясно и неоднократно указывало, что оно не имеет ни малейшего желания вмешиваться во внутренние дела России и что его интересуют исключительно вопросы, связанные с ведением войны»[1].

Отчаявшись, Локкарт вновь сообщил в английский МИД о своей беседе с народным комиссаром по вопросам внешней

---

[1] В тот же день (6 марта) Бальфур направил телеграмму полковнику Хаузу, не одобрявшему, как и президент Вильсон, поощрение японской интервенции. В ней говорилось: «До того момента, как большевики решили согласиться с мирными условиями (предложенными Германией), я был противником японской интервенции, поскольку надеялся на то, что большевики будут продолжать оказывать сопротивление Германии. Когда же большевики безоговорочно капитулировали, главным вопросом стало предотвращение перехода богатейших ресурсов Сибири под контроль Германии, и наилучшим способом не допустить их попадания в ее руки является крупномасштабная японская интервенция». Бальфур также добавлял: «Я уже телеграфировал нашему агенту (Локкарту), чтобы он предложил правительству большевиков попытаться заручиться поддержкой Румынии и Японии в этих целях (для противодействия германской агрессии). Я, правда, сомневаюсь, что этой рекомендации последуют, как и не уверен, какой была бы реакция правительств Японии и Румынии на подобное обращение». (*Примеч. авт.*)

политики Чичериным, состоявшейся 7 марта, в которой Чичерин подчеркнул, что условия мира, выдвинутые Германией, вызвали возмущение по всей России, наподобие того, которое было во Франции в 1870 г., и поэтому сейчас самый подходящий момент для того, чтобы союзники продемонстрировали свою симпатию к России[1].

Однако его предостережение было проигнорировано, и из английского внешнеполитического ведомства пришел лишь довольно раздраженный ответ, указывающий на полное отсутствие понимания происходящего. В дополнение ко всем неприятностям, Локкарт получил письма от жены и друзей, в которых, в очень аккуратных и взвешенных выражениях, его предупреждали о том, что в официальных кругах им были недовольны и что его упорство в отстаивании предлагаемой им политики может погубить его карьеру. Однако к чести Локкарта следует сказать, что он продолжал стоять на своем до конца. 10 марта он вновь возобновил свой «плач Кассандры»:

«Из самой логики происходящих событий явно следует, что рабочий класс является единственной силой в России, которая выступает против германского вторжения. На Украине уже прорабатывается несколько вариантов формирования буржуазного правительства, находящегося под контролем немцев. Если посредством нашей поддержки японской интервенции мы подорвем единственную силу в России, которая в состоянии бороться против Германии, то нам придется отвечать за последствия подобной политики».

Это предупреждение было также проигнорировано, но в комментариях на полях этого сообщения Бальфур с очевидным раздражением и даже какой-то обидой написал: «Я постоянно пытаюсь внушить г-ну Локкарту, что мы *не имеем* намерения вмешиваться во внутренние дела России. Как представляется, он не сумел довести до сведения правительства большевиков, что наш подход состоит именно в этом»[2].

---

[1] Об этом в дневнике Локкарта сделана отдельная запись 7 марта 1918 г. Это же заявление Чичерин повторил Садулю и капитану Риггсу, американскому военному атташе, 10 марта. Он также добавил: «Все лидеры большевиков убеждены, что война с Германией неизбежна. Некоторые считают, что она начнется через несколько недель, другие — что через год». (*Примеч. авт.*)

[2] А. Бальфур умел быть и великодушным. Когда один из высокопоставленных чинов министерства иностранных дел написал на полях одного из донесений Локкарта: «Давайте отзовем этого дерзкого молодого человека», Бальфур немедленно ответил: «Конечно нет». (*Примеч. авт.*)

У Робинса были свои трудности и разочарования. Неизбежным следствием негативной цепочки событий явилась задержка с передачей предложения советского правительства в Вашингтон. Робинс посетил Ленина 6 марта и сообщил ему о задержке, попросив еще немного подождать, пока будет получен ответ. Ленин не дал прямого ответа, но на следующий день «Известия» сообщили, что по просьбе председателя Совета народных комиссаров открытие съезда Советов переносится с 12 на 14 марта. Ленин держал слово, но он все более и более скептически относился к возможности сотрудничества с союзниками, и этот вопрос начинал занимать его все меньше и меньше, и он отводил ему все меньшее значение в своих планах.

Тем временем Садуль, Риггс и Рагглз вернулись из Вологды в Петроград и имели беседу с Троцким. Они были настолько удовлетворены ее результатами, что вечером 8 марта Садуль направил Альберу Тома следующее сообщение: «Соединенные Штаты официально обещали оказать поддержку».

Запрос от Ленина и Троцкого Френсис сопроводил следующим комментарием: «Я не могу быть активным сторонником японской интервенции, которая в настоящий момент представляется весьма безрассудной и дорогостоящей затеей. Существует возможность того, что съезд Советов ратифицирует мирный договор, но, если я получу от вас заверения в том, что опасения по поводу японской угрозы не имеют под собой никаких оснований, по моему мнению, в этом случае съезд откажется ратифицировать этот унизительный мир». Через два дня он получил текст «обращения доброй воли», с которым президент Вильсон обратился к съезду Советов. Таким образом, полковник Хауз пытался воздействовать на съезд, побуждая его не ратифицировать мирный договор, а также намекая на то, что Соединенные Штаты, не идя на открытый конфликт с союзниками, в то же время не поддерживают японскую интервенцию. Это обращение практически не пошло дальше выражения симпатии и сожаления о том, что Соединенные Штаты «в настоящий момент не в состоянии оказать России ту непосредственную и деятельную поддержку, которую они бы желали оказать».

Подтверждая получение текста послания, Френсис, ссылаясь на запрос Ленина и Троцкого, спросил, следует ли ожидать какого-то дополнительного сообщения, содержащего ответы на заданные в этом документе вопросы, помимо переданного обращения президента? Ни тогда, ни позднее ответа на это из госдепартамента так и не последовало.

День открытия съезда приближался. Представители союзников отчаянно ждали ответа от своих правительств, но их все не было — ни из Вашингтона, ни из Лондона, ни из Парижа. Это означало, что предлагавшаяся ими политика отвергнута, все их надежды шли крахом, а худшие опасения вот-вот должны были начать сбываться, к тому же все трое теперь были дискредитированы в глазах советского правительства. В тот момент союзники больше опасались большевиков и большевизма, чем Германии, однако, если бы был найден способ должным образом вмешаться в ситуацию, это могло бы затруднить осуществляемую Людендорфом мощную концентрацию германских сил, которые вскоре должны были обрушиться на 5-ю армию англичан.

Все взгляды теперь были прикованы к Москве, где в стенах Кремля разместилось советское правительство; на этих стенах еще остались шрамы от артобстрела большевиков в октябре 1917 г., а на шпилях по-прежнему находились позолоченные двуглавые орлы — символы императорской России. Вместе с правительством в Москву переехала и его пропагандистская машина. Официальные большевистские издания «Известия» и «Правда» по-прежнему защищали позицию правительства в пользу подписания мирного договора; «левые коммунисты» и левые эсеры настойчиво выступали за отказ от мирного договора и за объявление священной войны; их поддерживали меньшевики, правда не столь решительно. Московская буржуазия — а Москва была в значительной степени буржуазным городом — открыто выражала сожаление в связи с задержкой прихода германских освободителей, а кадеты готовились к организации заговора совместно с наступавшими захватчиками с целью захвата власти.

В разгар всей этой политической неразберихи в Москве царила какая-то неестественная веселость, которая просто шокировала и напоминала танцы в погребальном склепе. Кабаре процветали, рестораны были переполнены пестрой толпой посетителей, с легкостью отдававших умопомрачительные суммы за бутылку шампанского. В то же время многие дома в городе были брошены владельцами и стали добычей банд анархистов, которые свирепствовали в городе и наводили на жителей страх еще больше, чем в Петрограде.

Вот в такой удручающей обстановке в Москву со всех концов страны стали съезжаться 1200 делегатов на открывающийся съезд Советов. У этого съезда было одно существенное отличие от трех предыдущих. На нем среди делегатов были представле-

ны главным образом рабочие и работники по найму, получающие зарплату, а также крестьяне; эти категории составляли 93% населения страны; на предыдущих же съездах делегатами были в основном работавшие в Советах специалисты и профессиональные революционеры. Бросалось в глаза, что составлявшие 7% буржуазия и аристократия на съезде не представлены; делегаты, прибывшие со всей страны от Иркутска и Владивостока до Смоленска, от Мурманска на севере до Одессы на юге, представляли ту деятельную часть России, те трудящиеся массы, ради которых революция и совершалась.

На этом съезде также не было той митинговой атмосферы, того «базара», которые были характерны для предыдущих. То ли находясь в некотором благоговейном трепете перед окружающей обстановкой — заседания проходили в одном из великолепных залов Кремля, — то ли впервые осознав всю силу своей коллективной ответственности как высшего органа Советской власти, делегаты явно стремились соответствовать значимости политического органа, ставшего важнейшей составной частью нового общественного порядка. Как только возникал какой-то шумный конфликт или стычка, что случалось нечасто, представители руководящих органов съезда использовали вышеупомянутые настроения для наведения порядка. «Помните, товарищи, — обращались они к делегатам, стараясь перекрыть возникший шум, — что вы не у себя в деревне, а на Всероссийском съезде рабочих, солдатских и крестьянских депутатов — высшем органе власти России». И подобный призыв всегда бывал услышан. На съезде царила необычная атмосфера независимости, наивного тщеславия и простоты; большинство делегатов не имели никакой подготовки и не могли вникнуть в глубь обсуждавшихся проблем, чем активно пользовались ораторы, чтобы привлечь собравшихся на свою сторону. «Еще не было съезда, где бы меньшинство столь откровенно манипулировало большинством», — писал очевидец об этом съезде. Это была настоящая пролетарская ассамблея со всеми ее достоинствами и недостатками.

Локкарт не приехал в Москву. Он был неописуемо обескуражен отрицательным отношением начальства к его предложениям и не хотел быть очевидцем заключительного акта этой трагедии, поскольку был убежден, что теперь ратификация мирного договора неизбежна. Он остался с Троцким в Петрограде; прямая и резкая манера общения последнего была Локкарту более приятна, чем обтекаемые и туманные фразы нового наркома по иностранным делам Чичерина. Его

тесные отношения с Троцким вызывали подозрение и недоумение у его коллег в английском МИД. «Он относится к Троцкому как к Бисмарку или Талейрану», — презрительно говорили они.

Садуль также оставался в Петрограде, пытаясь изменить неколебимую позицию посла Франции Нуланса, и, изливая душу в почти ежедневно отправляемых Альберу Тома материалах, стремился склонить того на свою сторону.

А вот Робинс был в Москве. Он надеялся, не имея, правда, на это никаких оснований, получить ответ на свою телеграмму; он постоянно связывался с Локкартом в Петрограде и Френсисом в Вологде, до самого последнего момента отказываясь верить в то, что его правительство откажется от использования представившейся возможности. В день открытия съезда, 14 марта, он встретил Ленина.

«Вы получили какой-либо ответ от вашего правительства?» — сразу спросил тот.

«Пока нет».

«А Локкарт из Лондона?» — снова спросил Ленин[1].

«Нет пока, — ответил Робинс, а затем довольно смело спросил: — Вы не могли бы затянуть обсуждение?»

Ленин смотрел на высокого, чем-то напоминавшего орла американца, который так хорошо понимал происходящее, но был бессилен убедить в этом других, и ему было даже немного жаль Робинса, с его практическим умом и трезвым пониманием сложившихся реалий и с тем грузом разочарования, который тяжким бременем лежал на нем. Ленин долго пытался пойти навстречу союзникам, хотя делал это вопреки своим убеждениям. Как и в случае с формулой Троцкого «ни

---

[1] Робинс и Локкарт не знали, что в тот же день Бальфур, выступая в палате общин, проинформировал депутатов, что, если Япония осуществит интервенцию в Сибирь, она сделает это как друг России и враг Германии для того, чтобы спасти Россию от попадания в полную зависимость от Германии. Он приложил все усилия, чтобы отвергнуть обвинение в адрес Японии, что она руководствуется в своих действиях эгоистическими или бесчестными мотивами. «...Россия сейчас всеми брошена и плывет по воле волн... У нее нет никаких сил к сопротивлению, что дает Германии возможность захватить всю Россию; я думаю, что это имело бы для нее катастрофические последствия и также нанесло ущерб интересам союзников в будущем... Палата сможет удостовериться, в чем я глубоко убежден, что решения, принятые союзниками, не являются ни опасными, ни несправедливыми, ни враждебными по отношению к России и русской революции; наша цель, наоборот, состоит в том, чтобы Россия была сильной, целостной, безопасной и свободной». (*Примеч. авт.*)

войны ни мира», он был готов дать Робинсу, Локкарту и Садулю возможность попробовать отстоять и реализовать на практике свою точку зрения. Как и Троцкий, они не сумели этого сделать. В обоих случаях скептические предположения Ленина подтвердились. Больше ждать было нельзя. Он не будет ускорять обсуждение мирного договора, но и не будет его затягивать. «Пусть обсуждение идет своим ходом», — просто сказал он Робинсу.

Робинс отошел несколько приободренный; у него еще оставалась надежда, что положительный ответ придет буквально в последнюю минуту.

Обсуждение началось утром 15 марта, продолжалось весь день, а также весь следующий. Большинство выступавших было против ратификации, но никто не пытался заткнуть рот представителям оппозиции или ограничить им время для выступлений.

Бухарин, Камков и Мартов страстно и красноречиво призывали своих сторонников с презрением отвергнуть условия мира, которые являются «смертельным ударом по России и мировой революции». Им отвечали представители большевиков, которые в своих хорошо подготовленных выступлениях убедительно и аргументированно доказывали необходимость ратификации мирного договора. Однако наиболее ярким и выразительным было выступление крепкого рыжебородого крестьянина, который поднялся на трибуну вслед за несколькими ораторами, выступавшими против ратификации. «Товарищи, — крикнул он грубым, не поставленным и не привычным для выступлений голосом, — мы воевали пять лет, наши силы истощены! У нас нет армии, нет снаряжения и продовольствия. У немцев есть армия. Они в нескольких верстах от Москвы и Петрограда. Мы беззащитны. Так вы хотите войны или мира?» Его приветствовали шумными аплодисментами, поскольку он выразил суть вопроса несколькими короткими фразами. Без помощи союзников Россия не может воевать. Она должна заключить мир.

К вечеру 16 марта было подано шесть проектов резолюций против ратификации и один — за. Утомительные дебаты продолжались. По аплодисментам после выступлений было трудно определить, каким будет решение съезда; многое зависело от завершающего выступления, а Ленин пока еще только готовился выступить с заключительным словом.

Когда было чуть за одиннадцать, по залу пронесся легкий шум. Ленин тихо поднялся на сцену и подошел сзади к крес-

лу председательствующего на заседании. Он что-то сказал ему на ухо и сел. По залу прокатился шепот, напоминавший ветер, колышущий заросли камышей. «Это он, Ленин». И действительно, силу личности этого человека ощущали все — и друзья и враги. Этот невысокий, внешне непримечательный человек с твердым и холодным взглядом, лицо которого, казалось, не выражало никаких эмоций, владел собравшимися уже одним своим присутствием.

Реймонд Робинс сидел на ступеньках сцены. Ленин легким кивком подозвал его к себе:

«Есть какие-нибудь новости от вашего правительства?»

«Никаких. А что узнал Локкарт из Лондона?»

«Ничего», — ответил Ленин.

Наступила пауза, во время которой был слышен высокий голос выступавшего перед съездом оратора и разговоры шепотом между уставшими депутатами. Затем Ленин сказал:

«Я сейчас выступлю в поддержку мирного договора. Он будет ратифицирован».

Он говорил в течение часа и двадцати минут. Говорил абсолютно спокойно, холодно, собранно, без ненужных эмоций и не делая акцент на той или иной части выступления; оно все было четким, ясным и ровным. Он говорил о необходимости заключить мир, о том, что мир нужен для подготовки к дальнейшим действиям, но в то же время даже не пытался преуменьшить всю тяжесть выдвинутых немцами условий. «Мы принуждены были подписать «Тильзитский» мир. Не надо самообманов. Надо иметь мужество глядеть прямо в лицо неприкрашенной горькой правде. Надо измерить целиком, до дна, всю ту пропасть поражения, расчленения, порабощения, унижения, в которую нас теперь толкнули. Чем яснее мы поймем это, тем более твердой, закаленной, стальной сделается наша воля к освобождению, наше стремление подняться снова от порабощения к самостоятельности, наша непреклонная решимость добиться во что бы то ни стало того, чтобы Русь перестала быть убогой и бессильной, чтобы она стала в полном смысле слова могучей и обильной».

Для того чтобы до конца понять, почему советское правительство пошло на подписание этого унизительного мира и вынесло его на ратификацию, сказал Ленин, необходимо осознать значение Октябрьской революции, основные этапы ее развития и причины сегодняшнего поражения. «Главным источником разногласий в среде советских партий по данному вопросу является именно то, что некоторые слишком подда-

ются чувству законного и справедливого негодования и не могут объективно анализировать факты».

Россия сможет стать «могучей и обильной», «ибо у нас все же достаточно осталось простора и природных богатств, чтобы снабдить всех и каждого если не обильным, то достаточным количеством средств к жизни. У нас есть материал и в природных богатствах, и в запасе человеческих сил, и в прекрасном размахе, который дала народному творчеству великая революция...».

Но чтобы достичь этого, нужны время и мир; Ленин повторил аргументы ранее выступавшего крестьянина-большевика. «Революционными фразами ничего не добьешься. Один дурак может больше спрашивать, чем десять умных ответить. Армии у нас нет; удержать армию на фронте было невозможно. Нам необходима передышка, чтобы измученные, изголодавшиеся массы смогли восстановить жизненные силы. Эта передышка, скорее всего, не будет продолжительной... Мы должны подготовиться к борьбе. Победа наверняка будет за нами... А когда мы восстановим силы, когда международный социалистический пролетариат придет к нам на помощь, мы начнем вторую социалистическую революцию уже в мировом масштабе».

Сражение наконец закончилось. Именно за счет простоты и правдивости изложения своей точки зрения безо всяких высокопарных фраз и театральных эффектов Ленин привлек собравшихся на свою сторону: сначала люди молча слушали его, затем внутренне согласились с его доводами, и в конце концов подавляющее большинство делегатов поддержало его точку зрения. Когда Ленин закончил выступать и сел на свое место, резолюция в поддержку ратификации мирного договора была поставлена на голосование. Сначала подняли красные карточки те, кто был за ратификацию, потом — те, кто против. Резолюция была одобрена 784 голосами против 261; левые эсеры при голосовании воздержались. Поименное голосование подтвердило поддержку резолюции; это был голос революционного собрания, заявивший о доверии своему вождю и готовности идти за ним.

7

Когда рейхстаг прервал 18 марта 1918 г. запланированное обсуждение текущих вопросов для того, чтобы рассмотреть ратификацию Брестского мирного договора, там царило чуть ли не праздничное настроение. Партии правого и центрист-

ского направлений открыто радовались тому, что мир на Востоке был заключен на предложенных ими условиях, и выражали надежду, что мощное наступление на Западе, которое должно было вот-вот начаться, увенчается успехом и в результате такой же мир будет заключен с государствами Антанты и связанными с ними державами. Левые партии в той или иной степени были критически настроены по отношению к заключенному миру, но только независимые социалисты имели мужество голосовать на основе своих убеждений.

Официально договор был предложен рейхстагу для ратификации канцлером и заместителем министра иностранных дел Бушем. Они отстаивали договор перед депутатами, подчеркивая, что в целом он не содержит «никаких положений, которые бы ущемляли честь России, не говоря уже о навязывании военной контрибуции или насильственном отторжении российских территорий». В отношении Курляндии и Литвы была повторена старая сказка о самоопределении; относительно других оккупированных территорий Гертлинг ясно подчеркнул следующее: «Мы не собираемся постоянно оставаться в Эстонии и Ливонии, мы лишь хотим иметь дружеские отношения после окончания войны с теми политическими силами, которые там сейчас формируются, причем сделать это таким образом, чтобы сохранить мирные и дружественные отношения с Россией».

Однако точка зрения и намерения Верховного командования были совсем другими. Их отчетливо выразил «глашатай» интересов Верховного командования в рейхстаге Штреземан, который с пониманием отнесся к предложению отделить Курляндию с Ригой от Литвы и Эстонии. «Принцип самоопределения здесь не может быть применен! — кричал человек, который позднее представлял Германию на переговорах в Женеве, и добавлял: — Я не верю во всемирную Лигу Наций Вильсона; после заключения мира она лопнет как мыльный пузырь»[1].

В своем выступлении, которое на этот раз не было столь же ярким и зажигательным, как обычно, Штреземан отметил,

[1] Сколь точно Штреземан выразил точку зрения Верховного командования, можно судить по тому, что при открытии заседания в эстонском парламенте 9 апреля 1918 г. командующий расположенными в Эстонии германскими войсками генерал Фрайхер фон Шекендорф объявил, что «германские войска не покинут Эстонию; они останутся здесь на постоянной основе для ее защиты». (*Примеч. авт.*)

что данный мирный договор не является договором, достигнутым на основе взаимопонимания, а поэтому к нему не могут быть применены принципы мирной резолюции рейхстага, принятой в июле 1917 г. На это лидер демократов Гробер ответил, что вопрос не в том, является ли данный договор договором, основанным на взаимопонимании, или нет, а в том, можно ли было достичь мира иным путем. На этот вопрос он сам же ответил отрицательно, а потом, несколько нелогично, добавил: «У нас есть все основания смиренно спросить: «Что бы с нами было, если бы не милость Божья?» На это депутаты ответили «живыми аплодисментами».

Действительными противниками договора были представитель социал-демократов Давид и лидер независимых социалистов Гаазе, которые обрушились на него с беспощадной критикой. «Моя партия не чувствует ничего, кроме стыда, в связи с тем, что нашим восточным соседям мирный договор был навязан силой штыка! — кричал Гаазе. — На Востоке были реализованы безумные вожделения тех, кто проводит аннексионистскую политику». «В Брест-Литовске не только большевики, но также и наши дипломаты капитулировали перед военными», — поддержал его Давид. Вместе они полностью обнажили всю лживость и лицемерие политики правительства в ходе мирных переговоров; их обличительные выступления сопровождались возмущенными криками со стороны правых; что касается входивших в правительство и имевших большинство в парламенте социал-демократов, то вся их фракция чувствовала себя крайне неловко и вела себя нервно и взволнованно. Они также камня на камне не оставили от политики Верховного командования и правых партий, а в конце выступления Давид обрушился на священную привилегированную касту, заправляющую всем в правительственных кругах Германии: «Мир, который основывается на силе штыка, является самым неустойчивым и ненадежным. Германия не может проводить политику и решать стоящие перед ней вопросы теми методами, которые использовались в прошлом правящим классом Пруссии. Мир внутри страны и за ее пределами может быть достигнут лишь на основе права и свободы».

Однако результат дебатов был предрешен заранее. Рейхстаг совершенно не беспокоила точка зрения государств Антанты, выраженная Клемансо: «Подобные мирные договоры не могут быть нами признаны. У нас совершенно иные цели; мы бо-

ремся и будем бороться за то, чтобы покончить с политикой грабежа и захватов». Значение имело лишь то, что, пока в рейхстаге шли дебаты, славная армия кайзера уже блистательно вступила в дело, и, когда рейхстаг принял окончательное решение по договору, части британской 5-й армии отступали под теми страшными ударами, которые обрушил на них Людендорф.

Оглушенные победными новостями, депутаты рейхстага проголосовали 22 марта за ратификацию Брестского мирного договора. Против голосовали лишь независимые социалисты. Социал-демократы при голосовании воздержались и этим потеряли моральное право выступать против условий того договора, который был им позднее навязан и который они были вынуждены подписать. Не проявив политического мужества и не проголосовав против того, против чего они выступали, социал-демократы продемонстрировали одновременно как отсутствие политического чутья, так и политической воли, и эти недальновидность и безволие и стали причиной их политического краха 15 лет спустя[1].

Остальные депутаты были увлечены военными успехами; перед их глазами забрезжила заря победы, оказавшаяся миражом. Но им казалось, что военная мощь Германии, добившаяся таких успехов, теперь восторжествует окончательно. Меч, принесший успех на Востоке, должен прорубить путь к успеху и на Западе. Они голосовали, полные заоблачных надежд, но оказались простаками. Но даже в тот короткий момент кажущегося триумфа в зале уже мог быть расслышан «глас судьбы», повторявший слова, насмешливо брошенные Радеком в лицо негодующему Гофману: «Сегодня ваш день, но в конце концов союзники навяжут вам свой Брестский мир».

---

[1] Брестский мир всесторонне продемонстрировал политическую психологию социал-демократов. Они выступали против договора при его обсуждении, но не голосовали против. Они были взволнованы и озабочены бурей критики и протестов за рубежом, но в то же время вплоть до краха в октябре—ноябре 1918 г. послушно выполняли приказы Верховного командования. Наконец, на них произвело столь сильное впечатление то, с какой быстротой Россия аннулировала «мир победителя», что они поставили свои подписи под Версальским договором, сохраняя возвышенные надежды, что под давлением мирового общественного мнения условия договора в ближайшее время будут пересмотрены. Условия действительно были пересмотрены, но Германия это сделала в одностороннем порядке; на это потребовалось двадцать лет, и это стоило жизни социал-демократической партии. (*Примеч. авт.*)

Глава 8

ПОСЛЕ БРЕСТА

1

Обмен ратификационными грамотами по Брестскому мирному договору состоялся 29 марта 1918 г.; затем последовал обмен послами и, таким образом, были установлены официальные дипломатические отношения между Германской империей и Российской Федеративной Советской Республикой. Однако это не остановило продвижение германских войск по российской земле. «На Украине, — записал в дневнике Гофман, — мы по-прежнему продолжаем наступать».

Главной целью германского наступления, начавшегося 17 февраля 1918 г., являлось удержание и закрепление тех преимуществ, которые были достигнуты благодаря подписанию мирного договора с Украиной от 9 февраля 1918 г. За сутки до подписания этого договора части Красной армии под командованием генерала Муравьева свергли в Киеве правительство Рады и установили там власть Украинской Советской Республики, тесно связанной с Москвой. Рада бежала в Житомир и оттуда обратилась к Германии с жалостливой просьбой о помощи в отражении «этого варварского вторжения со стороны наших северных соседей». Стало абсолютно ясно, что, если Центральные державы, подписавшие мирный договор для того, чтобы получить с Украины хлеб, действительно хотят его получить, они должны сами пойти и взять его. Как написал однажды Киплинг об одной из схожих военных авантюр — «если сделан первый шаг, будет и последний».

Первоначально Верховное командование планировало перебросить войска с Востока на Запад для решающего наступления против стран Антанты, а также получить доступ к богатым ресурсам Украины для удовлетворения нужд Германии и Австрии. Однако теперь стало ясно, что эти цели являются несовместимыми и одновременно достигнуть их невозможно. Острейшая потребность в хлебе заставила германский Генштаб держать на Востоке армию для того, чтобы заставить украинских крестьян отдать хлеб, которые всячески противились и яростно сопротивлялись тому, чтобы их зерно досталось Раде, Советам или германскому Верховному командованию.

Наступавшие войска Гофмана на Украине встретили более серьезное сопротивление, чем непосредственно на территории

самой России. Большевистские войска оборонялись весьма грамотно, а при отступлении взрывали мосты и железные дороги, чем затрудняли продвижение германских войск. Тогда же получили боевое крещение части чехословацкого корпуса, которые длительное время формировал из числа австрийских военнопленных доктор Массарик. Они проявили себя вполне достойно, сражаясь бок о бок с большевиками; некоторое время спустя они стали их противниками — когда совершали свою героическую одиссею через Сибирь.

Когда был дан приказ о проведении военной экспедиции на Украину, германское Верховное командование исходило из того, что в ней примут участие и войска Австро-Венгрии. Однако тут гармония между Центральными державами была нарушена. Двойная империя, по причинам как внутреннего, так и внешнего характера, не хотела давать повод считать, что она продолжает принимать участие в военных операциях. Австро-Венгрия искренне и серьезно стремилась к достижению мира на Востоке, чтобы государства Антанты и связанные с ними державы поверили в искренность тех «пробных шаров», которые она им посылала; а в стране нужно было попытаться сохранить целостность империи и ее единство, серьезно расшатанные продовольственным кризисом, трудностями и лишениями, вызванными войной.

Поэтому, когда Людендорф обсуждал возможность проведения совместной военной акции на Украине с начальником Генштаба Австро-Венгрии генералом Арцем фон Штрауссенбергом, последний сказал ему, что Австро-Венгрия в этой операции принимать участие отказывается, причем указание об этом он получил от императора Карла. Германское Верховное командование ответило просто и действенно: если австрийцы не хотят принимать участие в совместных действиях на Украине, то Германия не считает себя связанной соглашениями о разделе продовольствия и не будет делиться с Австро-Венгрией продовольствием, собранным на тех территориях, которые заняты только германскими войсками.

Подобная политика давления возымела успех, поскольку в случае односторонних действий Германии население двойной империи ставилось под угрозу голода. Австро-Венгрия страстно желала мира, который был ей столь необходим; но еще больше ей нужен был хлеб, причем если Германия могла обойтись без поставок зерна до июня, то Австро-Венгрии эти поставки были необходимы к апрелю. 24 февраля император Карл капитулировал и приказал Штрауссенбергу послать

войска на Украину. Последний подчинился еще более безропотно, поскольку согласно австро-германскому соглашению о военном сотрудничестве вопросы развертывания войск решались «на основе разделяемого обеими сторонами принципа, что инициатива в этих вопросах, включая принятие решения, должна главным образом оставаться за Германией».

Следует отметить, что Австро-Венгрии совсем не стоило капитулировать столь поспешно. Она могла бы вести игру более искусно, ответить шантажом на шантаж, чтобы попытаться подороже продать свое согласие на участие в украинской экспедиции, назначив в итоге свою цену. Новость о согласии Австро-Венгрии на участие в операции была встречена германским Верховным командованием с явным облегчением, поскольку Людендорф хорошо понимал — и не скрывал этого, — что одной Германии не справиться. Но он знал, что его союзник из категории слабонервных, поэтому и решил «блефануть» — и в результате заставил Вену, напуганную угрозой голода, подчиниться.

Присоединение австрийских войск к военным операциям на Украине создало ряд технических сложностей и проблем. Поскольку австрийцы «опоздали», немецкие войска уже заняли ряд стратегически важных и во всех отношениях «выгодных» районов Украины. 1 марта германскими войсками был взят Киев; при взятии Одессы 12 марта австрийские войска сыграли весьма незначительную роль, однако австрийцы потребовали, чтобы весь город был передан под их контроль. Некоторые круги в Вене, в особенности связанные с Черниным, раздраженные тем, что германские князьки садятся на трон в прибалтийских провинциях и Финляндии, предложили объявить кого-либо из Габсбургов королем Украины и стали настойчиво добиваться от императора Карла посылки в Одессу либо эрцгерцога Евгения, либо эрцгерцога Фридриха для того, чтобы обеспечить контроль Австро-Венгрии над Украиной. Австрийский Генштаб выступал против этого предложения, мотивируя это тем, что подобное назначение не будет приличествовать рангу эрцгерцога и не следует на это идти «ради нескольких початков кукурузы». Император Карл согласился с этим доводом, но в то же время отклонил требование германского кайзера Вильгельма о том, чтобы вся Украина и Крым находились под контролем Германии. Какое-то время между Верховным командованием обеих империй шли споры и перепалка по этому вопросу, причем у немцев вызывала возмущение мелочная алчность их второсортного со-

юзника. «Опять эти бесконечные проблемы с австрийцами на Украине, — записал в дневнике Гофман. — Они... как обычно, ведут себя низко и посредственно, пока им не приставят нож к горлу... Жаль, что итальянцы не наступают. С австрийцами можно иметь дело лишь тогда, когда у них серьезные трудности».

После довольно долгого обмена язвительными посланиями между императорами, а также германским и австрийским генштабами был наконец найден компромисс. На Черноморском побережье к Австро-Венгрии отходили Одесса и Херсон, а к Германии — Николаев и Севастополь; остальная Украина была «поделена» следующим образом: ее северная часть оставалась за Германией, а южная — за Австро-Венгрией. Это означало, что под командованием германских войск, которое от Гофмана перешло теперь к фельдмаршалу Эйнхорну, оставался Киев, где находилось правительство восстановленной у власти Рады. И Германия, и Австро-Венгрия направили в Киев своих дипломатических представителей: это были соответственно барон Мамм фон Шварценштайн и граф фон Форгач. Однако оба они играли второстепенную роль; в течение последующих нескольких месяцев фактическим правителем Украины был Эйнхорн.

Однако и после восстановления Рады у власти положение оставалось крайне неудовлетворительным. В стране всего было в изобилии, однако получить все это было практически невозможно. Ранее большинство земли было занято крупными поместьями. После того как земля у помещиков была конфискована и роздана крестьянам, последние отказывались ее возделывать, поскольку не были уверены, останутся ли у них как собранный урожай, так и сама земля. Они также не хотели продавать те продукты, которые у них имелись, за бумажные деньги, количество которых в обращении было практически неограниченным. Зерно крестьяне обменивали только на товары, в противном случае они зарывали излишки зерна в землю и категорически отказывались показать, где именно. К 2 марта 1918 г. вместо 300 грузовиков с зерном в день, как было предусмотрено соглашением с Украиной, в Вену и Будапешт прибыло лишь по одному грузовику, да и то это зерно было изъято с захваченных складов и умышленно направлено в обе столицы, «чтобы наглядно продемонстрировать населению выгоды и преимущества мирного договора с Украиной».

Транспортные проблемы еще более затрудняли сбор зерна у недовольных и оказывающих пассивное сопротивление кре-

стьян. Вся система железнодорожного транспорта Украины нуждалась в коренном изменении для того, чтобы она стала самостоятельной и самоокупающейся. В пределы границ Украины не входили районы месторождения угля, поэтому было решено включить в состав Украины и Донецкий угольный бассейн. Для этого германо-австрийским войскам, занявшим 8 апреля «хлебную столицу» Украины — Харьков, пришлось продвигаться далее на восток и волей-неволей войти в мае 1918 г. в пределы российской территории на юго-востоке страны.

В то же время в Киеве Рада демонстрировала полное бессилие, неспособность контролировать ситуацию и решать какие-либо задачи. «Вся сложность ситуации на Украине состоит в том, что Центральная рада держится только на наших штыках, — откровенно признавался Гофман. — Как только мы уйдем, это правительство сразу рухнет». Сепаратистское движение не имело на Украине массовых корней, большинство людей с безразличием относилось к вопросу о национальном самоопределении; этот вопрос активно поднимался лишь небольшой группой политических мечтателей, пришедшей к власти лишь благодаря немецким штыкам.

Однако, несмотря на всю шаткость положения этого ими же созданного марионеточного образования, Центральные державы стремились к заключению с Радой все новых и новых соглашений. Рада сама очень хотела получить спрятанное крестьянами зерно, которое, как она утверждала, крестьяне незаконно забрали с государственных складов; поэтому она предложила изъять это зерно с помощью австро-германской армии. Германское командование меньше всего интересовало происхождение этого зерна; раз зерно есть, оно должно быть направлено в Берлин, Вену и Будапешт. На этой дружественной основе и договорились: 9 апреля 1918 г. было заключено соглашение о том, что с апреля по июль текущего года с Украины будет поставлено 60 млн пудов злакового зерна, фуражного зерна, стручкового зерна и семян подсолнечника.

Малоприятная миссия по выполнению этого соглашения была возложена на начальника штаба германских сил, которыми командовал Эйнхорн, генерала Вильгельма Грюнера. Это было сделано потому, что Грюнер великолепно себя проявил на посту начальника транспортного отдела при германском Генштабе в первый год войны, а также, позднее, и на посту куратора военной промышленности в Берлине, где он сумел

обеспечить согласованные действия рабочих и профсоюзов по выполнению «программы Гинденбурга», направленной на увеличение интенсификации производства[1].

С учетом успешного выполнения им задач такой важности, как перечисленные выше, Грюнеру и было поручено решить проблему с поставками продовольствия с Украины. Он разработал весьма дельный и эффективный план, который должен был быть реализован через германо-украинскую Торговую организацию; однако для успешного осуществления этого плана требовалась известная готовность к сотрудничеству со стороны украинского крестьянства.

Способностей Грюнера убеждать оказалось недостаточно, чтобы преодолеть недоверие и сопротивление со стороны недовольных украинских крестьян. Поэтому практические результаты работы этой блестящей по замыслу организации оказались более чем скромными; к тому же, помимо сопротивления со стороны крестьян, сказалась и явно завышенная оценка Радой имеющихся запасов зерна в стране. Гофман считал, что Грюнер напрасно пошел по пути создания крупной централизованной организации и что он добился бы гораздо большего успеха, если бы воспользовался услугами еврейских дилеров, закупавших зерно на открытом рынке. Однако Гофман в то время был в Ковно и не вполне владел информацией, в то время как Грюнер в буквальном смысле слова находился в самом водовороте событий! Однако, какими бы ни были причины неудачи, факт оставался фактом: удалось обеспечить крайне незначительные поставки зерна. За весь период австро-германской оккупации (март—декабрь 1918 г.) с Украины прибыли лишь 42 000 грузовиков с зерном, из которых с официальными поставками 30 757, остальные были загружены просто где-то захваченным зерном. Результат был крайне неудовлетворительным с учетом того, что для его достижения потребовалась армия в количестве полумиллиона человек, ко-

[1] Вместе с Грюнером прибыли и его помощники; среди них было два человека, которым было суждено сыграть важную роль в истории Германии: Рудольф Надольный, впоследствии посол Германии в Москве, а также представитель Германии на завершившейся неудачей конференции по разоружению; и Отто Мейснер, который позднее проявил себя как самый «выдающийся» политический хамелеон своего времени — он счел для себя возможным работать министром иностранных дел и при Эберте, и при Гинденбурге, и при Гитлере; сначала он был социал-демократом, а в 1937 г. получил звание и золотой знак почетного члена партии национал-социалистов. (*Примеч. авт.*)

торая с гораздо большей пользой могла бы быть использована в другом месте[1].

Пассивное сопротивление крестьян распространялось не только на то зерно, которое ими уже было собрано. Планируя посевы для урожая будущего года, крестьяне засевали лишь столько, сколько было нужно для покрытия своих личных нужд, и не больше, а в тех местах, где еще сохранились помещики — а помещики все как один поддерживали немцев и были их союзниками, поскольку видели в них единственную защиту от большевиков, — предупреждали тех, что не допустят расширения посевов.

Подобная перспектива означала еще одну неудачу Германии. Она не только не сумела обеспечить поставки излишков урожая 1917 г., но и оказалась перед реальной перспективой того, что очередной сев, на который и так отрицательно влияла нехватка рабочей силы и сельскохозяйственных орудий, будет столь ограниченным, что с урожая 1918 г. также практически ничего не удастся получить. Для того чтобы предотвратить подобное катастрофическое развитие событий, маршал фон Эйнхорн принял немедленные и энергичные меры. 6 апреля 1918 г. — за три дня до того, как было подписано соглашение с Радой, — он издал общий приказ для всех украинских крестьян, не уведомив об этом Раду. Посев, говорилось в приказе, должен осуществляться в максимальном объеме, и владельцем урожая будет тот, кто произвел сев, независимо от того, помещик это или крестьянин. Если в каких-то местностях крестьяне не в состоянии засеять всю землю, то обеспечить полное засевание земли должен был помещик, причем крестьянам запрещалось препятствовать ему в этом. Более того, в приказе подчеркивалось, что его неисполнение будет караться не украинскими судами (они действовали лишь на очень небольшой территории), а военными трибуналами, специально созданными оккупационными войсками.

Появление этого приказа говорит о том, каким полновластным хозяином чувствовало себя германское военное командование в то время на Украине. С другой стороны, тот факт, что в течение двух недель с момента опубликования приказ активно обсуждался в украинских селах, а Рада ничего не знала о его

---

[1] В Берлине постоянно ходили слухи о том, что для сокрытия провала украинской экспедиции польским рабочим было приказано делать надпись «Украина» на каждом мешке муки, направлявшемся из Польши в Берлин. (*Примеч. авт.*)

существовании, говорит о степени контакта и взаимодействия Центральной рады со своей собственной страной и своим народом. Германское командование давало Раде лишь ту информацию, какую считало необходимой; остальное доходило до Рады, можно сказать, случайно: в результате всякого рода утечек и крайне отрывисто и нерегулярно. Рада фактически была марионеткой в руках своих хозяев, причем последним начинали все более и более надоедать попытки Рады как-то заявить о себе и отстаивать свои права. В Раде еще сохранялся дух национальной независимости; его носителями были в основном представители социал-демократов и социал-федералистов, которые входили в правительство. Эти люди, включая молодого министра иностранных дел Любинского, подписавшего договор с Центральными державами, выражали все большее возмущение ростом вмешательства германского командования в вопросы внутреннего управления страной, входившие в компетенцию правительства, и активно пытались воздействовать на бесхребетного председателя Рады М. Голубовича, побуждая его оказывать противодействие подобному вмешательству.

Для них приказ Эйнхорна был последней каплей, переполнившей чашу; преодолев сопротивление своих более робких коллег, они добились того, что Рада объявила этот приказ незаконным и, соответственно, недействительным и не подлежащим выполнению. На этот вызов, брошенный 26 апреля, Эйнхорн немедленно ответил объявлением о введении военного положения и ультиматумом Раде с требованием отменить принятое ею решение. На самом деле он уже был готов принять более жесткие меры.

В какой-то момент германское командование пришло к выводу, что Рада, мировоззрение которой представляло собой сочетание беспочвенного и бессодержательного идеализма с уязвленным национальным чувством, более не соответствует осуществлению целей Германии на Украине. Было уже очевидно, что Рада не может, а возможно, и не желает обеспечить поставки продовольствия с Украины для Центральных держав. Из 9 млн пудов, которые должны были быть поставлены в апреле, к концу третьей недели месяца были поставлены лишь 3 млн пудов, и не было никаких оснований полагать, что за оставшееся время будет собрано недостающее количество. «Мы охотно верили словам украинского правительства, что на Украине всего в изобилии, но только до сих пор мы ничего из этого изобилия не увидели», — сказал один германский уполномоченный, занимавшийся поставками продовольствия. Гер-

мании был необходим откровенно прогермански настроенный лидер, готовый безоговорочно выполнять приказы своих хозяев и которого было бы легче контролировать, чем рыхлый коллективный орган с неясными полномочиями. Такой человек сам предложил свои услуги Эйнхорну; это был генерал Павло Скоропадский[1], украинец, служивший ранее в царской армии; о том, насколько он подходил для этой роли, можно судить по характеристике, данной ему Людендорфом: «Это человек, с которым можно успешно работать».

Грюнер заключил соглашение со Скоропадским 24 апреля 1918 г. — за два дня до заявления Рады, признавшего незаконным германский приказ по земельному вопросу и отменившего его. Согласно этому соглашению, Скоропадский признавал Брестский договор; взамен Рада распускалась, причем новые выборы могли быть проведены лишь с разрешения германского командования, а Скоропадскому поручалось навести порядок в стране. Восстанавливалось право частной собственности на землю; в интересах развития сельского хозяйства восстанавливались крупные земельные угодья, а крестьяне должны были заплатить за землю, которую они получили при разделе помещичьих земель. Законы Центральных держав об обязательной военной службе должны были действовать на Украине до разработки и введения в действие национального законодательства; Украина также должна была оплатить Центральным державам расходы, связанные с оказанием ей военной помощи. Помимо этого Скоропадским было заключено еще одно соглашение с Австро-Венгрией, согласно которому с последней снималось обязательство, взятое Черниным по договору с Радой, создавать украинскую автономию, в которую были бы сведены территории Буковины и Галиции, заселенные преимущественно украинцами[2].

Точное время, когда немцы представят Украине ее нового хозяина, установлено не было; германское командование дер-

---

[1] Скоропадский П.П. (1873–1945) — генерал царской армии, крупный помещик, октябрист. Во время Первой мировой войны командовал корпусом. С апреля по декабрь 1918 г. был гетманом Украины, являясь германским ставленником. Бежал в Германию, где вел антисоветскую деятельность.

[2] Когда позднее выяснилось, что эта уступка, означавшая капитуляцию, была сделана Скоропадским по своей собственной инициативе, причем об этом не был осведомлен никто из его сторонников, это вызвало такой взрыв эмоций, что Скоропадский был вынужден проинформировать Вену о признании им незаконности предпринятого им шага. (*Примеч. авт.*)

жало Скоропадского в качестве козырной карты, однако время, когда ее надо было вводить в игру, стремительно приближалось.

Между тем Голубович, стараясь задобрить Эйнхорна, предложил уволить своих несговорчивых коллег, а также заключить мир с Советской Россией в самое ближайшее время; лишь по основному вопросу — о земельном указе — он продолжал занимать уклончивую позицию. Складывается впечатление, что германский посол в Киеве барон Мамм, который не был осведомлен о соглашении со Скоропадским, счел уступки Голубовича вполне приемлемыми и настоятельно советовал Эйнхорну принять их. Но маршал не собирался упускать возможности покончить с Радой, и рекомендации Мамма были либо проигнорированы, либо его переубедили, поскольку то, что произошло в последующем, как ясно подчеркнуло военное командование, было сделано с согласия и одобрения полномочного представителя Германии в Киеве.

Неопределенный, а поэтому неудовлетворительный ответ Рады на германский ультиматум от 26 апреля, а также арест банкира Доброго, который в качестве директора Банка внешней торговли был очень полезен и ценен для торговой комиссии Грюнера, дали Эйнхорну тот повод, которого он так долго ждал. Днем 28 апреля прямо во время заседания Рады были арестованы министр по военным вопросам, министр иностранных дел и министр сельского хозяйства, а министр внутренних дел сумел избежать ареста, лишь уйдя через окно. Всех членов Рады заставили поднять руки, затем отобрали оружие и, наконец, заставили покинуть помещение; позже германским командованием было объявлено, что военнослужащие проявили во время этой операции «излишнее рвение». На следующий день на съезде землевладельцев Украины Скоропадский был провозглашен гетманом.

Голубович обратился с яростными протестами как к барону Мамму, так и к германскому правительству; Эйнхорн подвергся ожесточенной критике в рейхстаге — однако все было напрасно. Как с удовлетворением отметил Гофман, «все, что происходило на Украине, было результатом самого тщательного обсуждения между канцлером, министерством иностранных дел и Верховным командованием».

Появление новой политической силы на Украине в лице гетмана должно было усилить здесь позиции Центральных держав. Отчасти так и произошло. В первые месяцы правления Скоропадского наблюдалось возрождение экономики; помещики,

фабриканты и вся буржуазия активно выражали готовность к сотрудничеству с новым правительством, а также австрийскими и германскими ведомствами и структурами. Положение с поставками значительно улучшилось; они теперь осуществлялись почти в соответствии с графиком, и по количеству, и по срокам, предусмотренным соглашениями; в Центральной Европе вновь появилось мясо, а германская армия получила наконец 140 тысяч лошадей, в которых она так остро нуждалась. Началось даже формирование украинских воинских частей; правда, это начинание не увенчалось успехом.

За короткое время Украина превратилась в настоящую буржуазную Мекку, сюда повалили тысячи беженцев и мешочников из Советской России, чтобы не упустить возможность заработать спекуляцией на рынках и «толкучках», которыми был заполнен Киев.

Центральные державы ранее отказались кредитовать Раду, а Скоропадскому они предоставили кредит в 400 млн карбованцев (1 карбованец равнялся 1,3 марки); правда, выпущенные Банком Украины новые банкноты были обеспечены не золотом, а марками и кронами, поставленными из Берлина и Вены. Степень доверия населения к этим новым карбованцам видна из того, что их стали называть *скоропадками*, причем не из-за ассоциации с фамилией гетмана, а в прямом смысле — «скоро падают», то есть ненадежны.

Однако режим Скоропадского не принес мира Украине и не добился реального укрепления здесь позиций Центральных держав. Проводимая гетманом социальная и аграрная политика привела к ряду мощных крестьянских восстаний, которые продолжались в течение всего периода его нахождения у власти. Крестьяне были возмущены возвращением земли крупным помещикам, а также все более активным изъятием у них продовольствия и всячески старались этому препятствовать. В некоторых местностях имело место пассивное сопротивление, в других крестьяне прибегали к саботажу. В Одессе был подожжен завод по производству аэропланов; были взорваны многие военные склады; пускались под откос поезда; партизаны устраивали засады оказавшимся в отдалении от основных частей отрядам солдат. Крестьянские восстания, кровопролитные сами по себе, подавлялись с еще большей жестокостью силами, которыми располагали помещики, и помогавшими им австро-германскими войсками, которые оказывали всяческое содействие гетманской полиции. Конфликты и столкновения происходили часто; волнения охватили практически всю Украину, и

вскоре стало ясно, что режим Скоропадского еще в большей степени держится на иностранных штыках, чем Рада.

Более того, политика, проводимая Эйнхорном на Украине, приводила не к осуществлению изначально поставленных Германией целей, а к прямо противоположным результатам. Цель заключения сепаратного договора с Украиной в Брест-Литовске состояла в том, чтобы практически навсегда оторвать Украину от Советской России и поддерживать постоянное отчуждение между ними, сделав из Украины экономический протекторат, при помощи которого можно было оказывать влияние на правительство в Москве. Однако в результате политики, проводимой Эйнхорном и режимом Скоропадского, произошло, наоборот, сближение между Украиной и Советской Россией. Украинское крестьянство, которое раньше относилось к большевикам настороженно, теперь потянулось к ним в поисках защиты от эксплуатации, поборов и репрессий, при помощи которых крестьян держали в бесправном положении со стороны Центральных держав. Летом 1918 г. прошли переговоры между Киевом и Москвой; советскую делегацию сначала возглавлял Сталин, затем — Кристиан Раковский. Хотя переговоры не привели ни к какому результату, члены советской делегации полностью использовали представившуюся возможность для пропаганды большевистских взглядов. Трудно найти более вопиющий пример того, как не надо себя вести с народом побежденной страны (не считая попыток Франции отделить от Германии Рейнскую область в 1923 г.), чем германская политика на Украине в то время.

А в Ковно, где теперь находилась штаб-квартира принца Леопольда Баварского, Гофман ясно видел, что если события и далее будут развиваться в том же направлении, то это приведет к катастрофе. Он очень хорошо понял, правда, наверное, слишком поздно, насколько верна русская пословица: «Не плюй в колодец — пригодится воды напиться». Его представитель в Киеве майор Бринкман, а также такие знающие и опытные наблюдатели, как журналист Колин Росс и известный политический исследователь доктор Рохбрах, сообщали ему о последствиях политики Эйнхорна. «Своими действиями Генштаб и Эйнхорн, хотя они и не подозревают об этом, толкают Украину обратно в руки России» — такую запись сделал в своем дневнике Гофман в тот период. Снова и снова Гофман сообщал о своих опасениях Верховному командованию, но все напрасно. «К моим политическим рекомендациям уже так не прислушиваются, как раньше», — с горечью записывает он.

К этому времени Людендорф мог уже себе позволить просто не считаться с мнениями других.

Его охватило что-то вроде мании величия — он выше всех, он всемогущ, он властелин, и все, что он говорит, должно беспрекословно выполняться. Даже убийство Эйнхорна, совершенное в июле 1918 г., не вызвало у него сомнений в проводимой политике, и он продолжал держать Украину в ежовых рукавицах до тех пор, пока вследствие поражений на Западе не был вынужден ослабить хватку и предоставить Скоропадского воле судьбы[1].

Немцам теперь приходилось расплачиваться за наполеоновские замашки Людендорфа, которые проявились во время переговоров в Брест-Литовске. Людендорф видел себя купающимся в лучах славы, создающим королевства и определяющим, кто будет ими править, подобно тому как это делал Наполеон после Тильзитского мира. Ленин удивительно точно сравнил мирные условия Бреста с Тильзитским миром. Это было верно как в отношении победителя, так и в отношении побежденного[2].

---

[1] После того как ввиду острой нехватки личного состава на Западе Людендорфу пришлось летом 1918 г. перебросить с Востока полмиллиона человек, власть и влияние режима Скоропадского быстро пошли на убыль. В ноябре 1918 г. он решил отбросить всякую видимость украинской независимости и объявил, что Украина является неотъемлемой частью России. Однако это не спасло гетмана; его враги объединились против него и провозгласили в декабре Украинскую Народную Республику, во главе которой стояла Директория; ее председателем стал Петлюра. Она просуществовала недолго и была свергнута большевиками, занявшими Киев в феврале 1919 г. После этого Петлюра тайно скрывался у поляков, пытаясь договориться с ними о совместных действиях; затем он бежал в Париж, где был убит в 1927 г. Скоропадский вернулся в Берлин, где находился в отставке и не занимал никаких постов; после революционных событий 1933 г. (так автор называет приход фашистов к власти. — *Пер.*) у него возродились надежды вернуться в Киев, поскольку ряд влиятельных членов национал-социалистической партии в рамках планирования продвижения на Восток разрабатывали ряд схем, касавшихся Украины. (*Примеч. авт.*)

[2] Эта фаза наполеоновского комплекса Людендорфа оказала своеобразное и весьма ущербное воздействие на федеральную структуру Германии, открылись возможности для назначения на посты руководителей областей и территорий представителей правящей династии, а также возросли территориальные притязания коронованных особ, желавших иметь в своем управлении как можно большую территорию, даже если для этого надо было изменять существующее территориально-административное деление. В этот самый критический для империи момент во всей ее истории именно эти вопросы в первую очередь занимали все внимание германских принцев, отодвинув на второй план куда более важные и насущные проблемы, стоявшие перед страной. (*Примеч. авт.*)

Людендорф направил военную экспедицию в Финляндию для подавления большевистского восстания; другая экспедиция была направлена в район Баку; третья — заняла порты Крыма. Оккупационная армия находилась в Румынии; шло формирование правительств во главе с великими герцогами в Курляндии, Литве, Ливонии и Эстонии; немецкие колонии в Крыму срочно призывали обратиться к кайзеру с просьбой о присоединении к Германии. Концепция Людендорфа о «немецком пространстве» была действительно всеобъемлющей (ее позднее возродил Гитлер). «Престиж Германии требует, чтобы мы обеспечили твердой рукой защиту не только гражданам Германии, но и *всем* немцам вообще», — писал он в то время. В дополнение ко всему вышеперечисленному Регентский совет Польши требовал постоянного внимания и поддержки, а гетмана Украины Скоропадского можно было скорее отнести не к активу, а к пассиву. Но на этом планы Верховного командования не исчерпывались. Вильгельм II в своем послании атаману донского казачества изложил план расчленения России на четыре независимых государства — Украину, Юго-Восточный союз, Центральную Россию и Сибирь, ликвидируя таким образом Россию в качестве политической угрозы для Германии.

Однако мир, навязанный победителем, должен быть обеспечен силой. Для удержания территориальных захватов на Востоке Германии пришлось держать там армию в миллион человек, а ведь половины этого количества было достаточно, чтобы склонить чашу весов в свою пользу на начальном этапе той яростной битвы гигантов, которая развернулась на Западе. Как отмечали и сэр Дуглас Хейг, и генерал Мэнджин, в апреле—мае 1918 г. немцам нужно было всего несколько кавалерийских дивизий для того, чтобы расширить зазор между французскими и английскими армиями и отсечь их друг от друга. На Западном фронте у Германии таких сил не оказалось, в то время как три кавалерийские дивизии удерживали у власти сменяющие друг друга марионеточные правительства в Киеве. Людендорфу-солдату нанес поражение не столько маршал Фош, сколько Людендорф-политик.

2

События, последовавшие за ратификацией Брестского мирного договора, полностью подтвердили, насколько Ленин был прав, говоря о необходимости мирной передышки для упрочения позиций, завоеванных революцией. Было бы точнее ска-

зать, что советское правительство жадно глотало воздух, пытаясь удержать голову над поверхностью воды. Весной и летом 1918 г. большевикам пришлось отражать нападения как внутренних, так и внешних врагов. Союзники предприняли попытку интервенции в Архангельске, Мурманске, а также на востоке Приморья, правда с совершенно иными целями, нежели предлагали Локкарт, Робинс и Садуль. Чехословацкий корпус пробивался через всю Россию к Владивостоку, белые армии под командованием адмирала Колчака угрожали из Сибири; из Прибалтики, при германской поддержке, — генерал Юденич; с Дона — казаки во главе с верховным атаманом; а из Крыма с помощью Антанты против большевиков действовали силы, которые возглавляли сначала генерал Корнилов, затем генерал Алексеев и, наконец, генерал Деникин.

Активная борьба велась против Советского государства и изнутри. Кадеты готовили заговоры совместно с немцами на Украине и в Ковно; правые эсеры установили контакт с Антантой; левые эсеры и «левые коммунисты» продолжали призывать к священной войне и пытались всячески испортить и обострить отношения Советской России с Центральными державами. И все это происходило в то время, как германская армия, демонстрируя свое превосходство, пренебрежение к противнику и уверенность в себе, неудержимо продвигалась вперед, навязывая условия мира, которые были продиктованы победителем побежденному. «От холодных скал Финляндии до южных солнечных гор», от Киева до Донецкого бассейна были слышны поступь немецких солдат и лающий звук отрывистых прусских команд.

Подобная атмосфера уже сама по себе была неблагоприятна для восстановления дипломатических отношений между Россией и Германией, формальное начало чему было положено 23 апреля 1918 г., когда стороны обменялись послами. Ни у одной из сторон не было никаких оснований относиться друг к другу с уважением и доверием, и в течение семи месяцев, предшествовавших денонсации Брестского договора, стороны лишь поддерживали видимость приемлемых отношений.

Ленин назначил послом в Берлин Иоффе, человека с мягкими манерами и мягким, вкрадчивым голосом. В Москву в качестве посла прибыл граф Вильгельм фон Мирбах-Гарф; у него уже был опыт работы в России: еще до войны он являлся здесь советником германского посольства, а в период между заключением перемирия, с 15 декабря 1917 г. и до начала

немецкого наступления в феврале 1918 г., находился в Петрограде в качестве германского представителя в комиссии по восстановлению торгово-экономических отношений между странами и по делам военнопленных. Работая в последнем качестве, он близко познакомился со многими большевистскими лидерами и хорошо вник в атмосферу революционной России.

Трудно представить себе более трудную миссию, чем работа посла победившей страны в стране побежденной. Задача же Мирбаха отягощалась еще и той сложной и своеобразной внутренней обстановкой, которая тогда существовала как в Германии, так и в России. Германский МИД очень стремился к тому, чтобы любой ценой не допустить серьезного осложнения, а тем более разрыва отношений с Россией, поэтому Мирбах был проинструктирован проявлять максимальное терпение и выдержку. С другой стороны, германское Верховное командование не исключало возможности возобновления военных действий и продолжения наступления с целью изгнания из Москвы правительства большевиков. Миссия чрезвычайного и полномочного посла Германии в России была крайне трудной. Однако его подчиненные верили, что он с ней справится. «Мирбах — умный человек, — сказал Шейдеману перед отъездом в Москву Рейцлер, сопровождавший Мирбаха в качестве советника посольства. — Когда имеешь дело с такими людьми, как Радек и его товарищи, нужен человек, который не бросит все сразу же и не махнет на все рукой, а сумеет спокойно вести переговоры, сохраняя при этом выдержку и холодную голову. Мирбах великолепно подходит для этого»[1].

Очень скоро от Мирбаха как раз все это и потребовалось. Его прибытие в Москву послужило сигналом для целой серии оскорбительных выпадов в его адрес, которые легко могли бы спровоцировать менее выдержанного и владеющего собой дипломата. Когда Мирбах прибыл 26 апреля 1918 г. на прием в Кремль для вручения верительных грамот, он был принят не Лениным, который являлся фактическим главой Советского государства, а Свердловым, занимавшим формально самый высокий государственный пост в Советской России —

---

[1] М и р б а х Вильгельм (1887—1918) — граф, германский дипломат. В 1915—1917 гг. — германский посол в Афинах. С апреля 1918 г. — германский посол в Москве. 6 июля 1918 г. был убит левыми эсерами с целью спровоцировать войну между Германией и Советской Россией.

председателя ВЦИК. Всего год назад Ленин вернулся в России при содействии германского правительства, и вот теперь он отказался принять германского посла, прибывшего в Москву. На официальную приветственную речь Мирбаха Свердлов ответил коротко и резко: «Мы приветствуем в вашем лице представителя государства, с которым мы заключили Брест-Литовский мирный договор»; а чтобы все сразу стало понятно, фактическая позиция советского правительства была сформулирована в статье Радека, опубликованной в «Известиях» два дня спустя:

«Представители германского империализма прибыли в Москву, но для получения билета до Москвы им пришлось принять красное посольство революционной России в Берлине. Наши товарищи едут туда как представители страны, которая является слабее других стран в военном отношении; однако они в то же время едут как представители страны, одержавшей моральную победу. Ни один берлинский рабочий не встретит посла Российской Социалистической Республики с той ненавистью, с которой каждый московский рабочий встречает представителя германского капитала».

Таким духом и был проникнут весь последующий период отношений между двумя странами, характеризовавшийся хроническим взаимным недоверием и неприязнью; причем ситуация еще более усугублялась и осложнялась присутствием и деятельностью специальных представителей и агентов стран Антанты в Москве, а также их посольств в Вологде. Локкарт отказался уступить немцам свои апартаменты в одной из лучших московских гостиниц; а сразу по прибытии в Москву (23 апреля) Мирбах был вынужден заявить протест в связи с заявлением французского посла о том, что продолжение германского наступления может вынудить союзников совершить интервенцию в Сибирь, чтобы остановить германскую агрессию в России. В ответ Чичерин выступил 27 апреля с нотой протеста, в которой по пунктам указывались случаи нарушения Германией условий Брест-Литовского мирного договора, а именно: вторжение в Крым и Донецкий угольный бассейн, вступление германо-украинских сил на территорию Центральной России, а также захват белогвардейскими и высадившимися германскими частями российского военного имущества на севере Финляндии. В завершение ноты требовались разъяснения: «Если германское правительство считает себя более не связанным выполнением положений мирного договора, который был ратифицирован обоими государствами, то

совершенно необходимо, чтобы оно ясно и точно сформулировало, каковы ее новые цели и требования, ради которых оно направляет украинские, финские и германские силы против Российской Советской Республики».

Ни эта, ни последующие ноты не остановили германской военной активности и не прояснили отношений с Германией; а неоднократные протесты, которые делал Иоффе в Берлине, а также Красин лично Людендорфу, также оказались безрезультатными.

Германия, в свою очередь, выдвигала претензии в связи с формированием иностранных частей в рядах Красной армии для защиты Советской власти. Первым публичным мероприятием, на котором появился Мирбах, был военный парад на Красной площади. Германский посол был немало удивлен, увидев немецкий отряд; все были в немецкой военной форме и выполняли команды, отдаваемые по-немецки. Отряд был выстроен в колонну по одному и шел под знаменем, на котором было написано: «Немецкие товарищи, сбросьте своего кайзера, как русские товарищи сбросили царя». Отреагировав на протест Мирбаха, Троцкий издал приказ, запрещавший нарушать договоренности, зафиксированные в статье 2 Брестского договора, касавшиеся пропаганды. Согласно приказу все военнопленные должны были быть разоружены, а в Красную армию разрешалось принимать лишь тех иностранцев, которые являлись гражданами Советской России.

Однако Троцкий далеко не всегда был таким покладистым и любезным. В вопросе о Черноморском флоте он откровенно переиграл немцев. Согласно условиям договора Россия должна была либо немедленно разоружить свои военные корабли, сняв с них все вооружение, либо держать их в своих портах до заключения всеобщего мира. В соответствии с этим Черноморский флот был интернирован в Севастополе, но, когда германские войска вторглись в Крым, был отдан приказ об отправке флота в Новороссийск, и 27 апреля корабли покинули Севастополь — это случилось за три дня до занятия города немцами. Германия немедленно потребовала, чтобы флот был возвращен в Севастополь. Троцкий, однако, затягивал время. Он предложил Брюсу Локкарту и британскому военному атташе капитану Кроми, которому была уготована печальная судьба, чтобы английские морские офицеры взяли командование кораблями на себя. «Если даже им ничего не удастся сделать, в конце концов, они смогут потопить корабли, чтобы они не достались немцам», — сказал он.

Англичане сочли это предложение неосуществимым; Троцкий при этом информировал Локкарта о том, что он уже отдал тайный приказ об уничтожении флота. Флот был затоплен 8 июня 1918 г.; год спустя немцам было суждено сделать то же самое со своим флотом в Скапа-Флоу[1].

В начале мая 1918 г. возник новый кризис. Он был вызван требованиями Германии к России передать под ее контроль форт Ино в Финляндии, занимавший ключевую позицию в стратегической обороне Петрограда[2], а также выдворить из пределов страны силы союзников, которые высадились в марте 1918 г. в Мурманске с согласия советских властей[3].

Требование новых территориальных уступок вызвало возмущение и протесты во всех политических партиях против той политики отступления, которой придерживалось советское правительство; обвинения в предательстве были столь сильны и выдвигались столь яростно буквально со всех сторон, что было решено провести в Кремле 14 мая 1918 г. совместное заседание Центрального исполнительного комитета и Московского Совета, на котором Ленин должен был выступить с докладом о сложившейся ситуации.

---

[1] В.И. Ленин лично принимал самое активное участие в решении вопроса о судьбе Черноморского флота, написав «Протест германскому правительству против оккупации Крыма». Не имея возможности спасти флот и не желая сдать его немцам, ультимативно потребовавшим возвращения флота в Севастополь, Ленин дал указание Высшему военному совету: «Ввиду безвыходности положения, доказанной высшими военными авторитетами, флот уничтожить немедленно». 18—19 июня 1918 г. приказ правительства был выполнен: большинство судов было потоплено у берегов Новороссийска.

[2] Форт Ино представлял собой укрепление на границе с Финляндией, защищавшее вместе с Кронштадтом подступы к Петрограду.

[3] Разрешение на высадку, данное советскими властями британским войскам, направленным к мурманскому побережью, чтобы предотвратить захват немцами железной дороги Мурманск—Петроград, а также большого количества военного снаряжения, явился прямым следствием тех событий, которые произошли на переговорах в Брест-Литовске. Запрос от Мурманского Совета, разрешать или нет высадку англичан, пришел в Смольный 2 марта 1918 г., как раз когда там царила паника, вызванная полученной от Карахана телеграммой с просьбой прислать в Брест поезд с охраной. Сделав из этой телеграммы вывод, что переговоры сорваны и наступление немцев возобновится в любой момент, Троцкий телеграфировал в Мурманск: «Дайте войскам союзников беспрепятственно высадиться». Приди запрос из Мурманска на час-два позднее, когда была получена и другая телеграмма от Карахана, в результате чего паника в Смольном улеглась, англичане, возможно, и не встретили бы столь радушный прием. (*Примеч. авт.*)

Он повторил в этом объемном выступлении свой подход к внешней политике, суть которого была выражена в емком коротком абзаце: «Наша задача состоит в укреплении Советской власти против капиталистических элементов, пытающихся ее поглотить. Мы имеем пред собой большой опыт революции, и мы научились из этого опыта тому, что нужно вести тактику беспощадного натиска, когда объективные условия это позволяют... Но нам приходится прибегать к тактике выжидания, к медленному собиранию сил, когда объективные обстоятельства не дают возможности делать призыв ко всеобщему беспощадному отпору».

Эта упорная готовность идти на вынужденные жертвы была подвергнута яростной критике со стороны различных оппозиционных групп. Левые эсеры требовали расторжения мирного договора и прекращения «передышки»: «У нас есть только два пути. Один путь — это путь революционной войны, а другой — это путь позорного отступления, позорных уступок и маневрирования, который ведет к гибели». Правые эсеры выступали за возобновление войны на стороне союзников: «Интересы союзнических демократий, безусловно, требуют того, чтобы Россия оставалась сильной, независимой и способной противостоять Германии на Востоке». Меньшевики также поддерживали необходимость борьбы против германского империализма, но считали, что главным необходимым условием спасения России является восстановление Учредительного собрания и замена коммунистической диктатуры демократической республикой.

Представители всех оппозиционных партий, таким образом, выдвигали общее требование — продолжать войну. Ленин ответил им всем при помощи своего старого аргумента: «Чем вы собираетесь вести войну, когда новая армия еще не создана и только формируется?» Раздосадованные и поставленные в тупик, противники Ленина не могли ничего ему ответить и нехотя, с явным неудовольствием и нежеланием, поддержали его политику, однако после закрытия заседания гнев и возмущение буквально клокотали внутри их. Теперь стало ясно, что на политику правительства повлиять невозможно; причем наиболее ясно это осознали находящиеся среди руководства левых эсеров женщины — Спиридонова и Брешко-Брешковская, которую называли «бабушкой русской революции». Чары Ленина действовали несколько слабее, чем вначале, но были по-прежнему достаточно сильны для того, чтобы обеспечить поддержку своей линии; для того чтобы добиться разрыва до-

говора и спасти Россию от унижения, были необходимы более жесткие и действенные меры — поэтому, продолжая открыто обличать Германию, левые эсеры начали тайную подготовку государственного переворота.

Добившись одобрения своей линии и получив возможность продолжать ее и далее, Ленин пошел на те компромиссы, на которые обрекала судьба. Он согласился на передачу финнам порта Ино, но отказался от выполнения требования выдворить английские и французские войска из Мурманска, как неосуществимого; германскому МИД пришлось примириться с тем, что его требования были выполнены лишь наполовину.

К лету 1918 г. российско-германские отношения обострились настолько, что и германское Верховное командование, и штаб, и командование Восточного фронта пришли к единому мнению, что обеспечить выполнение условий мирного договора невозможно, пока большевики находятся у власти. Верховное командование было в каком-то смысле напугано при виде того чудовища, напоминавшего ему Франкенштейна, появлению которого оно же и способствовало; его, в частности, начинало тревожить и беспокоить то воздействие, которое большевистская пропаганда оказывала на Германию. Когда в апреле 1917 г. германское командование одобрило предоставление Ленину возможности пересечь Германию в «пломбированном вагоне», оно не могло себе и представить, что год спустя в Берлине будет аккредитован чрезвычайный и полномочный посол большевистского правительства, обладающий всеми дипломатическими привилегиями и иммунитетом. Верховное командование начало отдавать себе отчет, что чрезмерная жесткость условий мирного договора мешает интересам самой Германии. Оно не могло себе позволить иметь у себя за спиной Россию, жаждущую мести и выжидающую удобного момента, когда Германия достаточно ослабнет, чтобы поквитаться за нанесенное историческое унижение. Более того, после восстановления дипломатических отношений русские прибегли к той же тактике, что и на переговорах в Брест-Литовске. Они то затягивали время, то вели себя вызывающе. Список германских претензий к России постоянно увеличивался: в него входили и отношение к военнопленным; и поддержка красногвардейских частей в Финляндии; и затопление Черноморского флота; и согласие на высадку войск Антанты в Мурманске; и ежедневные оскорбления в печати, которые приходилось сносить Мирбаху. Все это привело Лю-

дендорфа и Гофмана к убеждению, что ничего, кроме постоянно действующей угрозы, от большевистского режима ожидать не приходится.

Другая политическая линия в отношении России, отличная от действовавшей, состояла в том, чтобы нанести быстрый удар на направлении Петроград—Смоленск, объявить о свержении советского режима и восстановить монархию. Это можно было осуществить, используя те войска, которые оставались на Восточном фронте, — германский военный атташе в Москве майор фон Шуберт сказал Гофману, что в случае взятия Петрограда для свержения правительства большевиков и восстановления порядка в Москве будет достаточно двух батальонов. А новому правительству будут предложены более приемлемые условия мира и установление союзнических отношений. Рассматривался даже вопрос о возвращении Польши в состав новой монархии.

В разработке этого варианта зашли настолько далеко, что 9 июня 1918 г. Людендорф подготовил длинный меморандум на имя федерального канцлера, в котором выражалась поддержка такого курса, а Гофман вошел в контакт с представителями как старого царского режима, так и Временного правительства. Эти представители, уже действовавшие на Украине через Милюкова, а в Москве — через Правый центр, соглашались на установление в России конституционной монархии как наиболее приемлемой для страны формы правления. Уже даже велось обсуждение, кто взойдет на престол: Милюков считал, что это должен быть великий князь Михаил Александрович, в то время как Гофман предпочитал, чтобы это был великий князь Павел.

Но ведущиеся интриги не поспевали за ходом истории. Даже Людендорф уже понимал, что военный разгром Антанты на Западе невозможен. У Гофмана забирали все больше и больше войск для переброски на Запад, для заделывания брешей, образовавшихся в результате пугающего своими масштабами перемалывания союзниками живой силы германских войск. Людендорф больше не мог угрожать России мощью завоевателя; пришло время отказываться от военных авантюр, и неспособность Германии твердо стоять на ногах даже на дипломатическом фронте вдруг резко и неожиданно обнаружилась во всей своей пугающей наготе.

После совместного заседания ВЦИК и Московского Совета, состоявшегося 14 мая 1918 г., где Ленину с трудом удалось одержать победу, внутренняя обстановка в стране стала быстро ухудшаться. Противники большевиков, потерпев не-

удачу в попытках убедить Совет народных комиссаров изменить свою внешнюю политику, прибегли к своей излюбленной старой революционной тактике и ушли в подполье. Кадеты и другие буржуазные партии уже вели секретные переговоры с немцами. Правые эсеры приняли решение 26 мая 1918 г. обратиться к союзникам за помощью как против германской агрессии, так и против диктата большевиков. Меньшевики выступили в поддержку вооруженной борьбы против советской диктатуры, но они были против использования в этой борьбе любого иностранного вмешательства. Левые эсеры решили добиться изменения политики, проводимой Советом народных комиссаров, путем проведения враждебных действий против Германии и положить конец «передышке» посредством организации «серии террористических актов против видных представителей германского империализма».

Хотя эти решения принимались в обстановке секретности, эффективно действующая новая секретная полиция — ЧК, сменившая царскую охранку, — сумела разоблачить и арестовать некоторых заговорщиков. В Москве было введено военное положение, а меньшевики и эсеры были исключены из состава ВЦИК.

В обстановке, когда плелись политические интриги и заговоры и политическая атмосфера была взвинчена и накалена до предела, открылся V Всероссийский съезд Советов, который начал свою работу в Москве 4 июля 1918 г. Предчувствие неприятностей буквально витало в воздухе; даже при обсуждении ратификации Брестского мира на предыдущем съезде напряжение не достигало такого уровня, как теперь, а озлобление и ненависть не проявлялись столь откровенно. Несмотря на манипуляции большевиков с выборами делегатов, левые эсеры сумели получить треть мандатов из 800, и большевики впервые столкнулись с настоящей оппозицией в «своем» парламенте — ими же созданном высшем представительном органе.

Заседания съезда проходили в помещении Большого театра; день открытия съезда выдался душным и влажным; как внутри зала заседаний, так и за его пределами надвигалась настоящая буря. Делегаты заняли кресла партера; места с правой стороны заняли делегаты-большевики — солдаты в форме цвета хаки и рабочие; рядом с ними расположились крепко сбитые делегаты-крестьяне, сторонники левых эсеров. На сцене в президиуме сидели те, кто вел заседания съезда, а за ними несколькими рядами расположились члены ВЦИК.

В ложах балкона и амфитеатра разместились почетные гости, приглашенные на съезд и получившие таким образом возможность воочию наблюдать за этим необычным, крайне эмоциональным и захватывающим зрелищем; среди них были представители союзных миссий, в том числе Локкарт, Садуль, Лаверни, Роми; а выше размещались послы центральных держав — Мирбах, а также его болгарский и турецкий коллеги. Императорская ложа, из которой в недалеком прошлом царь внимал рукоплесканиям размещавшихся в партере представителей высшего общества, была предоставлена в распоряжение прессы.

С самого начала стало ясно, что главными объектами нападок оппозиции будут Совет народных комиссаров и германский посол. Тон был задан делегатом украинского крестьянского съезда Александровым, который в своем выступлении, не могущем оставить равнодушным своей искренностью и простотой, рассказал о жизни своих соотечественников, которым выпала доля оказаться в условиях немецкой оккупации. Вся Украина, кричал он, поднялась против Эйнхорна и Скоропадского; свое выступление он закончил страстным призывом: «Придите к нам на помощь, товарищи; только тогда, когда мы вышвырнем из Киева нашего Мирбаха — барона Мамма, вы сможете вышвырнуть из Москвы вашего Мамма — графа Мирбаха». С мест левых эсеров раздались яростный рев и буря аплодисментов. «Долой Мирбаха! Долой Брест! Долой германских лакеев!» — кричали делегаты, потрясая кулаками в сторону большевиков и сидевшего с непроницаемым, каменным лицом германского посла.

Прошли два дня заседаний. Большевикам приходилось обороняться. Ни сардонические замечания Свердлова, ни едкие и колкие фразы Троцкого не могли в той же мере повлиять на собравшихся, как яростные нападки со стороны левых эсеров. Они критиковали большевиков за их внешнеполитический курс, за игнорирование интересов крестьян, за введение смертной казни, но именно отношения с Германией представляли самый болезненный вопрос для оппозиции.

Спиридонова, которая обладала венцом живой мученицы за то, что пережила групповое изнасилование взводом казаков после убийства ею царского губернатора, своим обличительным выступлением против правительства довела своих сторонников чуть ли не до истерики. Когда Троцкий попытался ей ответить, ему свистом и криками не дали говорить. Свердлов напрасно пытался восстановить порядок и тишину в зале

при помощи колокольчика. Меньшинство совершенно вышло из-под контроля. Неожиданно на сцене появился Ленин; он шел к трибуне, пробираясь между членами ВЦИК; на ходу он похлопал по плечу бывшего почти что вне себя Свердлова. Ленин с улыбкой посмотрел на ревущих депутатов. На насмешливые выкрики и свист он, приоткрыв свой крупный рот, ответил громким добродушным хохотом. Рев неожиданно стих; еще не успев сказать ни слова, Ленин уже завладел вниманием собравшихся. В конце его выступления ему даже аплодировали. На короткое время ему удалось восстановить порядок и приличествующую мероприятию атмосферу, но это продолжалось очень недолго. На трибуну выскочил Камков и произнес воинственную речь, доведя до яростного исступления и себя, и зал. Свое беспощадно-критическое выступление он завершил фразой, оказавшей огромное эмоциональное воздействие на собравшихся:

«Диктатура пролетариата превратилась в диктатуру Мирбаха. Несмотря на все наши предупреждения и предостережения, Ленин по-прежнему проводит ту же самую политику, а мы превратились из независимого государства в лакеев германских империалистов, которые еще имеют наглость находиться в этом зале».

Словно стая разъяренных волков, левые эсеры повернулись все как один к дипломатической ложе. «Долой Мирбаха! Долой кровавых германских мясников! Долой брестскую петлю!» — яростно кричали они. Фанатичные, совершенно не контролирующие себя, буквально обезумевшие от ярости и унижения, они в любой момент могли растерзать Мирбаха. Однако и перед лицом разъяренной толпы Мирбах, проявляя незаурядное мужество, оставался совершенно спокойным и невозмутимым и полностью держал себя в руках. Свердлов быстро объявил заседание закрытым.

6 июля 1918 г. оказалось очень важным днем в советской истории. Съезд должен был продолжить свою работу в 16 часов, и все утро Ленин и его товарищи обсуждали план действий. Свердлов был подавлен, удручен и обескуражен. Троцкий предлагал принять меры против оппозиции. Ленин обдумывал ситуацию. Вдруг, когда чуть перевалило за полдень, в кабинете Ленина зазвонил телефон. Запыхавшийся голос сообщил новость: двое левых эсеров убили Мирбаха.

Троцкий и Свердлов были вызваны в Кремль. Ленин опасался, что убийцы достигли своего и что немцы воспользуются случаем, чтобы начать военную интервенцию. «Сейчас для этого

есть вполне подходящий повод, — заявил он. — Теперь все будет зависеть от характера сообщения, которое будет направлено посольством в Берлин». И Ленин немедленно стал готовиться к тому, чтобы лично посетить германское посольство.

С собой он решил взять не Троцкого, а Свердлова; также возник вопрос, какие именно слова следует сказать в посольстве. «Я думаю, что надо использовать слово Mitleid, — сказал Ленин. — Но давайте лучше спросим у Радека, какое слово будет более подходящим». Посоветовавшись с ним, решили, что лучше использовать слово Beileid, которое является более официальным; после чего Ленин и Свердлов с тревожным чувством отправились в германское посольство[1].

Выражение соболезнований в связи со смертью германского посла было весьма нелегкой задачей, но Ленину пришлось обдумывать и другие вопросы, пока он ехал в Денежный переулок, 5, где находилось германское посольство. Он решил, что левых эсеров следует объявить вне закона. После долгого молчания Ленин повернулся к Свердлову и сказал: «В будущем большевикам придется взять все бремя революции на себя»[2].

---

[1] Mitleid по-немецки «симпатия», а Beileid — «соболезнование». (*Примеч. авт.*)

[2] Убийство Мирбаха стало сигналом к мятежам левых эсеров в Москве и Петрограде. В то же время произошли не связанные с ними аналогичные мятежи правых эсеров в Ярославле и Муроме. Они были подавлены относительно легко, однако террористические акты продолжались. 30 июля 1918 г. в Киеве молодым левым эсером был убит маршал фон Эйнхорн, а 30 августа 1918 г. в результате покушений, осуществленных правыми эсерами в Петрограде и Москве, был убит Урицкий и тяжело ранен Ленин. Цель заговора, организованного при поддержке Антанты, особенно англичан, состояла в убийстве или аресте всех видных лидеров большевиков. Ответные репрессивные меры последовали незамедлительно. Британское посольство в Петрограде было взято штурмом; пытавшийся оказать сопротивление морской атташе капитан Кроми был при этом застрелен. В Москве был арестован Локкарт и помещен в камеру смертников в Кремле, где вместе с ним находились Спиридонова, генерал Брусилов и Фанни Каплан, совершившая покушение на Ленина. Локкарт в конце концов был освобожден и обменян на арестованного в Лондоне Литвинова. Попытка убийства Ленина послужила сигналом к началу красного террора, сопровождавшегося систематическим уничтожением людей как группами, так и по отдельности, в результате чего были «ликвидированы» сотни тысяч людей, ставших его жертвами.

По жестокой иронии судьбы, покушение Каплан стало предлогом не только для «ликвидации» правых эсеров и буржуазии в 1918 г., но также было использовано для обвинения Бухарина и «левых коммунистов» во время процесса 1938 г. в подготовке покушения на Ленина; это было одним из пунктов обвинения в государственной измене. (*Примеч. авт.*)

Вопреки худшим опасениям Ленина, Германия не стала использовать убийство Мирбаха в качестве предлога для военной интервенции с целью свержения большевистского режима. Все дело в том, что времена, когда она действительно могла принять реальные репрессивные меры в связи с убийством своих послов, как, например, было в случае убийства барона фон Кеттлера во время боксерского восстания в Китае, просто уже прошли[1].

На Западном фронте Германия столкнулась с полной неудачей, поэтому ей пришлось принять извинения и соболезнования большевиков, тем более что с политической партией, к которой принадлежали убийцы, поступили подобающим образом. Вопрос был закрыт в результате обмена рядом дипломатических посланий между двумя государствами; почувствовав слабость Германии, советское правительство стало все более ужесточать свою позицию. Германии было отказано в направлении в Москву батальона германских солдат для охраны посольства; это требование выдвигалось германской стороной как предварительное условие назначения в Москву нового посла. Советская сторона согласилась на увеличение штата сотрудников посольства до 300 человек и на направление дополнительной охраны в виде групп по 30 человек, но без оружия и германской военной формы. Советское правительство обещало со своей стороны обеспечить необходимую охрану здания германского посольства.

На этих условиях в Москву 28 июля 1918 г. прибыл новый посол. Это был Карл Гельферих, работавший ранее вице-канцлером и министром финансов. Хотя он был откровенным противником советского режима, но его назначение на этот пост подчеркивало стремление Германии укреплять и более активно развивать торгово-экономические отношения с Россией; не вызывает сомнений, что он получил инструкции держаться

---

[1] В начале осады Пекина в 1900 г. германский посланник барон фон Кеттлер был застрелен по пути в министерство иностранных дел; по слухам, китайская императрица приказала обтянуть его кожей свое кресло. Германский император в ответ направил карательную экспедицию, которая не уступала в жестокости гуннам во главе с их царем Аттилой. Над семьей Кеттлер витал какой-то рок. В апреле 1938 г., вскоре после оккупации Австрии Германией (аншлюс), сын убитого посланника, бывший личным помощником германского посла в Австрии фон Папена, встретил неожиданную смерть при таинственных обстоятельствах. Осталось так и не выясненным, покончил ли он с собой или был убит, поскольку слишком много знал о том, что предшествовало захвату Австрии. (*Примеч. авт.*)

примирительной линии и вести дело к сближению между странами в торгово-экономических вопросах. Он, правда, не успел продемонстрировать свои дипломатические таланты, поскольку находился в Москве лишь 10 дней. 7 августа его вызвали на оказавшееся судьбоносным заседание Совета Короны в Спа[1]; обратно он уже не вернулся. Все сотрудники посольства выехали из Москвы вместе с ним и обосновались в Петрограде; в Москве остался только генеральный консул. Пребывание в Петрограде было также непродолжительным: менее чем через две недели посольство переехало в Псков и разместилось на территории, оккупированной немецкими войсками[2].

С отбытием германского посольства из Москвы открывалась предпоследняя глава истории Брестского мира. Еще оставалось несколько месяцев до того, как в ней будет поставлена точка, но начиная с августа 1918 г. позиция большевиков по нарастающей становилась все более жесткой, в то время как Германия все более и более переходила к обороне.

Ничто так хорошо не иллюстрирует вышеупомянутые изменения, как дополнительные соглашения, подписанные между сторонами 27 августа 1918 г. Переговоры велись в Берлине в течение всего лета в соответствии со статьей 35 соглашения по политическим и юридическим вопросам, согласно которой переговоры могли быть проведены в течение 4 месяцев после ратификации договора. С российской стороны в переговорах участвовали Иоффе и Леонид Красин, с германской — неизменный руководитель германского МИД Кюльман и Криге. Однако в конце июня германское Верховное командование сумело наконец отомстить Кюльману. Своим неосторожным,

---

[1] Спа -- город на юго-востоке Бельгии.

[2] По словам Людвига Фишера, ссылающегося на Чичерина, а также самого Гельфериха, пока новый германский посол находился в Москве, большевики успели сделать ему удивительное предложение. Было предложено, ни много ни мало, открыть для германских войск коридор от российско-финской границы через территорию России, по которому они, минуя такие крупные центры, как Петроград и Петрозаводск, выдвигались бы в направлении Мурманска и Архангельска, чтобы помешать войскам Антанты продвинуться на юг от этих городов в глубь России; одновременно германские войска на Украине препятствовали бы попыткам генерала Алексеева расширить зону влияния Добровольческой армии к северу от Дона. Судя по всему, это предложение не было немедленно передано в Берлин. Но следы его можно обнаружить в нотах, которыми обменялись российская и германская стороны после подписания дополнительных соглашений от 27 августа 1918 г. (*Примеч. авт.*)

но честным выступлением в рейхстаге он практически отдал себя в их руки; после настойчивых обращений Верховного командования кайзер оказался вынужден отказаться от услуг наиболее одаренного и дальновидного из всех государственных деятелей Германии времен Первой мировой войны, не считая Бетман-Гольвега.

На смену ему пришел контр-адмирал Пауль фон Гинце, человек, который был когда-то никому не известным, весьма стесненным в средствах морским офицером, но сумел достичь своего нынешнего положения благодаря честолюбивому желанию добиться значимого и уважаемого статуса в обществе. Он стал печально известен, когда в качестве курьера привез неблагоразумный протест германского командования адмиралу Дьюи в Манилу, а также когда, будучи германским морским атташе в Санкт-Петербурге, во время закончившейся неудачей революции 1905 г. получил опыт контактов с русскими революционерами. Он стал близким и доверительным советником царя и заслужил уважение тем, что убедил Николая II отказаться от политики уступок и стать на путь более жестких мер борьбы с революцией. Его карьера при императорском дворе была подорвана в 1911 г., когда он сделал неосторожное высказывание об одной высокопоставленной персоне из Гессена и это высказывание дошло до ушей того, кому лучше было бы его не слышать. В результате Гинце оказался в опале. Когда началась война, ему предоставилась возможность восстановить доверие кайзера: он добился этого, когда, переодевшись кочегаром, пробрался в Китай с секретной миссией, обманув бдительность британской секретной службы. Позднее, когда он работал посланником в Христиании, во многом благодаря его усилиям Норвегия осталась нейтральной страной, сохранив при этом определенный крен в сторону Центральных держав. Когда в 1917 г. Циммерман был вынужден подать в отставку с поста министра иностранных дел, на этот пост был предложен Гинце, но большинство в рейхстаге его не поддержало, подозревая, что он является сторонником пангерманизма и тяготеет к экспансионистской политике. Министром иностранных дел тогда был утвержден Кюльман; за время его пребывания на этой должности вплоть до отставки Гинце сделал все, чтобы «смягчить» свой образ в глазах депутатов, всячески демонстрируя, что он придерживается умеренных внешнеполитических взглядов. Это подействовало, и на этот раз Гинце был утвержден на посту министра иностранных дел. Хотя Гинце и не обладал яркими внешними

данными — в своей морской форме он был похож на императорского кучера, но он был умным, трудолюбивым и честолюбивым; правда, на его отношении к Иоффе сказывалось то, что в прошлом Гинце имел тесные связи с Николаем II, который принял мученическую смерть в Екатеринбурге от рук местных большевиков как раз тогда, когда проходили российско-германские переговоры в Берлине.

Несмотря на препятствия, созданные убийством в июле 1918 г. Эйнхорна и Мирбаха, переговоры медленно, но удовлетворительно продвигались вперед. В начале августа Иоффе вернулся в Москву, чтобы получить одобрение ЦК партии и Совета народных комиссаров согласованных с германской стороной условий. Получив одобрение, он вернулся в Берлин, и 27 августа 1918 г. дополнительные соглашения были подписаны. Очень интересно сравнить эти соглашения с основным договором, заключенным в Брест-Литовске; некоторые условия новых соглашений были более жесткими, а другие — наоборот, более мягкими. Всякая «маскировка» в виде приверженности принципу мира «без контрибуций» теперь была германской стороной отброшена; Германия потребовала выплаты ей 6 млрд марок товарами, ценными бумагами и золотом «в качестве компенсации за ущерб, нанесенный в результате российских действий», и Россия приняла это требование. Помимо этого, Россия была вынуждена отказаться от всех претензий и прав на суверенитет над Ливонией и Эстонией, которые по первоначальному договору формально признавались частью Российского государства. Она также обязалась: предпринять усилия по удалению сил Антанты из Мурманска и Архангельска; продавать Германии 25% добываемой на бакинских нефтепромыслах нефти; признать независимость Грузии.

Со своей стороны Германия согласилась вывести свои войска из Белоруссии, с черноморского побережья, из Ростова и части Донского бассейна, а также не оккупировать более какой-либо российской территории и не поддерживать сепаратистские движения на российской земле. Германия, помимо этого, согласилась разрешить России доступ к морю, через Ревель, Ригу и Виндау, а также передать ей Баку при условии продажи Германии 25% нефти, добываемой на бакинских нефтепромыслах. Для обеспечения сохранности и безопасности нефтяных месторождений Германия взяла на себя обязательство не оказывать поддержку третьей стране, ведущей военные действия на Кавказе за пределами Грузии, а также в

районе Карса, Ардагана и Батума, переданных Турции по первоначальному договору. Она обязалась воспрепятствовать любой третьей державе вести военные действия в непосредственной близости от Бакинского района.

Таковы были основные положения соглашений, подписанных 27 августа 1918 г.; их текст был опубликован в официальном органе — «Германской газете». Однако сразу же после церемонии подписания Иоффе и Гинце обменялись нотами, датированными тем же днем, что и соглашения; их содержание держалось в секрете в течение 8 лет, и только по прошествии этого срока они были опубликованы в германской печати[1].

В этих нотах давалась интерпретация некоторых положений соглашений, а также был зафиксирован ряд дополнительных обязательств. Россия соглашалась наперед с конкретным начертанием линии границы восточнее Ливонии и Эстонии, механизм определения которой был предусмотрен политическим соглашением. Германия выражала намерение не допускать действий существовавших в России сепаратистских движений с территории Украины. В случае, если советское правительство оказалось бы не в состоянии вынудить войска союзников покинуть северные районы России, Германия оставляла за собой право сделать это самой в сотрудничестве с финскими войсками; при этом она давала обязательство вывести войска с территории, занятой в ходе этой операции, после ее окончания и заключения всеобщего мира.

Германия брала на себя обязательство демилитаризовать на постоянной основе крепостные сооружения в Ревеле, обещала помочь России подавить и пресечь военные действия Добровольческой армии под командованием генерала Алексеева, а также частей чехословацкого корпуса. Германия обязывалась использовать свое влияние на Украине и в Грузии для того, чтобы обеспечить поставки в Россию трети всей экспортируемой из Украины железной руды и четверти всего экспортируемого из Грузии марганца; она также обещала содействовать освобождению из тюрьмы, лишению финского гражданства и возвращению в Россию финских красногвардейцев при условии, что они больше не будут использованы в военных операциях на территории Финляндии.

В целом можно сказать, что документы, подписанные 27 августа 1918 г., были более благоприятными для России, чем те, которые были подписаны в Брест-Литовске. Тем не

[1] Текст ноты Гинце приведен в приложении VIII. (*Примеч. авт.*)

менее с учетом того, что германская военная мощь все более и более ослабевала — Гинце в этом непосредственно убедился на заседании Совета Короны в Спа 14 августа 1918 г., где он получил исчерпывающую информацию по этому вопросу, — у России была возможность добиться еще более приемлемых условий. Трудно понять, как мог Иоффе, столь хорошо знавший внутреннюю ситуацию в Германии, столь сильно переоценить военные возможности Германии на тот момент. Уже сама обстановка в Берлине и та жизнь, которой жили город и горожане, должны были показать ему, что Германия не имеет возможности навязывать свои условия. Продовольствия в городе было мало, и оно было дорогим; натуральных продуктов практически не было — в основном это был концентрат и откровенные суррогаты. Город и горожане выглядели заброшенными и запущенными; Берлин зачастую производил впечатление обезлюдевшего города. Выбитые окна не ремонтировались и смотрели на улицы зияющими дырами; под стать им были разбитые мостовые с вывороченными булыжниками и кусками асфальта; мусор и отходы валялись прямо на улицах, и их никто не убирал. Из-за нехватки питания люди и лошади умирали прямо на улицах; наземный общественный транспорт постоянно ломался, и пассажирам часто приходилось понуро покидать трамвай после слов кондуктора: «Вагон сломан и дальше не пойдет. Прошу всех выйти». Более того, во время визитов в ставку Верховного командования Красин сумел лично убедиться, что дела у немцев на фронте обстоят плохо, о чем он писал в письмах жене.

Поэтому может показаться невероятным, что Иоффе посоветовал Москве принять новые условия Германии, особенно в части выплаты репераций на сумму 6 млрд марок. Более того, советское правительство, которое всегда считало, что степень выполнения брестских соглашений обратно пропорциональна способности России к сопротивлению, должно было перевести в счет погашения репарационных платежей уже в августе и сентябре 1918 г. 120 млн золотых рублей.

Объяснение этому кроется в той внутренней обстановке, которая сложилась в России к тому времени. Иностранная интервенция и гражданская война угрожали существованию советского режима, причем эта угроза была столь серьезна, что советское правительство сочло невозможным идти на риск, отклоняя германские требования; тем более что информация о «черном дне» (8 августа) не выходила за пределы Берлина в течение довольно длительного времени.

Ни та ни другая сторона не спешила выполнять достигнутые соглашения; в практическом плане можно отметить лишь платежи, сделанные российской стороной, а также вялый вывод немецких войск из Белоруссии. Остаток лета и осень 1918 г. были отмечены довольно непланомерной, урывками, работой созданных совместных комиссий; также уменьшились трения между сторонами по территориальным вопросам. Однако удача все более и более отворачивалась от германской армии. Уже было невозможно скрыть, что решающее наступление на Западе, на которое делало главную ставку германское Верховное командование, провалилось; более того, в результате ответного наступления Антанты в августе и сентябре 1918 г. немецкие войска отбрасывались все дальше и дальше назад. С востока перебрасывали все больше и больше войск, пока, наконец, у Гофмана и Грюнера не осталось всего лишь 400 тысяч штыков. Это еще более подтолкнуло большевиков к ужесточению своей позиции по отношению к Германии и ее партнерам по Четверному союзу, который к этому времени уже практически начал разваливаться. 30 сентября 1918 г., после обмена в течение некоторого времени довольно жесткими и язвительными дипломатическими посланиями, советское правительство сделало первый шаг на пути освобождения от бремени Брестского мира. В ноте, направленной правительству Османской империи, договор между Россией и Турцией объявлялся ничтожным и утратившим силу.

3

Если Адольфу Иоффе и не удалось добиться наилучших для России условий при заключении дополнительных соглашений от 27 августа 1918 г., то в качестве советского посла и одновременно агента большевистской партии он сделал максимум возможного, чего могли желать в Москве. Ленин придерживался позиции, сформулированной им во время выступления в Петроградском Совете вечером 23 февраля 1918 г.: «Мир подписывают ВЦИК и Совнарком, а не Центральный комитет партии; а за партию советское правительство ответственности не несет». Таким образом, пропаганда и дипломатия шли рука об руку, и Иоффе приходилось работать в двойном качестве — и дипломатом, и агитатором. И хотя в первом качестве он не достиг всего, чего хотел, зато во втором сумел добиться весьма существенного успеха.

Иоффе прибыл в Берлин в конце апреля 1918 г. в сопровождении штата сотрудников из 300 человек; над бывшим российским посольством был вывешен красный флаг с серпом и молотом. Иоффе отказался вручить верительные грамоты лично кайзеру и вместо того, чтобы по прибытии провести ряд принятых в подобном случае официальных встреч, сразу же установил контакты с независимыми социалистами и группой «Спартак». В списке приглашенных на первый прием, который он давал в качестве посла, были Карл Либкнехт и Роза Люксембург, отбывавшие в то время тюремное заключение за подстрекательство к мятежу и измену.

Немецкий Генеральный штаб предвидел опасность открытия советского посольства в Берлине и консульств Советской России в других германских городах, подчеркивая, что в этом случае они превратятся в центры большевистской пропаганды. Германское командование Восточным фронтом было очень хорошо знакомо с деятельностью большевиков и нисколько не сомневалось в серьезности их намерений способствовать осуществлению мировой революции и хорошо понимало, что борьба за свержение имперского режима в Германии является первым и крайне важным, по оценке большевиков, шагом на пути к их главной цели. Поэтому Гофман предлагал, и эта точка зрения разделялась Людендорфом, чтобы советское посольство в Берлине открылось лишь после заключения всеобщего мира, а пока шла война, резиденции как советского, так и германского посла должны находиться там же, где и Ставка германского командования войсками Восточного фронта, — в этом случае можно было бы осуществлять строгий и действенный контроль за представителями большевиков и их деятельностью.

Если бы этому совету последовали, то, несомненно, развитие дружественных отношений между двумя странами шло бы гораздо более гладко. В этом случае не произошло бы убийства Мирбаха, а Иоффе не имел бы возможности вступить в контакт с германскими экстремистами. Однако и канцлер, и министерство иностранных дел не вняли предупреждению об опасности допуска «троянского коня» Москвы в Германию. Доктор Криге, который с большой симпатией относился к Иоффе еще со времен брестских переговоров, клятвенно уверял в искренности и порядочности последнего. Криге был, безусловно, под влиянием тех традиций, в которых он был воспитан и сформировался; он буквально впитал в себя ту атмосферу и ту политику, которой Германия следовала до

90-х годов XIX столетия. Поэтому он твердо следовал взглядам Бисмарка, считавшего, что в интересах Германии стремиться к тесным и дружественным отношениям с Россией. Граф Гертлинг, выступая в рейхстаге, также заверил депутатов, что германское правительство убеждено в искренности намерений советского правительства соблюдать положения Брестского договора, касающиеся запрещения распространения большевистской пропаганды, и подчеркнул свою уверенность в том, что советский посол — лично порядочный человек, которому можно доверять.

Однако в деятельности Иоффе гораздо большее значение и важность имела его работа как революционера, а не как посла. Действуя с откровенным вероломством — что публично было признано им в январе 1919 г., — он работал с неиссякаемой энергией по свержению правительства кайзера.

Теперь была очередь России вернуть немецким специалистам революционный долг. В прошлые годы социалистическая партия Германии оказывала помощь русской революции, в том числе и финансовую. Теперь у большевиков появилась возможность отплатить за эту услугу. Советское посольство превратилось в штаб-квартиру германских революционеров. Более десятка газет независимых социалистов выходили при консультации и поддержке со стороны советского посольства, разместившегося на Унтер-ден-Линден, 7. Сотрудники посольства, получая информацию от германских официальных кругов, сообщали ее лидерам радикальных партий, чтобы те использовали ее при подготовке своих выступлений в рейхстаге, на рабочих митингах, а также на страницах левой печати. Литература антигосударственного содержания распространялась по всей Германии, а лидеры независимых социалистов и спартаковцев обсуждали вопросы революционной тактики с Иоффе, который сам был опытным конспиратором.

Вновь и вновь Верховное командование обращало внимание германского правительства на опасность пребывания Иоффе в Берлине — но ответ всегда был один и тот же: лучше, чтобы он был в Берлине, чем где-либо еще. Здесь за ним можно присмотреть. «К сожалению, — пишет Людендорф, — те, кто должен был присматривать, оказались слепы».

Помимо активно действовавших членов советского посольства и независимых социалистов, были еще два канала, по которым яд большевизма проникал в политическую жизнь Германии. Немецкие военнопленные, освобожденные в соответствии с Брестским договором, возвращались в строй, неся

вирус революционной пропаганды, который им активно прививался во время их пребывания в лагерях военнопленных после Октябрьской революции. Они допьяна напились хмельного вина свободы и призывов к мятежу, они видели, как русская армия таяла прямо на глазах, и вот теперь они вернулись домой, говоря уже совсем другим языком, требуя мира и хлеба и неся с собой общий дух неповиновения. В германской армии наблюдалось падение боевого духа, но это было следствием скорее прямого влияния из России, нежели результатом усилий независимых социалистов и спартаковцев[1].

Большевистские взгляды продолжали оказывать воздействие на располагавшихся на Восточном фронте германских солдат и после подписания Брестского мира. Те условия, в которых они находились, делали их легкой добычей пропаганды. Хотя официально братание было запрещено, на практике предотвратить его было невозможно; пропагандистские листовки и другие материалы, а также устная пропаганда широко и быстро распространялись в германских войсках. «Сразу после того, как мы победили большевиков, мы были сами побеждены ими же, — сказал после войны Гофман в интервью одному американскому журналисту. — Наша победоносная армия на Восточном фронте была разложена большевизмом. Дело дошло до того, что мы не решались перебрасывать некоторые дивизии с Восточного фронта на Западный».

Ситуацию действительно можно было назвать иронией судьбы. Значительные силы германской армии оставались на Восточном фронте только для того, чтобы обеспечить пользование плодами Брестского мира, однако войска, которые были столь нужны на Западе, просто не решались туда перебросить, поскольку это было не только бесполезно, но и опасно. Как вспоминает принц Макс Баденский, Верховное командование было готово вывести полностью все войска с Украины, но Людендорф и Гофман считали, что эти войска настолько пропитаны большевистскими идеями, что не смогут принести ни-

[1] Командующий германскими войсками в Альштайне (ныне Ольштын), Западная Пруссия, генерал фон Кюль докладывал 14 июля 1918 г. (позднее он подтвердил это, выступая перед Комиссией по расследованию в рейхстаге): «Большое количество вернувшихся из российских лагерей для военнопленных солдат и офицеров, которые не были комиссованы и вернулись в строй, потеряли всякое понятие о воинской дисциплине. Из-за того, что они были свидетелями революции, которую видели собственными глазами, они буквально напичканы большевистскими идеями и оказывают плохое влияние на своих товарищей». (*Примеч. авт.*)

какой пользы в наступлении и только подорвут боевой дух тех дивизий, которые и так уже были истерзаны и измучены тяжелыми боями и поражениями.

Таким образом, пока Людендорф протестовал против деятельности Иоффе в Берлине, морально-боевому духу германской армии на Востоке наносился серьезный урон; заражение большевистской пропагандой распространялось и в западном направлении. Здесь и кроется смысл утверждения Людендорфа о том, что Германии «нанесли удар ножом в спину». Конечно, не вызывает сомнений, что Иоффе с момента своего вызывающего прибытия в Берлин и до поспешного, вынужденного расставания с германской столицей сделал все, что было в его силах, чтобы способствовать краху имперского режима в Германии. Однако проводимая им пропаганда не могла столь быстро дать результат, чтобы стать первопричиной провала германского наступления на Западном фронте в марте—июне 1918 г. Наступательные операции закончились неудачей, поскольку беспрецедентно напряженные и длительные военные действия привели к физическому и моральному истощению германских войск, на что наложились нехватка резервов, а также невозможность поставок боеприпасов и продовольствия в необходимом количестве. Вся германская нация, включая и военных, и гражданских, была истощена как физически, так и психологически, причем люди и сами не догадывались, насколько сильно было это истощение, пока полное поражение Людендорфа не стало для всех очевидным. Нация была настолько уверена, что обещанная победа в конце концов придет и что армия настолько проникнута национальной исторической военной традицией, что лишь резко обозначившаяся угроза поражения смогла поколебать эту всеобщую веру и уверенность в победе.

8 августа 1918 г. называют «черным днем германской армии»; в этот день стало окончательно ясно, к чему идет дело. Впервые за все время военных действий целые дивизии оказались не в состоянии воевать и во многих случаях позволяли взять себя в плен без всякого сопротивления. Приказ о контрнаступлении армия выполнить уже не могла; и именно с этого момента пораженческая пропаганда независимых социалистов стала оказывать реальное воздействие на падение боевого духа армии. В те времена, когда еще была вера в победу, войска сражались с величайшим мужеством и были невосприимчивы к призывам к мятежу, исходившим от их товарищей, вернувшихся с Восточного фронта. Большевизм не оказывал на них какого-либо заметного влияния, пока они побеждали, но, ког-

да замаячил сумрак поражения и их решимость и моральная стойкость ослабли, они стали больше прислушиваться и воспринимать большевистские взгляды. Когда войска, покидавшие зону боевых действий, встречались со свежими дивизиями, направлявшимися в бой, то первые кричали: «Штрейкбрехеры!», «Из-за вас продолжается война!». Войска в Берлине, готовившиеся к отправке на фронт, 2 сентября — в День Седана — пели «Марсельезу».

Конечно, многие мужественно и упорно сражались до конца; однако вирус, раз попав в армейский организм, быстро распространялся.

Именно поражения на поле боя подорвали боевой дух германских войск, сражавшихся на Западе, и сделали их восприимчивыми к революционным взглядам. Процесс стал необратимым. События, произошедшие в октябре и ноябре 1918 г., были выражением протеста армии против безумия военного командования, а большевистская пропаганда лишь ослабила способность немцев к сопротивлению, которая была подорвана именно тогда, когда военная удача отвернулась от Германии. Когда Гинденбург написал 3 октября 1918 г. свое знаменитое письмо к канцлеру, требуя немедленно выступить с предложением о перемирии, он объяснял столь резкий и неожиданный шаг чисто военными причинами: падением фронта в Македонии, ослаблением резервов и невозможностью возмещать тяжелые потери, при этом ни словом не упоминая и не делая даже намека на «удар ножом в спину». «Многочисленные документы исчерпывающе свидетельствуют о масштабе большевизации армии на Восточном фронте и о том, сколь губительны были последствия этого, — заявил доктор Альбрехт Филипп, давая показания в рейхстаге перед комиссией по расследованию, — однако, по моему мнению, нельзя говорить о большевизации армии на Западном фронте до начала революции в Германии».

Нельзя в то же время сказать, что усилия Иоффе и независимых социалистов не оказали никакого влияния на гражданское население. Совместно со спартаковцами они использовали любую возможность, чтобы призвать рабочих проявить решительность и бастовать, борясь за свои права и свою свободу. Когда 1 октября 1918 г. принц Макс Баденский сменил графа Гертлинга на посту канцлера и заявил о необходимости «революции сверху», которую попытались осуществить, Иоффе, как опытный революционер, понял, что это начало конца, и удвоил свои усилия. Позднее он похвалялся тем, что сделал все, что

было в его силах для торжества германской революции. Для достижения этой цели сотрудники посольства совершенно беззастенчиво злоупотребляли дипломатическими привилегиями и иммунитетом. Особенно активно работали дипкурьеры, пользуясь неприкосновенностью дипломатического груза. Размер багажа — коробок, мешков и сумок, — находившегося под защитой дипломатической неприкосновенности, был огромен. Были все основания полагать, что в этом багаже провозились оружие и революционная литература, но багаж нельзя было проверить, поскольку он принадлежал советскому посольству и пользовался дипломатической неприкосновенностью. К тому же советские специалисты по пропаганде были включены в дипломатический штат посольства в ранге атташе и часто присутствовали на мероприятиях, проводимых независимыми социалистами, выступая перед собравшимися, причем масштабы подобной практики постоянно возрастали.

Но и это было не все. Советское правительство не видело никакого смысла в поддержке режима принца Макса Баденского. Хотя на словах новое германское правительство высказалось в пользу пересмотра Брестского мирного договора, на практике в восточной политике Германии не произошло никаких изменений. Когда Каменев сообщил на заседании Центрального исполнительного комитета съезда Советов о том, что принц Макс Баденский предложил демократизировать германскую конституцию и принять программу Вильсона «14 пунктов», в зале раздались насмешливые крики. «Недолго ему осталось, Либкнехт об этом позаботится!» — с жаром кричали участники заседания. По предложению Ленина на заседании 4 октября была принята резолюция, призывавшая использовать «все силы и ресурсы», имеющиеся у Советского государства, для помощи германскому пролетариату; вскоре российская буржуазия была обложена дополнительным налогом на общую сумму 10 млрд рублей для защиты революции как в России, так и в других странах.

У Иоффе уже имелись значительные финансовые средства на ведение пропаганды — в банке Мендельсон и К° лежало около 12 млн марок[1]; и теперь эти деньги тратились еще более широко и активно. Иоффе предоставил дополнительные средства из-

[1] Как отмечает Гофман, 21 декабря 1918 г. он был проинформирован, что на счете Иоффе в этом банке находилось до 22 млн марок; впоследствии эти средства были конфискованы правительством Эберта. (*Примеч. авт.*)

дателям знаменитых «Писем спартаковцев»; их тираж был увеличен и активно распространялся среди рабочих и солдат.

Он также передал Эмилю Барту, лидеру фабричных старост и видному представителю партии независимых социал-демократов, не 105 000 марок, как вначале предполагалось, «а несколько сотен тысяч марок для закупки оружия» в целях подготовки к надвигавшейся большевистской революции.

По всей стране распространялись пропагандистские листовки и брошюры. Независимые социал-демократы и спартаковцы были уверены, что для успеха революции в Германии им следовало не сотрудничать с партиями социал-демократического большинства, а решительно бороться против них; именно решительная победа над последними должна была обеспечить успех революции. Революция должна смести не только королей, принцев и военно-милитаристскую касту, но и социал-демократов, таких как Эберт, Шейдеман и Бауэр, выступавших за демократию, опиравшуюся на средний класс, которые выражали готовность сотрудничать с пришедшим к власти режимом принца Макса Баденского. Этой части социал-демократии должно быть нанесено сокрушительное поражение, которое сбросит ее с политической сцены; в этих целях по всей стране распространялись материалы поджигательского характера, в которых подчеркивалось, что новое правительство сплошь состоит из убийц, но даже оно намного лучше, чем предатели социал-демократы.

Пропаганда оказала воздействие даже на сельское население; крестьянские лидеры Восточной Пруссии открыто и угрожающе заявляли, что они ждут лишь возвращения войск с фронта для того, чтобы разделить земли крупных землевладельцев между крестьянами, наподобие того, как это было сделано в России.

После того как 21 октября был освобожден из тюрьмы Карл Либкнехт, события в Берлине стали развиваться еще более стремительно. Правительство отчаянно старалось добиться перемирия, ведя переговоры с президентом Вильсоном, и в то же время пыталось убедить кайзера отречься от престола в интересах его династии и страны. Большинство немцев лишь страстно хотели мира, и им были безразличны династические перипетии; но Либкнехт не упустил представившейся возможности и связал оба вопроса воедино; по всему Берлину, как на улицах, так и в помещениях, повторяли выдвинутый им лозунг: «Если мы свергнем кайзера, мы сможем добиться достойного мира».

Однако между революционными выступлениями в Германии не было должной координации. Восстание на флоте в Киле 29 и 30 октября 1918 г. произошло по инициативе самих моряков, а не по указанию из Берлина. Лидеры независимых социал-демократов не знали ничего о восстании в Киле в течение нескольких дней, а 2 ноября пришли к общему мнению, что время для решительного и немедленного выступления еще не пришло.

Иоффе, который был лучше информирован, считал, что восстание в Киле говорит о неизбежности и близости всеобщего взрыва. На организованный в посольстве прием были приглашены такие видные германские революционеры, как лидеры спартаковцев Карл Либкнехт и Роза Люксембург, а также лидеры независимых социал-демократов Гаазе, Барт и Розенфельд. На приеме поднимались тосты — даже на заре правления большевиков шампанское на их приемах было отменного качества, — и Иоффе предложил тост за наступление того дня, когда советское правительство Германии примет его как посла Советской России во дворце кайзера. Либкнехт тепло поблагодарил за это пожелание, но высказал сожаление, что оно вряд ли скоро осуществится. «Как раз наоборот, — ответил Иоффе, — не пройдет и недели, как красный флаг будет развиваться над Берлинер-Шлосс».

Пророчество Иоффе сбылось с точностью до одного дня. 9 ноября 1918 г. Либкнехт со ступеней императорского дворца провозгласил Советскую республику, однако Иоффе уже не было в Берлине, и он не смог насладиться этим коротким триумфом.

Правительство принца Макса Баденского, особенно те его члены, которые принадлежали к социал-демократической партии, было крайне встревожено результатами той наводнившей всю страну пропаганды, которую вели Гаазе и Либкнехт при финансовой поддержке Иоффе. Попытки канцлера обеспечить какую-либо общественную стабильность в стране перед началом переговоров о перемирии, чтобы сохранить монархию и спасти Германию от позорной капитуляции, подрывались все более и более растущими левыми настроениями в обществе, выражавшимися во все более настойчивых требованиях мира, хлеба и отречения кайзера. Если раньше правые социал-демократы считали угрозу большевизма в Германии смехотворной, то теперь они были охвачены страхом реальной близости ее осуществления, в чем ежедневно убеждались, поскольку все больше и больше людей покидали их ряды и уходили к Гаазе. Поэтому и они, и сам принц Макс хотели как можно скорее

лишить спартаковцев и независимых социал-демократов главного источника их подпитки.

28 октября появилась особо неприятная и отвратительная прокламация, по злобности и ядовитости превосходящая все, что было выпущено до этого, и представлявшая крайнюю опасность для жизненных интересов страны. На утреннем заседании правительства министр внутренних дел Пруссии доктор Дрюз предложил установить самый жесткий контроль за советским посольством и всеми его контактами, а Шейдеман в качестве меры давления предложил, если потребуется, остановить поставки угля в Россию. Позднее, в ходе обсуждения, Шейдеман выдвинул два следующих варианта: «организовать» ночную кражу со взломом в здании советского посольства и вынести опасные подрывные документы, о которых шла речь; либо во время перевозки диппочты подстроить так, чтобы один из почтовых ящиков с диппочтой, как бы случайно, упал на перрон вокзала и «разлетелся на куски»; в этом случае подрывная революционная литература вывалилась бы наружу и все бы увидели, что происходит откровенное злоупотребление дипломатическими привилегиями и что стало бы основанием к принятию соответствующих мер. Как вспоминает Шейдеман, «члены правительства лишь хорошо посмеялись над этими предложениями» — такое трудно себе представить с учетом того, что творилось в стране в то время; этим и ограничились, и больше никаких предложений не последовало.

Однако на следующем заседании правительства, состоявшемся 5 ноября, министр иностранных дел доктор Шольф, как ни странно, сообщил о том, что вчера вечером один из ящиков советского дипкурьера «разлетелся на части» на вокзале и в нем были обнаружены компрометирующие документы подрывного характера с призывом к революции и политическим убийствам[1].

---

[1] Несколько лет спустя в австрийской социал-демократической печати была раскрыта подоплека этой истории; было сообщено, что документы, обнаруженные в этом ящике, «не были ни написаны, ни напечатаны, ни упакованы в России и не отправлялись из нее; документы были подброшены в дипломатический багаж германской полицией, а составлены они были правым социал-демократом Леви. Хотя дипкурьеры Иоффе наверняка злоупотребляли теми дипломатическими привилегиями, которые у них были, — Иоффе сам часто этим открыто похвалялся, — в данном конкретном случае всегда отличавшаяся высоким профессионализмом прусская полиция либо не нашла ничего предосудительного и противозаконного, что бы действительно серьезно компрометировало советское посольство, либо просто не решилась обыскать весь груз должным образом. (*Примеч. авт.*)

Иоффе в этой связи был вызван в министерство иностранных дел и проинформирован Шольфом о том, что следующим утром он и весь состав посольства будут депортированы из Берлина. Их доставят специальным поездом в сопровождении вооруженной охраны до Пскова, где они будут находиться до тех пор, пока сотрудники германских консульств в Москве и Петрограде не прибудут благополучно в расположение германских войск. В случае, если германские дипломаты не доберутся до места, Иоффе будет считаться находящимся под арестом; те же лица, которым поручено обеспечивать его охрану на пути следования из Берлина, станут в этом случае выполнять функции тюремщиков.

Опять большевики ехали в Россию через Германию в «пломбированном вагоне», но перед отъездом Иоффе успел сделать «прощальный» ядовитый укус. Утром в день отъезда из Берлина — как ни странно, ему не были запрещены контакты с внешним миром — он передал своему германскому агенту доктору Оскару Кону миллион марок, а также доверенность на использование средств со счета в банке Мендельсона на продолжение работы по ведению революционной пропаганды. Несколько недель спустя, перед началом первого спартаковского восстания, Кон заявил: «Деньги были мной потрачены на то, на что они и предназначались, — на распространение идеи революции, и очень жаль, что в силу обстоятельств я не сумел потратить всю сумму».

Известие о высылке Иоффе достигло Москвы, когда там проходил VI Всероссийский съезд Советов. Наконец, большевикам улыбнулась удача во внешнеполитических делах. Каждый день приходили обнадеживающие новости о том, что над очередным городом поднят красный флаг или создан Совет. Центральный исполнительный комитет воспользовался благоприятной международной обстановкой и провел выборы, на которых получили 80% делегатских мандатов съезда. Меньшевики и правые эсеры не были допущены к работе съезда специальным декретом, а те левые эсеры, которые остались после июльской «чистки», — их было не более 30 человек — всячески стремились к примирению с большевиками.

Именно перед этой аудиторией Свердлов вечером 8 ноября (в годовщину принятия Декрета о мире) зачитал телеграмму, сообщавшую о высылке Иоффе. Новость была встречена свистом и насмешливыми выкриками, которые сменились диким ревом удовлетворения, когда Радек сообщил, что сотрудники германского консульства и миссий по делам во-

еннопленных будут немедленно высланы и что сотрудниками ЧК взяты несколько заложников, которые будут отпущены лишь по благополучном прибытии Иоффе и его сотрудников[1].

Вскоре после этого пришло сообщение о том, что германский флот в Киле поднял восстание, над кораблями поднят красный флаг, советскому флоту в Кронштадте передавался братский привет. Бурю восторга, потрясшую съезд, трудно описать словами. Радостные крики и пение «Интернационала» прервали текущую работу. «Это лучший ответ на их приветствие!» — воодушевленно крикнул один делегат своему товарищу. «Нет, — ответил тот, — есть ответ и получше. Мы должны разорвать Брестский договор!» Один за другим все делегаты поддержали этот почин; зал был охвачен единым яростным порывом покончить с позорным мирным договором. Игу завоевателей пришел конец; символ понесенных жертв и унижений должен быть уничтожен.

---

[1] После высылки Иоффе из Берлина были предприняты две попытки добиться его возвращения в германскую столицу. Опасаясь за судьбу тысяч германских военнопленных в России, германский полномочный представитель по обмену военнопленными обратился с просьбой к германскому правительству разрешить Иоффе остаться в Берлине без дипломатических привилегий и при строгом контроле за его деятельностью для обеспечения продолжения переговоров об обмене военнопленными. Ему удалось добиться поддержки министерства иностранных дел, которое направило к Иоффе с этим предложением доктора Кона, однако Гофман не разрешил ему вступить на территорию, находившуюся под контролем командования германскими силами на Восточном фронте.

Вторая попытка была сделана из Москвы. Спартаковцы направили большевикам братский привет и сердечные приглашения принять участие в общегерманском съезде рабочих и солдат, который должен был вскоре состояться. Советское правительство решило направить в Берлин Иоффе, Радека и Бухарина, однако Гофман вновь запретил агитаторам ступать на территорию, контролируемую германскими войсками Восточного фронта, и Иоффе с Бухариным были вынуждены вернуться в Москву. Радеку, переодетому в германскую военную форму, удалось пройти через германские позиции с поддельным паспортом на имя освобожденного военнопленного. Его появление на общегерманском съезде 30 декабря 1918 г. было неожиданным и запоминающимся. Он выступил со страстным и энергичным призывом к делегатам подняться на решающий бой с силами капитализма при поддержке российской Красной армии. Радек принял активное участие в первом спартаковском восстании в январе 1919 г.

Он был арестован германскими войсками и чудом избежал казни. В конце концов он был обменян на арестованных в Москве немцев; с его отъездом закончилась последняя попытка советского режима оказать прямую помощь германским большевикам установить свою диктатуру. (*Примеч. авт.*)

В полдень следующего дня (9 ноября) Свердлов зачитал делегатам декрет Совета народных комиссаров об аннулировании Брестского договора. Год назад делегаты II съезда Советов плакали от счастья и радости, когда Ленин читал им Декрет о мире. Однако затем им пришлось подписать унизительный аннексионистский мир, навязанный захватчиком, и лишь сила воли и убежденность Ленина заставила их вступить на тяжелый и тернистый путь национальных уступок и жертв. А теперь те, кто навязал им грабительский мир, были сами побеждены. И так же, как и Россия, они теперь добивались мира, и им еще предстояло испить свою горькую чашу национального унижения. Делегаты с радостью единодушно одобрили Декрет об аннулировании Брестского договора, окончательно закрыв эту несчастную главу в истории своего народа.

4

Еще более катастрофическое воздействие, чем на внутреннюю ситуацию в Германии, Брест-Литовский договор оказал на отношения Германии с государствами Антанты и связанными с ними странами как до, так и после поражения Германии в войне. Подписание Брестского мирного договора сплотило страны Антанты и Америку вокруг единой цели и привело к такому тесному сотрудничеству, которого они не сумели достичь за все время своих прошлых контактов и переговоров.

В течение первого года с момента вступления США в войну складывалось впечатление, что Вильсон пытается добиться своих целей не особенно активно и даже с каким-то равнодушием. Американцы не демонстрировали того боевого настроя, того желания уничтожить врага, которые государства Антанты уже выработали в течение более длительного, чем США, участия в военных действиях. Союзников больше заботила победа над Германией, чем ее преобразование после войны; они вели войну против Германии как таковой, несмотря на все уверения их пропаганды в обратном. Они были охвачены ненавистью ко всему, что было связано с Германией, и это наглядно проявилось во время выборов в этих странах в 1918 г., которые прошли под воинствующими антигерманскими лозунгами. Однако Вильсон предпочитал делать различие между народом Германии и ее правящими кругами.

«Война с германским империализмом, мир с германским либерализмом» — таков был лейтмотив его выступлений с апреля 1917 г.; он подчеркивал ту выгоду, котоую получат германские либералы, если не будут связывать свою судьбу с Людендорфом, а согласятся на те условия, которые им предложат союзники, а он, Вильсон, сумеет убедить последних, чтобы эти условия были максимально приемлемыми. Более того, подчеркивалось отсутствие намерений вносить какие-либо изменения в политический строй Германии. Если власть прежней военной касты будет сломлена, монархия может быть сохранена. «У нас нет каких-либо намерений нанести ущерб Германской империи, — говорилось в послании президента конгрессу от 4 декабря 1917 г., — мы также никоим образом не собираемся вмешиваться в ее внутренние дела».

Именно исходя из такого подхода Вильсон провозгласил свою программу «14 пунктов», в выдвижении которой столь важную роль сыграли переговоры в Брест-Литовске. С одной стороны, цель программы состояла в том, чтобы убедить Россию отказаться от заключения сепаратного мира, а с другой стороны — попытаться разъединить германских трудящихся с правящими кругами страны, предлагая справедливые условия мира, отвергнув которые германские военные круги лишь бессмысленно затягивали бы войну и брали бы на себя, таким образом, всю ответственность за связанные с этим лишения и страдания своего народа.

Надеясь на это, Вильсон и его советники демонстрировали такое же непонимание психологии германских рабочих, как и Ленин и его товарищи, столь страстно ждавшие, когда же германские трудящиеся свергнут своих правителей и установят диктатуру пролетариата. Хотя германских рабочих, возможно, в душе и привлекали те заманчивые и многообещающие посулы, предлагаемые им Вильсоном и Лениным, но их душой и телом полностью распоряжалось германское Верховное командование; причем это касалось не только рабочих, но также и кайзера, правительства, министерства иностранных дел и рейхстага. Какие бы чувства ни испытывали германские рабочие к демократии и коммунизму, у них не было возможности их выразить, и эта невосприимчивость к революционным призывам и посулам вызывала глубокое разочарование как у Вильсона, так и у Ленина.

Однако именно циничный отказ германского правительства даже рассмотреть вопрос о проведении переговоров с Россией в рамках более широкого международного формата

по достижению всеобщего мира, который можно было бы выработать на основе программы Вильсона, заставил последнего занять более жесткую позицию по отношению к Германии в целом. Вопрос отношения к России был своего рода критерием искренности германской политики. «Отношение к России со стороны других стран, в единой семье с которыми она находится, станет в ближайшее время серьезным испытанием, пробным камнем, показывающим наличие или отсутствие у них доброй воли», — говорилось в 8-м пункте программы Вильсона; и именно ответ Гертлинга на его выступление, как ничто другое, показал, что декларируемое Германией стремление к миру является неискренним.

Когда же за этим последовало навязывание силой штыка грабительских условий Брестского мира, причем рейхстаг принял и ратифицировал этот мир практически не протестуя, Вильсон осознал, что с точки зрения практической политики существует только одна Германия — Германия высшего командования, и с этой Германией предстоит бороться, чтобы сокрушить ее. Он понял бессмысленность примирительных обращений к трудящимся массам Германии, поскольку Людендорф, добившись успеха на Востоке, сможет пообещать им еще более богатую добычу в случае победы на Западе; как и взываний к либерально настроенным элементам в Германии, которые практически поддержали политику, проводимую военными, или, по крайней мере, не высказались активно против нее. Если и было возможно убедить германский народ, что, поддерживая Людендорфа, он в конечном итоге допускает весьма серьезную ошибку, то средством такого убеждения была лишь победа на поле боя, а не увещевания. Наиболее действенная политическая стратегия заключалась в том, чтобы снова и снова подчеркивать невозможность достижения мира с теми, кто навязал Брест-Литовский договор.

Такое изменение отношения президента к Германии, повлекшее за собой изменение во всей американской политике в этом вопросе, имело чрезвычайно важное значение и стало одним из важнейших факторов той быстрой и окончательной победы над Германией, которая после этого была одержана. Выступая в Балтиморе 6 апреля 1918 г., Вильсон озвучил то, к чему он искренне пришел в глубине души; он говорил о новом подходе, и в этом выступлении звучала твердая решимость достигнуть поставленных целей:

«Даже в момент полного краха иллюзий я хочу избежать слишком жестких или просто необъективных оценок и суж-

дений. Я сужу лишь по тем результатам, которых, действуя с безжалостной основательностью, достигло германское оружие в каждом из районов, жившем до этого мирной и целомудренной жизнью, которому пришлось с ним соприкоснуться... От себя лично могу сказать, что я готов... обсуждать справедливый и честный мир в любое время, как только подобное искреннее и честное предложение будет выдвинуто, — мир, условия которого будут одинаково справедливыми как для сильного, так и для слабого. Но когда я предложил заключить такой мир, ответ на это предложение я получил от командования германскими войсками, находящимися в России, и я очень хорошо понял смысл этого ответа. Я принимаю вызов. Германия в очередной раз заявила, что только сила, сила и еще раз сила должна определять, будут ли Мир и Справедливость управлять отношениями между людьми... Наш ответ может быть лишь один: Сила, вся Сила, на которую мы способны, Сила без каких-либо пределов и ограничений, Сила правая и победоносная, которая сделает Правду законом, по которому будет жить мир, и которая обратит в прах и пыль любую власть, исповедующую эгоизм и своекорыстие».

Это выступление фактически являлось обязательством, что Америка отдаст все до последнего человека, орудия и доллара для торжества дела союзников. Единство между США и государствами Антанты было теперь достигнуто, что делало победу над Германией неизбежной — с вводом в дело дополнительной живой силы в лице американских солдат в исходе войны сомневаться не приходилось. Творцом всего этого можно считать Людендорфа, поскольку своим отношением к России Верховное командование ясно продемонстрировало, что ждет побежденного Германией; к тому же все теперь отчетливо убедились в том, что именно Верховному командованию принадлежит вся власть в этой стране. Таким образом Верховное командование помогло делу союзников, поскольку его действия способствовали тому, чтобы степень сотрудничества между союзниками и их сплоченности вокруг единой цели достигла того уровня, который был необходим для окончательной победы.

Но этим «достижения» Людендорфа не ограничились. Он решил судьбу германского оружия на поле боя; однако непримиримая враждебность к милитаризму и самовластию, жившая в душе Вильсона, воспитанного в традициях пресвитерианской церкви, и усиленная политикой Людендорфа, не давала ему покоя до тех пор, пока не были уничтожены как германская мо-

нархия, так и германская военная каста. Американский президент больше не возражал против вмешательства союзников во внутренние дела Германской империи. В течение лета 1918 г. он ясно и недвусмысленно дал понять, что его цель состоит «в уничтожении любой основывающейся на произволе власти, которая способна самостоятельно, тайно и по своему собственному усмотрению создавать угрозу для мира во всем мире»[1].

Германия не могла бы получить мир до тех пор, пока германский народ не выполнил бы это требование и не сменил милитаристско-империалистический режим Гогенцоллернов на демократическую (желательно республиканскую) форму правления. Таким образом, корни Веймарской республики, позднее преданной анафеме Людендорфом и его союзниками национал-социалистами, также уходят в Брест-Литовск.

Верховное командование и правительство Германии не сразу осознали роковые последствия своей политики. В тот судьбоносный момент на стыке лета и осени 1918 г., когда дело явно шло к военному поражению Центральных держав, в Германии все еще считали возможным сохранить военные трофеи, добытые на Востоке, даже если и придется пойти на уступки на Западе. 12 сентября 1918 г., когда находившаяся на последнем издыхании Австро-Венгерская империя предложила провести «конфиденциальное и не накладывающее обязательств обсуждение» условий мира, германский вице-канцлер фон Пайер, забыв о прежней политической линии, которой придерживался Кюльман, выступая в Штутгарте, демонстрировал вызов и самоуверенность. При любом обсуждении условий мира, сказал он, соглашения, уже заключенные с Россией, Украиной и Румынией, должны быть выведены за рамки обсуждения. «У нас есть мир на Востоке, и он таковым для нас и остается независимо от того, нравится это нашим соседям на Западе или нет». Германия может рассмотреть вопрос о восстановлении независимости Бельгии, но германские позиции на Востоке должны оставаться неприкосновенными и не подлежащими обсуждению.

Ответ союзников, озвученный 27 сентября 1918 г. президентом Вильсоном, был подобен удару копья:

«Мы придерживаемся единого мнения о невозможности заключения мира на основе каких-либо соглашений или ком-

---

[1] Данное положение было включено как одно из обязательных условий перемирия во вторую и третью ноты, направленные Вильсоном Германии соответственно 14 и 23 октября 1918 г. (*Примеч. авт.*)

промиссов с правительствами Центральных держав, поскольку, имея с ними дело в прошлом, мы видели, какое отношение они продемонстрировали в Брест-Литовске и Бухаресте к другим державам, принимавшим участие в нашей общей борьбе. Они убедили нас в своей бесчестности и отсутствии стремления к справедливости. Они не следуют ни договорам, ни принципам, а руководствуются только силой и собственными интересами. Мы не можем «прийти к согласию» с ними. Они сделали это невозможным. Германский народ должен сейчас полностью осознавать, что мы не можем принять на веру слово тех, кто навязал нам эту войну. Мы не мыслим с ними одними категориями и не говорим на одном языке — языке сотрудничества, который им чужд».

В данном случае немецкому народу откровенно давалось понять, что союзники и связанные с ними державы непреклонно и категорически отказываются иметь дело с любыми представителями военно-империалистического режима Германии. Кайзер и генералы должны уйти, а германский народ должен взять свою судьбу в свои руки и сам обратиться с предложением о мире. В его руках немедленно положить конец войне. Заявление Вильсона явилось очень важным фактором, способствовавшим тому, что правящая каста Германии потеряла внутреннюю уверенность и веру в свои силы.

Спустя сутки (28 сентября) Людендорф осознал, что ситуация абсолютно безнадежна. Впервые он прямо посмотрел в лицо катастрофе, то самое лицо, которое преследовало его с «черного дня» — 8 августа 1918 г. — и которое он пытался не замечать, отгораживаясь от него своей гордыней. Однако теперь завеса была сорвана и картина обнажилась в своей ужасающей откровенности. Германия потерпела поражение. Это был неумолимый факт, осознание которого лишило возможности и без того напряженный как струна мозг Людендорфа мыслить хладнокровно и разумно. В панике он обратился к Гинденбургу, кайзеру и канцлеру, призывая сделать что-нибудь для смягчения последствий катастрофы и предотвращения полной капитуляции. В приступе дикого отчаяния он потребовал немедленно предложить заключить перемирие на основе «14 пунктов» и срочно внести демократические изменения в конституцию. Савл не обратился столь быстро в апостола Павла по дороге в Дамаск, как Людендорф стал приверженцем мира и демократии. Никогда диктатор не прилагал столько усилий для того, чтобы передать власть в руки своих противников, сколько приложил первый генерал-квартирмейстер,

готовя «революцию сверху». Как отмечал один из наблюдателей, «за парламентскую республику в Германии боролся не рейхстаг; это был приказ Людендорфа».

Несмотря на усилия нового канцлера, принца Макса Баденского, направленные на то, чтобы избежать неуместной поспешности в открытии мирных переговоров и не создавать впечатление о Германии как о находящемся на смертном одре больном, спешащем совершить покаяние, Людендорф сумел склонить на свою сторону противившегося этому Гинденбурга и настоять на том, чтобы предложение о мире было направлено немедленно. С тяжелым сердцем принц Макс подписал ноту от 4 октября 1918 г.

Однако правители Германии вновь неверно просчитали ситуацию и недооценили влияние Брест-Литовска. Было уже слишком поздно предлагать «14 пунктов» в качестве «основы для переговоров». В момент пика своей военной мощи они высмеяли эти предложения, которые должны были составить договорно-правовую основу для заключения мира; теперь они изменили свою точку зрения и «запели по-другому». Союзники ответили тем же. «Предложения, содержавшиеся в выступлении президента Вильсона, были сделаны до заключения Брест-Литовского договора... — говорилось в официальном английском меморандуме. — Они поэтому не могут рассматриваться как полное изложение условий мира». Одного желания Германии вести мирные переговоры на основе «14 пунктов» было уже недостаточно; союзники должны были сформулировать свои предложения на основе этого «священного текста».

Комиссии под руководством полковника Хауза предстояло быстро проделать необходимую работу; она заняла шесть недель. Было необходимо соединить воедино положения «14 пунктов», последующие выступления Вильсона и требования союзного командования сделать невозможным возобновление Германией военных действий. В ходе этой работы многое из изначального «золотого идеализма» было утрачено, многое добавлено, о чем, правда, потом жалели, и в результате появился документ, составленный по принципам справедливости Ветхого Завета: «око за око, зуб за зуб».

По многим вопросам выработанные принципы были весьма туманны и расплывчаты; и в наибольшей степени это относилось к положениям, касавшимся России, которая попрежнему оставалась непонятой и неразгаданной, но одно из этих положений было одинаково понято и истолковано всеми наблюдателями: «В любом случае Брест-Литовский и Буха-

рестский договоры должны быть аннулированы, как откровенно недобросовестные. Должен быть предусмотрен полный вывод всех германских войск из России, чтобы на мирной конференции была возможность выработать с чистого листа политику в отношении всех народов России».

И вот, наконец, утром 8 ноября 1918 г. Эрцбергер и его коллеги в Комиссии по перемирию, сидя в железнодорожном вагоне Верховного главнокомандующего союзными войсками в Компьене, уныло всматривались в безмятежные, покрытые загаром лица Фоша и Росслина Уимисса и с тоской и опустошением в сердце слушали, как Вейганд холодным голосом зачитывал условия капитуляции. Их сознание притупилось от унижений, наваливавшихся на них одно за другим. Тихий голос безжалостно читал: «...Аннулирование договоров в Бухаресте и Брест-Литовске, а также дополнительных договоров и соглашений к ним... Возвращение российского и румынского золота, изъятого Германией или переданного ей. Это золото должно быть доставлено в распоряжение союзников до подписания мира...»[1]

По сравнению с навалившейся на них горой стыда и унижений данный пункт казался всего лишь небольшим камнем, но именно об этот камень, под названием «Брест-Литовск», Германия и споткнулась.

---

[1] Об этом говорилось в статьях XV и XIX Соглашения о перемирии от 11 ноября 1918 г. Два дня спустя Брест-Литовский мирный договор был официально денонсирован декретом ВЦИК Советов от 13 ноября 1918 г. Этот договор был официально аннулирован Версальским договором (ст. 116). См. приложения X, XI XII в данной книге. (*Примеч. авт.*)

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение I

ДЕКРЕТ О МИРЕ

Принят II Всероссийским съездом Советов
26 октября (8 ноября) 1917 года

Рабочее и крестьянское правительство, созданное революцией 24—25 октября и опирающееся на Советы рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, предлагает всем воюющим народам и их правительствам начать немедленно переговоры о справедливом демократическом мире.

Справедливым или демократическим миром, которого жаждет подавляющее большинство истощенных, измученных и истерзанных войной рабочих и трудящихся классов всех воюющих стран, — миром, которого самым определенным и настойчивым образом требовали русские рабочие и крестьяне после свержения царской монархии, — таким миром правительство считает немедленный мир без аннексий (т. е. без захвата чужих земель, без насильственного присоединения чужих народностей) и без контрибуций.

Такой мир предлагает правительство России заключить всем воюющим народам немедленно, выражая готовность сделать без малейшей оттяжки тотчас же все решительные шаги, впредь до окончательного утверждения всех условий такого мира полномочными собраниями народных представителей всех стран и наций.

Под аннексией или захватом чужих земель правительство понимает, сообразно правовому сознанию демократии вообще и трудящихся классов в особенности, всякое присоединение к большому или сильному государству малой или слабой народности без точно, ясно и добровольно выраженного

согласия и желания этой народности, независимо от того, когда это насильственное присоединение совершено, независимо также от того, насколько развитой или отсталой является насильственно присоединяемая или насильственно удерживаемая в границах данного государства нация. Независимо, наконец, от того, в Европе или в далеких заокеанских странах эта нация живет.

Если какая бы то ни было нация удерживается в границах данного государства насилием, если ей, вопреки выраженному с ее стороны желанию — все равно, выражено ли это желание в печати, в народных собраниях, в решениях партий или возмущениях и восстаниях против национального гнета, — не предоставляется права свободным голосованием, при полном выводе войск присоединяющей или вообще более сильной нации, решить без малейшего принуждения вопрос о формах государственного существования этой нации, то присоединение ее является аннексией, т. е. захватом и насилием.

Продолжать эту войну из-за того, как разделить между сильными и богатыми нациями захваченные ими слабые народности, правительство считает величайшим преступлением против человечества и торжественно заявляет свою решимость немедленно подписать условия мира, прекращающего эту войну на указанных, равно справедливых для всех без изъятия народностей условиях.

Вместе с тем правительство заявляет, что оно отнюдь не считает вышеуказанных условий мира ультимативными, т. е. соглашается рассмотреть и всякие другие условия мира, настаивая лишь на возможно более быстром предложении их какой бы то ни было воюющей страной и на полнейшей ясности, на безусловном исключении всякой двусмысленности и всякой тайны при предложении условий мира.

Тайную дипломатию правительство отменяет, со своей стороны выражая твердое намерение вести все переговоры совершенно открыто перед всем народом, приступая немедленно к полному опубликованию тайных договоров, подтвержденных или заключенных правительством помещиков и капиталистов с февраля по 25 октября 1917 года. Все содержание этих тайных договоров, поскольку оно направлено, как это в большинстве случаев бывало, к доставлению выгод и привилегий русским помещикам и капиталистам, к удержанию или увеличению аннексий великороссов, правительство объявляет безусловно и немедленно отмененным.

Обращаясь с предложением к правительствам и народам всех стран начать немедленно открытые переговоры о заключении мира, правительство выражает со своей стороны готовность вести эти переговоры как посредством письменных сношений, по телеграфу, так и путем переговоров между представителями разных стран или на конференции таковых представителей. Для облегчения таких переговоров правительство назначает своего полномочного представителя в нейтральные страны.

Правительство предлагает всем правительствам и народам всех воюющих стран немедленно заключить перемирие, причем со своей стороны считает желательным, чтобы это перемирие было заключено не меньше чем на 3 месяца, т. е. на такой срок, в течение которого вполне возможно как завершение переговоров о мире с участием представителей всех без изъятия народностей или наций, втянутых в войну или вынужденных к участию в ней, так равно и созыв полномочных собраний народных представителей всех стран для окончательного утверждения условий мира.

Обращаясь с этим предложением мира к правительствам и народам всех воюющих стран, временное рабочее и крестьянское правительство России обращается также в особенности к сознательным рабочим трех самых передовых наций человечества и самых крупных участвующих в настоящей войне государств: Англии, Франции и Германии. Рабочие этих стран оказали наибольшие услуги делу прогресса и социализма: и великие образцы чартистского движения в Англии, ряд революций, имевших всемирно-историческое значение, совершенных французским пролетариатом, наконец, в геройской борьбе против исключительного закона в Германии и образцовой для рабочих всего мира длительной, упорной дисциплинированной работе создания массовых пролетарских организаций Германии. Все эти образцы пролетарского героизма и исторического творчества служат нам порукой за то, что рабочие названных стран поймут лежащие на них теперь задачи освобождения человечества от ужасов войны и ее последствий, что эти рабочие всесторонней, решительной и беззаветно энергичной деятельностью своей помогут нам успешно довести до конца дело мира и вместе с тем дело освобождения трудящихся и эксплуатируемых масс населения от всякого рабства и всякой эксплуатации.

Приложение II

ДОГОВОР О ПЕРЕМИРИИ МЕЖДУ РОССИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И БОЛГАРИЕЙ, ГЕРМАНИЕЙ, АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ И ТУРЦИЕЙ, С ДРУГОЙ СТОРОНЫ, ЗАКЛЮЧЕННЫЙ В БРЕСТ-ЛИТОВСКЕ

2 (15) декабря 1917 г.

I. Перемирие начинается в 14 часов 4 декабря 1917 года (12 часов 17 декабря н. с.) и продолжается до 14 часов 1 января 1918 года (12 часов 14 января 1918 года).

Договаривающиеся стороны имеют право, начиная с 21-го дня перемирия, отказаться от него с предупреждением о том за 7 дней до возобновления военных действий; если отказа не последует, то перемирие автоматически продолжается, пока одна из сторон не откажется от него с предупреждением за 7 дней.

II. Перемирие распространяется на все сухопутные и воздушные силы названных государств, находящиеся на сухопутном фронте между Балтийским и Черным морями. На русско-турецком театре военных действий в Азии перемирие наступает одновременно. Договаривающиеся стороны обязуются во время перемирия не усиливать числа находящихся на названных фронтах и на островах Моонзунда войсковых соединений, а также их состава и численности и не предпринимать на этих фронтах перегруппировок для подготовки наступления.

Договаривающиеся стороны обязуются до 1 января 1918 года (14 января 1918 года) не производить никаких оперативных воинских перебросок с фронта между Балтийским и Черным морями, за исключением тех, которые к моменту подписания настоящего договора были уже начаты.

Договаривающиеся стороны обязуются во время перемирия не сосредоточивать войск в портах Черного моря и моря Балтийского восточнее 15 гр[адуса] восточной долготы от Гринвича.

III. Демаркационными линиями на европейском фронте считаются передовые заграждения своих позиций. Эти линии могут быть переходимы лишь при соблюдении условий, указанных в пункте IV; там, где не имеется непрерывной линии позиций, демаркационной линией считается прямая, соединяющая занятые передовые пункты. Промежуток между обеими демаркационными линиями считается нейтральным.

Равным образом считаются нейтральными судоходные реки, разделяющие позиции обеих сторон. Плавание по этим рекам

воспрещается, за исключением тех случаев, когда оно обусловлено целями торгового транспорта.

На тех участках, где позиции находятся друг от друга на значительном расстоянии, демаркационные линии особо устанавливаются и обозначаются демаркационными комиссиями (п. VII).

На русско-турецком театре военных действий в Азии главнокомандующие обеих сторон устанавливают взаимным соглашением как демаркационные линии, так и условия сношений между сторонами при непременном соблюдении условий пункта IV.

IV. В целях развития и укрепления дружественных отношений между народами договаривающихся сторон устанавливаются следующие правила организованных сношений между войсками:

1. Правом свободных сношений пользуются парламентеры, члены местных комиссий по перемирию (VII) и их заместители, которые должны иметь при себе соответствующие удостоверения от штабов корпуса, армии, фронта или же от их комитетов.

2. Примерно в двух или трех пунктах боевого участка каждой русской дивизии организуется сношение, причем пункты эти устанавливаются соглашением штабов дивизий или их комитетов в нейтральной зоне между демаркационными линиями. Обозначаются эти пункты белыми флагами. Сношения допускаются только в дневные часы от восхода до захода солнца. На местах сношений в каждый данный момент число участвующих лиц не должно превышать с каждой стороны 25 человек. Ношение оружия во время сношения возбраняется. Люди, принимающие участие в сношении, имеют право взаимно обмениваться газетами и журналами, а также открытыми письмами для доставки их по назначению. Кроме того, для участвующих в сношении устанавливается право торговли и обмена предметами первой необходимости.

3. Погребение павших воинских чинов разрешается на нейтральной зоне. Для сего предварительно требуется соглашение между штабами или комитетами дивизий либо высших инстанций.

4. Вопросы о возвращении воинских чинов, уволенных вовсе от службы и имеющих место жительства за демаркационной линией другой стороны, будут разрешены при мирных переговорах. Это относится и к польским войскам.

5. Лица, переходящие неприятельскую демаркационную линию без соблюдения вышеуказанных условий, задержива-

ются, причем срок их освобождения определяется либо при заключении мира, либо при отказе от перемирия. Означенное постановление, равно как и вышеизложенные условия должны быть объявлены в специальном приказе по войскам договаривающихся сторон и обстоятельно разъяснены войскам.

V. В отношении военных действий на морских театрах войны устанавливается следующее:

1. Перемирие распространяется на все Черное море и на Балтийское море к востоку от меридиана 15 градусов восточнее от Гринвича, а именно на все находящиеся там морские и воздушные силы договаривающихся сторон.

В отношении распространения перемирия в Белом море и в Северном Ледовитом океане у русского побережья имеет быть установлено особое соглашение по сношению морских генеральных штабов договаривающихся сторон.

Взаимные нападения на военные и торговые суда договаривающихся сторон в указанных районах должны быть, по возможности, уже теперь устранены.

В это же особое соглашение должно быть включено указание об устранении, по возможности, случаев взаимного нападения военных судов договаривающихся сторон в других морях.

2. Нападения с моря и с воздуха на порты и побережья обеих договаривающихся сторон на всех морских театрах войны воспрещаются. Точно так же воспрещается судам договаривающихся сторон входить в гавани и подходить к берегам, занятым другой стороной.

3. Полеты над портами и побережьями обеих договаривающихся сторон на всех морских театрах воспрещаются. Перелетать демаркационную линию воспрещается.

4. Демаркационной линией считается:

а) на Черном море — линия маяк Олинька (в устьях Георгиевского гирла Дуная) — мыс Иерос;

б) на Балтийском море — линия Рогекюль — западный берег острова Вормс — остров Богшер — Свенска — Хегарне. Подробное установление демаркационной линии в районе между островом Вормс и островом Богшер должно быть выработано комиссией по установлению перемирия в Балтийском море (п. VII). При этом для русских военных судов должно быть обеспечено свободное плавание к Аландским островам при всех возможных условиях погоды и ледяного покрова.

Русские военные суда не могут переходить указанных демаркационных линий на юг, а военные суда четырех союзных держав не могут переходить их на север.

Русское правительство гарантирует, что военные суда Согласия[1], находящиеся ныне или имеющие прийти в районы, указанные в пункте 1[2], будут подчиняться установленным в этом договоре правилам.

5. Торговое мореплавание в районах, указанных в пункте 1[2], разрешается. Установление подробных правил плавания и безопасных путей для торговых судов в этих районах возлагается на комиссии по установлению перемирия (п. VII) в Балтийском и в Черном морях.

6. Договаривающиеся стороны обязуются во время перемирия в Балтийском и в Черном морях не производить подготовки к активным морским операциям, направленным друг против друга.

VI. Во избежание несчастных случаев и недоразумений на фронтах воспрещается производить учебные стрельбы пехоты ближе чем в 5 километрах, а учебные стрельбы артиллерии — ближе чем в 15 километрах от демаркационных линий.

Сухопутная минная война прекращается.

Воздушные боевые силы и привязные аэростаты должны держаться вне воздушной зоны шириной в 10 километров позади своей демаркационной линии.

Работы на позициях позади передовых заграждений дозволяются, за исключением, однако, всех таких работ, которые могут служить подготовкой к наступлению.

VII. Для приведения в действие и для наблюдения за правильным выполнением настоящего договора, с момента вступления его в силу, учреждаются особые комиссии в нижеследующих пунктах:

1) в Риге, для Балтийского моря,

2) в Двинске, для фронта от Балтийского моря до р. Дисны,

3) в Брест-Литовске, для фронта от р. Дисны до р. Припяти,

4) в Бердичеве, для фронта от р. Припяти до р. Днестр,

5) в Колошваре и

6) в Фокшанах, для фронта от р. Днестр до Черного моря. Районы фронта между комиссиями 5 и 6 разграничиваются по взаимному соглашению,

7) в Одессе, для Черного моря.

---

[1] Имеются в виду военные суда держав Согласия (Антанты).

[2] См. подпункт 1 пункта V.

Этим комиссиям предоставляется право беспрепятственного и бесконтрольного сношения по телеграфу по аппарату Юза. Обе договаривающиеся стороны проводят провода к середине нейтральной зоны между демаркационными линиями.

На русско-турецком театре военных действий в Азии учреждаются такие же комиссии по соглашению главнокомандующих обеих сторон.

VIII. Договор о приостановке военных действий от 22 ноября (5 декабря) 1917 года, а равно и все заключенные до сих пор на отдельных участках фронта соглашения о перемирии либо о приостановке военных действий считаются ничтожными со вступлением в силу настоящего договора.

IX. Договаривающиеся стороны непосредственно после подписания настоящего договора о перемирии приступают к мирным переговорам.

X. Исходя из принципов свободы, независимости и территориальной неприкосновенности нейтральной Персии, русское и турецкое Верховные командования выражают готовность вывести свои войска из Персии.

Для разработки деталей такового вывода войск, а также для обеспечения вышеуказанных принципов русское и турецкое Верховные командования вступают немедленно в переговоры с персидским правительством.

XI. Каждая из договаривающихся сторон получает подписанный полномочными представителями текст сего договора на русском и на немецком языках.

Брест-Литовск
2 декабря 1917 г. (15 декабря 1917 г.)

Приложение III

ТЕЗИСЫ В.И. ЛЕНИНА ПО ВОПРОСУ О НЕМЕДЛЕННОМ ЗАКЛЮЧЕНИИ СЕПАРАТНОГО И АННЕКСИОНИСТСКОГО МИРА

7 (20) января 1918 г.

1. Положение русской революции в данный момент таково, что почти все рабочие и громадное большинство крестьян, несомненно, стоят на стороне Советской власти и начатой ею социалистической революции. Постольку успех социалистической революции в России обеспечен.

2. В то же время гражданская война, вызванная бешеным сопротивлением имущих классов, превосходно сознавших, что перед ними последний и решительный бой за сохранение частной собственности на землю и на средства производства, еще не достигла своего высшего пункта. Советской власти обеспечена победа в этой войне, но неизбежно пройдет еще некоторое время, неизбежно потребуется немалое напряжение сил, неизбежен известный период острой разрухи и хаоса, связанных со всякой войной, а с гражданской войной в особенности, пока сопротивление буржуазии будет подавлено.

3. Кроме того, это сопротивление в его менее активных и невоенных формах: саботаж, подкуп босяков, подкуп агентов буржуазии, втирающихся в ряды социалистов для того, чтобы погубить их дело, и т. д. и т. п. — это сопротивление оказалось таким упорным и способным принимать столь разнообразные формы, что борьба с ним неизбежно затянется еще некоторое время и едва ли закончится в главных своих видах раньше чем через несколько месяцев. А без решительной победы над этим пассивным и прикрытым сопротивлением буржуазии и ее сторонников успех социалистической революции невозможен.

4. Наконец, организационные задачи социалистического преобразования в России так велики и трудны, что на разрешение их — при обилии мелкобуржуазных попутчиков социалистического пролетариата и при невысоком культурном его уровне — требуется тоже довольно продолжительное время.

5. Все эти обстоятельства, взятые вместе, таковы, что из них совершенно определенно вытекает необходимость, для успеха социализма в России, известного промежутка времени, не менее нескольких месяцев, в течение которого социалистическое правительство должно иметь вполне развязанные руки для победы над буржуазией сначала в своей собственной стране и для налажения широкой и глубокой массовой организационной работы.

6. Положение дел с социалистической революцией в России должно быть положено в основу всякого определения международных задач нашей Советской власти, ибо международная ситуация на 4-м году войны сложилась так, что вероятный момент взрыва революции и свержения какого-либо из европейских империалистских правительств (в том числе и германского) совершенно не поддается учету. Нет сомнения, что социалистическая революция в Европе должна наступить и наступит. Все наши надежды на *окончательную* победу социализма основаны на этой уверенности и на этом научном

предвидении. Наша пропагандистская деятельность вообще и организация братания в особенности должны быть усилены и развиты. Но было бы ошибкой построить тактику социалистического правительства России на попытках определить, наступит ли европейская и особенно германская социалистическая революция в ближайшие полгода (или подобный краткий срок) или не наступит. Так как определить этого нельзя никоим образом, то все подобные попытки действительно свелись бы к слепой азартной игре.

7. Мирные переговоры в Брест-Литовске вполне выяснили в настоящий момент, к 7.I.1918, что у германского правительства (вполне ведущего на поводу остальные правительства Четверного союза) безусловно взяла верх военная партия, которая, по сути дела, уже поставила России ультиматум (со дня на день следует ждать, необходимо ждать и его формального предъявления). Ультиматум этот таков: либо дальнейшая война, либо аннексионистский мир, т. е. мир на условии, что мы отдаем все занятые нами земли, германцы сохраняют *все* занятые ими земли и налагают на нас контрибуцию (прикрытую внешностью платы за содержание пленных), контрибуцию размером приблизительно в 3 миллиарда рублей, с рассрочкой платежа на несколько лет.

8. Перед социалистическим правительством России встает требующий неотложного решения вопрос, принять ли сейчас этот аннексионистский мир или вести тотчас революционную войну. Никакие средние решения, по сути дела, тут невозможны. Никакие дальнейшие отсрочки более неосуществимы, ибо для искусственного затягивания переговоров мы *уже* сделали все возможное и невозможное.

9. Рассматривая доводы за немедленную революционную войну, мы встречаем прежде всего тот довод, что сепаратный мир будет теперь, объективно, соглашением с немецкими империалистами, «империалистской сделкой» и т. п. и что, следовательно, такой мир был бы полным разрывом с основными принципами пролетарского интернационализма.

Но этот довод явно неверен. Рабочие, которые проигрывают стачку, подписывая невыгодные для них, выгодные для капиталистов условия возобновления работ, не изменяют социализму. Изменяют социализму лишь те, кто обменивает выгоды лишь для части рабочих на выгоды для капиталистов, лишь такие соглашения в принципе недопустимы.

Кто называет оборонительной и справедливой войной войну с германским империализмом, а на деле получает поддержку

от англо-французских империалистов и скрывает от народа тайные договоры с ними, тот изменяет социализму. Кто, ничего не скрывая от народа, никаких тайных договоров с империалистами не заключая, соглашается подписать невыгодные для слабой нации, выгодные для империалистов одной группы условия мира, если в данный момент нет сил для продолжения войны, тот ни малейшей измены социализму не совершает.

10. Другой довод за немедленную войну тот, что, заключая мир, мы объективно являемся агентами германского империализма, ибо даем ему и освобождение войск с нашего фронта, и миллионы пленных и т. д. Но и этот довод явно неверен, ибо революционная война в данный момент сделала бы нас, объективно, агентами англо-французского империализма, давая ему подсобные его целям силы. Англичане прямо предлагали нашему главковерху Крыленке по сто рублей в месяц за каждого нашего солдата, в случае продолжения войны. Если мы ни копейки не возьмем от англо-французов, мы все же, объективно, будем помогать им, отвлекая часть немецких войск.

С этой стороны в обоих случаях мы не вырываемся полностью из той или иной империалистской связи, да и очевидно, что нельзя вырваться из нее полностью, не свергнув всемирного империализма. Правильный вывод отсюда тот, что, со времени победы социалистического правительства в одной из стран, надо решать вопросы не с точки зрения предпочтительности того или другого империализма, а исключительно с точки зрения наилучших условий для развития и укрепления социалистической революции, которая уже началась.

Другими словами: не тот принцип должен теперь лежать в основе нашей тактики, которому из двух империализмов выгоднее помочь теперь, а тот принцип, как вернее и надежнее можно обеспечить социалистической революции возможность укрепиться или хотя бы продержаться в одной стране до тех пор, пока присоединятся другие страны.

11. Говорят, что немецкие противники войны из социал-демократов стали теперь «пораженцами» и просят нас не уступать германскому империализму. Но мы признавали пораженчество лишь по отношению к *собственной* империалистской буржуазии, а победу над чужим империализмом, победу, достигаемую в формальном или в фактическом союзе с «дружественным» империализмом, мы всегда отвергали, как метод принципиально недопустимый и вообще негодный.

Данный довод есть, следовательно, лишь видоизменение предыдущего. Если бы немецкие левые социал-демократы

предлагали нам оттянуть сепаратный мир на определенный срок, гарантируя революционное выступление в Германии в этот срок, тогда вопрос *мог бы* встать для нас иначе. Но немецкие левые не только не говорят этого, а, напротив, формально заявляют: «Держитесь, пока можете, но решайте вопрос по соображениям положения дел в *русской* социалистической революции, ибо ничего позитивного обещать насчет немецкой революции нельзя».

12. Говорят, что мы прямо «обещали» в ряде партийных заявлений революционную войну и что заключение сепаратного мира будет изменой нашему слову.

Это неверно. Мы говорили *о необходимости «подготовлять и вести»* революционную войну для социалистического правительства в эпоху империализма; мы говорили это, чтобы бороться с абстрактным пацифизмом, с теорией полного отрицания «защиты отечества» в эпоху империализма, наконец, с чисто шкурными инстинктами части солдат, но мы не брали на себя обязательства начинать революционной войны без учета того, насколько возможно вести ее в тот или иной момент.

Мы и сейчас безусловно должны *готовить* революционную войну. Мы выполняем это свое обещание, как выполнили вообще все наши обещания, которые можно было сразу выполнить: расторгли тайные договоры, предложили всем народам справедливый мир, оттягивали всячески и несколько раз мирные переговоры, чтобы дать время присоединиться другим народам.

Но вопрос о том, можно ли *сейчас, немедленно* вести революционную войну, следует решить, учитывая исключительно материальные условия осуществимости этого и интересы социалистической революции, которая уже началась.

13. Сводя вместе оценку доводов за немедленную революционную войну, надо прийти к выводу, что такая политика отвечала бы, может быть, потребности человека в стремлении к красивому, эффектному и яркому, но совершенно не считалась бы с объективным соотношением классовых сил и материальных факторов в переживаемый момент начавшейся социалистической революции.

14. Нет сомнения, что наша армия в данный момент и в ближайшие недели (а вероятно, и в ближайшие месяцы) абсолютно не в состоянии успешно отразить немецкое наступление, во-1-х, вследствие крайней усталости и истомления большинства солдат, при неслыханной разрухе в деле продо-

вольствия, смены переутомленных и пр.; во-2-х, вследствие полной негодности конского состава, обрекающей на неминуемую гибель нашу артиллерию; в-3-х, вследствие полной невозможности защитить побережье от Риги до Ревеля, дающей неприятелю вернейший шанс на завоевание остальной части Лифляндии, затем Эстляндии и на обход большой части наших войск с тыла, наконец на взятие Петрограда.

15. Далее, нет также никакого сомнения, что крестьянское большинство нашей армии в данный момент безусловно высказалось бы за аннексионистский мир, а не за немедленную революционную войну, ибо дело социалистической реорганизации армии, влития в нее отрядов Красной гвардии и пр. только-только начато.

При полной демократизации армии вести войну против воли большинства солдат было бы авантюрой, а на создание действительно прочной и идейно крепкой социалистической рабоче-крестьянской армии нужны по меньшей мере месяцы и месяцы.

16. Беднейшее крестьянство в России в состоянии поддержать социалистическую революцию, руководимую рабочим классом, но оно не в состоянии немедленно, в данный момент пойти на серьезную революционную войну. Это объективное соотношение классовых сил по данному вопросу было бы роковой ошибкой игнорировать.

17. Дело обстоит, следовательно, с революционной войной в данное время следующим образом: если бы германская революция вспыхнула и победила в ближайшие три-четыре месяца, тогда, может быть, тактика немедленной революционной войны не погубила бы нашей социалистической революции.

Если же германская революция в ближайшие месяцы не наступит, то ход событий, при продолжении войны, будет неизбежно такой, что сильнейшие поражения заставят Россию заключить еще более невыгодный сепаратный мир, причем мир этот будет заключен не социалистическим правительством, а каким-либо другим (например, блоком буржуазной Рады с черновцами или что-либо подобное). Ибо крестьянская армия, невыносимо истомленная войной, после первых же поражений — вероятно, даже не через месяцы, а через недели — свергнет социалистическое рабочее правительство.

18. При таком положении дела было бы совершенно недопустимой тактикой ставить на карту судьбу начавшейся уже в России социалистической революции только из-за того, начнется ли германская революция в ближайший, кратчайший,

измеряемый неделями срок. Такая тактика была бы авантюрой. Так рисковать мы не имеем права.

19. И германская революция вовсе не затруднится, по ее объективным основаниям, если мы заключим сепаратный мир. Вероятно, на время угар шовинизма ослабит ее, но положение Германии останется крайне тяжелым, война с Англией и Америкой будет затяжной, агрессивный империализм вполне и до конца разоблачен с обеих сторон. Пример социалистической Советской республики в России будет стоять живым образцом перед народами всех стран, и пропагандистское, революционизирующее действие этого образца будет гигантским. Здесь — буржуазный строй и обнаженная до конца захватная война двух групп хищников. Там — мир и социалистическая Республика Советов.

20. Заключая сепаратный мир, мы в наибольшей, *возможной для данного момента*, степени освобождаемся от обеих враждующих империалистских групп, используя их вражду и войну, — затрудняющую им сделку против нас, — используем, получая известный период развязанных рук для продолжения и закрепления социалистической революции. Реорганизация России на основе диктатуры пролетариата, на основе национализации банков и крупной промышленности, при натуральном *продуктообмене* города с деревенскими потребительными обществами мелких крестьян, экономически вполне возможна, при условии обеспечения нескольких месяцев мирной работы. А такая реорганизация сделает социализм непобедимым и в России, и во всем мире, создавая вместе с тем прочную экономическую базу для могучей рабоче-крестьянской Красной армии.

21. Действительно революционной войной в настоящий момент была бы война социалистической республики против буржуазных стран с ясно поставленной и вполне одобренной со стороны социалистической армии целью свержения буржуазии в других странах. Между тем этой цели в *данный* момент мы себе *заведомо* не можем еще поставить. Мы воевали бы теперь, объективно, из-за освобождения Польши, Литвы и Курляндии. Но ни один марксист, не разрывая с основами марксизма и социализма вообще, не сможет отрицать, что интересы социализма стоят выше, чем интересы права наций на самоопределение. Наша социалистическая республика сделала все, что могла, и продолжает делать для осуществления права на самоопределение Финляндии, Украины и пр. Но если конкретное положение дел сложилось так,

что существование социалистической республики подвергается опасности в данный момент из-за нарушения права на самоопределение нескольких наций (Польши, Литвы, Курляндии и пр.), то, разумеется, интересы сохранения социалистической республики стоят выше.

Поэтому тот, кто говорит: «мы не можем подписать позорного, похабного и прочее мира, предать Польшу и т. п.», не замечает, что, заключив мир на условии освобождения Польши, он только *еще более* усилил бы германский империализм против Англии, против Бельгии, Сербии и других стран. Мир на условии освобождения Польши, Литвы, Курляндии был бы «патриотическим» миром *с точки зрения России,* но нисколько не перестал бы быть миром с *аннексионистами,* с германскими империалистами.

Приложение IV

МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ, АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ, БОЛГАРИЕЙ И ТУРЦИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И УКРАИНСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКОЙ – С ДРУГОЙ

9 февраля 1918 г.

Так как украинский народ во время настоящей мировой войны объявил себя независимым и высказал желание установить мир между Украинской Народной Республикой и державами, которые находятся в состоянии войны с Россией, правительства Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции решили заключить мирный договор с правительством Украинской Народной Республики; этим они хотят сделать первый шаг к прочному и для всех сторон почетному миру во всем мире, который должен не только положить конец всем ужасам войны, но и привести к восстановлению дружеских отношений между народами в политической, правовой, экономической и духовной областях. С этой целью уполномоченные вышеназванных правительств, а именно

от Императорского Германского Правительства:

статс-секретарь ведомства иностранных дел, императорский действительный тайный советник, г. Рихард фон Кюльман;

от Императорского и Королевского общего Австро-Венгерского Правительства:

министр Императорского и Королевского Дома и иностранных дел, Его Императорского и Королевского Апостолического Величества тайный советник, Оттокар граф Чернин фон Худениц;

от Королевского Болгарского Правительства:

министр-президент, д-р Василь Радославов,
посланник, Андрей Тошев,
посланник, Иван Стоянович,
военноуполномоченный, полковник Петр Ганчев,
д-р Теодор Анастасов;

от Императорского Оттоманского Правительства:

Его Высочество великий визирь Талаат-паша,
министр иностранных дел Ахмед Нессимибей,
Его Высочество Ибрагим Хакки-паша,
генерал от кавалерии Ахмед Иззет-паша;

от Правительства Украинской Народной Республики:

члены Украинской Центральной Рады:
Александр Севрюк,
Микола Любинский,
Микола Левицкий — собрались в Брест-Литовске для мирных переговоров и после предъявления своих полномочий, признанных составленными в правильной и надлежащей форме, пришли к соглашению относительно следующих постановлений:

Статья I

Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция, с одной стороны, и Украинская Народная Республика — с другой, объявляют, что состояние войны между ними прекращено. Договаривающиеся стороны решили впредь жить между собой в мире и дружбе.

Статья II

1. Между Австро-Венгрией, с одной стороны, и Украинской Народной Республикой — с другой, поскольку эти две державы будут иметь общую границу, остаются те границы,

которые существовали между Австро-Венгерской монархией и Россией до начала настоящей войны.

2. Дальше, в северном направлении, граница Украинской Народной Республики пройдет, начиная с Тарнограда, в общем по линии Билограй—Щебрешин—Красностав—Пугачев—Радин—Межиречье—Сарнаки—Мельник—Высоко-Литовск—Каменец-Литовск—Пружаны—Вигоновское озеро.

Точное определение этой границы будет установлено смешанной комиссией с учетом этнографических условий и желаний населения.

3. В случае, если Украинская Народная Республика будет иметь общие границы с другими державами Четверного союза, оговаривается право вступить об этом в особые соглашения.

Статья III

Очищение занятых областей начнется немедленно после ратификации настоящего мирного договора.

Способ проведения очищения и передача очищенных областей будут определяться уполномоченными заинтересованных сторон.

Статья IV

Дипломатические и консульские отношения между договаривающимися сторонами возобновятся немедленно после ратификации мирного договора.

Относительно возможно наибольшего допущения консулов обеих сторон оговаривается право вступить в особые соглашения.

Статья V

Договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения своих военных расходов, т. е. государственных издержек на ведение войны, равно как и от возмещения военных убытков, т. е. тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в зоне военных действий военными мероприятиями, в том числе и всеми произведенными во вражеской стране реквизициями.

Статья VI

Военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину, поскольку они не пожелают с согласия того государства, в ко-

тором они пребывают, оставаться в его пределах или выехать в другую страну.

Урегулирование связанных с этим вопросов будет предметом отдельных договоров, предусмотренных в статье VIII.

Статья VII

Относительно экономических отношений между договаривающимися сторонами устанавливается следующее соглашение:

I

Договаривающиеся стороны взаимно обязуются незамедлительно завязать экономические отношения и установить товарообмен на основании следующих постановлений.

До 31 июля текущего года должен быть осуществлен взаимный обмен излишков важнейших сельскохозяйственных и промышленных продуктов для покрытия текущих потребностей на основании следующих постановлений:

а) Количество и род продуктов, обмен которыми предусмотрен в предыдущем абзаце, устанавливается у каждой стороны комиссией, состоящей из равного числа членов от обеих сторон и имеющей собраться тотчас по подписании мирного договора.

б) Цены продуктов при упомянутом товарообмене устанавливаются на основании обоюдного соглашения комиссией, состоящей из равного числа членов от обеих сторон.

в) Расчет производится на золото на следующем базисе:

1000 германских имперских марок золотом = 462 карбованцам в золоте Украинской Народной Республики = 462 золотым рублям прежней Российской империи (1 рубль = $^1/_{15}$ империала) или 1000 золотых австрийских и венгерских крон = = 393 золотым карбованцам 78 грошам Украинской Народной Республики = 393 рублям 78 копейкам золотом прежней Российской империи (1 рубль = $^1/_{15}$ империала).

г) Обмен товарами, которые устанавливаются комиссией, предусмотренной в абзаце *а*, осуществляется государственными или находящимися под контролем государства центральными учреждениями.

Обмен теми продуктами, которые не устанавливаются вышепредусмотренными комиссиями, осуществляется путем свободных сношений, сообразуясь с условиями временного торгового договора, который предусмотрен в следующем пункте II.

II

Поскольку в пункте I не предусмотрено иного, в основу экономических отношений между договаривающимися сторонами временно, до заключения окончательного торгового договора, но во всяком случае до истечения по крайней мере шести месяцев после заключения мира между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с одной стороны, и ныне находящимися с ними в состоянии войны европейскими государствами, Соединенными Штатами Америки и Японией — с другой, должны быть положены следующие постановления.

A

Для экономических отношений между Германской империей и Украинской Народной Республикой те соглашения, которые установлены в нижеследующих постановлениях германо-русского договора о торговле и мореплавании 1894/1904 г., а именно:

Статьи 1–6, 7, включая тарифы А и Б, 8–10, 12, 13–19; далее в постановлениях заключительного протокола. часть первая: по статье 1 абзацы 1 и 3; по статьям 1 и 12 абзацы 1, 2, 4, 5, 6, 8, 9; по статье 3; по статье 5 абзацы 1 и 2; по статьям 5, 6, 7, 9 и 10; по статьям 6, 7 и 11; по статьям 6–9; по статьям 6 и 7; по статье 12 абзацы 1, 2, 3, 5; далее в четвертой части заключительного протокола §§ 3, 6, 7, 12, 12в, 13, 14, 15, 16, 17, 18 (с оговоркой относительно соответствующего изменения организации органов власти), 19, 20, 21, 23.

При этом имеется согласие по следующим пунктам:

1. Общий русский таможенный тариф от 13/26 января 1903 года остается в силе.

2. Статья 5 получает следующую редакцию:

«Договаривающиеся стороны обязуются не стеснять взаимных сношений обеих стран никакими запрещениями ввоза, вывоза или транзита и разрешать свободный транзит.

Исключения допускаются только для таких продуктов, которые на территории одной из договаривающихся сторон являются или будут являться предметом государственной монополии, равно как и для известных продуктов, по отношению к которым могут быть изданы исключительные запретительные правила из соображений гигиены, ветеринарного надзора и общественной безопасности или вследствие иных веских политических и экономических оснований, в особенности в связи с послевоенным переходным временем».

3. Ни одна из сторон не заявит притязаний на преимущества, которые другая сторона предоставляет или предоставит в будущем какому-либо другому государству на основании существующего или будущего таможенного объединения, как, например, существующего между Германской империей и Великим герцогством Люксембург, или в мелких пограничных сношениях внутри пограничной зоны в 15 километров шириной.

4. Статья 10 получает следующую редакцию:

«Товары всякого рода, проходящие транзитом через территорию одной из обеих сторон, должны взаимно освобождаться от всякого транзитного сбора, безразлично, провозятся ли они прямо или во время перевозки выгружаются, сгружаются в склады и вновь нагружаются».

5. Вместо статьи 12а будет следующее постановление:

«а) Относительно взаимной охраны авторского права на произведения литературы, искусства и фотографии в отношениях между Германией и Украинской Народной Республикой применяются постановления договора, заключенного между Россией и Германской империей 28 февраля 1913 года.

б) Относительно взаимной охраны товарных знаков надлежит и в будущем руководствоваться постановлениями декларации от 23/11 июля 1873 года».

6. Постановление заключительного протокола по статье 19 получает следующую редакцию:

«Договаривающиеся стороны окажут друг другу возможное содействие в отношении железнодорожных тарифов, в особенности путем установления прямых тарифов. Для этой цели обе договаривающиеся стороны готовы возможно скорее вступить друг с другом в переговоры».

7. § 5 четвертой части заключительного протокола получает следующую редакцию:

«Обе стороны согласны, что таможни обеих стран будут открыты все дни в году, за исключением воскресений и законно установленных праздников».

Б

Для экономических отношений между Австро-Венгрией и Украинской Народной Республикой те соглашения, которые установлены в нижеследующих постановлениях русско-австро-венгерского договора о торговле и мореплавании от 15 февраля 1906 года, а именно:

статьи 1, 2, 5, включая тарифы А и Б; статьи 6, 7, 9—13, статья 14, абзацы 2 и 3; статьи 15—24, далее в постановлениях заключительного протокола: по статьям 1 и 12 абзацы 1, 2, 4, 5 и 6; по статье 2; по статьям 2, 3 и 5; по статьям 2 и 5; по статьям 2, 4, 5, 7 и 8; по статьям 2, 5, 6 и 7; по статье 17, как и по статье 22 абзацы 1 и 3.

При этом имеется согласие по следующим пунктам:

1. Общий русский таможенный тариф от 13/26 января 1903 года остается в силе.

2. Статья 4 получает следующую редакцию:

«Договаривающиеся стороны обязуются не стеснять взаимных сношений между своими территориями никакими запрещениями ввоза, вывоза или транзита. Исключения допускаются только:

а) для табака, соли, пороха и иных взрывчатых веществ, равно как и для других предметов, которые когда-нибудь на территории одной из договаривающихся сторон будут являться предметом государственной монополии;

б) в отношении военных потребностей при исключительных обстоятельствах;

в) из соображений общественной безопасности, гигиены и ветеринарного надзора;

г) для известных продуктов, по отношению к которым вследствие иных веских политических и экономических оснований могут быть изданы исключительные запретительные правила, в особенности в связи с послевоенным переходным временем».

3. Ни одна из сторон не заявит притязаний на преимущества, которые другая сторона предоставляет или предоставит в будущем какому-либо другому государству на основании существующего или будущего таможенного объединения, как, например, существующего между Австро-Венгрией и княжеством Лихтенштейн, или в мелких пограничных сношениях внутри пограничной зоны в 15 километров шириной.

4. Статья 8 получает следующую редакцию:

«Товары всякого рода, проходящие транзитом через территорию одной из договаривающихся сторон, должны взаимно освобождаться от всякого транзитного сбора, безразлично, провозятся ли они прямо или во время перевозки выгружаются, сгружаются в склады и вновь нагружаются».

5. Постановление заключительного протокола по статье 21 получает следующую редакцию:

«Договаривающиеся стороны окажут друг другу возможное содействие в отношении железнодорожных тарифов, в особенности путем установления прямых тарифов. Для этой цели обе договаривающиеся стороны готовы возможно скорее вступить друг с другом в переговоры».

В

Что касается экономических отношений между Болгарией и Украинской Народной Республикой, то они должны регулироваться до заключения окончательного торгового договора по праву наиболее благоприятствуемой нации.

Ни одна из сторон не заявит притязаний на преимущества, которые другая сторона предоставляет или предоставит в будущем какому-либо другому государству на основании существующего или будущего таможенного объединения или в мелких пограничных сношениях внутри пограничной зоны в 15 километров шириной.

Г

Что касается экономических отношений между Оттоманской империей и Украинской Народной Республикой, то обе стороны взаимно предоставят друг другу до заключения нового торгового договора те же права, какие они предоставляют наиболее благоприятствуемой нации.

Ни одна из сторон не заявит притязаний на преимущества, которые другая сторона предоставляет или предоставит в будущем какому-либо другому государству на основании существующего или будущего таможенного объединения или в мелких пограничных сношениях.

III

Срок действия временных постановлений, предусмотренных в пункте II настоящего договора для экономических отношений между Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Оттоманской империей, с одной стороны, и Украинской Народной Республикой — с другой, может быть продлен со взаимного согласия сторон.

Если предусмотренные в первом абзаце пункта II сроки не наступят до 30 июня 1919 года, то каждой из обеих договаривающихся сторон предоставляется право, начиная с 30 июня 1919 года, отказаться при условии предупреждения за шесть месяцев от постановлений, содержащихся в вышеназванном пункте.

IV

А

Украинская Народная Республика не заявит притязаний на преимущества, которые Германия предоставит Австро-Венгрии или другой связанной с ней таможенным союзом стране, граничащей с Германией или непосредственно, или через какую-либо другую страну, состоящую с ней или с Австро-Венгрией в таможенном союзе, или которые предоставляются Германией как своим собственным колониям, внешним владениям и территориям, находящимся под покровительством, так и тем странам, которые состоят с ней в таможенном союзе.

Германия не заявит притязаний на преимущества, которые Украинская Народная Республика предоставит какой-либо другой связанной с ней таможенным союзом стране, граничащей или непосредственно с Украиной, или через какую-либо другую состоящую с ней в таможенном союзе страну, или колониям, внешним владениям и находящимся под покровительством территориям связанной с ней таможенным союзом страны.

Б

В экономических сношениях между подпадающими под договор таможенными областями обоих государств, Австро-Венгерской монархии, с одной стороны, и Украинской Народной Республики — с другой, Украинская Народная Республика не заявит притязаний на преимущества, которые Австро-Венгрия предоставит Германии или другой связанной с ней таможенным союзом стране, граничащей или непосредственно с Австро-Венгрией, или через какую-либо другую страну, состоящую с ней или с Германией в таможенном союзе. Колонии, внешние владения и территории, находящиеся под покровительством, приравниваются в этом отношении к метрополии.

Австро-Венгрия не заявит притязаний на преимущества, которые Украинская Народная Республика предоставит какой-либо другой связанной с ней таможенным союзом стране, граничащей или непосредственно с Украиной, или через какую-либо другую состоящую с ней в таможенном союзе страну, или колониям, внешним владениям и находящимся под покровительством территориям связанной с ней таможенным союзом страны.

V

А

Поскольку в нейтральных государствах находятся товары германского или украинского происхождения, на которые, однако, наложено обязательство, что они не должны быть вывезены непосредственно или через чье-либо посредство на территорию другой договаривающейся стороны, подобные ограничения в распоряжении ими должны быть отменены по отношению к договаривающимся сторонам. Обе договаривающиеся стороны поэтому обязуются незамедлительно оповестить правительства нейтральных государств относительно вышеупомянутой отмены означенных ограничений.

Б

Поскольку в нейтральных государствах находятся товары австро-венгерского или украинского происхождения, на которые, однако, наложено обязательство, что они не должны быть вывезены непосредственно или через чье-либо посредство на территорию другой договаривающейся стороны, подобные ограничения в распоряжении ими должны быть отменены по отношению к договаривающимся сторонам. Обе договаривающиеся стороны поэтому обязуются незамедлительно оповестить правительства нейтральных государств относительно вышеупомянутой отмены означенных ограничений.

Статья VIII

Восстановление публичноправовых и частноправовых отношений, обмен военнопленными и гражданскими пленными, вопрос об амнистии, а также и вопрос об отношении к торговым судам, попавшим во власть противника, являются предметом отдельных договоров с Украинской Народной Республикой, которые составляют существенную часть настоящего мирного договора и, поскольку это возможно, вступают в силу одновременно с ним.

Статья IX

Соглашения, достигнутые в этом мирном договоре, составляют единое целое.

Статья X

При толковании настоящего договора аутентичными текстами являются для отношений между Германией и Украи-

ной — немецкий и украинский, для отношений между Австро-Венгрией и Украиной — немецкий, венгерский и украинский, для отношений между Болгарией и Украиной — болгарский и украинский и для отношений между Турцией и Украиной — турецкий и украинский.

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНОЕ ПОСТАНОВЛЕНИЕ

Настоящий мирный договор будет ратифицирован. Обмен ратификационными грамотами должен возможно скорее состояться в Вене.

Мирный договор вступает в силу с момента его ратификации, поскольку в нем не постановлено иное.

В удостоверение сего уполномоченные подписали настоящий договор и скрепили его своими печатями.

Составлено в пяти экземплярах в Брест-Литовске 9 февраля 1918 года.

Приложение V

МИРНЫЙ ДОГОВОР МЕЖДУ РОССИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ГЕРМАНИЕЙ, АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ, БОЛГАРИЕЙ И ТУРЦИЕЙ – С ДРУГОЙ

3 марта 1918 г.

Так как Россия, с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция — с другой, согласились прекратить состояние войны и возможно скорее закончить мирные переговоры, то были назначены полномочными представителями:

от Российской Федеративной Советской Республики:

Григорий Яковлевич Сокольников, член Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,

Лев Михайлович Карахан, член Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов,

Георгий Васильевич Чичерин, помощник народного комиссара по иностранным делам, и Григорий Иванович Петровский, народный комиссар по внутренним делам;

от Императорского Германского Правительства:

статс-секретарь ведомства иностранных дел, императорский действительный тайный советник, г. Рихард фон Кюльман,

императорский посланник и полномочный министр, г. д-р фон Розенберг,

королевский прусский генерал-майор Гофман, начальник Генерального штаба Верховного Главнокомандующего Восточным фронтом, капитан I ранга Горн;

от Императорского и Королевского общего Австро-Венгерского Правительства:

министр Императорского и Королевского Дома и иностранных дел, Его Императорского и Королевского Апостолического Величества тайный советник Оттокар граф Чернин фон Худениц, чрезвычайный и полномочный посол, Его Императорского и Королевского Апостолического Величества тайный советник, г. Кайетан Мерей фон Капос-Мере, генерал от инфантерии, Его Императорского и Королевского Апостолического Величества тайный советник, г. Максимилиан Чичерич фон Бачани;

от Царского Болгарского Правительства:

царский чрезвычайный посланник и полномочный министр в Вене, Андрей Тошев, полковник Генерального штаба, царский болгарский военно-уполномоченного при Его Величестве Германском Императоре и флигель-адъютант Его Величества Царя Болгар, Петр Ганчев,

царский болгарский первый секретарь миссии, д-р Теодор Анастасов;

от Императорского Оттоманского Правительства:

Его Высочество Ибрагим Хакки-паша, бывший великий визирь, член Оттоманского сената, полномочный посол Его Величества Султана в Берлине,

Его Превосходительство, генерал от кавалерии, генерал-адъютант Его Величества Султана и военно-уполномоченный Его Величества Султана при Его Величестве Германском Императоре, Зеки-паша.

Уполномоченные собрались в Брест-Литовске для мирных переговоров и после предъявления своих полномочий, признанных составленными в правильной и надлежащей форме, пришли к соглашению относительно следующих постановлений.

Статья I

Россия, с одной стороны, и Германия, Австро-Венгрия, Болгария и Турция — с другой, объявляют, что состояние войны между ними прекращено. Они решили впредь жить между собой в мире и дружбе.

Статья II

Договаривающиеся стороны будут воздерживаться от всякой агитации или пропаганды против правительства или государственных и военных установлений другой стороны. Поскольку это обязательство касается России, оно распространяется и на области, занятые державами Четверного союза.

Статья III

Области, лежащие к западу от установленной договаривающимися сторонами линии и принадлежавшие раньше России, не будут более находиться под ее верховной властью; установленная линия обозначена на приложенной карте (приложение I), являющейся существенной составной частью настоящего мирного договора. Точное определение этой линии будет выработано русско-германской комиссией.

Для означенных областей из их прежней принадлежности к России не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России.

Россия отказывается от всякого вмешательства во внутренние дела этих областей. Германия и Австро-Венгрия намереваются определить будущую судьбу этих областей по снесении с их населением.

Статья IV

Германия готова, как только будет заключен всеобщий мир и проведена полностью русская демобилизация, очистить территорию, лежащую восточнее указанной в абзаце 1 статьи III линии, поскольку статья VI не постановляет иного.

Россия сделает все от нее зависящее, чтобы обеспечить скорейшее очищение провинций Восточной Анатолии и их упорядоченное возвращение Турции.

Округа Ардагана, Карса и Батума также незамедлительно очищаются от русских войск. Россия не будет вмешиваться в новую организацию государственно-правовых и международно-правовых отношений этих округов, а предоставит населению этих округов установить новый строй в согласии с соседними государствами, в особенности с Турцией.

Статья V

Россия незамедлительно произведет полную демобилизацию своей армии, включая и войсковые части, вновь сформированные теперешним правительством.

Кроме того, свои военные суда Россия либо переведет в русские порты и оставит там до заключения всеобщего мира либо немедленно разоружит. Военные суда государств, пребывающих и далее в состоянии войны с державами Четверного союза, поскольку эти суда находятся в сфере власти России, приравниваются к русским военным судам.

Запретная зона в Ледовитом океане остается в силе до заключения всеобщего мира. В Балтийском море и в подвластных России частях Черного моря немедленно должно начаться удаление минных заграждений. Торговое судоходство в этих морских областях свободно и немедленно возобновляется. Для выработки более точных постановлений, в особенности для опубликования во всеобщее сведение безопасных путей для торговых судов, будут созданы смешанные комиссии. Пути для судоходства должны постоянно содержаться свободными от плавучих мин.

Статья VI

Россия обязывается немедленно заключить мир с Украинской Народной Республикой и признать мирный договор между этим государством и державами Четверного союза. Территория Украины незамедлительно очищается от русских войск и русской Красной гвардии. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Украинской Народной Республики.

Эстляндия и Лифляндия также незамедлительно очищаются от русских войск и русской Красной гвардии. Восточная граница Эстляндии проходит в общем по реке Нарве. Восточная граница Лифляндии проходит в общем через озеро Чудское и Псковское озеро до его юго-западного угла, потом через Любанское озеро в направлении к Ливенгофу на Западной Двине. Эстляндия и Лифляндия будут заняты германской полицейской властью до тех пор, пока общественная безопасность не будет там обеспечена собственными учреждениями страны и пока не будет там установлен государственный порядок. Россия немедленно освободит всех арестованных или уведенных жителей Эстляндии и Лифляндии и обеспечит безопасное возвращение всех уведенных эстляндцев и лифляндцев.

Финляндия и Аландские острова также будут немедленно очищены от русских войск и русской Красной гвардии, а фин-

ские порты — от русского флота и русских военно-морских сил. Пока лед делает невозможным перевод военных судов в русские порты, на них должны быть оставлены лишь незначительные команды. Россия прекращает всякую агитацию или пропаганду против правительства или общественных учреждений Финляндии.

Воздвигнутые на Аландских островах укрепления должны быть снесены при первой возможности. Что касается запрещения впредь воздвигать на этих островах укрепления, а также вообще их положения в отношении военном и техники мореплавания, то относительно них должно быть заключено особое соглашение между Германией, Финляндией, Россией и Швецией; стороны согласны, что к этому соглашению по желанию Германии могут быть привлечены и другие государства, прилегающие к Балтийскому морю.

Статья VII

Исходя из факта, что Персия и Афганистан являются свободными и независимыми государствами, договаривающиеся стороны обязуются уважать политическую и экономическую независимость и территориальную неприкосновенность Персии и Афганистана.

Статья VIII

Военнопленные обеих сторон будут отпущены на родину. Урегулирование связанных с этим вопросов будет предметом особых договоров, предусмотренных в статье XII.

Статья IX

Договаривающиеся стороны взаимно отказываются от возмещения своих военных расходов, т. е. государственных издержек на ведение войны, равно как и от возмещения военных убытков, т. е. тех убытков, которые были причинены им и их гражданам в зоне военных действий военными мероприятиями, в том числе и всеми произведенными во вражеской стране реквизициями.

Статья X

Дипломатические и консульские сношения между договаривающимися сторонами возобновятся немедленно после ратификации мирного договора. Относительно допущения консулов обе стороны оставляют за собою право вступить в особые соглашения.

Статья XI

Экономические отношения между Россией и державами Четверного союза определяются постановлениями, содержащимися в приложениях 2—5, причем приложение 2 определяет отношения между Россией и Германией, приложение 3 — между Россией и Австро-Венгрией, приложение 4 — между Россией и Болгарией, приложение 5 — между Россией и Турцией.

Статья XII

Восстановление публичноправовых и частноправовых отношений, обмен военнопленными и гражданскими пленными, вопрос об амнистии, а также и вопрос об отношении к торговым судам, попавшим во власть противника, является предметом отдельных договоров с Россией, которые составляют существенную часть настоящего мирного договора и, поскольку это возможно, вступают в силу одновременно с ним.

Статья XIII

При толковании настоящего договора аутентичными текстами являются для отношений между Россией и Германией — русский и немецкий, между Россией и Австро-Венгрией — русский, немецкий и венгерский, между Россией и Болгарией — русский и болгарский, между Россией и Турцией — русский и турецкий.

Статья XIV

Настоящий мирный договор будет ратифицирован[1]. Обмен ратификационными грамотами должен возможно скорее состояться в Берлине. Русское правительство принимает на себя обязательство произвести обмен ратификационными грамотами по желанию одной из держав Четверного союза в течение двухнедельного срока. Мирный договор вступает в силу с момента его ратификации, поскольку иное не следует из его статей, приложений к нему или дополнительных договоров.

В удостоверение сего уполномоченные собственноручно подписали настоящий договор.

Брест-Литовск, 3 марта 1918 года

---

[1] Договор был ратифицирован IV Чрезвычайным Всероссийским съездом Советов 15 марта 1918 года; одобрен германским рейхстагом 22 марта и ратифицирован Вильгельмом II 26 марта 1918 года.

Приложение VI

ДОКЛАД В.И. ЛЕНИНА О РАТИФИКАЦИИ МИРНОГО ДОГОВОРА НА IV ЧРЕЗВЫЧАЙНОМ ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ

14 марта 1918 г.

Товарищи, нам приходится решать сегодня вопрос, который знаменует поворотный пункт в развитии русской и не только русской, а и международной революции, и для того, чтобы правильно решить вопрос о том тягчайшем мире, который заключили представители Советской власти в Брест-Литовске и который Советская власть предлагает утвердить, или ратифицировать, для того, чтобы правильно решить этот вопрос, более всего необходимым является для нас уразуметь исторический смысл того поворота, у которого мы стали, понять, в чем состояла главная особенность развития революции до сих пор и в чем состоит основная причина того тяжкого поражения и той эпохи тяжелых испытаний, которые мы пережили.

Мне кажется, что главным источником разногласий в среде советских партий по данному вопросу является именно то, что некоторые слишком поддаются чувству законного и справедливого негодования по поводу поражения Советской республики империализмом, слишком поддаются иногда отчаянию и, вместо того, чтобы учесть исторические условия развития революции, как они сложились перед настоящим миром и как они рисуются нам после мира, вместо этого пытаются ответить относительно тактики революции на основании непосредственного чувства. Между тем весь опыт всех историй революций учит нас, что, когда мы имеем дело со всяким массовым движением или с классовой борьбой, в особенности такой, как современная, развертывающейся не только на всем протяжении одной, хотя и громадной страны, а захватывающей все международные отношения, — в этом случае в основу своей тактики, прежде всего и больше всего, необходимо класть учет объективного положения, рассматривать аналитически, каков был ход революции до сих пор и почему он так грозно, так круто, так невыгодно для нас изменился.

Если мы посмотрим с этой точки зрения на развитие нашей революции, то мы ясно увидим, что до сих пор она переживала период сравнительной и в значительной мере кажу-

щейся самостоятельности и временной независимости от международных отношений. Тот путь, которым шла наша революция с конца февраля 1917 г. до 11 февраля текущего года, когда началось немецкое наступление, — этот путь в общем и целом был путем легких и быстрых успехов. Если мы взглянем на развитие этой революции в международном масштабе, с точки зрения развития только русской революции, то мы увидим, что пережили за этот год три периода. Первый период, когда рабочий класс России вместе со всем, что было передовым, сознательным, подвижным в крестьянстве, поддержанный не только мелкой буржуазией, но и буржуазией крупной, в несколько дней смел монархию. Этот головокружительный успех объясняется тем, что русский народ, с одной стороны, из опыта 1905 года извлек гигантский запас революционной боеспособности, с другой стороны, тем, что Россия, как особенно отсталая страна, особенно пострадала от войны и особенно рано пришла в состояние полной невозможности продолжать эту войну при старом режиме.

За коротким бурным успехом, когда создалась новая организация, — организация Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, — последовали для нашей революции долгие месяцы переходного периода, — периода, когда власть буржуазии, сразу подорванная Советами, поддерживалась и укреплялась мелкобуржуазными соглашательскими партиями — меньшевиками и эсерами, поддерживавшими эту власть. Это была власть, поддерживавшая империалистскую войну, империалистские тайные договоры, кормившая рабочий класс обещаниями, власть, которая ровно ничего не делала, которая поддерживала разруху. В этот долгий для нас, для русской революции период скопляли свои силы Советы; это был долгий для русской революции период и короткий — с точки зрения международной, потому что в большинстве центральных стран период изживания мелкобуржуазных иллюзий, период переживания соглашательства различных партий, фракций, оттенков занимал не месяцы, а долгие, долгие десятилетия, — этот период, с 20 апреля и до возобновления империалистской войны Керенским в июне, носившим в кармане тайный империалистский договор, — имел решающую роль. В этот период мы пережили июльское поражение, пережили корниловщину и только на опыте массовой борьбы, только тогда, когда широчайшие массы рабочих и крестьян не из проповеди, а из собственного опыта увидели всю тщету мелкобуржуазного соглашательства, — только тогда, после долгого по-

литического развития, после долгой подготовки и перемены в настроении и взглядах партийных группировок создалась почва для Октябрьского переворота, и наступил третий период русской революции в ее первой, оторванной или временно отделенной от международной, полосе.

Этот третий период, октябрьский, период организации, наиболее трудный и в то же время период наиболее крупных и наиболее быстрых триумфов. С октября наша революция, отдавшая власть в руки революционного пролетариата, установившая его диктатуру, обеспечившая ему поддержку громадного большинства пролетариата и беднейшего крестьянства, с октября наша революция шла победным, триумфальным шествием. По всем концам России началась гражданская война в виде сопротивления эксплуататоров, помещиков и буржуазии, поддержанных частью империалистической буржуазии.

Началась гражданская война, и в этой гражданской войне силы противников Советской власти, силы врагов трудящихся и эксплуатируемых масс, оказались ничтожными; гражданская война была сплошным триумфом Советской власти, потому что у противников ее, у эксплуататоров, у помещиков и буржуазии, не было никакой, ни политической, ни экономической опоры, и их нападение разбилось. Борьба с ними соединяла в себе не столько военные действия, сколько агитацию; слой за слоем, массы за массами, вплоть до трудящегося казачества, отпадали от тех эксплуататоров, которые пытались вести ее от Советской власти.

Этот период победного, триумфального шествия диктатуры пролетариата и Советской власти, когда она привлекла на свою сторону безусловно, решительно и бесповоротно гигантские массы трудящихся и эксплуатируемых в России, ознаменовал собой последний и высший пункт развития русской революции, которая все это время шла как бы в независимости от международного империализма. Это было причиной, почему страна, наиболее отставшая и наиболее подготовленная к революции опытом 1905 года, так быстро, так легко, так планомерно выдвигала к власти один класс за другим, изживая отдельные политические составы, и наконец пришла к тому политическому составу, который являлся последним словом не только русской революции, но и западноевропейских рабочих революций, ибо Советская власть упрочилась в России и приобрела бесповоротные симпатии трудящихся и эксплуатируемых, потому что уничтожила старый угнетательский аппарат

государственной власти, потому что она в основе создала новый и высший тип государства, каким в зародыше была Парижская коммуна, низвергнувшая старый аппарат и поставившая на его место непосредственно вооруженную силу масс, заменившая демократизм буржуазно-парламентарный демократизмом трудовых масс за исключением эксплуататоров и систематически подавлявшая их сопротивление.

Вот что сделала русская революция за этот период, вот почему сложилось в небольшом авангарде русской революции впечатление о том, что этот триумфальный ход, это быстрое шествие русской революции может рассчитывать на дальнейшую победу. И в этом состояла ошибка, потому что период, когда русская революция развивалась, передавая в России власть от одного класса к другому и изживая классовое соглашательство в пределах одной России, — этот период мог исторически существовать только потому, что величайшие гиганты хищников мирового империализма были временно приостановлены в своем наступательном движении против Советской власти. Революция, которая в несколько дней свергла монархию, в несколько месяцев исчерпала все попытки соглашательства с буржуазией и в несколько недель в гражданской войне победила всякое сопротивление буржуазии, — такая революция, революция социалистической республики, могла ужиться среди империалистических держав, в обстановке мировых хищников, рядом со зверями международного империализма лишь постольку, поскольку буржуазия, находясь в мертвой схватке борьбы друг с другом, была парализована в своем наступлении на Россию.

И вот начался тот период, который приходится так наглядно и так тяжело чувствовать, — период тягчайших поражений, тягчайших испытаний для русской революции, период, когда, вместо быстрого, прямого и открытого наступления на врагов революции, нам приходится испытывать тягчайшие поражения и отступать перед силой, неизмеримо большей, чем наша сила, — перед силой международного империализма и финансового капитала, перед силой военной мощи, которую вся буржуазия, с ее современной техникой, со всей организацией, сплотила против нас в интересах грабежа, угнетения и удушения мелких народностей; нам приходилось думать об уравновешивании сил, нам пришлось стать перед задачей неизмеримо трудной, нам пришлось видеть в прямой стычке не такого врага, как Романов и как Керенский, которые не могли быть взяты всерьез, — нам пришлось встретиться с силами

международной буржуазии во всем ее военно-империалистическом могуществе, стать лицом к лицу с мировыми хищниками. И понятно, что, ввиду запоздания помощи со стороны международного социалистического пролетариата, нам пришлось принять на себя столкновение с этими силами и понести тягчайшее поражение.

И эта эпоха — эпоха тяжелых поражений, эпоха отступлений, эпоха, когда мы должны спасать хотя бы небольшую часть позиции, отступая перед империализмом, выжидая время, когда изменятся международные условия вообще, пока подоспеют к нам те силы европейского пролетариата, которые имеются, которые зреют, которые не могли так легко, как мы, справиться со своим врагом, ибо было бы величайшей иллюзией и величайшей ошибкой забывать, что русской революции легко было начать и трудно делать дальнейшие шаги. Это неизбежно было так, потому что нам приходилось начать с самого гнилого, отсталого политического строя. Европейской революции приходится начать с буржуазии, приходится иметь дело с врагом неимоверно более серьезным, в условиях неизмеримо более тяжелых. Европейской революции будет неизмеримо труднее начаться. Мы видим, что ей неизмеримо труднее проломить первую брешь в том строе, который ее давит. Ей будет гораздо легче войти во вторую и третью ступень своей революции. И не может быть иначе в силу того соотношения сил между революционными классами и реакционными, которое имеется в настоящее время на международной арене. Вот тот основной поворот, который постоянно упускается из виду людьми, смотрящими на теперешнее положение, на необычайно тяжелое положение революции не с точки зрения исторической, а с точки зрения чувства и возмущения. И опыт истории говорит нам, что всегда, во всех революциях, — в течение такого периода, когда революция переживала крутой перелом и переход от быстрых побед к периоду тяжелых поражений, — наступал период псевдореволюционной фразы, всегда приносивший величайший вред развитию революции. И вот, товарищи, лишь тогда, если мы поставим своей задачей учесть тот перелом, который бросил нас от быстрых, легких и полных побед к тяжелым поражениям, лишь тогда мы в состоянии будем правильно оценить нашу тактику.

Вопрос этот, — неизмеримо трудный, неизмеримо тяжелый вопрос, — который представляет из себя результат переломного пункта в развитии в настоящее время революции, —

от легких побед внутри к необычайно тяжелым поражениям извне, — и переломный пункт во всей международной революции, от эпохи пропагандистско-агитационной деятельности русской революции при выжидательном положении империализма, от той эпохи — к наступательным действиям империализма против Советской власти, ставит особенно тяжело и особенно остро вопрос перед всем международным западноевропейским движением. Если мы не забудем этого исторического момента, нам нужно будет разобраться в том, как сложился основной круг интересов России в вопросе о теперешнем, тягчайшем, так называемом похабном мире.

Мне случалось не раз в полемике против тех, кто отказывался от необходимости принять этот мир, мне случалось не раз встречать указания на то, что точка зрения подписания мира выражает будто бы собою интересы только усталых крестьянских масс, деклассированных солдат и так далее, и тому подобное. И я всегда по поводу таких ссылок и таких указаний удивлялся тому, как забывают товарищи классовый масштаб национального развития, — люди, исключительно подыскивающие свои объяснения. Как будто партия пролетариата, бравшая власть, заранее не рассчитывала на то, что только союз пролетариата и полупролетариата, т. е. беднейшего крестьянства, т. е. большинства крестьянства России, что только подобный союз в состоянии дать власть в России революционной власти Советов — большинства, настоящего большинства народа, — что без этого бессмысленна всякая попытка установить власть, особенно в трудные повороты истории. Как будто бы можно было теперь отделаться от этой всеми нами признанной истины и обойтись презрительным упоминанием насчет усталого состояния крестьян и деклассированных солдат. Относительно усталого состояния крестьянства и деклассированных солдат мы должны сказать, что страна допустит сопротивление, что беднейшее крестьянство лишь в тех пределах может пойти к сопротивлению, в каких это беднейшее крестьянство способно направить свои силы на борьбу.

Когда мы брали власть в октябре, ясно было, что ход событий приходит к этому с неизбежностью, что поворот к большевизму Советов означает поворот во всей стране, что власть большевизма неизбежна. Когда мы, сознавая это, шли на взятие власти в октябре, мы совершенно ясно и отчетливо говорили себе и всему народу, что это переход власти в руки пролетариата и беднейшего крестьянства, что пролетариат знает, что крестьянство его поддержит, а в чем, — вы сами

знаете: в его активной борьбе за мир, в его готовности продолжать дальнейшую борьбу против крупного финансового капитала. В этом мы не ошибаемся, и никто не может, оставаясь сколько-нибудь в пределах классовых сил и классовых отношений, отвлечься от той несомненной истины, что мы не можем спрашивать от мелкокрестьянской страны, давшей так много и для европейской и для международной революции, вести борьбу при условии того тяжелого и самого тяжелого условия, когда помощь со стороны западноевропейского пролетариата, несомненно, идет к нам, — это доказали факты, забастовки и т. д., — но когда помощь эта, идущая к нам, несомненно, запоздала. Вот почему я говорю, что подобного рода ссылки на усталость крестьянских масс и т. д. представляют из себя просто результат отсутствия доводов и полной беспомощности тех, кто к этим доводам прибегает, полное отсутствие у них всякой возможности охватить все классовые отношения в целом, в их общем масштабе — революции пролетариата и крестьянства в его массе; только тогда, если мы при каждом крутом повороте истории оцениваем соотношение классов в целом, всех классов, а не выбираем отдельные примеры и отдельные казусы; только тогда мы чувствуем себя стоящими прочно на анализе вероятных фактов. Я вполне понимаю, что русская буржуазия теперь толкает нас на революционную войну тогда, когда она для нас совершенно невозможна. Этого требуют классовые интересы буржуазии.

Когда они только кричат: похабный мир, ни слова не говоря о том, кто довел армию до этого положения, я вполне понимаю, что это буржуазия с делонародовцами, меньшевиками-церетелевцами, черновцами и их подголосками (аплодисменты), я вполне понимаю, что это буржуазия кричит о революционной войне. Этого требуют ее классовые интересы, этого требуют ее стремления к тому, чтобы Советская власть сделала фальшивый ход. Это понятно от людей, которые, с одной стороны, наполняют страницы своих газет контрреволюционными писаниями... (Голоса: «Закрыли все».) Еще, к сожалению, не все, но закроем все. (Аплодисменты.) Хотел бы я посмотреть на тот пролетариат, который позволит контрреволюционерам, сторонникам буржуазии и соглашателям с ней, продолжать использовать монополию богатств для одурманивания народа своим, буржуазным опиумом. Такого пролетариата не было. (Аплодисменты.)

Я совершенно понимаю, что со страниц подобных изданий несется сплошной вой, вопль и крик против похабного мира,

я совершенно понимаю, что за эту революционную войну стоят люди, которые в то же время, от кадетов до правых эсеров, встречают немцев при их наступлении и торжественно говорят: вот немцы, и пускают своих офицеров гулять с погонами в местностях, занятых нашествием германского империализма. Да, от таких буржуа, от таких соглашателей меня нисколько не удивляет проповедь революционной войны. Они хотят, чтобы Советская власть попала в западню. Они показали себя, эти буржуа и эти соглашатели. Мы их видели и видим живьем, мы знаем, что вот в Украине украинские Керенские, украинские Черновы и украинские Церетели, — вот они, господа Винниченки. Эти господа, украинские Керенские, Черновы, Церетели, скрыли от народа тот мир, который они заключили с германскими империалистами, и теперь, при помощи германских штыков, пытаются свергнуть Советскую власть на Украине. Вот что сделали те буржуа и те соглашатели и их единомышленники. (Аплодисменты.) Вот что сделали эти украинские буржуа и соглашатели, пример которых стоит воочию перед нами, которые скрыли и скрывают от народа свои тайные договора, которые с немецкими штыками идут против Советской власти. Вот чего хочет русская буржуазия, вот куда толкают сознательно или бессознательно подголоски буржуазии Советскую власть: они знают, что принять империалистскую войну с могучим империализмом она сейчас не может. Вот почему лишь в этой международной обстановке, лишь в этой общей классовой обстановке мы поймем всю глубину ошибки тех, кто, подобно партии левых эсеров, дал себя увлечь теорией, обычной во всех историях революций в тяжелые моменты и состоящей наполовину из отчаяния, наполовину из фразы, когда вместо того, чтобы трезво взглянуть на действительность и оценить с точки зрения классовых сил задачи революции по отношению к внутренним и внешним врагам, вас призывают решать серьезный и тягчайший вопрос под давлением чувства, только с точки зрения чувства. Мир невероятно тяжел и позорен. Мне самому случалось не раз в своих заявлениях и в речах называть его Тильзитским миром, который завоеватель Наполеон навязал прусскому и германскому народам после ряда тягчайших поражений. Да, этот мир представляет из себя тягчайшее поражение и унижает Советскую власть, но, если вы, из этого исходя, этим ограничиваясь, апеллируете к чувству, возбуждаете негодование, пытаясь решить величайший исторический вопрос, вы впадаете в то смешное и жалкое положение, в котором однажды была

вся партия эсеров (аплодисменты), когда в 1907 году, при ситуации, несколько схожей в известных чертах, она равным образом апеллировала к чувству революционера, когда, после тягчайшего поражения нашей революции в 1906 и 1907 годах, Столыпин предписал нам законы о третьей Думе, — позорнейшие и тягчайшие условия работы в одном из самых гнусных представительных учреждений, когда наша партия, после небольшого колебания внутри себя (колебаний по этому вопросу было больше, чем теперь), решила вопрос так, что мы не имеем права поддаваться чувству, что, как ни велико наше возмущение и негодование против позорнейшей третьей Думы, а мы должны признать, что тут не случайность, а историческая необходимость развивающейся классовой борьбы, у которой дальше не хватило сил, которая их соберет даже в этих позорных условиях, которые были предписаны. Мы оказались правы. Те, которые пытались увлечь революционной фразой, увлечь справедливостью, поскольку она выражала чувство трижды законное, те получили урок, который не будет забыт ни одним думающим и мыслящим революционером.

Революции не идут так гладко, чтобы обеспечить нам быстрый и легкий подъем. Не было ни одной великой революции, даже в рамках национальных, которая не переживала бы тяжелого периода поражений, и нельзя к серьезному вопросу массовых движений, развивающихся революций относиться так, чтобы, объявляя мир похабным, унизительным, революционер не мог с ним помириться; недостаточно привести агитационные фразы, осыпать нас порицаниями по поводу этого мира, — это заведомая азбука революции, это заведомый опыт всех революций. Наш опыт с 1905 года, — а если мы чем богаты, если благодаря чему-нибудь пришлось русскому рабочему классу и беднейшему крестьянству взять на себя труднейшую и почетнейшую роль начала международной социалистической революции, так именно потому, что русскому народу удалось, благодаря особому стечению исторических обстоятельств, в начале XX века проделать две великие революции, — то надо учиться опыту этих революций, надо уметь понять, что, лишь принимая во внимание изменения соотношений классовых связей одного государства с другим, можно установить заведомо, что мы не в состоянии принять бой сейчас; мы должны считаться с этим, сказать себе: какова бы ни была передышка, как бы ни был непрочен, как бы ни был короток, тяжел и унизителен мир, он лучше, чем война, ибо он дает возможность вздохнуть народным массам, потому что

он дает возможность поправить то, что сделала буржуазия, которая теперь кричит везде, где имеет возможность кричать, особенно под защитой немцев в занятых областях. (Аплодисменты.)

Буржуазия кричит о том, что ведь большевики разложили армию, что армии нет и в этом виноваты большевики, но посмотрим на прошлое, товарищи, посмотрим, прежде всего, на развитие нашей революции. Разве вы не знаете, что бегство и разложение нашей армии началось задолго до революции, еще в 1916 году, что всякий, кто видел армию, должен это признать? И что же сделала наша буржуазия, чтобы предотвратить это? Разве не ясно, что единственный шанс на спасение от империалистов был тогда в ее руках, что этот шанс представлялся в марте—апреле, когда советские организации могли взять власть простым движением руки против буржуазии. И если бы тогда Советы взяли власть, если бы буржуазная интеллигенция и мелкобуржуазная, с эсерами и меньшевиками, вместо того, чтобы помогать Керенскому обманывать народ, прятать тайные договоры и вести армию в наступление, если бы она тогда пришла на помощь армии, снабдив ее вооружением, продовольствием, заставив буржуазию помогать отечеству при содействии всей интеллигенции, не отечеству торгашей, не отечеству договоров, помогающих истреблять народ (аплодисменты), если бы Советы, заставив буржуазию помогать отечеству трудящихся, рабочих, помогли раздетой, разутой, голодной армии, — только тогда мы имели бы, может быть, десятимесячный период, достаточный, чтобы дать армии вздохнуть и дать единодушную поддержку, чтобы она, ни на шаг не отступая с фронта, предлагала всеобщий демократический мир, разорвав тайные договоры, но держалась на фронте, не отступая ни на шаг. Вот в чем был шанс на мир, который рабочие и крестьяне давали и одобряли. Это тактика защиты отечества, не отечества Романовых, Керенских, Черновых, отечества с тайными договорами, отечества продажной буржуазии, а отечества трудящихся масс. Вот кто привел к тому, что переход от войны к революции и от русской революции к международному социализму проходит с такими тяжелыми испытаниями. Вот почему такой пустой фразой звучит такое предложение, как революционная война, когда мы знаем, что армии у нас нет, когда мы знаем, что удержать армию было невозможно, и люди, знакомые с делом, не могли не видеть, что наш указ о демобилизации не выдуман, а что он является результатом очевидной необходимости, простой невозможно-

сти удержать армию. Удержать армию было нельзя. И прав оказался тот офицер, не большевик, который говорил еще до Октябрьского переворота, что армия воевать не может и не будет. Вот к чему привели месяцы торговли с буржуазией и все речи о необходимости продолжения войны; какими бы благородными чувствами они ни диктовались со стороны многих революционеров, или немногих революционеров, они оказались пустыми революционными фразами, отдающими себя на посягательства международного империализма, чтобы он ограбил еще столько и еще больше, как он уже успел сделать после нашей тактической или дипломатической ошибки — после неподписания Брестского договора. Когда мы говорили противникам подписания мира: если бы передышка была сколько-нибудь продолжительна, вы поняли бы, что интересы оздоровления армии, интересы трудящихся масс стоят выше всего и что мир должен быть заключен ради этого, — они утверждали, что передышки быть не может.

Но наша революция отличалась от всех предыдущих революций именно тем, что она подняла жажду строительства и творчества в массах, когда трудящиеся массы в самых захолустных деревнях, приниженные, задавленные, угнетавшиеся царями, помещиками, буржуазией, поднимаются, и этот период революции завершается только теперь, когда происходит деревенская революция, которая строит жизнь по-новому. И ради этой передышки, как бы она ни была непродолжительна и мала, мы обязаны, если мы ставим интересы трудящихся масс выше интересов буржуазных вояк, которые машут саблей и призывают нас на бой, мы обязаны были подписать этот договор. Вот чему учит революция. Революция учит, что, когда мы делаем дипломатические ошибки, когда мы полагаем, что немецкие рабочие придут к нам завтра на помощь, в надежде, что Либкнехт победит сейчас (а мы знаем, что так или иначе Либкнехт победит, это неизбежно в развитии рабочего движения (а п л о д и с м е н т ы), это значит, что, в увлечении, революционные лозунги трудного социалистического движения превращаются в фразу. И ни один представитель трудящихся, ни один честный рабочий не откажется принести величайшую жертву для помощи социалистическому движению Германии, потому что за все это время на фронте он научился различать между германскими империалистами и измученными немецкой дисциплиной солдатами, по большей части нам сочувствующими. Вот почему я говорю, что русская революция практически исправила нашу ошибку, исправила

ее этой передышкой. По всей вероятности, она будет очень непродолжительна, но мы имеем возможность хотя бы кратчайшей передышки, чтобы армия, которая измучена, изголодалась, прониклась сознанием того, что она получила возможность передохнуть. Для нас ясно, что период старых империалистских войн окончился и грозят новые ужасы начала новых войн, но периоды таких войн были во многих исторических эпохах, причем наибольшее обострение они приобретали перед их окончанием. И нужно, чтобы это поняли не только на митингах в Петрограде и Москве; надо, чтобы поняли это в деревнях многие десятки миллионов, чтобы возвратившаяся с фронта наиболее просвещенная часть деревни, которая пережила все ужасы войны, помогла это понять и громадная масса крестьян и рабочих убедилась в необходимости революционного фронта и сказала, что мы поступили правильно.

Нам говорят, что мы предали Украину и Финляндию, — о, какой позор! Но произошло такое положение, что мы отрезаны от Финляндии, с которой мы заключали раньше молчаливый договор до начала революции и заключили теперь формальный. Говорят, что мы отдаем Украину, которую идут губить Чернов, Керенский и Церетели; нам говорят: предатели, вы предали Украину! Я говорю: товарищи, я достаточно видывал виды в истории революции, чтобы меня могли смутить враждебные взгляды и крики людей, которые отдаются чувству и не могут рассуждать. Я вам приведу простой пример. Представьте, что два приятеля идут ночью, и вдруг на них нападают десять человек. Если эти негодяи отрезывают одного из них, — что другому остается? — не броситься на помощь он не может; если он бросится бежать, разве он не предатель? А представьте, что речь идет не о личностях или областях, в которых решаются вопросы непосредственного чувства, а встречаются пять армий по сто тысяч человек, которые окружают армию в двести тысяч человек, а другая армия должна идти к ней на помощь. Но если эта армия знает, что она наверное попадет в ловушку, она должна отступить; она не может не отступить, хотя бы даже для прикрытия отступления понадобилось подписать похабный, поганый мир, — как угодно ругайте, а все же подписать его необходимо. Нельзя считаться с чувством дуэлянта, который вынимает шпагу и говорит, что я должен умереть, потому что меня заставляют заключить унизительный мир. Но мы все знаем, что как ни решайте, а армии у нас нет, и никакие жесты не спасут нас

от необходимости отступить и выиграть время, чтобы армия могла вздохнуть, и с этим согласится всякий, кто смотрит на действительность, а не обманывает себя революционной фразой. Это должен знать всякий, кто смотрит на действительность, не обманывая себя фразами и фанабериями.

Если мы знаем это, — наш революционный долг подписать хотя и тяжелый, архитяжелый и насильнический договор, ибо мы этим достигнем лучшего положения и для нас и для наших союзников. Мы потеряли разве, что мы подписали 3 марта мирный договор? Всякий, кто пожелает взглянуть на вещи с точки зрения массовых отношений, а не с точки зрения дворянчика-дуэлянта, тот поймет, что, не имея армии или имея заболевший остаток армии, принимать войну, называть эту войну революционной есть самообман, есть величайший обман народа. Наш долг сказать правду народу: да, мир тягчайший, Украина и Финляндия гибнут, но мы должны идти на этот мир, и на него пойдет вся сознательная трудовая Россия, потому что она знает неприкрашенную правду, она знает, что такое война, она знает, что ставить на карту все, считаясь с тем, что сейчас вспыхнет немецкая революция, есть самообман. Подписав мир, мы получили то, что наши финляндские друзья получили от нас, — передышку, помощь, а не гибель.

Я знаю примеры в истории народов, когда подписывался гораздо более насильнический мир, когда мир этот отдавал на милость победителя жизнеспособные народы. Сравним этот наш мир с миром Тильзитским; Тильзитский мир был навязан победоносным завоевателем Пруссии и Германии. Этот мир был настолько тяжел, что не только были захвачены все столицы всех германских государств, не только были отброшены пруссаки к Тильзиту, что равносильно тому, если бы нас отбросили к Омску или Томску. Мало того, — наибольший ужас заключался в том, что Наполеон заставил побежденные народы давать вспомогательные войска для своих войн, и, когда, тем не менее, обстановка сложилась так, что немецким народам приходилось вынести натиск завоевателя, когда эпоха революционных войн Франции сменилась эпохой империалистских завоевательных войн, тогда ясно обнаружилось то, чего не хотят понять увлеченные фразой люди, которые изображают подписание мира как падение. С точки зрения дворянчика-дуэлянта эта психология понятна, но не с точки зрения рабочего и крестьянина. Последний проделал тяжелую школу войны, и он научился считать. Бывали испытания и тя-

желее, и выходили из них народы более отсталые. Бывал заключаем мир и более тяжелый, и заключаем немцами в эпоху, когда они не имели армии, или их армия бывала больна, как больна наша армия. Они заключили тягчайший мир с Наполеоном. И этот мир не был падением Германии, — наоборот, он явился поворотным пунктом, национальной защитой и подъемом. И мы стоим накануне такого поворотного пункта, и мы переживаем условия аналогичные. Надо смотреть правде в лицо и гнать от себя фразу и декламацию. Надо говорить, что если это нужно, то мир необходимо заключить. Война освободительная, война классовая, война народная займет место наполеоновской. Система наполеоновских войн изменится, мир будет сменять войну, война сменять мир, и из каждого нового тягчайшего мира всегда вытекала более широкая подготовка к войне. Самый тяжелый из мирных договоров — Тильзитский — вошел в историю как поворотный пункт к тому времени, когда у немецкого народа начался поворот, когда он отступал до Тильзита, до России, а на самом деле выигрывал время, выжидал, когда международная ситуация, позволившая одно время восторжествовать Наполеону, такому же грабителю, как теперь Гогенцоллерн, Гинденбург, пока эта ситуация не изменилась, пока не оздоровилось сознание измученного десятилетними наполеоновскими войнами и поражениями немецкого народа и пока он снова не воскрес к новой жизни. Вот чему учит нас история, вот почему преступны всякое отчаяние и фраза, вот почему всякий скажет: да, старые империалистические войны кончаются. Исторический поворот наступил.

С октября наша революция была сплошным триумфом, а теперь начались долгие и трудные времена, мы не знаем, какие долгие, но знаем, что это долгий и трудный период поражений и отступлений, потому что таково соотношение сил, потому что отступлением мы дадим народу отдохнуть. Дадим возможность, чтобы каждый рабочий и крестьянин понял ту правду, которая даст ему возможность понять, что наступают новые войны империалистов-хищников против угнетенных народов, когда рабочий и крестьянин поймет, что мы должны встать на защиту отечества, ибо мы с октября стали оборонцами. С 25 октября мы сказали открыто, что мы за защиту отечества, ибо у нас есть это отечество, из которого мы изгнали Керенских и Черновых, ибо мы тайные договоры уничтожили, мы буржуазию подавили, пока еще плохо, но мы научимся делать это лучше.

Товарищи, есть еще более важное различие между состоянием русского народа, потерпевшего тягчайшие поражения от завоевателей Германии, и народом немецким, есть величайшее различие, о котором надо сказать, хотя я говорил о нем вкратце в предыдущей части своей речи. Товарищи, когда немецкий народ сто с лишком лет тому назад попал в период тягчайших завоевательных войн, в период, когда он должен был отступать и подписывать один позорный мир за другим, прежде чем немецкий народ проснулся, — тогда дело обстояло так, немецкий народ был только слабым и отсталым, — только таким. Против него стояла не только военная сила и мощь завоевателя Наполеона, против него стояла страна, которая была выше его в отношении революционном и политическом, выше Германии во всех отношениях, которая поднялась неизмеримо выше других стран, которая сказала последнее слово. Она была неизмеримо выше народа, который прозябал в подчинении империалистов и помещиков. Народ, который был, повторяю, только слабым и отсталым народом, он сумел научиться из горьких уроков и подняться. Мы в лучшем положении: мы не только слабый и не только отсталый народ, мы тот народ, который сумел, — не благодаря особым заслугам или историческим предначертаниям, а благодаря особому сцеплению исторических обстоятельств, — сумел взять на себя честь поднять знамя международной социалистической революции. (Аплодисменты.)

Я прекрасно знаю, товарищи, и я прямо говорил не раз, что это знамя в слабых руках и его не удержат рабочие самой отсталой страны, пока не придут рабочие всех передовых стран им на помощь. Те социалистические преобразования, которые мы совершили, они во многом несовершенны, слабы и недостаточны: они будут указанием западноевропейским передовым рабочим, которые скажут себе: «Русские начали не так то дело, которое нужно было начать», — но важно то, что наш народ по отношению к немецкому народу не только слабый и не только отсталый народ, а народ, поднявший знамя революции. Если буржуазия какой угодно страны наполняет все столбцы своих изданий клеветами на большевиков, если в этом отношении сливаются голоса печати империалистов Франции, Англии, Германии и т. д., понося большевиков, то нет ни одной страны, где можно было бы собрать заседание рабочих и где имена и лозунги нашей социалистической власти вызывали бы взрывы негодования. (Голос: «Ложь».)

Нет, не ложь, а правда, и всякий, кто бывал в Германии, в Австрии, в Швейцарии и Америке в последние месяцы, вам скажет, что это не ложь, а правда, что величайший энтузиазм встречают среди рабочих имена и лозунги представителей Советской власти в России, что, вопреки всякой лжи буржуазии Германии, Франции и т. д., рабочие массы поняли, что как мы ни слабы, а здесь, в России, делается их дело. Да, наш народ должен вынести тягчайшую ношу, которую он взвалил на себя, но народ, сумевший создать Советскую власть, не может погибнуть. И я повторяю: ни один сознательный социалист, ни один думающий над историей революции рабочий не может оспорить того, что, при всех недостатках Советской власти, — которые я слишком знаю и превосходно оцениваю, — что Советская власть является высшим типом государства, прямым продолжением Парижской коммуны. Она поднялась на ступень вперед остальных европейских революций, и поэтому мы не стоим в столь тяжелых условиях, как немецкий народ сто лет тому назад; изменение в этом отношении сил между грабителями и использование конфликта и удовлетворение требований грабителя Наполеона, грабителя Александра I, грабителей английской монархии — только это оставалось тогда, как единственный шанс, угнетенным крепостным правом, и, тем не менее, немецкий народ не пал от Тильзитского мира. А мы, я повторяю, находимся в лучших условиях, так как у нас есть величайший союзник во всех западноевропейских странах — международный социалистический пролетариат, который с нами, что бы ни говорили наши противники. (Аплодисменты.) Да, этому союзнику не легко поднять свой голос, как не легко было сделать это нам до конца февраля 1917 года. Этот союзник живет в подполье, в условиях военно-каторжной тюрьмы, в которую превращены все империалистические страны, но он знает нас и понимает наше дело; ему трудно двинуться к нам на помощь, поэтому советским войскам нужно много времени и много терпения и тяжелых испытаний, чтобы дождаться того времени, — мы будем сберегать малейшие шансы на то, чтобы оттянуть время, ибо время работает за нас. Наше дело крепнет, силы империалистов слабеют, и, каковы бы ни были испытания и поражения от «тильзитского» мира, мы начинаем тактику отступления, и, повторяю еще раз: нет сомнений, что как сознательный пролетариат, так и сознательные крестьяне за нас, и мы сумеем не только героически наступать, а и герои-

чески отступать и подождем, когда международный социалистический пролетариат придет на помощь, и начнем вторую социалистическую революцию уже в мировом масштабе. (Аплодисменты.)

Приложение VII

РУССКО-ГЕРМАНСКИЙ ДОБАВОЧНЫЙ ДОГОВОР К МИРНОМУ ДОГОВОРУ МЕЖДУ РОССИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ГЕРМАНИЕЙ, АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ, БОЛГАРИЕЙ И ТУРЦИЕЙ – С ДРУГОЙ

Берлин, 27 августа 1918 г.

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики и Императорское Германское Правительство, руководимые желанием решить некоторые возникшие в связи с мирным договором, заключенным 3/7[1] марта 1918 года между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, политические вопросы в духе дружелюбного соглашения и взаимного сближения и содействовать таким образом начатому заключением мира восстановлению добрых и доверчивых отношений между обоими государствами, согласились заключить для этой цели добавочный договор к мирному договору и назначили своими уполномоченными:

Правительство Российской Социалистической Федеративной Советской Республики:
своего дипломатического представителя при Императорском Германском Правительстве г. Адольфа Иоффе.

Императорское Германское Правительство:
статс-секретаря ведомства иностранных дел, императорского действительного тайного советника, контр-адмирала в отставке, г-на фон Гинце и директора в ведомстве иностранных дел, императорского действительного тайного советника, г-на д-ра Иоганнеса Криге.

---

[1] Во время подписания мирного договора от 3 марта 1918 года уполномоченный от Германии Кюльман и уполномоченный от Австро-Венгрии Чернин в Брест-Литовске отсутствовали и присоединили свои подписи позднее — 7 марта 1918 года.

Уполномоченные по взаимном предъявлении своих полномочий, признанных составленными в доброй и надлежащей форме, пришли к соглашению относительно следующих постановлений.

Глава первая

ДЕМАРКАЦИОННЫЕ И ПОГРАНИЧНЫЕ КОМИССИИ

Статья 1

На всех фронтах, на которых противостоят друг другу русские и германские войска, должны быть немедленно образованы, поскольку это еще не сделано, русско-германские комиссии для установления демаркационных линий; подробности по сему предмету будут установлены по соглашению начальников войск обеих сторон.

Демаркационные линии должны быть проведены таким образом, чтобы между фронтами обеих сторон существовали нейтральные зоны, вход в которые запрещен чинам обеих армий, за исключением парламентеров. Поскольку между обоюдными фронтами не существует еще упорядоченных сношений, такие сношения будут установлены демаркационными комиссиями.

Статья 2

Русско-германская комиссия для установления предусмотренной абзацем 1 статьи III мирного договора пограничной линии должна также подробнее установить восточную границу Эстляндии и Лифляндии, условленную в абзаце 2 статьи IV этого договора.

По проведении предусмотренной в абзаце 1 восточной границы Эстляндии и Лифляндии Германия немедленно очистит занятую ею на восток от этой границы территорию.

Статья 3

Германия очистит еще до заключения всеобщего мира занятую к востоку от Березины территорию параллельно наличным взносам, которые Россия должна платить на основании статьи 2 русско-германского финансового соглашения от настоящего дня; ближайшие постановления о сем, в особенности установление отдельных участков, которые имеют быть очищены, предоставляются комиссии, упомянутой в абзаце 1 статьи 2 настоящего добавочного договора.

Договаривающиеся стороны оставляют за собой право заключить дальнейшие соглашения, касающиеся имеющего состояться до заключения всеобщего мира очищения оккупированной территории к западу от Березины сообразно с исполнением остальных финансовых обязательств, взятых на себя Россией.

Глава вторая

СТРЕМЛЕНИЯ К ОТДЕЛЕНИЮ В РУССКОМ ГОСУДАРСТВЕ

Статья 4

Поскольку в мирном договоре или в этом добавочном договоре не постановлено иного, Германия никоим образом не будет вмешиваться в отношения между Русским государством и его отдельными областями, и, следовательно, она в особенности не будет ни вызывать, ни поддерживать образование самостоятельных государственных организмов в этих областях.

Глава третья

СЕВЕРОРУССКИЕ ОБЛАСТИ

Статья 5

Россия немедленно применит все имеющиеся в распоряжении средства, чтобы для соблюдения своего нейтралитета удалить боевые силы государств Согласия из северорусских областей.

Германия принимает на себя гарантию в том, что во время этих операций не последует с финляндской стороны каких-либо нападений на русскую территорию, в особенности на Петроград.

Статья 6

После очищения северорусских областей со стороны боевых сил Согласия местное русское каботажное судоходство в пределах трехмильной границы северного берега, равно как и парусное рыболовство в пределах полосы в 30 миль вдоль этого берега, будут изъяты от угрозы запретной зоны. Органы германского морского военного командования получат воз-

можность способом, еще подлежащим более подробному соглашению, удостовериться в том, что эта льгота не злоупотребляется для провоза контрабанды.

Глава четвертая

ЭСТЛЯНДИЯ, ЛИФЛЯНДИЯ, КУРЛЯНДИЯ И ЛИТВА

Статья 7

Считаясь с фактически существующим положением в Эстляндии и Лифляндии, Россия отступается от верховной власти над этими областями, равно как и от всякого вмешательства в их внутренние дела. Их будущая судьба будет определена в согласии с их населением.

Для Эстляндии и Лифляндии из их прежней принадлежности к России не будет вытекать никаких обязательств по отношению к России.

Статья 8

Для облегчения русских торговых сношений через Эстляндию, Лифляндию, Курляндию и Литву стороны согласились в следующем.

§ 1

В Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и Литве транзитный провоз в Россию и из России товаров по таможенным дорогам должен быть совершенно свободным, причем провозимые товары не должны подвергаться каким-либо провозным сборам или общим транспортным налогам.

§ 2

На линиях железных дорог, соединяющих Россию с Ревелем, Ригой и Виндавой, фрахтовые тарифы за товары в транзитных товарных сношениях с Россией должны быть установлены по возможности низкие. Против ставок от 1 августа 1914 года они могут быть повышены только в среднем той суммы, на которую необходимо общее повышение фрахтовых тарифов указанных линий для покрытия расходов содержания и эксплуатации, считая и проценты и соразмерное погашение вложенного капитала. Они не могут быть также и выше фрахтовых тарифов за однородные товары, идущие из самой страны или предназначенные остаться там и перевозимые на том же участке и в том же направлении.

§ 3

Судоходство по Западной Двине между Россией и открытым морем, равно как и между всеми местами по лифляндско-курляндской Двине и по русской Двине, при условии соблюдения полицейских правил, распространяющихся на всех, должно быть свободно для провоза товаров и пассажиров, причем не должно делаться различия между судами и гражданами одной и другой стороны. Оно не должно подлежать никакому сбору, основанному лишь на факте плавания. Оно не должно подвергаться никакому станционному, штапельному, складочному, перегрузочному или стояночному обязательству.

Исключительные льготы по судоходству не должны предоставляться ни каким бы то ни было обществам или корпорациям, ни частным лицам.

Сборы за пользование сооружениями и приспособлениями, устроенными или которые будут устроены для облегчения сношений или для улучшения и поддержания судоходности реки, могут взиматься лишь однообразно на основании опубликованных тарифов и лишь в размере, потребном для покрытия расходов по сооружению и содержанию, считая и проценты и погашение вложенного капитала. Расходы по сооружению и содержанию в исправности таких сооружений и приспособлений, которые служат не только для облегчения сношений и для улучшения и поддержания судоходности реки, но и в пользу других целей и интересов, лишь в соразмерной части могут покрываться сборами с судоходства.

Постановления абзацев 1 до 3 применяются и к сплавному промыслу.

§ 4

России должны быть предоставлены у Ревеля, Риги и Виндавы целесообразно расположенные районы для свободных гаваней, в которых беспрепятственно может происходить хранение и перепаковка прибывающих из России и предназначенных для России товаров и в которых может производиться русскими служащими досмотр товаров при выходе из русских таможенных пределов и входе туда.

§ 5

Отдельные вопросы, находящиеся в связи с постановлениями § 1 до 4, в особенности ограничения, которые могли бы быть введены в эти постановления во время войны по причине военной необходимости или по решающим соображениям гигиены, должны быть урегулированы особым соглашением.

Статья 9

Вода Чудского озера не должна быть искусственно отведена ни в одну сторону таким образом, чтобы произошло понижение уровня воды. На этом озере не должно происходить истощающего рыбное богатство рыболовства; стороны оставляют за собой право заключить о сем более подробное соглашение.

Водные силы Наровы должны быть по возможности предоставлены для использования и в смысле снабжения электричеством Петроградской губернии сообразно особого соглашения, которое по сему предмету имеет быть установлено.

Статья 10

В отношении Эстляндии, Лифляндии, Курляндии и Литвы с Россией должны быть установлены, между прочим, соглашения относительно следующих пунктов:

1) о подданстве бывших до настоящего времени русскими жителей этих областей, причем им во всяком случае должно быть предоставлено право оптации и выселения;

2) о выдаче находящейся в России собственности граждан этих областей, в особенности публичноправовых союзов, установлений и основанных на пожертвованиях учреждений, равно как и находящейся в областях собственности русских граждан;

3) о разрешении вопросов относительно имущества разделенных новыми границами сельских и других обществ;

4) о разрешении вопросов относительно архивов, судебных и административных дел, судебных и административных депозитов, как и актов гражданского состояния;

5) об отношении к новым границам;

6) о влиянии территориальных изменений на государственные договоры.

Глава пятая

РУССКИЕ ЧЕРНОМОРСКИЕ ОБЛАСТИ, ЗА ИСКЛЮЧЕНИЕМ КАВКАЗА

Статья 11

Поскольку этим не нарушаются постановления статьи 12, Германия после ратификации мирного договора, который должен быть заключен между Россией и Украиной, очистит занятые ею черноморские области, расположенные вне Кавказа.

Статья 12

Части оккупированной области, не принадлежащие к областям, упомянутым в третьем украинском универсале от 7 ноября 1917 года, будут очищены от германских боевых сил не позже как при заключении всеобщего мира, поскольку до этого времени не состоится мир между Россией и Украиной.

Очищение железнодорожной линии Ростов—Воронеж, как и расположенной на восток от нее оккупированной территории и соразмерной пограничной полосы, расположенной на запад от нее и включающей город Ростов, последует, как только об этом будет заявлено требование с русской стороны. До очищения Германия на участке этой дороги, расположенном в оккупированной области, допустит перевозку зерна и других товаров для русского правительства под надзором русских должностных лиц; то же самое относится и к участкам железнодорожных линий Таганрог—Ростов и Таганрог—Курск, расположенным в оккупированной области, пока продолжается оккупация.

До тех пор, пока Донецкий бассейн согласно статье 11 и абзацу 1 статьи 12 остается занятым германскими войсками, Россия из добытого там количества угля получает ежемесячно число тонн, в три раза превышающее число тонн нефти или нефтяных продуктов из Бакинской области, предоставляемое ею согласно абзацу 2 статьи 14 Германии, и в четыре раза большее число тонн за находящиеся в том числе поставки бензина; поскольку добытый в Донецком бассейне уголь является для этого недостаточным или должен быть употреблен для других целей, он будет дополнен германским углем.

Глава шестая

КАВКАЗ

Статья 13

Россия заявляет свое согласие на то, что Германия признает Грузию самостоятельным государственным организмом.

Статья 14

Германия не окажет поддержки никакой третьей державе при возможных на Кавказе вне пределов Грузии или округов, упомянутых в абзаце 3 статьи IV мирного договора, военных операциях. Она окажет свое воздействие, чтобы на Кавказе

боевые силы третьей державы не перешли следующей линии: Кура от устья до селения Петропавловское, затем по границе Шемахинского уезда до селения Агриоба, затем по прямой линии до точки, на которой сходятся границы Бакинского, Шемахинского и Кубинского уездов, затем по северной границе Бакинского уезда до моря.

Россия по мере сил будет содействовать добыче нефти и нефтяных продуктов в Бакинской области и предоставит Германии четвертую часть добытого количества, однако ежемесячно не менее определенного числа тонн, которое будет еще условлено; поскольку добытое в Бакинской области количество недостаточно для поставки этого числа тонн или должно быть употреблено для других целей, оно будет дополнено добытым в других местах количеством; покупная цена засчитывается с ценою количества угля, которое согласно абзацу 3 статьи 12 должно быть предоставлено России, а остаток с ценою товаров, которые согласно § 2 статьи 3 русско-германского финансового соглашения от сего числа с русской стороны должны быть доставлены Германии.

Глава седьмая

ОТНОШЕНИЕ К КОНФИСКОВАННЫМ ПО ЗАКЛЮЧЕНИИ МИРА ГЕРМАНСКИМИ ВОЕННЫМИ СИЛАМИ РУССКИМ ВОЕННЫМ СУДАМ И РУССКИМ ЗАПАСАМ

Статья 15

Германия признает собственностью России конфискованные после ратификации мирного договора германскими боевыми силами русские военные суда при условии соглашения России с Украиной и Финляндией относительно государственного имущества бывшей Российской империи.

Конфискованные военные суда до заключения всеобщего мира пребывают под германским надзором.

Статья 16

Германия признает право России на вознаграждение за русские запасы, конфискованные по заключении мира вне пределов Украины и Финляндии германскими боевыми силами. Это вознаграждение засчитывается при учете финансовых обязательств России и Германии, вытекающих из дополнительного договора к мирному договору.

Глава восьмая

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Статья 17

Настоящий добавочный договор имеет быть ратифицирован и обмен ратификационными грамотами имеет состояться до 6 сентября 1918 года в Берлине.

Договор вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение сего уполномоченные подписали и снабдили своими печатями настоящий добавочный договор.

Подлинный в двух экземплярах. Берлин, 27 августа 1918 года.

А. Иоффе,
фон Гинце,
Криге

Приложение VIII

НОТА, ВРУЧЕННАЯ СТАТС-СЕКРЕТАРЕМ ВЕДОМСТВА ИНОСТРАННЫХ ДЕЛ ГЕРМАНСКОЙ ИМПЕРИИ, ДЕЙСТВИТЕЛЬНЫМ ТАЙНЫМ СОВЕТНИКОМ, КОНТР-АДМИРАЛОМ В ОТСТАВКЕ Г. ПАВЛОМ ФОН ГИНЦЕ ДИПЛОМАТИЧЕСКОМУ ПРЕДСТАВИТЕЛЮ СОВЕТСКОЙ РЕСПУБЛИКИ ПРИ ИМПЕРАТОРСКОМ ГЕРМАНСКОМ ПРАВИТЕЛЬСТВЕ Г. АДОЛЬФУ ИОФФЕ

27 августа 1918 г.

Уважаемый сэр,

в продолжение нашего обсуждения подписанного сегодня добавочного договора к мирному договору, от имени Императорского Германского правительства я имею честь конфиденциально подтвердить некоторые детали положений этого добавочного договора.

1. Относительно статьи 2, абзац 1. Линия границы, которую определит германо-российская комиссия, будет проходить по дну реки Нарвы на расстоянии одного километра от ее восточного берега, принимая во внимание должным об-

разом общие границы, и включать город Нарва и территорию, требуемую его экономическими интересами; в то же время выступающая восточная оконечность Курляндии, к югу от Двины на общем направлении Дюнабург (Двинск) — Дрисвяты, будет закруглена, при должном учете общих линий границ. На направлении, начинающемся у юго-западной части Псковского озера (или Плескау), идущем к озеру Лубан и далее к Ливенгофу, линия границы должна быть определена, руководствуясь следующими соображениями и при должном учете административных границ: экономические условия города Пскова и положение русского Печорского монастыря делают желательным, с одной стороны, чтобы граница проходила в маскимально возможной степени западнее; с другой стороны, линия границы к юго-западу от Псковского озера должна быть проведена таким образом, чтобы облегчить защиту Ливонии.

2. Относительно статьи 4. Германия также обязуется, в связи с выполнениями положений данной статьи, следить за тем, чтобы формирование самостоятельных государственных организмов внутри Российского государства не получало военной поддержки от Украины.

3. Относительно статьи 5. Присутствие в северорусских областях вооруженных сил государств Согласия представляет постоянную и серьезную угрозу для германских войск, размещенных в Финляндии. Поэтому, если действия России, предусмотренные в первом абзаце статьи 5, не дадут ожидаемых результатов, Германия будет вынуждена сама предпринять эти действия, в случае необходимости с помощью финских войск; российская территория между финской границей и Ладожским озером, а также области к югу и юго-востоку от этого озера не будут затронуты действиями германских или финских войск, если только об этом не поступит специальная просьба от Российского правительства. Германское правительство надеется, что Российское правительство не сочтет такие действия недружественными и не будет им каким-либо образом препятствовать. При соблюдении таких условий Германия гарантирует, что российские области, занятые во время таких действий, будут оставлены германскими и финскими войсками после вывода войск государств Согласия и после заключения всеобщего мира, до тех пор, пока эти области не будут включены в состав финской территории в соответствии с российско-финляндским мирным договором; Германия также восстановит в макси-

мально короткие сроки после удаления вооруженных сил государств Согласия российскую гражданскую администрацию в этих областях.

4. Относительно статьи 7. В ходе переговоров относительно Эстонии и Ливонии российской стороной выражалось желание, чтобы Германия предоставила гарантии свертывания на постоянной основе фотрификационных сооружений в Ревеле. Германское правительство считает, что оно не может взять на себя подобные обязательства, поскольку такие соглашения, как показал опыт, становятся источником международных конфликтов. Германское правительство в то же время, не колеблясь, заявляет о своем намерении свернуть фортификационные сооружения Ревеля после достижения всеобщего мира и не допустить в будущем продолжать использовать Ревель в качестве крепости.

5. Относительно статьи 12, абзац 2. Германское правительство выражает надежду, что Российское правительство предпримет немедленные шаги для подавления мятежа генерала Алексеева и чехословаков; Германия, со своей стороны, предпримет все доступные ей меры против генерала Алексеева. В этой связи Россия будет настаивать на очищении железнодорожного участка, упомянутого в первом предложении первого абзаца статьи 12, только тогда, когда военная обстановка позволит его осуществить, причем сроки этого очищения должны быть оговорены специальным соглашением.

6. Относительно статьи 12, абзац 3. Германия использует свое влияние на переговорах по заключению мирного договора между Россией и Украиной для того, чтобы Россия получила ту должную часть Донецкого бассейна, которую требуют ее экономические интересы; с другой стороны, Россия не будет настаивать на очищении той части Донецкого бассейна, который перейдет в ее владение до заключения всеобщего мира, независимо от положений абзаца 2 статьи 12. Германия, далее, использует свое влияние на Украине для того, чтобы одна треть украинского производства железа предоставлялась в распоряжение России в соответствии со специальным соглашением, заключенным по этому вопросу.

7. Относительно статьи 13. Германия использует свое влияние для того, чтобы Россия получила возможность экспортировать из Грузии одну четверть добываемой здесь марганцевой руды в соответствии с положениями специального

соглашения, которое должно быть заключено по этому вопросу.

8. Относительно статьи 14, абзац 1. Соглашение о том, что Германия не окажет поддержки никакой третьей державе в случае возможных боевых действий на Кавказе за пределами Грузии или в областях, указанных в Мирном договоре, статья 4, абзац 3, также распространяется на те случаи, когда в результате таких действий может, к сожалению, возникнуть вооруженный конфликт между российскими войсками и войсками третьей державы. Германия не будет никоим образом вмешиваться в такие конфликты, до тех пор, пока русские войска не пересекут границу Турции, включая вышеупомянутые области, или границы Грузии.

9. Относительно статьи 14, абзац 2. Германское правительство рассчитывает получить к 30 сентября 1918 года предложения Советского правительства относительно минимального количества нефти и нефтепродуктов, которые будут поставляться Россией.

10. Относительно статьи 15. Германия оставляет за собой право использовать в мирных целях, особенно для минного трала, обеспечения береговой стоянки судов и кораблей и полицейских функций, корабли и личный состав Черноморского флота, включая военные корабли, вернувшиеся из Новороссийска в Севастополь, до тех пор, пока они будут оставаться под германским контролем в соответствии с абзацем 2 настоящей статьи; в случае военной необходимости они могут быть также использованы в военных целях. Германское правительство выплатит Советскому правительству полную компенсацию за урон и потери, которые эти корабли могут понести в ходе выполнения этих служебных обязанностей.

11. Германия выскажется в поддержку красногвардейцев, арестованных правительством Финляндии, и попытается добиться разрешения для них, если они не осуждены за обычные преступления, выйти из финского гражданства, если они об этом попросят, и свободно выехать в Россию. Россия, со своей стороны, обязуется предоставить этим лицам российское гражданство и обещает не использовать их в составе вооруженных сил, действующих против Финляндии, или областей, граничащих с Финляндией, как и не настаивать на том, чтобы они поселились в этих областях.

Был бы Вам очень признателен за направление мне согласия Российского правительства с урегулированием вопросов,

как это предложено в пунктах с 1 по 12, и обязательства сохранить конфиденциальность положений этой ноты[1].

Имею честь,

Фон Гинце

Приложение IX

РУССКО-ГЕРМАНСКОЕ ФИНАНСОВОЕ СОГЛАШЕНИЕ, СЛУЖАЩЕЕ ДОБАВЛЕНИЕМ ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА К МИРНОМУ ДОГОВОРУ, ЗАКЛЮЧЕННОМУ МЕЖДУ РОССИЕЙ, С ОДНОЙ СТОРОНЫ, И ГЕРМАНИЕЙ, АВСТРО-ВЕНГРИЕЙ, БОЛГАРИЕЙ И ТУРЦИЕЙ – С ДРУГОЙ

27 августа 1918 г.

На основании абзаца 2 статьи 35 русско-германского дополнительного договора к мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией — с другой, уполномоченный Российской Социалистической Федеративной Советской Республики, а именно дипломатический представитель Советской Республики при Императорском Германском правительстве г. Адольф Иоффе, как и уполномоченные Германской Империи, а именно статс-секретарь ведомства иностранных дел, императорский действительный тайный советник, контр-адмирал в отставке, г. Павел фон Гинце и директор в ведомстве иностранных дел, императорский действительный тайный советник, г. д-р Иоганнес Криге, согласились урегулировать финансовые обязательства России и Германии, вытекающие из русско-германского дополнительного договора, выдачу обоюдных банковых депозитов и вкладов, как и примирение некоторых различий хозяйственных систем обеих стран и, принимая во внимание русские постановления об аннулировании русских государственных и гарантированных государством займов, как и о национализации некоторых находящихся в России

[1] Ответ советского правительства, в котором выражалось согласие с условиями, содержащимися в германской ноте, и обязательство сохранить секретность этой переписки, был передан г-ном Иоффе контр-адмиралу фон Гинце в этот же день 27 августа 1918 г. (*Примеч. авт.*)

имущественных ценностей, заключить для этой цели добавочное соглашение к русско-германскому дополнительному договору.

Уполномоченные по взаимном предъявлении своих полномочий, признанных составленными в доброй и надлежащей форме, пришли к соглашению относительно следующих постановлений.

Глава первая

ФИНАНСОВЫЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВА РОССИИ И ГЕРМАНИИ, ВЫТЕКАЮЩИЕ ИЗ РУССКО-ГЕРМАНСКОГО ДОПОЛНИТЕЛЬНОГО ДОГОВОРА К МИРНОМУ ДОГОВОРУ

Статья 1

Следующие постановления русско-германского дополнительного договора к мирному договору, заключенному между Россией, с одной стороны, и Германией, Австро-Венгрией, Болгарией и Турцией, с другой, отменяются: статья 2; статья 8, поскольку она касается уплаты Россией по государственным обязательствам, включая сюда и гарантированные государством займы; абзац 2 параграфа 1 статьи 9, поскольку он не касается освобождения от подлежащих взысканию сборов; вторая половина предложения параграфа 3 статьи 9; первая половина предложения 2 абзаца 2 статьи 12; статьи 13 до 15; абзац 1 статьи 16; абзац 2 статьи 16, поскольку он относится к русским отчуждениям, произведенным до 1 июля 1918 года; параграф 3 статьи 17 и абзац 2 параграфа 4 статьи 17.

Статья 2

Россия уплатит Германии для вознаграждения потерпевших от русских мероприятий германцев сумму в шесть миллиардов марок, причем приняты во внимание соответственные требования с русской стороны и засчитана ценность конфискованных после заключения мира германскими военными силами в России запасов.

Статья 3

Уплата упомянутых в статье 2 шести миллиардов производится следующим образом.

§ 1

Сумма в $1^1/_2$ миллиарда будет уплачена переводом 245 564 килограммов чистого золота и

545 440 000 рублей кредитными билетами, а именно

363 628 000 рублей билетами достоинства в 50, 100 или 500 рублей,

181 812 000 рублей билетами достоинства в 250 или 1000 рублей.

Перевод производится пятью частичными взносами, а именно

1) взносом в 42 860 килограммов чистого золота и 90 900 000 рублей кредитными билетами, а именно

60 600 000 рублей билетами достоинства в 50, 100 или 500 рублей,

30 300 000 рублей билетами достоинства в 250 или 1000 рублей,

который должен быть уплачен 10 сентября 1918 года;

2) четырьмя взносами, которые должны быть уплачены 30 сентября, 31 октября, 30 ноября и 31 декабря 1918 года, каждый в 50 676 килограммов чистого золота, и

113 635 000 рублей кредитными билетами, а именно

75 757 000 рублей билетами достоинства в 50, 100 или 500 рублей,

37 878 000 рублей билетами достоинства в 250 или 1000 рублей.

Частичные взносы должны быть переданы в Орше или Пскове доверенным германского правительства; доверенные при получении выдадут временную квитанцию, которая по окончании поверки и счета золота и билетов должна быть заменена окончательной квитанцией.

Статья 4

Находящиеся в России имущества германцев, отчужденные до 1 июля 1918 года в пользу государства или местных самоуправлений или собственник которых был лишен каким-либо иным образом права распоряжения, должны быть по требованию возвращены собственнику при условии возвращения суммы вознаграждения, полученной им из означенной в статье 2 суммы и учета возможных улучшений или ухудшений, в том случае, когда имущества не остаются в обладании государства или местных самоуправлений или если отчуждение или иное отобрание однородных имуществ не последовало или отменяется по отношению к местным жителям или

гражданам третьей страны; требование о возвращении должно быть заявлено в течение одного года, начиная со срока, когда возвращение может быть потребовано.

Статья 5

В полной силе остаются постановления статьи 8 дополнительного договора к мирному договору, поскольку она не относится к уплате по русским государственным обязательствам, абзаца 2 статьи 16, поскольку он относится к русским отчуждениям, последовавшим после 1 июля 1918 года, предложения 2 абзаца 1 статьи 19, предложения 1 статьи 22 и статей 28 до 32. Относительно уплаты и обеспечения финансовых обязательств, вытекающих из этих постановлений, стороны оставляют за собой право заключить дальнейшее соглашение, поскольку это не урегулировано уже в главе третьей настоящего соглашения.

Статья 6

Договаривающиеся стороны будут выдавать друг другу всевозможные справки для установления гражданских ущербов, понесенных гражданами одной стороны на территории, на которую распространяется власть другой, а также удовлетворять требованиям об установлении доказательств, относящихся к этим ущербам.

Глава вторая

ВЫДАЧА ОБОЮДНЫХ БАНКОВЫХ ДЕПОЗИТОВ И БАНКОВЫХ ВКЛАДОВ

Статья 7

Каждая из договаривающихся сторон озаботится, чтобы находящиеся на хранении на ее территории в банковых и финансовых учреждениях имущественные ценности (банковые депозиты) граждан другой стороны, включая сюда деньги и ценные бумаги, внесенные для них в какое-либо центральное учреждение для хранения ценностей, у официально признанного хранителя вкладов или в ином признанном государством для хранения учреждении, были выданы по требованию управомоченным и чтобы последние могли их вывезти на территорию своего родного государства свободными от государственных налогов и пошлин.

Каждая из сторон будет считать банковые депозиты, находящиеся на ее территории, несомненно депозитами граж-

дан другой стороны в смысле абзаца 1, если они внесены на имя такого гражданина. В иных случаях требуется особое доказательство, что дело идет о депозитах граждан другой стороны; возможные по сему поводу разногласия разрешаются, если будет сделано предложение, комиссией, состоящей из одного представителя от каждого из обоих правительств и нейтрального председателя.

Комиссии, предусмотренные в абзаце 2, должны быть немедленно по вступлении в силу этого договора образованы в Москве, Петрограде и Берлине; председатели должны быть назначены, при согласии на это Королевского Шведского правительства, шведскими консулами в этих городах.

§ 2

Сумма в 1 миллиард марок должна быть погашена доставкой русских товаров на основании особого соглашения, которое имеет быть установлено по этому вопросу. До 15 ноября и 31 декабря 1918 года должны быть доставлены товары каждый раз на сумму в 50 миллионов марок; до 31 марта, 30 июня, 30 сентября и 31 декабря 1919 года товары каждый раз на сумму в 150 миллионов; до 31 марта 1920 года товары на сумму в 300 миллионов марок; поскольку доставки не могут быть выполнены к этим срокам, недостающая в каждом отдельном случае сумма должна быть немедленно уплачена или германскими имперскими кредитными билетами по номинальной цене, или чистым золотом и кредитными билетами в рублях в пропорции 3 к 2 и по курсу, который в каждом отдельном случае должен быть установлен.

§ 3

Сумма в 2 миллиарда марок будет уплачена до 31 декабря 1918 года путем передачи билетов займа, по которому с 1 января 1919 года уплачивается 6 процентов и который должен быть погашаем полупроцентом с причислением сбереженных процентных платежей; заем этот выпускается русским правительством в Германии в номинальном размере означенной суммы, а условия займа будут считаться составной частью этого соглашения.

Обеспечением означенного в абзаце 1 займа должны служить некоторые государственные доходы, в особенности также арендные платы за некоторые хозяйственные концессии, которые будут выданы германцам; обеспечения в отдельности должны быть установлены особым соглашением таким обра-

зом, чтобы предусмотренные в смете годовые доходы от них превышали годовую сумму процентов и погашения по крайней мере на 20%.

§ 4

В отношении остатка в 1 миллиард марок, поскольку он не будет, с согласия Германии, принят на себя Украйной и Финляндией при их соглашении с Россией по поводу распределения имуществ, стороны оставляют за собою право войти в особое соглашение.

Статья 8

Каждая из договаривающихся сторон озаботится, чтобы находящиеся на ее территории банковые или финансовые учреждения немедленно по вступлении в силу настоящего соглашения, не ссылаясь на отсрочку, предусмотренную в предложении 1 абзаца 1 параграфа 3 статьи 7 дополнительного договора к мирному договору, выплачивали по требованию управомоченным денежные требования, срок уплаты по которым наступил (банковые вклады) и которые принадлежат гражданам другой стороны. Управомоченный пользуется также и правом вывезти вынутые суммы на территорию своего родного государства свободными от государственных налогов и пошлин.

В отношении банковых вкладов, означенных в абзаце 1, имеют соответственное применение постановления абзацев 2 и 3 статьи 7.

Статья 9

Для возможного ускорения предусмотренной в статьях 7 и 8 выдачи обоюдных банковых депозитов и банковых вкладов каждая из договаривающихся сторон немедленно назначит государственного комиссара, у которого граждане этой стороны могут заявлять свои требования до 31 января 1919 года. Оба комиссара сообщат друг другу эти заявления первый раз не позже 25 сентября 1918 года, второй раз не позже 15 ноября 1918 года и третий раз не позже 15 февраля 1919 года и озаботятся, чтобы подлежащие на этом основании выдаче банковые депозиты и банковые вклады были переданы 25 октября 1918 года, 31 декабря 1918 года и 31 марта 1919 года и, поскольку требования должны быть проверены на основании абзаца 2 статьи 7, абзаца 2 статьи 8 смешанной комиссией, немедленно после решения комиссии. Передача производится с русской стороны в Москве, с германской стороны — в Берлине.

Каждая из договаривающихся сторон озаботится, чтобы выдача, поскольку на банковые депозиты или банковые вклады не противостоит прав банков или третьих лиц, происходила под засвидетельствованную квитанцию того лица, на имя которого записан депозит или вклад, или того лица, которое решением предусмотренной в абзаце 2 статьи 7 комиссии будет признано управомоченным. Если на депозит или вклад, на основании права наследования или универсального преемства в имуществе юридического лица, заявит притязание другое лицо, то квитанция может быть выдана этим другим лицом, если оно принадлежит к той же договаривающейся стороне, как и первоначальный управомоченный, и если его право будет засвидетельствовано заявлением государственного комиссара этой стороны. Во всех прочих случаях право должно быть особо доказано тому банковому или финансовому учреждению, в котором находится депозит или вклад.

Управомоченные, желающие заявить свои требования без посредничества государственного комиссара, могут обращаться непосредственно в банковые или финансовые учреждения, поскольку дело касается граждан Германии, только после 25 октября 1918 года, а поскольку дело касается граждан России, только после 31 декабря 1918 года.

Статья 10

К находящимся в России банковым депозитам и банковым вкладам граждан Курляндии, Лифляндии, Эстляндии и Литвы, в особенности к вывезенным из этих областей во время войны деньгам, ценным бумагам и прочим ценностям, равно как и к находящимся в этих областях банковым депозитам и банковым вкладам русских граждан со включением русского государственного банка как правопреемника национализированных русских частных банков, соответственно применяются постановления статей 7 и 8.

Глава третья

ПРИМИРЕНИЕ НЕКОТОРЫХ РАЗЛИЧИЙ ХОЗЯЙСТВЕННЫХ СИСТЕМ ОБЕИХ СТРАН

Статья 11

Имущества германцев в России впредь только тогда будут отчуждаться или право распоряжения ими иным образом отниматься у собственника, если отчуждение или иное отобрание производится в пользу государства или местных самоуправле-

ний на основании законодательства, распространяющегося на всех жителей страны и граждан третьей страны и на все предметы одинакового рода, и если собственник немедленно вознаграждается наличными деньгами.

Размер вознаграждения, которое должно выплачиваться на основании абзаца 1, будет устанавливаться двумя экспертами, из которых один назначается русским правительством, а другой управомоченным; если между ними не воспоследует согласия, то они пригласят третьего эксперта в качестве председателя, о назначении которого следует, если не состоится иного соглашения, просить подлежащего шведского консула.

Статья 12

Имущество, которое на основании статьи 11 было отчуждено или право распоряжения которым было отнято иным образом у собственника, вновь передается по требованию последнему, при условии возвращения уплаченного ему вознаграждения и учета возможных улучшений или ухудшений, в том случае, когда имущество не остается в обладании государства или местного самоуправления или если отчуждение или иное отобрание однородных имуществ отменяется по отношению к жителям страны или к гражданам третьей страны; требование о возвращении должно быть заявлено в течение одного года, считая со срока, когда возвращение может быть потребовано.

Статья 13

Поскольку находящиеся в России имущества германцев были отчуждены или право распоряжения ими иным образом отнято у собственника после 1 июля 1918 года и до вступления в силу этого соглашения, соответственное применение находят постановления абзаца 2 статьи 11 и статьи 12.

Требование о возвращении, в случаях, предусмотренных в абзаце 1, может быть заявлено и тогда, когда не последовало отчуждения или иного отобрания однородных имуществ у жителей страны или граждан третьего государства; такое требование должно быть заявлено в течение одного года по вступлении в силу настоящего соглашения.

Статья 14

Германские верители по своим возникшим до 1 июля 1918 года требованиям немедленно после наступления срока их уплаты могут требовать удовлетворения из вкладов своих

должников в русских банках, если их требование признается верным как должником, так и банком. В случае, если со стороны должника не будет признания, оно заменяется вступившим в законную силу судебным решением; если верность требования оспаривается банком, то дело решается предусмотренными в абзаце 3 статьи 7 комиссиями в Москве и Петрограде.

Статья 15

Русско-германская конвенция о наследствах от 31 октября / 12 ноября 1874 года остается в силе с тем, чтобы в отношении всех происшедших после нового урегулирования в России права наследования случаев открытия наследства предусмотренные для движимого имущества постановления действовали и для недвижимого имущества, чтобы с наследства взимался налог только родным государством наследодателя и чтобы от конвенции нельзя было отказаться в течение всего времени, когда в России право наследования будет уничтожено или существенно ограничено.

В остальном договаривающиеся стороны оставляют за собой право заменить отдельные постановления конвенции о наследствах, которые на практике оказались неподходящими, новыми постановлениями, более соответствующими теперешним условиям.

Глава четвертая

ЗАКЛЮЧИТЕЛЬНЫЕ ПОСТАНОВЛЕНИЯ

Статья 16

Это соглашение имеет быть ратифицировано и обмен ратификационными грамотами должен состояться в Берлине до 6 сентября 1918 года.

Соглашение вступает в силу в день обмена ратификационными грамотами.

В удостоверение сего уполномоченные подписали и снабдили своими печатями настоящее соглашение.

Подлинный в двух экземплярах.

Берлин, 27 августа 1918 года

А. Иоффе
Фон Гинце
Криге

Приложение X

ПОСТАНОВЛЕНИЕ ВЦИК ОБ АННУЛИРОВАНИИ БРЕСТ-ЛИТОВСКОГО ДОГОВОРА

13 ноября 1918 г.

Всем народам России, населению всех оккупированных областей и земель.

Всероссийский ЦИК сим торжественно заявляет, что условия мира с Германией, подписанные в Бресте 3 марта 1918 года, лишились силы и значения. Брест-Литовский договор (равно и дополнительное соглашение, подписанное в Берлине 27 августа и ратифицированное ВЦИК 6 сентября 1918 г.) в целом и во всех пунктах объявляется уничтоженным.

Все включенные в Брест-Литовский договор обязательства, касающиеся уплаты контрибуции или уступки территорий и областей, объявляются недействительными.

Последним актом правительства Вильгельма II, вынудившего этот насильнический мир в целях ослабления и постепенного удушения Российской Социалистической Федеративной Республики и ничем не ограниченной эксплуатации окружающих республику народов, была высылка советского посольства из Берлина за его деятельность, направленную к ниспровержению буржуазно-императорского режима в Германии. Первым актом восставших рабочих и солдат в Германии, низвергнувших императорский режим, был призыв посольства Советской республики.

Брест-Литовский мир насилия и грабежа пал, таким образом, под соединенными ударами германских и русских пролетариев-революционеров.

Трудящиеся массы России, Лифляндии, Эстляндии, Польши, Литвы, Украины, Финляндии, Крыма и Кавказа, освобожденные германской революцией от гнета грабительского договора, продиктованного германской военщиной, призваны ныне сами решать свою судьбу. На место империалистического мира должен прийти социалистический мир, мир, заключенный освободившимися от гнета империалистов трудящимися массами народов России, Германии и Австро-Венгрии. Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика предлагает братским народам Германии и бывшей Австро-Венгрии, в лице их Советов рабочих и солдатских депутатов, немедленно приступить к урегулированию вопросов, связанных с уничтожением Брестского договора. В основу ис-

тинного мира народов могут лечь только те принципы, которые соответствуют братским отношениям между трудящимися всех стран и наций и которые были провозглашены Октябрьской революцией и отстаивались русской делегацией в Бресте. Все оккупированные области России будут очищены. Право на самоопределение в полной мере будет признано за трудящимися нациями всех народов. Все убытки будут возложены на истинных виновников войны — на буржуазные классы.

Революционные солдаты Германии и Австрии, создающие ныне в оккупированных областях солдатские Советы депутатов, вступив в связь с местными рабочими и крестьянскими Советами, будут сотрудниками и союзниками трудящихся в осуществлении этих задач. Братским союзом с крестьянами и рабочими России они искупят раны, нанесенные населению оккупированных областей германскими и австрийскими генералами, охранявшими интересы контрреволюции.

Построенные на этих основах отношения между народами России, Германии и Австро-Венгрии будут не только мирными отношениями. Это будет союз трудящихся масс всех наций в их борьбе за создание и укрепление социалистического строя на развалинах строя милитаризма, империализма и экономического рабства.

Этот союз трудящиеся массы России, в лице Советского правительства, предлагают народам Германии и Австро-Венгрии.

Они надеются, что к этому могущественному союзу освободившихся народов России, Польши, Финляндии, Украины, Литвы, Прибалтики, Крыма, Кавказа, Германии и Австро-Венгрии примкнут народы всех остальных стран, еще не сбросивших иго империалистов. Впредь же до этого момента этот союз народов будет сопротивляться всякой попытке навязать народам капиталистический гнет чужеземной буржуазии.

Освобожденные германской революцией от ига германского империализма народы России тем не менее не согласятся подчиниться игу империализма англо-американского или японского. Правительство Советской республики предложило всем державам, ведущим с ними войну, мирное соглашение. Впредь же до того момента, когда трудящиеся массы этих держав заставят свои правительства принять мир с рабочими, крестьянами и солдатами России, правительство республики будет, опираясь ныне на революционные силы всей Средней и Восточной Европы, сопротивляться попыткам вновь вверг-

нуть Россию под иго рабства чужеземного и туземного капитала.

Приветствуя население всех областей, освобожденных от ига германского империализма, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика зовет трудящиеся массы этих областей к братскому союзу с рабочими и крестьянами России и обещает им полную, до конца идущую поддержку в их борьбе за установление на их землях социалистической власти рабочих и крестьян.

Насильнический мир в Брест-Литовске уничтожен.

Да здравствует истинный мир — мировой союз трудящихся всех стран и наций!

Председатель ВЦИК *Я. Свердлов*
Секретарь ВЦИК *В. Аванесов*

Приложение XI

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ПЕРЕМИРИЯ МЕЖДУ ГЕРМАНИЕЙ И ГЛАВНЫМИ СОЮЗНЫМИ И ОБЪЕДИНИВШИМИСЯ ДЕРЖАВАМИ

11 ноября 1918 г.

Б. Положения о восточных границах Германии

Ст. 12. Все германские войска, ныне находящиеся на территориях, которые составляли до войны часть Австро-Венгрии, Румынии и Турции, должны немедленно вернуться в пределы Германии.

Все германские войска, которые ныне находятся на территориях, составлявших до войны Россию, должны равным образом вернуться в пределы Германии... как только союзники признают, что для этого настал момент, приняв во внимание внутреннее положение этих территорий.

Ст. 13. Немедленное приведение в исполнение эвакуации германских войск и отозвание всех инструкторов, военнопленных и гражданских и военных агентов Германии, находящихся на территориях России (в границах 1 августа 1914 года).

Ст. 14. Немедленное прекращение германскими войсками в Румынии и в России (в границах 1 августа 1914 года) всех реквизиций, захватов или понудительных мер в целях получения средств снабжения, предназначенных для Германии...

Ст. 15. Аннулирование договоров в Бухаресте и Брест-Литовске и дополнительных договоров.

Ст. 16. Союзники будут иметь свободный доступ на территории, эвакуированные немцами на восточных границах, либо через Данциг, либо через Вислу, чтобы иметь возможность продовольствовать население и в целях поддержания порядка.

Г. Общие положения

Ст. 18. Репатриация без взаимности... всех гражданских интернированных, включая заложников.

Г. Финансовые положения

Ст. 19. Не нарушая ни в чем права союзников и Соединенных Штатов, отказаться в будущем от каких-либо требований и претензий. Возмещение убытков.

На время срока перемирия неприятелем не будет израсходовано ничего из государственных ценностей, могущих служить союзникам залогом обратного получения военных возмещений. Немедленное возвращение кассовой наличности Бельгийского национального банка.

(Общее возмещение всех документов и ценностей, затрагивающих государственные и частные интересы в оккупированных странах.)

Возвращение русского или румынского золота, взятого немцами или им переданного.

Это золото будет взято на хранение союзниками до заключения мира...

Приложение XII

ВЫДЕРЖКИ ИЗ ВЕРСАЛЬСКОГО МИРНОГО ДОГОВОРА

28 июня 1919 г.

Часть третья

ОТДЕЛ XIV

РОССИЯ И РУССКИЕ ГОСУДАРСТВА

Статья 116

Германия признает и обязуется уважать, как постоянную и неотчуждимую, независимость всех территорий, входивших в состав бывшей Российской империи к 1 августа 1914 года.

Согласно с постановлениями, включенными в статьи 259 и 292 частей IX (Финансовые положения) и X (Экономические положения) настоящего договора, Германия окончательно признает отмену Брест-Литовских договоров, а также всяких иных Договоров, соглашений или конвенций, заключенных ею с Максималистским Правительством в России.

Союзные и Объединившиеся державы формально оговаривают права России на получение с Германии всяких реституций и репараций, основанных на принципах настоящего договора.

Статья 117

Германия обязуется признать полную силу всех договоров или соглашений, которые Союзные и Объединившиеся державы заключили бы с Государствами, которые образовались или образуются на всей или на части территорий бывшей Российской империи, как она существовала к 1 августа 1914 года, и признать границы этих государств, как они будут соответственно этому установлены.

Часть девятая

ФИНАНСОВЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ

Статья 259

6[1]. Германия подтверждает свой отказ, предусмотренный статьей XV Перемирия от 11 ноября 1918 года, от пользования всеми условиями, включенными в Бухарестский и Брест-Литовский договоры и дополнительные договоры, без того, чтобы был нанесен ущерб статье 292 части X (Экономические положения) настоящего договора.

Она обязуется передать по принадлежности либо Румынии, либо Главным Союзным и Объединившимся державам всякие денежные документы, деньги, ценности и векселя или товары, которые она получила во исполнение названных выше договоров.

---

[1] Все какие-либо наличные суммы и денежные документы, ценности и товары, которые должны быть сданы, уплачены или переданы в силу условий настоящей статьи, будут употреблены Главными Союзными или Объединившимися державами сообразно порядку, который должен быть определен впоследствии названными державами.

Часть десятая

ОТДЕЛ II

ДОГОВОРА

Статья 292

Германия признает отмененными и остающимися отмененными все договоры, конвенции или соглашения, которые она заключила с Россией или с каким-либо государством или правительством, территория которых ранее составляла часть России, а также с Румынией, до 1 августа 1914 года или с этого дня до вступления в силу настоящего договора.

Статья 293

В случае, если бы с 1 августа 1914 года одна из Союзных или Объединившихся держав, Россия или государство или правительство, территория которых ранее составляла часть России, были принуждены вследствие военной оккупации или всяким другим способом, или по всякой другой причине, предоставить или допустить предоставление по акту, исходящему от какого-либо органа государственной власти, концессии, привилегии или льготы какого бы то ни было рода Германии или германскому гражданину, то эти концессии, привилегии и льготы аннулируются по праву настоящим договором.

Всякие повинности или вознаграждения, которые могли бы в зависимости от обстоятельств проистечь из этого аннулирования, ни в каком случае не лягут ни на Союзные и Объединившиеся державы, ни на державы, государства, правительства или публичные власти, которых настоящая статья освобождает от их обязательств.

Часть четырнадцатая

ОТДЕЛ II

ВОСТОЧНАЯ ЕВРОПА

Статья 433

В качестве гарантии исполнения постановлений настоящего договора, по которым Германия окончательно признает отмену Брест-Литовского договора и всех договоров, конвенций и соглашений, заключенных ею с Максималистским Правительством в России, и в целях обеспечения восстановления

мира и хорошего управления в балтийских провинциях и в Литве, все германские войска, которые в настоящее время находятся в названных территориях, возвратятся внутрь границ Германии, как только Правительства Главных Союзных и Объединившихся держав сочтут момент уместным, сообразуясь с внутренним положением этих территорий. Эти войска должны будут воздерживаться от всяких реквизиций, захватов и от всяких иных принудительных мер, имеющих целью получение предназначенных для Германии поставок, и они не должны будут никаким образом вмешиваться в такие меры национальной обороны, какие могут принять Временные правительства Эстонии, Латвии и Литвы.

Никакие другие германские войска не будут допущены в названные территории до их эвакуации или после их полной эвакуации.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Уилер-Беннет Джон

БРЕСТСКИЙ МИР

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Ответственный редактор Ю.И. *Шенгелая*
Художественный редактор И.А. *Озеров*
Технический редактор Н.В. *Травкина*
Корректоры *Т.В. Вышегородцева, М.Г. Смирнова*

Подписано в печать с готовых диапозитивов 24.03.2009.
Формат 84×108[1]/[32]. Бумага типографская. Гарнитура «Лазурского».
Печать офсетная. Усл. печ. л. 21,84.
Уч.-изд. л. 23,25 + вклейка = 24,12.
Тираж 3000 экз. Заказ № 2598

ЗАО «Центрполиграф»
111024, Москва, 1-я ул. Энтузиастов, 15
E-MAIL: CNPOL@DOL.RU

WWW.CENTRPOLIGRAF.RU

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в ОАО «ИПК «Ульяновский Дом печати»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

Джон
Уилер-Беннет

БРЕСТСКИЙ МИР

ПОБЕДЫ И ПОРАЖЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ДИПЛОМАТИИ

Труд британского историка Джона Уилер-Беннета посвящен одному из самых драматических эпизодов Первой мировой войны — заключению мирного договора между Советской Россией и Германией.

Автор воспроизводит напряженнейшую атмосферу международного форума, на котором проходили мирные переговоры в Брест-Литовске, и передает драматический накал борьбы, которая велась вокруг заключения мирного договора. Уилер-Беннет демонстрирует глубокий и предельно реалистичный анализ ситуации, а также отдает должное политической дальновидности, интуиции и необычному государственному инстинкту В.И. Ленина. Глава молодой республики «оставил не у дел» те политические круги Германии и стран Антанты, которые хотели «растащить по кускам» ослабленную войной Россию и фактически лишить ее независимости и самостоятельности.

Книга, по существу, является своего рода предупреждением всем любителям антироссийских авантюр, напоминанием о том, что бывает с теми, кто приходит в Россию с мечом, а не с миром...



ЦЕНТРПОЛИГРАФ®